

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

*Издается с июля 1993 года
Выходит один раз в месяц*

№ 5 (152) 2012 год

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ**

Минск 2012

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Жарский Иван Михайлович, ректор, профессор, кандидат химических наук

Редакционная коллегия номера:

И. В. Полуян, профессор кафедры истории Беларуси и политологии, доктор исторических наук, профессор (главный редактор номера);

П. А. Водопьянов, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор кафедры философии и права, доктор философских наук, профессор (заместитель главного редактора номера);

Н. М. Забавский, декан исторического факультета БГПУ имени Максима Танка, доктор исторических наук, профессор;

Л. Е. Земляков, заведующий отделом новейшей истории Республики Беларусь ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», доктор политических наук, профессор;

Т. П. Короткая, профессор кафедры философии БГЭУ, доктор философских наук, профессор;

Н. И. Мищенчук, член-корреспондент БелаО, профессор кафедры белорусского литературоведения БрГУ имени А. С. Пушкина, доктор филологических наук;

С. В. Решетников, заведующий кафедрой политологии юридического факультета БГУ, доктор политических наук, профессор;

А. В. Посох, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент;

В. М. Острога, доцент кафедры истории Беларуси и политологии, кандидат исторических наук, доцент (секретарь)

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32,

главного редактора номера – (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@bstu.unibel.by, <http://www.bstu.unibel.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

*Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований»*

Редактор Ю. А. Ирхина

Компьютерная верстка Е. В. Ильченко

Корректор Ю. А. Ирхина

Подписано в печать 03.09.2012. Формат 60×84¹/₈.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,0. Уч.-изд. л. 24,7.

Тираж 110 экз. Заказ 321.

Издатель и полиграфическое исполнение: УО «Белорусский государственный технологический университет».

ЛИ № 02330/0549423 от 08.04.2009. ЛП № 02330/0150477 от 16.01.2009.

Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

ИСТОРИЯ

УДК 327 + 061.1

И. В. Полуян, доктор исторических наук, профессор (БГТУ)

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И НАТО

В декабре 2011 г. в Минске на базе Белорусского национального технического университета состоялся международный семинар, посвященный определению места и роли НАТО в системе международной безопасности. Его инициатором стала общественная организация «Центр изучения внешней политики и безопасности» при содействии и поддержке Департамента общественной дипломатии НАТО. Большинство выступавших на семинаре пытались представить НАТО как оборонительную организацию, играющую позитивную роль в системе международной безопасности. Однако подобная оценка противоречит действительности. Факты свидетельствуют об агрессивности данной военно-политической организации, и эта агрессивность в последние десятилетия нарастает, что подрывает международную безопасность.

In December, 2011 in Minsk on the bases of the BNTU they hold the international seminar on the problem of defining place and role of NATO in the system of international safeguard. The public organization «Center of studying politics and safety» organized it in partnership with the NATO Department of social diplomacy. The majority of orators at that seminar expressed their idea of NATO as the leading international safety organization, though such attitude is not realistic and is worth studying in our article.

Введение. Под девизом, вынесенным в заглавие настоящей статьи, в декабре 2011 г. в Минске на базе Белорусского национального технического университета состоялся Международный семинар. Его инициатором выступила общественная организация «Центр изучения внешней политики и безопасности» при содействии и поддержке, как было указано в программе семинара, Департамента общественной дипломатии НАТО. Судя по характеру работы семинара, главным его заказчиком была последняя из этих организаций, поскольку в большинстве прозвучавших выступлений она позиционировалась как оборонительная, миротворческая.

В работе семинара приняли участие ученые ряда высших учебных заведений и Национальной академии наук Беларуси, представители Министрства иностранных дел Республики, представители французского и украинского посольств в Беларуси, а также глава политического отдела постоянного представительства Федеративной Республики Германии при НАТО Вик Я. Принял участие в его работе и автор этой статьи.

Основное содержание. Как обозначалось выше, большинство выступивших на семинаре пытались представить НАТО как оборонительную организацию, играющую позитивную роль в системе международной безопасности. Если подобная позиция официального представителя НАТО господина Я. Вика вполне понятна, то мнение наших соотечественников – его единомышленников – вызывает, мягко говоря, удивление.

Попробуем разобраться, насколько подобная характеристика этой организации соответствует современным реалиям. Обратимся к истории и фактам. Военно-политическая организация Североатлантического Договора (НАТО) была создана по инициативе США на основе Североатлантического договора, подписанного 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне. Первоначально в ее состав вошли 12 государств Северной Америки (США и Канада) и Западной Европы. В настоящее время она объединяет 28 государств. В рамках НАТО создано объединенное Союзное командование. Высший орган – сессия Совета НАТО, штаб-квартира в Брюсселе. Фактически в НАТО заправляют и заправляют сегодня США. Их генералы занимают там ключевые командные посты. По официальной версии, организация создавалась для отражения советской военной угрозы, хотя в то время никакой угрозы Западу Советский Союз не представлял [1].

Но вот уже более 20 лет нет Советского Союза, а НАТО продолжает существовать. Более того, за эти годы она почти удвоила свои ряды, в основном за счет постсоциалистических государств, далеко продвинув свои границы на Восток, хотя на словах было обещано, что после воссоединения Германии не будет ни шагу за Эльбу, на Восток.

От кого же оборонялась, защищалась эта организация все время своего существования? Оказывается, ни от кого, потому что никто на нее не нападал. Зато НАТО в целом или ее отдельные члены, прежде всего США, Англия,

Франция и некоторые другие, спровоцировали целый ряд локальных войн: в Корее в начале 1950-х гг., затем во Вьетнаме и других странах Индокитайского полуострова, на Ближнем Востоке, в ряде стран Африки и Латинской Америки. А после распада Советского Союза они перенесли свои агрессивные действия и на европейский континент. В первой половине 1990-х гг. ими был спровоцирован ряд агрессивных актов против Югославии – единственной социалистической страны, оставшейся на европейском континенте. А в 1999 г. последовала широкомасштабная неспровоцированная агрессия стран НАТО против Югославии под циничным девизом гуманитарной интервенции, жертвой которой стали сотни тысяч ни в чем не повинных мирных граждан, оказались разрушенными экономика и инфраструктура. Страна перестала существовать как союзное государство. На ее руинах оккупантами был создан ряд мелких марионеточных государств.

Затем под циничными лозунгами «безграничная свобода Афганистану» и «свобода Ираку» последовала интервенция НАТО в эти страны. В результате агрессии, спровоцировавшей гражданскую войну в Ираке, погибло свыше полтора миллиона мирных граждан, около двух миллионов человек бежали от этой «свободы» из страны и стали беженцами, а примерно столько же детей – сиротами. Законный президент страны Саддам Хусейн был казнен (варварским способом, через повешение), к власти приведен марионеточный режим. Американский конгресс принял закон, согласно которому 75% иракской нефти объявлено собственностью США. Это ли не образчик американской демократии и нового мирового порядка по-американски?

Подобная «демократия» насаждается натовскими миротворцами-оккупантами в Афганистане, на Ближнем Востоке, в Северной Африке. В 2011 г. они фактически растерзали Ливию – самую демократическую и благополучную страну Африки. По-бандитски убили ее лидера – М. Каддафи. Затем бросились делить природные ресурсы – нефть и газ. В последующем спровоцировали гражданскую войну в Сирии.

Не обходят США и их союзники по НАТО своим «демократическим» вниманием и Россию, и Беларусь.

В этой связи обратимся, прежде всего, к докладу бывшего американского президента Б. Клинтона, с которым он выступил на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов (Генерального штаба) 25 октября 1995 г. и который стал, по существу, программным документом для американской администрации. После предисловия о том, как

спецслужбы США с помощью многомиллиардных сумм подкупили некоторых представителей высшего эшелона советской номенклатуры во главе с М. Горбачевым и разваливали Советский Союз, он определяет три проблемы, которые предстоит решить в ближайшем десятилетии. Цитирую:

«– расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;

– окончательный развал военно-промышленного комплекса и Российской армии;

– установление нужных нам режимов в оторвавшихся от России республиках. Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна – США... Цель оправдывает средства» [2].

Судя по всему, заокеанские геостратеги в постсоветском векторе своей внешней политики следуют духу и букве этих установок. Они окружают Россию, а заодно и Беларусь, военными базами, наращивают свое военное присутствие у наших границ. В качестве дополнительных средств используются иницилируемые Западом различные марионеточные формирования. Летом 2005 г. при активном участии «президенто-революционеров» Ющенко и Саакашвили было создано так называемое Сообщество демократического выбора (СДВ) Балто-Черноморско-Каспийского региона, затем появилось Восточное партнерство. Собственно, идея создания между восточными славянами и Западной Европой своеобразной буферной зоны, или Черноморско-Балтийского «санитарного кордона», не нова. Она родилась еще в XVI веке [3].

Не следует забывать и кредо американской внешней политики, сформулированное бывшим помощником президента этой страны по национальной безопасности З. Бжезинским: «Новый мировой порядок будет строиться против России, за счет России и на обломках России». Напомним читателю, что под Россией в советские времена (к которым относится данное высказывание) на Западе обычно подразумевали весь Советский Союз со всеми его республиками. Явно просматривается намерение американского империализма отбросить Россию и другие постсоветские государства в состояние некой нефеодалной раздробленности и превратить их в своих послушных марионеток.

В США разработан план расчленения России на 50 мелких государств. Согласно этому плану, Чукотка и Камчатка должны отойти к США, Владивосток – к прилегающим районам Японии, а Сибирь должна стать Сибирской демократической республикой под протекторатом США.

Неблаговидную политику проводят США и НАТО на Северном Кавказе. С помощью своих

СМИ они подогревают антироссийские настроения и спонсируют сепаратистов, до известных августовских событий 2008 г. подталкивали Грузию на силовое решение конфликта с Россией из-за Абхазии и Южной Осетии. Похоже, не отказались они от такой линии поведения в этом регионе и после провала грузинской авантюры.

Под различными националистическими лозунгами НАТО добивается вычленения Северного Кавказа, а заодно и Поволжья, изоляции их от России и ввода на их территорию «миротворческих» сил по образцу Косова. Тезис о том, что международные «миротворцы» должны заняться «борьбой за мир» не только в суверенных кавказских государствах, но и в российских автономных республиках Северного Кавказа, постоянно муссируется на Западе при каждом удобном случае. При этом грубо попирается международное право, включая устав ООН, не говоря уже о нормах политической этики. Сейчас натовцы, блокируя с местными реакционными силами, терзают Сирию [3].

Очередной своей жертвой они избрали, судя по всему, Иран. В качестве предлога – обвинение этой страны в намерении создать ядерное оружие, что руководство Ирана отрицает. В этом духе развернута широкомасштабная информационная война. Страны НАТО фактически зажали Иран в тиски. Их войска практически дислоцированы вдоль западной (со стороны Ирака и Турции) и восточной (Афганистан) границ Ирана, в Персидском заливе и прилегающей акватории Индийского океана постоянно курсирует военно-морская американская эскадрилья с боевыми самолетами и ядерным оружием на борту, туда же направляются военные корабли Англии и Франции. НАТО затевает очередную очень опасную военную агрессию против довольно большого суверенного государства, чреватую непредсказуемыми последствиями для международной безопасности. Ведь никто не знает, где пролегает линия, отделяющая локальную войну от мировой.

Заключение. Прав был лидер французских социалистов конца XIX – начала XX в. Жан Жорес, утверждая, что капитализм несет в себе войну, как туча грозу. Это тем более справедливо применительно к современному капитализму. Особенно если иметь в виду, что международный терроризм, на который многие западные политики пытаются свалить все свои неудачи как во внутренней, так и во внешней политике и с которым будто бы только и воюет НАТО в настоящее время, является родным детищем современного капитализма – его империалистической стадии.

Сегодня человечество сидит уже не на пороховой, а на ядерной бочке, вокруг которой вспыхивают все новые искры, и любая из них может привести к глобальной катастрофе. По расчетам специалистов, лишь пятой доли накопленного ядерного арсенала достаточно, чтобы превратить нашу планету в безжизненную, покрытую ядерным пеплом пустыню. И виновником этой страшной катастрофы может стать как раз военно-политический блок НАТО. Так есть ли хоть малейшее основание воспринимать эту организацию как оборонительную и миролюбивую, как фактор международной безопасности в современных условиях? Совершенно очевидно, что такая трактовка ее не имеет ничего общего с действительностью, противоречит реальному положению вещей.

Постоянное бряцание оружием, нарастающая агрессивность НАТО – ударной силы современного капитализма – говорит о его тупиковости. Весь свой позитивный потенциал он исчерпал и поэтому существующие проблемы пытается решать при помощи грубой силы. Последствия спровоцированных крупным капиталом (прежде всего, его финансово-спекулятивной составляющей) затянувшегося финансово-экономического и духовно-нравственного кризиса пытается преодолеть путем жестокого зачинивания гаек, ужесточения как внутренней, так и внешней политики, перекладывая все тяготы кризиса на плечи народных масс и жестоко подавляя их протестные выступления. Но использование палки – показатель не силы, а слабости прибегающего к ней. Показатель неспособности современного капитализма удовлетворительно разрешать существующие проблемы мирового общества, обеспечивать человечеству мир и спокойствие, что делает неизбежным поиск социально-политической альтернативы. И такой исторической альтернативой может быть только социализм. Социализм, свободный от ошибок и заблуждений прошлого, в полной мере отвечающий вызовам времени [4].

Литература

1. Советский энциклопедический словарь / А. М. Прохоров (гл. ред.). – М.: Советская Энциклопедия, 1989. – С. 946.
2. Интервенция // Славянский набат. – 1999. – 25–31 марта.
3. Ростиков, Е. Дестабилизирующие регионы, или заокеанские геостратеги и их марионетки «от моря до моря» / Е. Ростиков // Республика. – 2006. – 6 января.
4. Зюганов, Г. Глобальное порабощение России, или «глобализация по-американски» / Г. Зюганов. – М.: Эксмо, 2011. – С. 350.

Поступила 15.03.2012

УДК 94(476)«14»

А. У. Казакоў, кандыдат гістарычных навук, асістэнт (БДТУ)

УЗАЕМААДНОСІНЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА З НАВАСІЛЬСКА-АДОЕЎСКИМ КНЯСТВАМ У XV ст.

Прадстаўленая публікацыя прысвечана адносінам Вялікага Княства Літоўскага з Навасільска-Адоеўскім княствам у XV ст. Аўтар дае агульную характарыстыку становішча вярхоўскіх княстваў у перыяд іх залежнасці ад літоўскіх гаспадароў. Асноўны акцэнт зроблены на інфармацыі з новай крыніцы, нядаўна ўведзенай у навуковы ўжытак, – даканчання паміж вялікім князем літоўскім Казімірам і Навасільскім і Адоеўскім князем Міхаілам Іванавічам 1481 г. Гэты дакумент, які ўяўляе сабой арыгінальны пергаментны рукапіс з Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве, істотным чынам узбагачае нашыя веды па гісторыі вярхоўскіх княстваў другой паловы XV ст.

The article deals with the relations between the Grand Duchy of Lithuania and the Novosil-Odoyev principality in the XVth century. The author in general defines the position of «Verhovskie» princes being vassals of the Lithuanian grand dukes. The major emphasis is made on the information from a new source, that was put into use recently – agreement («dokonchanie») between the Lithuanian grand duke Kazimir and the Novosil and Odoyev prince Mikhail Ivanovich of 1481. This document, which is an original parchment manuscript from the Central Archives of Historical Records in Warsaw, significantly enriches our knowledge on the «Verhovskie» principalities' history of the second half of the XVth century.

Уводзіны. Пры вялікім князі Вітаўце Вялікае Княства Літоўскае дасягнула максімальнага пашырэння сваіх межаў. У першай трэці XV ст. віленскаму двару падначальваюцца князі, воччына якіх знаходзілася ў верхнім цячэнні р. Ака. Становішча вярхоўскіх князёў на службе літоўскім гаспадарам было даволі своеасаблівым, што адзначалі такія даследчыкі, як М. К. Любаўскі, Ф. І. Леантовіч, С. Кучынскі, А. У. Шэкаў і інш. Аднак ім было невядома пагадненне паміж вялікім князем Казімірам і Навасільскім і Адоеўскім князем Міхаілам Іванавічам ад 1481 г., нядаўна ўведзенае ў навуковы ўжытак.

Асноўная частка. Навасільскае княства вылучылася з Чарнігаўскага ў сярэдзіне XIII ст. Навасільскія князі былі старэйшай галіной сям'і нашчадкаў Міхаіла Усеваладавіча Чарнігаўскага – родапачынальніка ўсіх вярхоўскіх князёў [1, с. 45, схема 1].

У 1375 г. ардынцы спустошылі горад Навасіль, які з'яўляўся цэнтрам княства. Гэта прымусіла князя Рамана Сямёнавіча абраць сваёй рэзідэнцыяй Адоеў, куды з цягам часу і была перанесена сталіца. У тытулатуры мясцовых князёў з'явілася найменне «Адоеўскі», але і «Навасільскі» таксама працягвала выкарыстоўвацца. Захавалася і назва «Навасільская зямля», але цяпер яна стала называцца «Навасільскай і Адоеўскай» [2, с. 26–27].

У пачатку XV ст. адбылося разгалінаванне роду Навасільскіх князёў. Сыны Рамана Сямёнавіча Навасільскага Васіль, Леў і Юрый далі пачатак лініям Бялёўскіх, Варатынскіх і Адоеўскіх адпаведна [1, с. 46, схема 2]. Пры гэтым агульнародавы тытул «Навасільскі» выкарыстоўваўся прадстаўнікамі апошніх дзвюх галін [3, р. 247, 254; 4, с. 100].

У 1427 г. Навасільскія князі, якія пры Васілі I служылі Маскве, былі прынятыя на службу вялікім князем літоўскім Вітаўтам і заставаліся васаламі літоўскіх гаспадароў да 70–80 гг. XV ст. [1, с. 47]. Аднак яны працягвалі захоўваць даволі высокую ступень самастойнасці і адасобленасці ад Вялікага Княства Літоўскага, а іх адносіны з віленскім дваром афармляліся дамовамі («докончаннямі»). Нам вядома пра існаванне такога даканчання паміж Вітаўтам, з аднаго боку, і Адоеўскімі і Варатынскімі князямі, з іншага. Захавалася звесткі пра тое, што дзесьці ў 1430–32 гг. Адоеўскіх князёў прыняў на службу Свідрыгайла [1, с. 49; 2, с. 31]. Да нашага часу дайшлі тэксты трох даканчанняў: 1442, 1459 і 1483 гг. У кожным з іх з аднаго боку выступае кароль польскі і вялікі князь літоўскі Казімір, які прымае на службу Фёдара Львовіча Варатынскага ў 1442 г. [3, р. 247–248; 4, с. 55–56; 5, с. 4–5; 6, с. 117–118], Івана Юр'евіча Адоеўскага з «братанічы» (пляменнікамі) Бялёўскімі ў 1459 г. [3, р. 254–255; 4, с. 77–78; 5, с. 11–12; 6, с. 192–193] і сыноў вышэйзгаданага Фёдара Львовіча Дзмітрыя і Сямёна з іх пляменнікам Іванам Міхайлавічам у 1483 г. [4, с. 100–101].

Усе тры пагадненні былі вядомыя і апублікаваныя яшчэ ў сярэдзіне XIX ст., пасля чаго неаднаразова перавыдаваліся (акрамя граматы 1483 г., якая публікавалася толькі аднойчы). Звесткі крыніц аб Навасільска-Адоеўскім княстве перыяду сярэдзіны – канца XV ст. не ўражваюць сваёй паўнотой, таму наяўнасць у распараджэнні даследчыкаў тэкстаў даканчанняў 1442, 1459 і 1483 гг. мае выключнае значэнне для вывучэння яго гісторыі. Да гэтых актаў звярталіся аўтары, якія ў той ці іншай ступені цікавіліся лёсам Навасільскіх князёў у XV ст.:

М. К. Любаўскі, Ф. І. Леантовіч, С. Кучыньскі, А. У. Шэкаў, Я. І. Колычава, М. М. Кром, Р. А. Бяспалаў і інш. [1; 2; 7, с. 50; 8; 9, с. 131, 134, 136, 252, 253, 279, 283; 10, с. 40–42; 11, с. 261–265; 12, с. 203–209]. Апошні звярнуў увагу на сведчанне існавання дамовы паміж Казімірам і Бяллёўскімі князямі, аналагічнай тром вышэйзгаданым. Пра гэта вялікі князь літоўскі нагадваў Івану III праз сваіх паслоў у 1490 г. Казімір адзначыў, што Іван Васільевіч Бяллёўскі яму служыў, «и dokonчание, и присягу» яму даў [13, с. 47]. Паводле меркавання Р. А. Бяспалава, у гэтым даканчанні Бяллёўскія маглі выступаць разам з Адоеўскімі, як тое было пры заключэнні пагаднення 1459 г. [2, с. 34]. Новая крыніца пацвярджае гэту гіпотэзу.

У зборы пергаментных дакументаў Галоўнага архіва старажытных актаў / *Archiwum główne akt dawnych (AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. – Sygn. 7364.)* у Варшаве захоўваецца грамата, якая змяшчае тэкст даканчання паміж каралём польскім і вялікім князем літоўскім Казімірам і «Навасільскім і Адоеўскім» князем Міхаілам Іванавічам ад 26 студзеня 1481 г. Апошні выступае ад імені свайго брата Фёдара і пляменніка Івана Васільевіча. Супастаўленне імёнаў гэтых асоб з вядомай інфармацыяй па генеалогіі Навасільскіх князёў не пакідае сумненняў, што Міхаіл і Фёдар Іванавічы – гэта сыны Івана Юр’евіча Адоеўскага, які прысягнуў Казіміру ў 1459 г. Што ж тычыцца іх братаніча Івана Васільевіча, то гэту асобу лёгка атаясаміць з сынам Васіля і пляменнікам яго брата Фёдара Міхаілавічаў Бяллёўскіх, якія выступалі на баку ўсё таго ж Івана Юр’евіча ў грамаце 1459 г. Пагадненне 1481 г., відаць, і прыгавалі паслы Казіміра на перамовах у Маскве ў 1490 г.

М. М. Крома было зроблена некалькі важных заўваг адносна даканчанняў паміж Казімірам і Навасільскімі князямі. Па-першае, іх фармуляр заставаўся нязменным. Кожны раз пагадненне заключалася па «Витовтову dokonчанию». Па-другое, кожнае пакаленне Навасільскіх князёў «абнаўляла» дамову сваіх бацькоў: прамежкі часу паміж 1442–1459 і 1459–1483 гг. прыкладна адпавядаюць змене адной генерацыі. Па-трэцяе, Адоеўскія і Варатынскія князі з некаторых часоў заключалі даканчання з літоўскім гаспадаром асобна [1, с. 48–51].

Новая крыніца пацвярджае гэтыя назіранні. Па сваім фармуляры грамата 1481 г. адпавядае іншым аналагічным актам і ўтрымлівае спасылку на даканчанне Вітаўта. Што тычыцца меркаванняў пра перазаклучэнне пагадненняў з Вільняй кожным пакаленнем Навасільскіх князёў і пра тое, што Варатынскія і Адоеўскія рабілі гэта незалежна адно ад аднаго, то грама-

та 1481 г. надае ім большую абгрунтаванасць. У 1483 г. дзеці Фёдара Львовіча Варатынскага ў хуткім часе пасля смерці бацькі аднавілі яго даканчанне з Казімірам ад 1442 г. Сам Фёдар Львовіч яшчэ жыў у 1480 г. [13, с. 136]. З пагадненняў Адоеўскіх князёў да апошняга часу было вядома толькі адно – даканчанне Івана Юр’евіча 1459 г. Цяпер відавочна, што яго сыны, таксама як і дзеці Варатынскага князя, аднавілі бацькава даканчанне. Гэта дазваляе назваць і прыблізную дату смерці Івана Юр’евіча. Відаць, ён памёр за год-два да часу прынясення прысягі Казіміру яго сынамі. Цікава, што ў абодвух даканчаннях, заключаных Адоеўскімі князямі, на іх баку выступаюць князі Бяллёўскія. У 1481 г. гэта была адна асоба – Іван Васільевіч. Адсюль вынікае, што бацька Івана Васільевіча і яго брат Фёдар, ад імені каторых Іван Юр’евіч заключыў пагадненне 1459 г., на студзень 1481 г. ужо не былі жывыя.

Асобны інтарэс тытулатура Навасільскіх князёў. Як было адзначана вышэй, тытулам Навасільскіх карысталіся і Адоеўскія, і Варатынскія. Паводле меркавання М. М. Крома, які падтрымаў версію С. Кучыньскага, гэта было адлюстраваннем барацьбы паміж дзвюма галінамі за вяршэнства ў клане Навасільскіх князёў [9, с. 133; 1, с. 50]. З ім не пагаджаецца А. У. Шэкаў, які лічыць, што агульнародавы тытул выкарыстоўваўся Адоеўскімі і Варатынскімі толькі ў даканчаннях з літоўскімі гаспадарамі, тады як у актах іншага характару Варатынскія як малодшая галіна роду Навасільскімі не называюцца [11, с. 262–263]. Не схіляючыся ў гэтай дыскусіі ні да аднаго з бакоў, адзначым, што ў грамаце 1481 г. Міхаіл Іванавіч Адоеўскі называе сябе князем Навасільскім, а ўжо праз два гады (у красавіку 1483 г.) гэтак быў запісаны Іван Міхаілавіч Варатынскі.

Акрамя зместу, каштоўнасць новай крыніцы заключаецца яшчэ і ў тым, што, у адрозненне ад трох аналагічных актаў, яна ўяўляе сабой арыгінал, які добра захаван і цалкам чытальны. Да канчання 1442 і 1459 гг. вядомыя толькі па копіях у складзе Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага [3, р. 247–248, 254–255]. Паводле меркавання Р. А. Бяспалава, грамата 1483 г., якая знаходзіцца ў Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў (фонд 79, воп. 3, адз. зах. 2, арк. 2–2 адв.), уяўляе сабой пазнейшую копію. Прычым яна вельмі кепска захавалася: даволі значная частка тэксту страчана альбо чытаецца няўпэўнена. Ці не таму выдаўцы грунтоўнага зборніка «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» [6] адмовіліся ад яго публікацыі, надрукаваўшы тэксты пагадненняў 1442 і 1459 гг.?

Каштоўнасць крыніцы павялічваецца тым, што на пергамене захавалася пячатка. Паколькі

УДК 930.2(470):94(476)«13/17»

С. П. Стрэнкоўскі, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
першы прарэктар (Мінскі гарадскі інстытут развіцця адукацыі)

СУЧАСНАЯ ЎКРАЇНСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ГАРАДСКОГА САМАКІРАВАННЯ Ў ВЯЛКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКИМ У XIV–XVIII СТСТ.

Аўтарам разгледжаны манаграфіі і навуковыя артыкулы сучасных украінскіх гісторыкаў, у якіх закранаюцца пытанні гарадскога самакіравання Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) у XIV–XVIII стст. Адзначаны найбольш цікавыя і перспектыўныя меркаванні, якія могуць быць асновай для далейшага даследавання праблемы. Ахоплены асноўныя дасягненні сучаснай украінскай айчынай гісторыі і гісторыі дзяржавы і права, погляды ўкраінскіх гісторыкаў на самакіраванне гарадоў феадальнай эпохі. Адзначаны разыходжанні ў поглядах на яго структуру і прававыя асновы.

The article contains monographs and scientific articles of modern Ukrainian historians, where questions of the municipal government of the Grand duchy of Lithuania at the end of XIV–XVIII centuries are mentioned. The most interesting and perspective views are noted that may be used as the basis for further study of the problem. The main achievements of modern Ukrainian national history and history of state and law and the views of Ukrainian historians on the self-government of the cities during the feudal era are covered. Differences in opinions on its structure and legal foundation are also pointed.

Уводзіны. Самакіраванне гарадоў, заснаванае на нямецкім праве, заўсёды было прадметам гістарычных даследаванняў і дыскусій. Набыццё рэспублікамі былога СССР суверэнітэту і незалежнасці выклікала да жыцця працэсы дзяржаўнага будаўніцтва, часткаю якіх было стварэнне ўласных сістэм мясцовага, у тым ліку гарадскога, самакіравання. Гэта выклікала рост цікавасці розных колаў грамадства да гісторыі самакіравання на тэрыторыі сваёй краіны. Адпаведна, актуальнасць набываюць гістарычныя даследаванні, прысвечаныя формам, структуры і дзейнасці інстытутаў гарадскога самакіравання ў феадальную эпоху, калі значная колькасць гарадскіх паселішчаў карысталася нямецкім правам. Да таго ж погляды сучасных украінскіх гісторыкаў даволі мала выкарыстоўваюцца ў сённяшняй айчынай гістарыяграфіі па пытаннях самакіравання гарадскіх паселішчаў Беларусі, заснаванага на магдэбургскім праве.

Асноўная частка. Асаблівасці гістарычнага шляху Украіны, знаходжанне асобных яе частак у XIV–XVIII стст. у межах розных дзяржаўных утварэнняў прывялі да складвання рыс гарадскога самакіравання, уласцівых для розных рэгіёнаў краіны. Гэта абумовіла неабходнасць больш шырокага, чым у Беларусі, асэнсавання сутнасці нямецкага права і шляхоў яго ўсталявання ва ўкраінскіх гарадах. Сучасны даследчык гістарыяграфіі магдэбургскага права на Украіне Т. Д. Гашко вылучае шэраг дыскусійных пытанняў у гістарыяграфіі гарадскога самакіравання, заснаванага на магдэбургскім праве: прычыны ўвядзення магдэбургскага права ў гарадах; яго сувязь з нямецкай каланізацыяй; генэзіс гарадоў і сувязь з нямецкім правам; сувязь паміж гарадамі-магдэбургіямі і гарадамі Стара-

жытнай Русі; дэмакратызм нормаў магдэбургій; роля магдэбургскага права ў развіцці гарадоў Украіны; тэрміналогія пытання [1].

Найбольшай сістэмнасцю і паўнотой разгляду магдэбургскага самакіравання на Украіне вызначаецца доктарская дысертацыя М. М. Кабылецкага «Магдэбургскае права і яго ўсталяванне на Украіне (XIV – першая палова XIX ст.)», абаронена даследчыкам у 2010 г. [2]. Абароне папярэднічала выданне манаграфіі [3] і шэрага артыкулаў па асобных пытаннях развіцця гарадскога самакіравання, заснаванага на магдэбургскім праве. Акрамя станаўлення і развіцця нямецкага права ўласна на Украіне, аўтар падрабязна разглядае генэзіс магдэбургскага права, прасочвае яго распаўсюджанне з Магдэбурга на гарады Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Пры гэтым гісторык сцвярджае, што гарадское права было першапачаткова звычайным, комплексам сацыяльных правоў і абавязкаў, што яно «стала таксама перадумоваю, прычынай, вынікам грамадскіх зменаў рэвалюцыйнага характару, сімвалам новага, антыфеадальнага грамадства», «развівалася, узбагачалася за кошт правілаў гандлю і рамяства, а менавіта ў рэчышчы прыватнага гандлёвага права», «адрознівалася ад феадальнага права і кананічнага права перш за ўсё правам купцоў і рамеснікаў, якія ўтваралі саслоўе мяшчан» [2, с. 26]. Зыходзячы з апошняга, гісторык не лічыць гарадское права феадальным і сцвярджае, што яно «аб'ектыўна забяспечвае фарміраванне самакіравальнай (муніцыпальнай) улады, якая становіцца публічнай», але пры гэтым адрозніваецца ад дзяржаўнай сваім дэмакратызмам [2, с. 27].

Па меркаванні вучонага, развіццё гарадскога права дапамагло гарадам стаць асобнымі

сацыяльнымі інстытутамі – гарадскімі абшчынамі. Пашырэнню гарадскога права садзейнічалі яго адкрытасць і гнуткасць. Адною з асаблівасцей магдэбургскага права, адзначанай даследчыкам, з’яўляецца адсутнасць яго адзінага кадыфікаванага акта. Праз выкарыстанне твораў гласатараў і каментатараў рымскага права магдэбургскае садзейнічала яго распаўсюджанню на Украіне. М. М. Кабылецкі падтрымлівае думку пра існаванне прасторавай і прававой лакацыі гарадоў як этапаў надання магдэбургскага права. У сярэдзіне XVII ст. гісторык налічвае на Украіне каля 1000 гарадоў, якія мелі апошняе. Сярод прычын увядзення магдэбургскага права вучоны вызначае ўрбанізацыю, падзел працы, развіццё гандлю, пашырэнне хрысціянства, станаўленне еўрапейскага рынку, камунальную рэвалюцыю, волю гарадскіх абшчын да самакіравання і набыцця яго гатовых узораў. Пры гэтым аўтар адзначае ўніверсальнасць магдэбургскага права, яго дагаворны, свецкі і камунітарны характар. Канкрэтныя гістарычныя ўмовы прыводзілі да пашырэння на ўкраінскіх землях такіх відазмяненняў магдэбургскага права, як хэлмінскае і шрэдскае права. Аўтар адзначае ўплыў на апошнія фламандскага права, прыстасаванасць іх да мясцовых умоў. Яшчэ адной асаблівасцю выкарыстання нямецкага права на Украіне (у прыватнасці Заходняй), па словах М. М. Кабылецкага, было выкарыстанне яго не толькі гарадамі, але і вёскамі. На думку даследчыка, магдэбургскае права садзейнічала ўсталяванню на Украіне еўрапейскай мадэлі гарадскога самакіравання [2, с. 27–29].

Пры гэтым М. М. Кабылецкі называе магдэбургскае права на ўкраінскіх землях украінскім гарадскім правам, ігнаруючы падабенства яго на ўкраінскіх землях ВКЛ да агульных узораў магдэбургскага права ў гэтай дзяржаве, як, адпаведна, на ўкраінскіх землях Кароны – да агульнапольскіх узораў. Гісторык адзначае, што на землях Гетманшчыны магдэбургскае права было агульнадзяржаўным, бо выкарыстоўвалася ў гарадскіх і казацкіх судах. Яно стала адной з падстаў кадыфікацыі права Украіны ў XVIII – першай палове XIX ст. [2, с. 29–30].

Асобна М. М. Кабылецкі адзначае ролю польскіх каменціраваных перакладаў магдэбургскага права ў дзейнасці органаў самакіравання ўкраінскіх гарадоў [4].

Даволі падрабязны аналіз магдэбургскага права на Украіне ў XIV–XVI стст. дае Т. Д. Гашко [1]. Комплексна прааналізаваўшы дыскусійныя моманты гістарыяграфіі гэтага пытання, аўтар разгледзела нямецкую каланізацыю і пашырэнне магдэбургскага права на ўкраінскіх землях, крыніцы магдэбургскага

права ўкраінскіх гарадоў, лакацыйныя працэсы, структуру і функцыі органаў гарадскога самакіравання. Гісторык шырока выкарыстоўвае магчымасці параўнання ўкраінскіх узораў з тымі, якія дзейнічалі на беларускіх і літоўскіх землях ВКЛ. Т. Д. Гашко сцвярджае, што хоць штуршком да пранікнення нямецкага права на Украіну была нямецкая каланізацыя, аднак яно не было чужародным і штучным. Аўтар адзначае, што прававая лакацыя «не была ні пачаткам, ні канцом фарміравання органаў самакіравання». Пры гэтым даследчык адмаўляе спробы некаторых гісторыкаў вывесці гарадское самакіраванне XIV–XVI стст. з вечавых інстытутаў Кіеўскай Русі, хоць даўнейшае звычайнае права і зрабіла на яго пэўны ўплыў. На думку Т. Д. Гашко, аснову самакіравання стварылі прававыя нормы, «запазычаныя з Захаду». Падкрэсліваецца тэзіс пра тое, што магдэбургскае права з’яўлялася прававым афармленнем працэсу фарміравання мяшчанскага асноўнага права, які быў заканамерным. Па прычыне адсутнасці адзінага кодэкса магдэбургскага права ў гарадах назіраліся пэўныя складанасці, а неаднойчы і бязладдзе. Пры гэтым магдэбургскае самакіраванне садзейнічала развіццю самасвядомасці мяшчан, умацоўвала дэмакратыю і законнасць. Характэрнымі рысамі XVI ст. гісторык лічыць, з аднаго боку, алігархізацыю органаў гарадскога самакіравання, а з другога – з’яўленне інстытутаў грамадскага кантролю. Апошні працэс Т. Д. Гашко лічыць агульнай рысай гарадскога самакіравання Цэнтральна-Усходняй Еўропы пад уплывам ідэй Адраджэння. Цікавай з’яўляецца думка даследчыцы пра змяненне элементаў магдэбургскага права ў самакіраванні і, наадварот, павелічэнне рысаў звычайнага права ў яго канкрэтных праявах у гарадскіх паселішчах з захаду на ўсход краіны. Вынікам гэтага, па словах Т. Д. Гашко, з’явілася адсутнасць на Украіне адзінай сістэмы магдэбургскага права. На думку даследчыцы, існавала сукупнасць розных варыянтаў гарадскога самакіравання, якія мелі агульнае паходжанне і назву. Адзначаючы важнае месца магдэбургскага права ў гісторыі Украіны, гісторык, разам з тым, гаворыць пра тое, што яно не адыгрывала такой важнай ролі, як у Цэнтральнай Еўропе.

Можна гаварыць пра тое, што падставай для напісання манаграфій [1; 5] паслужыў дэталёвы аналіз украінскай і польскай гістарыяграфіі магдэбургскага права Цэнтральна-Усходняй Еўропы XIII–XVIII стст., зроблены Т. Д. Гашко ў кандыдацкай дысертацыі [6]. Вылучыўшы асноўныя этапы гістарыяграфіі і іх характэрныя рысы, гісторык зрабіла шэраг цікавых высноў. Так, яна лічыць, што ўласцівай рысай польскай гістарыяграфіі было перабольшанне

ролі цивілізаційнай місці каланістаў на тэрыторыях Украіны і Беларусі, пазіцівісцкі падыход да выкладання вынікаў даследаванняў, малая ўвага да асобных (у першую чаргу крызісных) перыядаў існавання магдэбургскага самакіравання і яго тэрытарыяльнай дыферэнцыяцыі.

А. В. Рэзнікаў разглядае магдэбургскае права на Украіне з гісторыка-прававых пазіцый. Ён бачыць прыняцце магдэбургскага права як паказальнік «еўрапейскасці», важны крок да «інтэграцыі ўкраінства ў еўрапейскую супольнасць». На думку гісторыка, можна казаць пра падабенства арганізацыйнай пабудовы ўкраінскіх і заходнееўрапейскіх гарадоў. Пры гэтым ўкраінская мадэль самакіравання адрозніваецца большым «умяшальніцтвам цэнтральнай улады ў жыццё гарадоў», што тлумачыцца прызначэннем войтаў. А. В. Рэзнікаў таксама лічыць перабольшаннем сцвярджэнне пра абмежаванне правоў украінскага праваслаўнага насельніцтва. Гісторык у якасці адной з прычын надання нямецкага права называе імкненне гаспадароў да матэрыяльнай падтрымкі з боку гарадоў. Такая аплата была рознай, але стварала даволі значныя сумы. Пры гэтым дзяржава стымулявала эканамічнае развіццё гарадскіх паселішчаў [7].

Асобную старонку ўкраінскай гістарыяграфіі гарадскога самакіравання складаюць працы, прысвечаныя самакіраванню зямель Украіны і некаторых гарадскіх паселішчаў. Так, аднаму з першых выпадкаў падаравання магдэбургскага права ўкраінскім гарадам – наданню яго Санаку – прысвечаны артыкул М. М. Кабылецкага [8]. Аўтар разглядзеў прывілеі на магдэбургскае права, першасную структуру гарадскога самакіравання Санака; прывёў лацінскі тэкст і ўкраінскі пераклад фундацыйнай граматы Юрыя Тройдэнавіча.

В. Кіселічнік прааналізаваў сутнасць паняцця, крыніцы, перыядызацыю і змест львоўскага гарадскога права [9]. Даследчык гісторыі і права адзначаў, што львоўскае гарадское права як права, пачатак якому паклала падараванне Львову магдэбургскага права і развіццё якога прыпадае на часы сярэднявечча, дзейнічала і ў аўстрыйскі перыяд, калі гарадская абшчына карысталася шырокай аўтаноміяй. Вучоны пад гарадскім правам разумее натуральнае права абшчыны на самакіраванне; права як спалучэнне актаў гарадскога самакіравання; права на атрыманне гарадскога грамадзянства. У артыкуле аналізуецца ўсе названыя праявы гарадскога права, функцыі гарадской рады і судаў. Вынікам адаптацыі нормаў магдэбургскага права да патрэб гарадской абшчыны, на думку В. Кіселічніка, і было з'яўленне асобнага львоўскага гарадскога права. Само ж магдэбургскае права

было «хартыяй, якая гарантавала мяшчанам пэўную меру самастойнасці». Даследчык таксама адзначае, што ў гісторыя самакіравання Львова «цэхавае самакіраванне было прыкладам аб'яднання тэрытарыяльнай і прафесійнай асновы ва ўтварэнні самакіравальных структур».

Таксама самакіраванню Львова прысвечаны шэраг даследаванняў М. М. Капраля. Аналізуючы функцыянаванне органаў улады Львова ў XIII–XVIII стст., гісторык прыйшоў да высновы, што сістэма ўладных структур горада пачала фарміравацца з моманту надання магдэбургскага права і існавала да 1786 г., калі была скасавана аўстрыйскімі ўладамі. Аўтар паказвае аб'ём паўнамоцтваў і дзейні войта, рады, лавы, другарадных і дапаможных інстытутаў, іх нацыянальны склад. Таксама паказана барацьба абшчыны з патрыцыятам і змаганне армянскай і русінскай абшчыны за ўдзел у гарадскім самакіраванні [10].

А. Заяц разглядае ўрбанізацыйныя працэсы на Валыні. На думку даследчыка, лакацыя закладала не столькі новае паселішча, колькі новую грамаду, у аснове якой была асобая ўнутраная структура мяшчанства. Самакіраванне ў іх абапіралася на лакацыйныя прывілеі і дакументы, якія дэкларавалі адныя і тыя ж нормы арганізацыі гарадской улады, таму і гарадское самакіраванне было аднатыпным. Па меркаванні А. Заяца, магдэбургскае права атрымала агульную вядомасць, дзякуючы творам Я. Ласкага, М. Яцкера і асабліва Б. Граіцкага. На думку гісторыка, магдэбургскае права не было чымсьці акамянелым, а развівалася і мадыфікавалася, зыходзячы з мясцовых умоў. Несла яно не дробязную рэгламентацыю гарадскога жыцця, а яго пэўную арганізацыю: асабістую свабоду мяшчан, упарадкаванне павіннасцей, прасторавую перабудову, гарадское самакіраванне. Мера ўсталявання гэтых элементаў вызначалася самімі жыхарамі і ўласнікамі гарадоў. Магдэбургскае права давала мяшчанам магчымасць выбіраць і змяняць сваю прафесію, стварала ім прававую аснову для гандлёва-рамесных заняткаў. Адлюстроўвалі і абаранялі інтарэсы мяшчанства, як піша А. Заяц, рада і лава, на чале якіх стаяў войт. Апошні інстытут быў цэнтральным у сістэме самакіравання. Рада з'яўлялася галоўным адміністрацыйным органам, папаўнялася з ліку лаўнікаў, таму гэтыя органы не былі антаганістычнымі [11, с. 137–146].

А. Заяц таксама даследаваў магдэбургскае права ў гарадах Правабярэжнай Украіны ў XVI – першай палове XVII ст. [12]. Пры гэтым гісторык лічыць, што магдэбургскае права гарадоў Правабярэжнай Украіны цяжка назваць поўным, бо нават у вялікіх гарадах яно было істотна аб-

межавана ўладай старастаў і ваяводаў, а ў мяшчан былі пэўныя абмежаванні свабоды. Пры гэтым магдэбургскае права садзейнічала далучэнню мяшчан да сістэмы еўрапейскага самакіравання.

Н. Білабус, разглядаючы гарадское самакіраванне Кіева, заснаванае на магдэбургскім праве, параўноўвае яго з іншымі гарадамі ВКЛ. Даследчыца лічыць асаблівасцю гэтай дзяржавы тое, што магдэбургскія прывілеі надаваліся ўжо існуючым гарадам і што большая частка магдэбургскіх абшчын размяшчалася ў яго заходняй частцы. Ва ўсходняй жа колькасць такіх гарадоў была невялікай і атрымоўвала яна магдэбургскае права даволі позна [13, с. 40]. Войты ў гарадах ВКЛ, на думку Н. Білабус, прызначаліся або абіраліся пераважна з прадстаўнікоў вярхоў мяшчанства, пакупка войтаўскіх урадаў была мала пашыранай і позняй з'явай, таму войты выступалі асобна ад органаў гарадскога самакіравання [13, с. 91–92]. Н. Білабус піша, што лава была падпарадкаваная радзе. У XV–XVII стст. у каронных і велікакняжацкіх гарадах складалі розныя арганізацыйныя мадэлі кіравання [13, с. 114–116].

Заснаванне магдэбургскага права гарадамі Галічыны даследаваў І. І. Бойка. Даследчык лічыць гэты працэс аб'ектыўным вынікам сацыяльна-эканамічнага і палітычнага развіцця галіцкіх украінцаў, інтэнсіўнага развіцця рамяства і гандлю ў гарадах Галічыны ў XIV–XV стст. Падставу для развіцця гарадскога самакіравання тут заклалі яшчэ прывілеі галіцка-валынскіх князёў на нямецкае права. Польскія каралі, на думку гісторыка, толькі «надалі пэўнае спрамаванне развіццю магдэбургскага права». Прававы канструкцыі апошняга, па прычыне ўплыву рымскага права, пазітыўна ўздзейнічалі на ўдасканаленне права ўкраінскага народа. Пры гэтым І. І. Бойка лічыць, што, уводзячы магдэбургскае права, польскія каралі абмяжоўвалі правы галіцкіх украінцаў на гарадское самакіраванне згодна з мясцовымі традыцыямі, але разам з тым пад уздзеяннем нямецкага права пазітыўна развіваўся менталітэт насельніцтва і ствараліся ўмовы для з'яўлення элементаў грамадзянскай супольнасці. Акрамя таго, гісторык не пагаджаецца з меркаваннямі М. М. Кабылецкага пра існаванне магдэбургскага права ў сёлах Галічыны ў XIV–XVI стст., бо яно было ўласна гарадскім па сваёй сутнасці. На думку гісторыка, яго маглі выкарыстоўваць толькі ў месцах кампактнага рассялення нямецкіх каланістаў [14].

А. В. Бортнікава даследавала граматы на магдэбургскае права Луцку XV–XVI стст. У артыкуле прыведзены таксама пераклады прывілеяў каралей Уладзіслава-Ягайлы, Жыгімонта Аўгуста і

Стэфана Баторыя. Аўтар лічыць, што адзначаныя прывілеі аформілі Луцк у якасці самастойнай адміністрацыйнай адзінкі ВКЛ, што яны сведчаць пра стабільнасць гарадской палітыкі ў Кароне і ВКЛ. Размяжоўвалася ўлада горада і замка, ліквідавалася дзеянне мясцовага права за выключэннем тых палажэнняў, якія не супярэчылі магдэбургскаму праву [15]. Таксама даследчыца прааналізавала функцыянаванне войтаўскай улады ў Луцку першай паловы XVI ст. Яна прыйшла да высновы пра існаванне войтаў у горадзе з XV ст., пра прыналежнасць войтаў да вышэйшых слаёў грамадства і паступовы рост іх паўнамоцтваў. Войты ў Луцку прызначаліся, а іх намеснікі – ландвойты – выбіраліся бурмістрамі, радцамі і грамадою [16].

Дзейнасці чарнігаўскага магістрата ў другой палове XVII–XVIII ст. прысвечана кандыдацкая дысертацыя Г. С. Даманавай. Аўтар у комплекс даследавала гарадское самакіраванне Чарнігава ад моманту падаравання магдэбургскага права ў 1623 г., склад, юрысдыкцыю і дзейнасць магістрата, яго ўзаемаадносіны з казацкай уладай [17].

Т. В. Сідарук у сваёй кандыдацкай дысертацыі закранае пытанні функцыянавання гарадскога самакіравання Ратна. Паказаны структура органаў самакіравання, іх дзейнасць, ўзаемаадносіны з інстытутамі дзяржаўнай улады на тэрыторыі Ратненскага староства ў XVI–XVII стст. [18].

А. Грэчыла, разглядаючы пытанні геральдыкі ўкраінскіх гарадоў, гаворыць пра першапачатковае пашырэнне магдэбургскага права на Украіне ў сувязі з захадамі ўладаў па запрашэнні нямецкіх каланістаў на землі, якія былі спустошаны мангола-татарскім нашэсцем. Сярод іншых прычын называецца імкненне вялікіх князёў літоўскіх да замацавання на новых памежных тэрыторыях. Судаводства па магдэбургскім праве, па меркаванні А. Грэчылы, уводзілася і ў пэўных сёлах, але без утварэння самакіравання, якое было ўласціва толькі гарадам. Па прыкладзе вялікага князя, магдэбургскае права надавалі і буйныя феадалы. У прыватных гарадах самакіраванне мела абмежаваны характар. Бельскі сейм 1564 г. узорам для магдэбургіі Украіны зацвердзіў Вільню. У канцы XVI ст., на думку даследчыка, пачынаецца значнае абмежаванне гарадскога самакіравання старастамі. Як піша А. Грэчыла, у Гетманшчыне магдэбургскае самакіраванне захавалі толькі вялікія гарады, а малыя і мястэчкі мелі няпоўнае, ратушнае самакіраванне, прычым казацкая старшыня прымала захады да ліквідацыі як аднаго, так і другога. А. Грэчыла таксама лічыць, што існавала практыка, згодна з якой прывілеі дзейнічалі толькі ў час панавання гаспадара, які іх надаў. Сімвалам самакіравання горада быў герб, які размяшчаўся на яго

печатцы. Прычым войтаўска-лаўніцкія пчаткі мелі герб у відазмененым выглядзе [19].

Українські гісторыкі пэўную ўвагу надаюць даследаванню дзейнасці рамесніцкіх цэхаў. Агульную характарыстыку іх арганізацыі і прававых прынцыпаў дзейнасці дае М. М. Кабылецкі [20]. Даследчык робіць высновы, што структура ўкраінскіх цэхаў адпавядала арганізацыйным нормам цэхаў нямецкіх і іншых еўрапейскіх гарадоў з магдэбургскім правам. Менавіта праз цэхі адбываліся кантакты з нямецкімі гарадамі і набліжэнне ўкраінскіх гарадоў «да еўрапейскіх стандартаў». Генэзіс львоўскага цэха мечнікаў, яго структуру, склад і дзейнасць паказаў у сваім артыкуле А. Галяздрэнка [21]. Музычнаму цэху Чарнігава ў другой палове XVII–XVIII ст. прысвечана праца С. В. Шчарбіны [22].

Погляды на праблему нямецкай каланізацыі на Галічыне падсумаваў у сваім артыкуле І. Маналаты. Ён лічыць, што каланізацыя адбывалася пры падтрымцы галіцка-валынскіх князёў, а потым польскіх каралёў. Магдэбургскія абшчыны і самакіраванне ўтварыліся па прычыне асаблівага месца немцаў у структуры гарадскога насельніцтва Галічыны. Нямецкае права паслабляла залежнасць гарадоў ад феадальнай дзяржавы і асобных феадалаў. На працягу XIV–XVII стст., па словах гісторыка, магдэбургскае права пераўтварылася ў агульнапрынятую норму гарадской улады. Пры гэтым яно садзейнічала дэнацыяналізацыі ўкраінскіх земляў [23].

А. В. Резнікаў правёў даследаванне скасавання магдэбургскага права на ўкраінскіх землях, якія адышлі да Расіі і Аўстрыі. Магістраты, якія яшчэ дзейнічалі пэўны час, ужо не маглі выратаваць сітуацыю. Закранута дзейнасць Чатырохгадовага сейма Рэчы Паспалітай па правядзенні гарадскіх рэформаў. Памылкова адзначаецца, што Таргавіцкая канфедэрацыя скасавала мясцовае самакіраванне [24].

Заклучэнне. Такім чынам, ва ўкраінскай гістарыяграфіі назіраецца рост інтарэсу да праблем генэзісу, структуры і асаблівасцей магдэбургскага права ў гарадах феадальнага часу. Вынікам даследаванняў стаў шэраг манаграфій, дысертацый і значная колькасць навуковых артыкулаў па гэтай тэматыцы. Знаходжанне асобных украінскіх земляў у складзе ВКЛ і Польшчы абумовіла пэўнае адрозненне ў формах і прававых асновах гарадскога самакіравання. Увядзенне ў навуковы зварот значнай колькасці крыніц, аналіз гістарыяграфічнай базы XIX–XX стст. па азначанай праблеме дазволіў украінскім гісторыкам зрабіць шэраг цікавых высноў. Аднак вельмі спрэчнай з'яўляецца думка пра існаванне ў азначаны час украінскага гарадскога права. Хутчэй, гэта было, адпаведна, гарадское

права ВКЛ і гарадское права Кароны. Назіраецца разыходжанне поглядаў на ўплыў магдэбургскага права на прававое становішча ўкраінскага насельніцтва, маштабы нямецкай каланізацыі, наяўнасць нямецкага права ва ўкраінскіх сёлах і інш. Разам з тым, працы ўкраінскіх гісторыкаў уяўляюць значную цікавасць і могуць выкарыстоўвацца для параўнання ў працэсе даследавання самакіравання беларускіх гарадоў феадальнай эпохі.

Літаратура

1. Гошко, Т. Міське самоврядування на украінських землях у 14–16 стст. [Электронный ресурс] / Т. Гошко. – 2011. – Режим доступа: <http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001097/01/99.pdf>. – Дата доступа: 04.11.2011.
2. Кобилецкий, М. М. Магдебургское право і його застосування в Україні (XIV – 1 пол. XIX ст.): автореф. дис. ... докт. юр. наук / М. М. Кобилецкий. – Львів, 2010. – 40 с.
3. Кобилецкий, М. М. Магдебургское право в Україні (XIV – 1 пол. XIX ст.): історико-правове дослідження / М. М. Кобилецкий. – Львів: ПАІС, 2008. – 406 с.
4. Кобилецкий, М. М. Бартоломій Б. Гроїцкий та його дослідження магдебургського права / М. М. Кобилецкий // Вісник Львів. ун-ту. Серія юридична. – 2007. – Вип. 44. – С. 90–96.
5. Гошко, Т. Нариси з історії магдебургського права в Україні XIV–XVII стст. / Т. Гошко. – Львів: Афіша, 2002. – 254 с.
6. Гошко, Т. Д. Магдебургское право Центрально-Східної Європи XIII–XVIII стст. в українській та польській історіографії: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. Д. Гошко. – Київ, 1999. – 21 с.
7. Резников, А. В. Магдебургское право: українські варіації на тему європейських традицій (історико-правовий нарис): монографія / А. В. Резников. – Луганськ: РВВ ЛДУВС, 2006. – 208 с.
8. Кобилецкий, М. М. Надання місту Сяноку магдебургського права / М. М. Кобилецкий // Вісник Львів. ун-ту. Серія юридична. – 2006. – Вип. 42. – С. 82–89.
9. Кіселічник, В. Львівське міське право: поняття, джерела, періодизація та зміст / В. Кіселічник // Вісник Львів. ун-ту. Серія юридична. – 2004. – Вип. 39. – С. 102–110.
10. Капраль, М. М. Функціонування органів влади Львова ў XIII–XVIII стст. (Наріс історії інститутів магдебургського права) [Электронный ресурс] / М. М. Капраль. – 2011. – Режим доступа: <http://www.history.org.ua/JournALL/journal/2006/5/7.pdf>. – Дата доступа: 04.11.2011.
11. Заєць, А. Урбанізаційний процес на Волині в XVI – першій половині XVII століття / А. Заєць. – Львів: Добра справа, 2003. – 206 с.

12. Заєць, А. Магдебурзьке право в містах Правобережної України у XVI – першій половині XVII ст. / А. Заєць // Ефективність державного управління: зб. наукових праць. – 2009. – Вип. 18–19. – С. 229–236.

13. Білоус, Н. Київ наприкінці XV – у першій половині XVII століття. Миська влада і самоврядування / Н. Білоус. – Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 360 с.

14. Бойко, І. Й. Застосування магдебурзького права у Галичині в складі Польського королівства (1349 – 1569 рр.) / І. Й. Бойко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2008. – Том 21. – № 2. – С. 11–19.

15. Бортникова, А. В. Грамоты на магдебургское право городу Луцку XV–XVI вв. [Электронный ресурс] / А. В. Бортникова. – 2011. – Режим доступа: http://istvolyn.info/index.php?option=com_content&task=view&id=2025&Itemid=5&limit=1&limitstart=2. – Дата доступа: 09.09.2011.

16. Бортникова, А. Джерела з історії вийтвіства у місті Луцьку першої половини XVI ст. [Электронный ресурс] / А. Бортникова. – 2011. – Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/kyev_old/2010_1/9_Bortnikova%2094-109.pdf. – Дата доступа: 03.11.2011.

17. Доманова, Г. С. Чернігівський магістрат: статус, структура та основні напрями діяльності (друга половина XVII–XVIII ст.): автореф. дис. ... канд. іст. наук / Г. С. Доманова. – Чернігів, 2007. – 18 с.

18. Сідорук, Т. В. Соціально-економічний розвиток Ратненского староства у XVI–XVII ст.

(1500–1674): автореф. дис. ... канд. іст. наук / Т. В. Сідорук. – Запоріжжя, 2007. – 18 с.

19. Гречило, А. Магдебурзьке право та питання герба міста Києва (кінець XV–80-і рр. XVIII ст.) / А. Гречило // Самоврядування в Києві: історія та сучасність: матеріали міжнар. конф., присвяченої 500-річчю надання Києву магдебурзького права. – Київ, 2000. – С. 149–150.

20. Кобилецький, М. М. Організація та правові засади діяльності цехів у містах України за магдебурзьким правом / М. М. Кобилецький // Вісник Львів. ун-ту. Серія юридична. – 2011. – Вип. 52. – С. 71–76.

21. Голездренко, О. Львівській цех мечників / О. Голездренко // Дрогобичській краєзнавчій збірник / ред. кол. Л. Тимошенко [та ін.]. – Дрогобич: Коло, 2005. – Вип. IX. – С. 194–201.

22. Щербина, С. В. Музичний цех Чернігова (друга половина XVII–XVIII ст.) [Электронный ресурс] / С. В. Щербина. – 2011. – Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Ltkp/2010_57/kyl/ky11.pdf. – Дата доступа: 03.11.2011.

23. Монолатій, І. Німці Галицької Русі у структурі міської колонізації Польського королівства [Электронный ресурс] / І. Монолатій. – 2011. – Режим доступа: <http://history.iv-fr.net/article.php?id=267>. – Дата доступа: 04.11.2011.

24. Резніков, А. В. Щодо скасування магдебурзького права в українських землях [Электронный ресурс] / А. В. Резніков. – 2011. – Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/vlduvs/2008_4/08_4_1_4.pdf. – Дата доступа: 04.11.2011.

Пастушила 12.04.2012

УДК 739.2.033(476)

Н. І. Наркевіч, кандыдат мастацтвазнаўства, асістэнт (БДТУ)

**АСАБЛІВАСЦІ РАЗВІЦЦЯ СТЫЛЮ БАРОКА
Ў ДЭКАРАТЫЎНА-ПРЫКЛАДНЫМ МАСТАЦТВЕ БЕЛАРУСІ
(ПА МАТЭРЫЯЛАХ ЮВЕЛІРНАЙ СПРАВЫ)**

У публікацыі разглядаецца інтэнсіўнае развіццё дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва Беларусі ў эпоху барока. Падкрэсліваюцца асаблівасці новага стылю ў беларускім мастацтве, якое ў складаных, спецыфічных умовах захавала сваю нацыянальную адметнасць. Звяртаецца ўвага на самабытнасць ювелірнай справы XVI–XVIII стст. як адной з галін дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, унікальнасць новага стылю, які заўсёды існуе ў пэўных нацыянальных варыянтах, праяўляе сябе як дынамічная сістэма, здольная да развіцця, выкарыстання і актыўнага засваення навацыйных з’яў. Асаблівая ўвага надаецца рамесным аб’яднанням, творчасці майстроў залатых і сярэбраных спраў, якія, засвоіўшы новыя тэхнічныя прыёмы апрацоўкі металу, арнаментыку барока, стварылі свой лакальны варыянт барочнага мастацтва.

Intensive development of the decorative and applied arts of Belarus in the Baroque era is described in the article. The author shows new style of Belorussian art (with its national peculiarities saved in specific conditions) as the unique one. Emphasizes the originality of jewelry works in the XVI–XVIIIth centuries as a type of decorative and applied arts, the uniqueness of the new style, which always exists in certain national variations, manifests itself as a dynamic system capable of development, the use of active learning, and the latest characteristics. Special attention he pays to the workshops of artists working with gold and silver (who mastered the new method of metalworking to create their local version of Baroque art).

Уводзіны. Мастацтва барока ў Беларусі – важная і значная з’ява не толькі ў мясцовай культуры, але і ў культуры ўсёй Усходняй Еўропы. Стыль барока ў Беларусі быў засвоены ў канцы XVI – першай палове XVII ст., і яго развіццё працягвалася амаль да канца XVIII ст.

Мэта дадзенай публікацыі – разгледзець асаблівасці стылю барока ў айчынным дэкаратыўна-прыкладным мастацтве. Пры даследаванні станаўлення барока на Беларусі канцэнтруем увагу пераважна на ювелірным мастацтве, бо помнікі ювелірнай справы з’яўляюцца адной з крыніц вывучэння культурнай спадчыны краіны. Якраз на гэтым матэрыяле можна назіраць найбольш дакладнае адлюстраванне стылістычных тэндэнцый.

Асноўная частка. Зразумець самабытнасць беларускага барока немагчыма без уліку тагачаснага палітычнага і сацыяльна-эканамічнага жыцця. Важнымі грамадскімі і канфесійнымі падзеямі XVII ст., якія паўплывалі на беларускае мастацтва, сталі ўтварэнне Рэчы Паспалітай і ўзнікненне ўніяцкай (грэка-каталіцкай) канфесіі. Новая дзяржава, створаная ў выніку падпісання Люблінскай уніі 1569 г., была федэратыўным аб’яднаннем. У ім на роўных правах суіснавалі землі Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага. Уся паўната ўлады належала сейму і каралю, які абіраўся пажыццёва і адначасова з’яўляўся вялікім князем. Не меншай уплывовасцю вызначалася заможная шляхта, магнатэрыя, інтарэсы якой часта ставіліся на ўзровень дзяржаўных. Палітычны і культурны

ўплыў Польшчы на нашу краіну адмаўляць нельга. Ён быў непазбежны ў перыяд контррэфармацыі з яе актывізацыяй каталіцызму, паступовым пераходам у яго пануючых вярхоў грамадства, спробай лацінізацыі праваслаўнай царквы, якую паслядоўна ажыццяўлялі французсканцы, дамініканцы і асабліва езуіты. Важную ролю мелі асаблівасці канфесійнай і этнічнай структуры грамадства, шэраг іншых агульнадзяржаўных фактараў і ў першую чаргу сармацкая культура, якая ў гэтыя часы трывала ўсталявалася ў асяроддзі шляхты.

Наяўнасць вялікай колькасці датаваных твораў дазваляе прасачыць дакладныя этапы развіцця стылю ў Беларусі: ранняе барока (канец XVI – першая палова XVII ст.), сталае (сярэдзіна – другая палова XVII ст. – 30-я гг. XVIII ст.) і позняе (30–80-я гг. XVIII ст.) [1, с. 47; 2, с. 5–10]. Не выклікае сумненняў, што ад барока засталася ў нас самая значная колькасць мастацкіх помнікаў (і гэта пры тым, што якраз у дадзены перыяд, асабліва ў так званую руска-польскую вайну 1654–1667 гг., многія з іх былі знішчаны). Менавіта ў гэтых складаных, спецыфічных умовах беларускае мастацтва захавала сваю нацыянальную адметнасць. Так, нягледзячы на заходнееўрапейскія ўплывы, яго візантыйская першааснова не знікла і заставалася вельмі важнай асаблівасцю ў фарміраванні новага стылю [3, с. 5]. Уздзеянне на беларускае мастацтва барока ўспрымалася нашымі майстрамі з улікам гэтай першаасновы. У гэтым, думаецца, адна з прычын унікальнасці і самабытнасці

айчыннага мастацтва, не падобнага ні на рускае, ні на польскае (першае не ведала ні готыкі, ні рэнесансу, а да барока далучалася праз Беларусь; другое праз нашу краіну засвойвала чужую ў прыныцы для Польшчы візантыйскую традыцыю).

Стыль барока, які зарадзіўся ў Італіі ў канцы XVI ст., адлюстроўваў інтарэсы каталіцкай царквы і павінен быў сродкамі мастацтва ствараць ілюзію сацыяльнага і палітычнага добрабыту. Новы тып светаўспрымання сцвярджаў экспрэсію, шматзначнасць, драматычную знявечанасць жыцця, уяўленні пра бязмежнасць сусвету. У эстэтыцы барока павялічваецца цікавасць не толькі да дасканалых праяў быцця, але і да фантастычнага, дысгарманічнага, гратэскавага. Узрастае значнасць відовішчных элементаў, эфектнага ўздзеяння. Адчуванне прыгажосці набліжалася да перажывання цудоўнага.

Многія віды дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва актыўна ўключаюцца ў інтэр'ер, набываюць манументальна-дэкаратыўны характар. У аздабленні палацаў і храмаў шырока скарыстоўваецца рэльефная паліхромная кафля, мастацкае кавальства, чаканка і асабліва разьба па дрэве, якая дасягнула ў XVII ст. свайго росквіту і найбольш ярка праявіла сябе ў аздабленні праваслаўных храмаў. Засвоіўшы лепшыя дасягненні заходнееўрапейскага мастацтва і злучыўшы іх з мясцовымі мастацкімі традыцыямі, беларускія майстры стварылі свой тыпова беларускі варыянт барочнай разьбы.

Інтэнсіўнае развіццё дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва на Беларусі ў эпоху барока было абумоўлена аб'яднаннямі рамеснікаў у цэхі. Найбольш развітыя формы такіх прафесійных аб'яднанняў адносяцца да XVI–XVII стст. Першы ювелірны цэх у Вялікім Княстве Літоўскім быў заснаваны ў 1495 г. у Вільні вялікім князем Аляксандрам па ініцыятыве злотнікаў нямецкага паходжання [4, с. 539]. У 1516 г. Жыгімонт I Стары пацвердзіў цэхавы статут. Вядомы імёны 115 віленскіх злотнікаў да канца XVI ст., сярод іх 48 немцаў, 23 майстры перасяліліся з Польшчы (у асноўным з Кракава). Наплыў у краіну польскіх рамеснікаў адзначаецца пасля 1544 г. На велікакняжацкім двары працавалі майстры і з іншых краін Еўропы. Мяркуецца, што ў сярэдзіне XVII ст. у Вільні ўзнік яўрэйскі злотніцкі цэх. У XVII–XVIII стст. сярод віленскіх злотнікаў трывалыя пазіцыі захоўвалі майстры нямецкага паходжання, з сярэдзіны XVIII ст. узмацніліся пазіцыі яўрэйскіх рамеснікаў.

Мастры ювелірнай справы Гродна, Мінска, Бярэсця, Магілёва, Полацка, Віцебска і іншых гарадоў спачатку прызнавалі аўтарытэт віленскага злотніцкага цэха як галоўнага адукацыйнага цэнтра ювеліраў Вялікага Княства Літоўскага.

Паступова рамесленыя аб'яднанні гэтых гарадоў дабіліся ўраўноўвання сваіх правоў з віленскім цэхам.

Значная колькасць вучняў сведчыць пра тое, што віленскі ювелірны цэх складаўся з кваліфікаваных майстроў. Усяго ў 1650–1750 гг. пачатковае і майстэрскае навучанне ў цэху атрымалі больш як 250 чалавек з розных гарадоў. Адзначаючы высокі прафесіяналізм цэхавых рамеснікаў, неабходна вылучыць выключна высокі кваліфікацыйны ўзровень майстроў з Полацка, Слоніма, Дзісны, Глыбокага. Толькі ў 1660–1800 гг. з гэтых гарадоў былі атэставаны каля 200 ювеліраў [4, с. 540].

Побач са злотнікамі працавалі сярэбранікі, якія спецыялізаваліся на творах з серабра. Майстры выраблялі для палацаў і храмаў посуд, начынне, абклады абразоў і кніг, мужчынскія і жаночыя ўпрыгажэнні, аздаблялі вупраж і зброю, рэзалі пячаткі. Заказчыкамі ювелірных вырабаў выступалі магнаты, заможная павятовая шляхта, царкоўная іерархія, гарадскі патрыцыят, купецтва.

Для сведчання якасці на вырабы з каштоўных металаў ставіліся клеймы. Вядомы віленскія цэхавыя клеймы, якія мелі выяву св. Элігія і кубка, гарадскія – герба «Калюмны» і перакрываючых чатырох рысак. Клеймы на творах ювелірнага мастацтва іншых гарадоў Вялікага Княства Літоўскага невядомы.

Мастацкая апрацоўка металу развівалася ў цеснай узаемасувязі з іншымі відамі мастацтва, што спрыяла вызначэнню іх стылістычнага адзінства. Сінтэз еўрапейскага ўплыву і нацыянальных напрацовак прадыхтаваў адпаведныя змены формы і стылістыкі вырабаў, выявіў здольнасць ювелірнага мастацтва да грунтоўных змен, якія адбываліся і ў архітэктуры, і ў пластычных відах мастацтва.

Стыль барока з яго ўрачыстай пышнасцю, пампэзнасцю, павышанай дэкаратыўнасцю набыў у Беларусі лакальны характар, мясцовыя асаблівасці. У значнай ступені гэтаму садзейнічалі як густы заказчыкаў, так і прыток у краіну іншаземных майстроў, якія абапіраліся на традыцыі беларускага народнага мастацтва.

У вырабах канца XVI – пачатку XVII ст. яшчэ назіраюцца рысы рэнесансу (кубкі, паясы з Брэста, рашоткі ў Вішневе), гатызаваныя элементы, ці так званае «гатычнае барока» (рамы алтарных карцін у Пінску і Будславе, пушкарцыборбум у Полацку). Узмацненне рыс стылю бачна ў пласціне (1640 г.), абразе (1652 г.). У творах яшчэ нямела ўведзены арнаментальны матыў кнорпеля (армушля). Пазней, засвоіўшы моду на кветкавы арнамент (*blumenmode*), што зарадзіўся ў 1650–1660-х гг. у Галандыі, майстры ад абстрактнага дэкору пераходзяць да сакавітага расліннага арнаменту [5, с. 14].

Ва ўсіх відах мастацтва адбылося станаўленне новага стылю, засваенне арнаментыкі і тэхнічных прыёмаў, у той жа час назіраўся складаны працэс развіцця мастацкіх школ. Вялікая роля ў станаўленні і развіцці мясцовай школы належыць залатых спраў майстрам з Германіі, Галандыі, Італіі, Польшчы, Літвы, Украіны. Гэта, з аднаго боку, садзейнічала ўплыву барока на беларускае мастацтва, з другога – пашырэнню новых тэхналогій апрацоўкі матэрыялаў, матываў і відаў дэкору. Міграцыя рамеснікаў асабліва вялікая, бо іх творчасць была патрэбна не толькі заможным сляям насельніцтва, але і простаму люду. Іншаземныя майстры неслі з сабой сакрэты вытворчасці, таямніцы рамяства, якія затым засвойваліся лепшымі мясцовымі ўмельцамі і атрымлівалі своеасаблівую нацыянальную афарбоўку [6, с. 21].

Творы майстроў-ювеліраў набываюць дынамічную кампазіцыю, дэкаратыўную пышнасць, пластычнасць і экспрэсіўнасць форм. Плоскасць, абстрактны характар дэкору саступае месца аб'ёмнасці і шматпланавасці; у спалучэнні з дынамічна выгнутымі ракавінападобнымі элементамі, вітымі калонкамі, фігурнымі выявамі шырока ўжываецца багаты раслінны арнамент, мода на які панавала ва ўсёй Еўропе.

У помніках сталага барока да натуралістычнасці рэльефа працаканьваюцца цюльпаны, макі, гваздзікі, нарцысы, півоні, ландышы на невялікіх сцяблах (рыза алтарнай карціны ў Камаях; паддон манстранцыя, 1692 г., Нясвіж) ці на больш пышных і доўгіх (табернакулум, 1677 г., Нясвіж, абклад абраза са Старых Дзявяткавічаў).

Адзін з асноўных дэкаратыўных матываў сталага барока – акант – з'яўляецца ў творах Беларусі з 1666 г. (пацір з Ружан), трымаецца да канца XVII ст. (абклад Мшала, 1695 г.) і ў больш засушаным выглядзе выкарыстоўваецца майстрамі XVIII ст. Новыя арнаментальныя матывы пачынаюць пранікаць і ў помнікі рэлігійнага культу для праваслаўнай царквы. У напрасвольных крыжах (1636 г., 1672 г.), у якіх бачна пераемная сувязь з работай давыд-гарадоцкага рамесніка канца XVI – пачатку XVII ст., што вызначаецца ў плоскасці дэкарыроўкі формы, ужо ўводзіцца кветкавы арнамент, змяняецца форма крыжа.

У ювелірнай справе сярэдзіны – другой паловы XVII ст. адбылося засваенне новых арнаментальных матываў і прыёмаў чаканкі. Засвоішы моду на кветкавы арнамент, беларускія майстры ад абстрактнага дэкору пераходзяць да сакавітага барочнага расліннага арнаменту. Новыя прыёмы чаканкі рамеснікі спалучаюць з ліццём па форме, гравіраваннем, філігранню, чарненнем, павышаным рэльефам («Божая маці Адзігітрыя» са Слуцка, Крыж дзісенскага

брацтва (1673 г.), абклад Евангелля з Урэчча). Пospехі майстроў знайшлі яркае ўвасабленне ў абкладзе Евангелля канца XVII ст. – 1703 г. у Дзісне. Пышны раслінны чаканены арнамент рознавысокага рэльефу з аканта, фруктаў, крылатых анёлаў абрамляе цэнтральную драбніцу абклада з выявай Уваскрэснення Хрыстова, дзе спалучаюцца ўсходне- і заходнеўрапейскія іконаграфічныя зводзі. Пры агульнаеўрапейскай эвалюцыі стыляў (XVI–XVIII стст.) для айчынных майстроў характэрны канкрэтнасць і рацыяналістычнасць мыслення, непарыўная сувязь з фальклорнымі традыцыямі і амаль поўная адсутнасць цікавасці да абстрактнай арнаментыкі.

Беларускія майстры сярэбранай і залатой справы ўнеслі значны ўклад у станаўленне барока ў Расіі і развіццё дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва другой паловы XVII ст. Мясцовы варыянт барочнага мастацтва рамеснікі перанеслі ў суседнюю дзяржаву, куды падчас руска-польскай вайны перасяліліся ў ліку многіх выхадцаў з Беларусі. Вялікая група беларускіх майстроў-ювеліраў з Віцебска, Полацка, Вільні, Копысі, Мінска ў другой палове XVII ст. працавала ў Маскве. Сярод іх былі майстры скані, сусальнага серабра, чаканшчыкі, ліцейшчыкі, гравіравальшчыкі і іншыя [7, с. 131]. Яны выраблялі для царскага двара разнастайныя сталовы посуд, а для палацавых і гарадскіх храмаў – кадзілы, чашы, паціры, абклады абразоў і кніг. Фёдар Мікулаеў, «чеканщик и черненого дела жалованный мастер», вырабляў абклады абразоў, аздобленыя чаканкай, дэісусы і рознае царкоўнае начынне. Цару Аляксею Міхайлавічу ён зрабіў «в поднос тарелку черневую осьмигранную» [8, с. 29]. Выхадзец з Полацка Іван Андрэеў аздабляў вырабы з эмалімі. Творы майстра вызначаюцца вытанчанымі формамі, лаканічным выкарыстаннем дэкаратыўных дэталей. Малюнак раслінных матываў буйны, абагульнены, эмалі раздзяляюцца напаянымі перагародкамі [8, с. 28; 9, с. 133].

Сярод майстроў Сярэбранай палаты асаблівай вядомасцю карыстаўся Максім Сямёнаў з Копысі, «судового і черненого дела жалованный мастер». Ён чаканіў абклады, вырабляў рознае царкоўнае начынне. Майстры з Беларусі працавалі і ў Залатой палаце: Якаў Магілёвец, Мікалай Логінаў, Пятро Фёдараў і інш. [10, с. 71, 81]. Узоры работы беларускіх майстроў захаваліся да нашага часу ў сховішчах Маскоўскай аружэйнай палаты, у музеях Масквы і Санкт-Пецярбурга. Творы з'яўляюцца прыкладам надзвычайных традыцый беларускіх рамеснікаў XVII ст. і вызначаюцца выключным майстэрствам і высокай мастацкасцю.

Другая-трэцяя чвэрці XVIII ст. у еўрапейскім мастацтве адзначаны праявамі апошняй

стадыі барока – ракако, якое ў большай ці меншай ступені выявілася і ў розных відах архітэктуры і мастацтва Беларусі, асабліва ў тых, што былі звязаны з унутраным аздабленнем інтэр’ера, гэта значыць у дэкаратыўна-прыкладным мастацтве. Гэты мастацкі напрамак адлюстроўваў тагачасныя эстэтычныя ідэалы арыстакратыі і царкоўнай алігархыі і вызначаўся вытанчанасцю сродкаў мастацкай экспрэсіі, уражаннем лёгкасці і прывабнасці.

Аснову дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва складае разнастайная інтэрпрэтацыя формы ракавіны ў акаймоўцы складаных завіткаў і адмыслова выгнутых ліній. У выніку значнай стылізацыі ракавіна ператвараецца ва ўмоўны дэкаратыўны элемент пад назвай «ракайль». Некаторыя творы беларускіх майстроў досыць ярка дэманструюць праявы гэтага стылявога напрамку, павевы якога адчуваюцца нават і ў канцы XVIII ст. Да найбольш ранніх помнікаў гэтага стылю ў прыкладным мастацтве можна аднесці манстранц (1727 г.) з Волпы, да позніх – рызу абраза «Маці Боская Адзігітрыя Смаленская» Пятра Сліжыка і накладку труны (1774 г.). Выключэнне з усіх вядомых твораў складае напастольны крыж (1789 г.) з Гродна, які звязаны з традыцыямі мастацтва XVII ст.

Заклучэнне. У розных відах айчыннага мастацтва стыль барока выявіўся неаднолькава. Найбольш ярка ён сфарміраваўся ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве Беларусі. Наогул, яно развівалася пад уздзеяннем розных мастацкіх школ і этнічных традыцый. Моцнымі былі старажытнарускі і візантыйскі ўплывы. З XIV ст. мастацтва Вялікага Княства Літоўскага развівалася ў рэчышчы готыкі, потым ренесансу, барока, ракако. Сярод розных відаў дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва Беларусі эпохі барока значнае месца займалі ювелірныя рамёствы, прадстаўленыя вялікай колькасцю майстроў. На Беларусі ў XVII ст. працавала не менш за 665 залатых спраў майстроў, дзейнасць якіх прыпадае ў асноўным на перыяд развіцця сталага барока [5, с. 17]. Майстры ювелірнай справы, засвоіўшы новыя тэхнічныя прыёмы чаканкі, якія дапаўняліся чарненнем, гравіраваннем, прасечкай, філігранню і іншымі відамі мастацкай апрацоўкі металаў, арнаментыку сталага барока і спалучыўшы іх з народнымі густамі, стварылі свой лакальны варыянт барочнага мастацтва.

Трэба заўважыць, што стварэнне ювелірных цэхаў па заходнееўрапейскім узору ўскосна

сведчыць пра даволі высокае эканамічнае і культурнае развіццё горада, трываласць попыту на прадметы з каштоўных металаў, якія з’яўляюцца адначасова і мастацкімі вырабамі.

Літаратура

1. Высоцкая, Н. Ф. Спецыфіка барока ў Беларусі / Н. Ф. Высоцкая // Барока ў беларускай культуры і мастацтве / пад рэд. В. Ф. Шматава, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск: Беларус. навука, 1998. – С. 47–48.
2. Дэкаратыўна-прыкладнае мастацтва Беларусі XII–XVIII стст.: альбом / аўт.-склад. Н. Ф. Высоцкая. – Мінск: Беларус, 1984. – 232 с.
3. Барока ў беларускай культуры і мастацтве / пад рэд. В. Ф. Шматава, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск: Беларус. навука, 1998. – 304 с.
4. Максимова, Э. С. История белорусского «злотництва» (от монастырских ювелиров к цеховым) / Э. С. Максимова // Царква і культура народаў Вялікага Княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX стст.: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 28 верас. – 1 кастр. 1992 г. / Наш радавод; рэдкал.: Д. Караў [і інш.]. – Гродна, 1992. – С. 537–542.
5. Высоцкая, Н. Ф. Искусство Беларуси XII–XVIII вв. / Н. Ф. Высоцкая. – Минск, 2002. – 26 с.
6. Жук, В. І. Узаемадзеянне дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва Беларусі з мастацтвам Еўропы ў 18 ст. / В. І. Жук // Культура ў Рэспубліцы Беларусь: гісторыя, сучасны стан і перспектывы развіцця / рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 21–23.
7. Беларусь: [у 12 т.] / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Беларус. навука, 1995–2009. – Т. 8: Дэкаратыўна-прыкладнае мастацтва / [Я. М. Сахута]. – 2005. – 351 с.
8. Абецедарский, Л. С. Белорусы в Москве XVII в.: Из истории русско-белорусских связей / Л. С. Абецедарский. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та им. В. И. Ленина, 1957. – 64 с.
9. Постникова-Лосева, М. М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера XVI–XIX вв. / М. М. Постникова-Лосева. – М.: Наука, 1974. – 374 с.
10. Троицкий, В. И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII века / В. И. Троицкий. – М.: Академия, 1928. – Вып. I. – 71 с.

Паступіла 15.03.2012

УДК 947.2:323.311

А. А. Дамарад, кандыдат гістарычных навук, асістэнт (БДТУ)

**УРАДАВЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ ПА СКАРАЧЭННІ КОЛЬКАСЦІ ШЛЯХТЫ
Ў БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.**

Публікацыя закранае праблему неадпаведнасці статуса шляхты Беларусі традыцыйным уяўленям пра дваранства ў Расійскай імперыі, а таксама ўрадавыя спробы вырашыць гэтае пытанне ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. Падкрэсліваецца аб'ектыўнасць працэсу скарачэння колькасці шляхты, адначасова яго непазбядаўнасць і паступовае ўскладненне. Важным момантам гэтай палітыкі з'яўлялася таксама выключна сацыяльна-палітычная мэтазгоднасць яе правядзення пры адсутнасці значнага ўплыву нацыяльнага фактара. Пры гэтым улады не пакідалі спадзяванняў на вырашэнне праблемы праз захаванне бачнасці для мясцовай шляхты сваёй запатрабаванасці.

The article deals with the problem of discrepancy of Belorussian nobility status to traditional representations about aristocracy in Russian Empire as well as its government attempts to solve this problem in late XVIII–XIX ct. The accent is made on objectivity of process of reduction of quantity of nobility, its inconsistency and gradual complication. Also, important point is the sociopolitical reason of this process in the absence of the very strong influence of the national factor. Thus the authorities didn't leave hopes of creation of visibility of the necessity for system for nobility.

Уводзіны. Атрымаўшы ў падданства насельніцтва ўсходняй часткі былой Рэчы Паспалітай, урад Расійскай імперыі сутыкнуўся са шляхецкім пытаннем. Галоўным у ім была не праблема вернасці шляхты расійскай кароне, а праблема вялікай колькаснай дыспарпорцыі. Мясцовае вышэйшае саслоўе значна пераўзыходзіла па сваёй колькасці само расійскае дваранства. Справа ў тым, што, прысягаючы на вернасць царскай уладзе, мясцовая шляхта ў масавым парадку дэманстравала свой лаялізм, падмацаваны страхам страціць тое невялікае, у асноўным, багацце, якім яна валодала. Прычым толькі па «літоўскіх» (Віленскай, Гродзенскай) і «беларускіх» (Магілёўскай, Мінскай і Віцебскай) губернях шляхта ў 40-я гг. XIX ст. складала каля 200 тыс. чалавек і па гэтым паказчыку амаль даганяла ўсё расійскае дваранства ў цэлым. Калі ўлічваць таксама шляхту ўкраінскіх губерняў, то атрымліваецца, што па колькасным паказчыку шляхта былой Рэчы Паспалітай пераўзыходзіла астатняе дваранства Расійскай імперыі амаль на 150 тыс. чалавек.

Асноўная частка. З улікам былога вопыту па інтэграцыі ў расійскае дваранства, напрыклад, грузінскай знаці і з аналізам яе недахопаў, калі сукупнасць княскіх родаў Расійскай імперыі зрабілася ледзь не на палову грузінскай па паходжанні, улады не жадалі паўтарэння памылак, якія б пагражалі размыццём асноўнай апоры расійскага абсалютызму. Спрыяла гэтаму і выразная дыферэнцыяцыя шляхты на дробную, пасесійную і магнатаў. Каля 40% шляхты адносілася да так званай «загонай», якая не мела прыгонных, а 55% не мела зямлі [1, с. 201]. Зразумела, што такое становішча не магло задавальняць цэнтральныя расійскія ўлады, паколькі, як паказала практыка першай

паловы XIX ст., гэтая група шляхты не выконвала прадугледжаных дзяржавай сацыяльных функцый і часта ператваралася ў базу для антыўрадавых выступленняў.

У адносінах да мясцовай арыстакратыі палітыка была зразумелай: прыцягнуць яе на свой бок і ператварыць у правадыра імперскай палітыкі, накіраванай, у прынцыпе, на нівеліроўку мясцовых асаблівасцяў. Адным з вынікаў яе з'явілася фактычна поўнае захаванне ранейшых пазіцый, якія былі ў тытулаванага родаў у літоўскіх і беларускіх губернях. Але ў адносінах да нетытулаванага шляхты праявіўся зусім іншы падыход. З першых гадоў панавання Санкт-Пецярбурга на беларускіх землях ажыццяўляецца палітыка па наўмысным скарачэнні абсалютнай колькасці прадстаўнікоў акрэсленага саслоўя. Выклікана гэта было адзначанымі вышэй аб'ектыўнымі прычынамі. Высветлілася таксама, што шмат хто жадаў выкарыстаць дваранскія правы ў сваіх асабістых мэтах (не плаціць падаткі, валодаць свабодай перамяшчэння і г. д.). Першыя ж рэвізіі паказалі, што ў дваранскае саслоўе трапіла вялікая колькасць асоб, якія шляхціцамі раней увогуле не з'яўляліся. Так сталася па прычыне неразумення ў першыя гады расійскай улады мясцовых асаблівасцяў. Напрыклад, рэвізія 1811 г. выявіла, што да шляхецкага стану запісана каля 200 тыс. чалавек з іншых саслоўяў толькі таму, што яны размаўлялі па-польску і былі рыма-каталіцкага веравызнання. З іншага боку, не ўсе асобы, што мелі дваранскія правы, былі запісаныя дваранамі.

Нагадаем, што прысяга новай уладзе сярод беларускай шляхты не сустрэла фактычна ніякага супраціўлення. Адначасова да землеўладальнікаў, якія не прысягалі, расійскія ўлады адносіліся вельмі цяжка, падаўжаючы яе тэрміны і

прымаючы ў сваё падданства. Абяцанаму секвестру і канфіскацыі падвергліся землі з насельніцтвам не больш за 30 тыс. сялян. Хрэстаматычным стаў прыклад паводзін фаміліі князёў Чартарыйскіх, якія, каб пазбегнуць канфіскацыі сваіх уладанняў на землях, падначаленых Расійскай імперыі, паслалі прадстаўнікоў свайго рода ў Санкт-Пецярбург з просьбай аб вяртанні маёмасці.

Гледзячы на шляхту беларускіх зямель як на рускую па паходжанні, але польскую па духу, урад адначасова, відавочна, не жадаў распаўсюджвання ідэй польска-шляхецкай анархіі ў асноўнай частцы дзяржавы. В. В. Ключэўскі, характарызуючы падзелы Рэчы Паспалітай, пісаў, што Расія «не присвоила ничего исконно польского, отобрала только свои старинные земли да часть Литвы, некогда прицепившей их к Польше» [2, с. 295]. Сама імператрыца Кацярына II асабіста неаднаразова падкрэслівала, што ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай да Расійскай імперыі не было далучана нават маленькага кавалка польскай зямлі. Напрыклад, сцвярджалася, што «не толькі ў Полацку, але і ва ўсёй Літве ўсе справы ва ўсіх судах у XVII ст. вяліся на рускай мове, што гады адзначаліся ад стварэння па грэчаскім вылічэнні, што цэрквы іх былі звычайна будаваны алтаром на ўсход» [3, с. 73]. Аднак неабходна падкрэсліць, што вышэйшы стан тагачаснага мясцовага грамадства ў асноўнай сваёй масе спавадаў рыма-каталіцызм і не вылучаў сябе з польскай культуры. Гэтак сталася яшчэ з часоў Адраджэння, калі каталіцкі касцёл лічыў сябе правадніком хрысціянскай веры на ўсходзе Еўропы, адначасова з'яўляючыся на беларускіх землях моцным фактарам паланізацыі. У канцы XVIII ст. улады звярталі ўвагу на гэтую акалічнасць і не праводзілі ніякай абмежавальнай палітыкі да каталіцкай шляхты. У звароце да сваіх новых падданных Кацярына II абяцала, што «свабоднае веравызнанне ад продкаў набывае... у цэласнасці захаванія будучы» [4, с. 147]. Паводле ўрадавых звестак, праваслаўнымі былі, прыблізна, толькі дзве тысячы шляхцічаў, але іх беднасць не дазваляла ім уплываць на жыццё ў губернях праз сістэму дваранскіх выбараў.

Была пакінута за шляхтай і такая выключна дзяржаўная манаполія, як права на вінакурэнне, што зусім супярэчыла расійскім парадкам. Не ўводзіліся абмежаванні і на ўжыванне польскай мовы. У прыватнасці, у пасяджэнні павятовага суда ў 1798 г. пратакол вёўся на польскай мове. Прычым упісаная ў яго вытрымка з прывілея на маёнтак XVII ст. былі перакладзены са старабеларускай мовы на польскую [5, лл. 87–88]. Нават у складанні спраў пра дваранскае паходжанне выкарыстоўвалася польская мова.

Напрыклад, у радаводнай справе Кантрымаў, складзенай у 1800 г., абсалютна ўсе дакументы былі прадстаўлены па-польску. Дэкларавала Кацярына II і захаванне старой выбарнай судовай сістэмы ў «беларускіх» губернях. Нягледзячы на нерашучыя меры дзяржавы па ўніфікацыі судовай з расійскімі, канчаткова гэтыя крокі ўладаў далі вынік толькі ў 30-я гг. XIX ст. Паводле закону ад 30 кастрычніка 1831 г., усё прававодства было пераведзена на рускую мову, а земскія і гродскія суды былі пераўтвораны ў павятовыя [6, с. 322].

Імкненне скараціць колькасць шляхты ў заходніх губернях Расійскай імперыі прасочваецца літаральна з першых дзён знаходжання беларускіх земляў пад скіпетрам імператрыцы Кацярыны II. Сучасныя даследчыцы С. Л. Лугаўцова і Г. М. Туміловіч пасля ўважлівага вывучэння ўказаў і распараджэнняў 1772–1796 гг. зрабілі такую выснову. Цікава, што практычныя крокі ўладаў па абмежаванні ўдзелу немажоннай шляхты ў дваранскіх выбарах былі пакладзены яшчэ ў 1773 г. разам з устанаўленнем фіксаванага маёмаснага цензу. Закон увогуле не дапускаў да ўдзелу ў дваранскіх выбарах тых прадстаўнікоў шляхты, якія не служылі на расійскай службе або атрымалі замежныя тытулы і ўзнагароды. Гэтым ад карыстання саслоўнымі прывілеямі адсякалася тая частка шляхты, на конт лаяльнасці якой да самадзяржаў былі пэўны сумненні. Аднак шляхта да пазбаўлення яе правоў «złotoj wolności» ставілася вельмі хваравіта. Кансерватыўнае імкненне захаваць прыныцы «nihil novi», славыты шляхецкі кансерватызм у рэшце рэшт прыводзіў у некаторых выпадках нават да выступленняў супраць цэнтральнай улады. Па тых ці іншых прычынах вельмі кансерватыўная па сваёй прыродзе шляхта не жадала прыстасоўвацца да новых умоў, у прыватнасці да палітычнага бяспраўя, тым больш што яна яшчэ ў 1780-я гг. удзельнічала ў павятовых соймаках. Трэба заўважыць, што нешта падобнае, але ў меншым маштабе, адбывалася на Смаленшчыне, якая адышла да Расіі на некалькі стагоддзяў раней і дзе мерапрыемствы па скарачэнні колькасці шляхты завяршыліся паспяхова.

Дадзеная палітыка па шляхецкім пытанні, якая сфарміравалася за перыяд царавання Кацярыны II і Паўла I, атрымала выразны працяг таксама пры наступных манархах: Аляксандр I і Мікалай Паўлавічы. Аляксандр I увогуле праводзіў вельмі асцярожную палітыку ў адносінах да дваранства заходніх губерняў, паколькі спадзяваўся знайсці ў ім непасрэдную палітычную апору. Мусіць, менавіта гэтым можна растлумачыць падтрымку расійскім імператарам нават спадзяванняў некаторай часткі шляхты

(найперш арыстакратыі) на аднаўленне дзяржаўнасці Рэчы Паспалітай. Але агульнай дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да дробнай шляхты ён не змяніў, паслядоўна абмяжоўваючы яе ўдзел у дваранскіх выбарах.

Другім спосабам зменшыць колькасць шляхты на беларускіх, украінскіх землях стала сумна вядомая люстрацыя шляхецкага паходжання. У храналагічным парадку ўсе фармальна-юрыдычныя змены і новаўвядзенні ўладаў у гэтай сферы прасачыла ў сваёй манаграфіі С. Л. Лугаўцова [7]. Але цікаўнасць прадстаўляюць, перш за ўсё, фактычныя вынікі гэтай палітыкі. На наш погляд, менавіта яны мелі вырашальнае значэнне для інтэграцыі шляхты беларускіх зямель у склад дваранства Расійскай імперыі.

Прыход да ўлады імператара Мікалая I у 1825 г. стаў пачаткам новага этапа ў грамадскім і дзяржаўным жыцці Расійскай імперыі. Звычайна перыяд 1825–1855 гг. характарызуецца ў гістарыяграфіі як рэакцыйны. Для праблемы інтэграцыі шляхты беларускіх зямель у грамадска-палітычную сістэму Расійскай імперыі найбольшае значэнне мелі падзеі паўстання 1830–1831 гг. і мерапрыемствы ўрада па прадухіленні падобных антыўрадавых выступленняў у далейшым. Само паўстанне 29 лістапада 1830 г. у Варшаве стала поўнай нечаканасцю для ўрада. Цікава, але насуперак меркаванню польскіх даследчыкаў, расійскі вучоны М. А. Троіцкі піша, што галоўнай прычынай гэтага выступлення быў нацыянальны прыгнёт, якому падвяргаўся польскі народ [8, с. 123]. Пра тое, што паўстанне ўспыхнула без папярэдняга плана, сведчылі міністр фінансаў князь Друцкі-Любецкі і дэпутат сойма Царства Польскага граф Язерскі, якія прыехалі ў Санкт-Пецярбург з просьбамі захаваць правы аўтаноміі Царства Польскага. Падзеі паўстання 1830–1831 гг. на беларускіх землях падрабязна апісаны ў манаграфіі В. В. Гарбачовай. Па яго выніках да следства ў беларуска-літоўскіх губернях было прыцягнута 2878 чалавек [9, с. 119]. Наступныя мерапрыемствы ўладаў паказалі, што быў узят курс на поўную ўніфікацыю Беларусі, Літвы і Правабярэжнай Украіны з цэнтральнымі губернямі Расійскай імперыі.

Першая палова 1830-х гг. стала, на думку С. Л. Лугаўцовай, пачаткам высяпання недаверу і нават нянавісці да палітыкі цэнтральных уладаў з боку шляхты: «Чрезмерное усердие правительственных чиновников, необоснованные обыски и аресты, секретный надзор полиции только усиливали взаимное недоверие представителей власти и местного дворянства. Именно в 30–50-е гг. XIX в. в дворянском обществе белорусских и украинских губерний

вызревает та неприязнь и даже ненависть ко всему русскому» [7, с. 15]. Не ўступаючы ў палеміку з высновамі даследчыцы, заўважым, што перагібы на месцах перашкаджалі інтэграцыі шляхты ў склад расійскага дваранства.

Галоўнымі захадамі самадзяржаўя, якія паўплывалі на працэс інтэграцыі шляхты ў склад дваранства Расійскай імперыі, стаў указ ад 19 кастрычніка 1831 г. «О разборе шляхты в западных губерниях и об устройстве сего рода людей» і спецыяльнае распараджэнне аб выбарах у заходніх губернях 1835 г.

Указ 19 кастрычніка 1831 г. замацоўваў ускладнены двухступенны парадак пацверджання дваранскіх правоў шляхтай спачатку ў Дваранскіх дэпутацкіх сходах, а затым у Герольдыі Сената. Тым, хто здолеў пацвердзіць сваё дваранства, гарантаваліся ўсе правы і перавагі дваранства Расійскай імперыі. Для тых прадстаўнікоў шляхты заходніх губерняў, якія не даказалі дваранства, спецыяльна быў створаны новы грамадскі стан аднадворцаў заходніх губерняў. Відаць, улады сапраўды імкнуліся ўнесці яснасць у шляхецкае пытанне. Яны адразу заўважылі цікавую акалічнасць: у некаторых губернях, што адышлі да Расіі ад Рэчы Паспалітай, колькасць зацверджаных у дваранстве толькі павялічвалася. Таму Сенат 11 лістапада 1832 г. зацвердзіў Закон аб паўторнай рэвізіі Герольдыяй Дваранскіх дэпутацкіх сходаў. Найбольшага выніку, аднак, праверка дасягнула па Правабярэжнай Украіне.

Само па сабе прадстаўленне дакументаў аб шляхецкім паходжанні не заўсёды дазваляла атрымаць статус двараніна Расійскай імперыі. Напрыклад, шляхцічы Гродзенскай губерні Грыгаровічы прыступілі да працэсу даказвання паходжання яшчэ ў пачатку XIX ст. Аднак, нягледзячы на прызнанні губернскім дэпутацкім сходам дваранскіх правоў у 1802 і 1838 г., Герольдыяй Грыгаровічам двойчы ж было адмоўлена. Апошні раз у адпаведнай пастанове адзначалася, што «доказательства о дворянстве рода Грегоровичей признаны недостаточными указам Временного присутствия Герольдии от 27 июля 1840 г.» [10, л. 11]. Падобныя факты можна тлумачыць толькі выпадковай праявай наўмысных імкненняў да скарачэння колькасці дваранства мясцовага паходжання ў заходніх губернях Расійскай імперыі, паколькі доказы, прадстаўленыя Грыгаровічамі, нічым не адрозніваліся ад доказаў, напрыклад, Матулевічаў. Апошнія пражывалі ў Віленскім павеце і здолелі пацвердзіць свой дваранскі статус у Расійскай імперыі на працягу 1800–1842 г. [11, л. 15]. Увогуле, да сярэдзіны XIX ст. праблема з непрызнаннямі дваранскіх правоў для асобных родаў практычна не паўставала. Так,

праведзенае намi вывучэнне архiва канцэлярыi Вiленскага губернскага дэпутацкага сходу дазваляе сцвярджаць, што да 1840-х гг. у гэтай губернi амаль не было фактаў адмаўлення ў пацверджаннi дваранства. Прыклад Грыгаровiчаў – адзiн з нешматлiкiх, калi Герольдыяй не зацвярджалiся шляхецкiя правы пэўнага роду Вiленскай губернi. Падобны лёс напаткаў Шабуневiчаў, якi праходзiлi па спісах Ашмянскага павета. У рэзалюцыi Герольды ад 1842 г. гаварылася, у прыватнасцi: «видно, что ныне не представлено всех документов в приведенных выше прописанных определениях» [12, л. 4].

Таму, на наш погляд, працэс, якi атрымаў назву «разбору» шляхты, быў па сваёй сутнасцi аб'ектыўна непазбежны. Ён быў накіраваны не супраць усяго шляхецтва, а толькi супраць дробнай шляхты, якая новым расійскiм крытэрыям i ўяўленням аб дваранстве ў сваёй масе, вiдавочна, не адпавядала. Г. М. Тумiловiч у характарыстыцы гэткай палiтыкi заўважае, што да гэтай групы насельнiцтва адносiлi тых, хто ўвогуле не валодаў нi прыгоннымi, нi зямлёй [13, с. 115]. Па вобразным выразе В. В. Ключэўскага, яшчэ з эпохi Пятра I у Расійскай iмперыi дваранскае саслоўе «старалось подчищаться, стряхивая с себя прилипавшие к нему сторонние элементы» [2, с. 332].

Заклучэнне. Безумоўна, абсалютысцкая расійская манархiя вымушана была праводзiць палiтыку, скiраваную на ўмацаванне ўнутранага адзiнства i аднастайнасцi «благородного российского дворянства» як агульнадзяржаўнага саслоўя безадносна да нацыянальнай прыналежнасцi яго прадстаўнiкоў. Гэта само па сабе патрабавала выключэння з дваранскiх шэрагаў нашай дробнай i драбнюткай чыншавай, засяцкавай i загонавай шляхты. Колькасная перавага «былой польскай шляхты» ў дачыненнi да карэннага расійскага дваранства была, вiдавочна, недапушчальная. Вiдаць, гэты матыў, зусiм не прага помсты за ўдзел у паўстаннях, быў галоўнай прычынай знакамiтых «разбораў» шляхецтва. Трэба падкрэслiць, што расійскiя ўлады таксама мусiлi праводзiць адпаведныя санацыйныя мерапрыемствы, лiтаральна чысцiць шэрагi шляхецтва ад тых шматлiкiх «нядобрасумленных» асоб, якiя падманам упiсалiся ў дваранства па фальшывых дакументах у першыя гады пасля падзелаў Рэчы Паспалiтай. Нарэшце, як паказвае параўнанне стану спраў у Вiленскай i Мiнскай губернях, працэнт незацверджаных у дваранстве залежаў, увогуле, не столькi ад палiтыкi цэнтральных уладаў, колькi ад пазiцыi мясцовых уладаў.

Лiтаратура

1. Люты, А. М. Сацыяльна-эканамiчнае развiццё ў Беларусi ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст. / А. М. Люты. – Мiнск: БДПУ, 2004. – 320 с.
2. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3-х кн. / В. Ключевский. – Ростов н/Д: «Феникс», 1998. – Кн. 3. – 576 с.
3. Гiсторыя Беларусi: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [i iнш.]. – Мiнск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай iмперыi (канец XVIII – пач. XX ст.) / М. Бiч [i iнш.]. – 2005. – 518 с.
4. Емяльянчык, У. П. Паланез для касiнераў: (3 падзей паўстання 1794 г. пад кiраўнiцтвам Т. Касцюшкi на Беларусi) / У. П. Емяльянчык. – Мiнск: Беларусь. – 160 с.
5. Актовая книга «Минский земский повестовый суд» // НГАБ. – Фонд 686. – Оп. 1. – Д. 9. – 96 л.
6. Юхо, Я. А. Гiсторыя дзяржавы i права Беларусi: вучэб. дапаможнiк: у 2 ч. / Я. А. Юхо. – Мiнск: РiВШ БДУ, 2000. – Ч. 1. – 352 с.
7. Луговцова, С. Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века / С. Л. Луговцова. – Мiнск: БГПУ им. М. Танка, 1997. – 78 с.
8. Троицкий, Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций / Н. А. Троицкий. – М.: Высшая школа, 1999. – 431 с.
9. Гарбачова, В. В. Паўстанне 1830–1831 гг. на Беларусi / В. В. Гарбачова; [наук. рэд. У. А. Сосна]. – Мiнск: БДУ, 2001. – 184 с.
10. Дело о дворянском происхождении рода Грегоровичей // Letuvos valstybes istorijos archivas (LVIA). – Фонд 391. – Оп. 5. – Д. 207. – 17 л.
11. Дело о дворянском происхождении рода Матулевичей Виленского и Россонского уездов (1804–1842) // LVIA. – Фонд 391. – Оп. 5. – Д. 404. – 42 л.
12. Дело об установлении дворянского происхождения рода Шабуневичей Ковенского и Ошмянского уездов (1800 – 1842) // LVIA. – Фонд 391. – Оп. 5. – Д. 649. – 9 л.
13. Тумiловiч, Г. М. Палiтыка царызму ў адносiнах да дробнай шляхты Беларусi ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / Г. М. Тумiловiч // Нацыянальная палiтыка расійскага самадзяржаўя на Беларусi ў канцы XVIII – пачатку XIX ст.: зб. навук. прац / Бел. дзярж. педагаг. ун-т; рэдкал.: А. М. Люты [i iнш.]. – Мiнск, 1995. – С. 114–128.

Паступiла 15.03.2012

УДК 94(476):930

Л. И. Мосейчук, научный сотрудник (ЦПРО БГУ)**СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ
СЕМИНАРСКОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УНИАТСКОГО КЛИРА
В XVIII В. НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ**

Статья посвящена изучению состояния и развития семинарского духовного униатского образования. На протяжении всего XVIII в. на белорусских землях работало два образовательных учреждения, в которых представители белого униатского духовенства могли получить специальное образование: Виленский папский Алумнат и Новосверженская семинария. Действовавшие учебные заведения из-за отсутствия строгой субординации сочетали в себе низшую, среднюю и даже высшую ступени образования. В образовательной программе данных учебных учреждений особое внимание уделялось латинскому языку и делался акцент на изучение католической богослужебной традиции.

The article is devoted to studying of the condition and development of the Uniat seminary's theological education. For a period of all XVIII century two educational institutions were functioning on Belorussian lands where the representatives of the secular Uniat's: clergy could obtain a special education: the Vilensky papal Alumnat and the Novosvergenskaya seminary. The functioning educational institutions combined the lowest, the middle and even the superior educational degrees because of the absence of a strict subordination. A particular attention was given to Latin and to studying of the catholic divine service tradition.

Введение. Научный интерес к униатству как культурному феномену на протяжении веков не ослабевает, притягивая к себе внимание историков, культурологов, социологов и филологов. Однако несмотря на большое количество работ, посвященных Униатской Церкви, как в отечественной, так и в зарубежной историографии, образовательная система белого униатского духовенства на белорусских землях до настоящего времени еще не стала предметом специального научного исследования.

Вопросы становления, развития и функционирования униатских духовных семинарий средней и высшей ступени в XVIII в. были затронуты в работах таких авторов, как Д. Лисейчиков [1], С. Морозова [2], И. Беллинский [3], М. Радван [4], И. Лукашевич [10], И. Охманский [13]. Интересный материал содержится в воспоминаниях П. Яновского [6] и А. Зубко [13], а также в законодательных актах и постановлениях [7–9], касающихся организации и устройства униатских духовных семинарий в указанный период.

Цель данной статьи: используя научный задел предыдущих исследований, рассмотреть состояние униатских духовных семинарий XVIII в. и развитие их образовательной составляющей. Исследование охватывает территории, где, по оценкам экспертов, на протяжении изучаемого периода преобладали представители белорусского этноса.

Основной текст. К началу XVIII в. Униатская Церковь имела обширную сеть приходов, которая полностью охватывала территорию Великого княжества Литовского. Была выстроена

четкая иерархическая внутрицерковная структура. Однако единая образовательная система белого униатского духовенства создана не была.

Дети униатских пастырей зачастую получали только начальное домашнее образование. Лишь некоторые из них, как правило сыновья наиболее обеспеченных униатских священников, продолжали обучение в иезуитских коллегиях, пиарских школах, базилианских новициатах или иезуитских университетах [1, с. 37]. В редких случаях представители белого униатского клира обучались в католических семинариях, таких как Виленская, Минская и Брестская [1, с. 38].

Вопрос о низком образовательном уровне белого униатского духовенства рассматривался на Замойском соборе (26.VIII – 17.IX.1720 г.). После его обсуждения было принято постановление «людей неученых в духовный чин не принимать, на должности не назначать, паству им не доверять» [2]. Для получения права на слушание исповеди священники отныне должны были сдавать специальный экзамен по моральному богословию. Епископов обязали, по возможности, основать в каждой епархии семинарию для образования священнических детей белого униатского духовенства. При каждом крупном монастыре постановлено создать богословские школы для духовенства под началом базилиан [2]. Как видно из постановлений, вопрос о подготовке униатских священников стоял весьма остро.

В современной историографии большинство авторов, которые обращались к теме униатских духовных школ, склоняются к мнению,

что базилианский орден¹, в ведении которого находилась униатская образовательная система, предпринимал недостаточно усилий для обучения будущего униатского светского духовенства [1, 2].

Единственным учебным заведением, в котором белое униатское духовенство могло получить специальное образование, на протяжении долгого времени оставался Виленский папский Алумнат («*Alumnat papieski*»).

Данное учебное учреждение было основано по распоряжению Папы Григория XIII в г. Вильно в конце XVI в. для молодых людей, «способных к духовному сану» [3, с. 83], и просуществовало до 1798 г. [3, с. 84].

Виленский папский Алумнат размещался в здании, примыкавшем к епархиальной Виленской католической семинарии. Алумнат был рассчитан на 16 учеников: 12 католического вероисповедания и 4 униатского [3, с. 83]. Места, предназначенные для униатского клира, как правило, занимались представителями базилианского ордена, что вызывало негативное отношение к данной институции со стороны белого духовенства.

С первых дней своего открытия учебное заведение было под управлением иезуитов. Преподаватели в Виленский Алумнат назначались непосредственно из Рима, где, как правило, и готовились для этой должности [4, с. 145]. Из-за многочисленных войн и политических неурядиц в Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. занятия в Алумнате часто прерывались, а количество клириков редко превышало 7 человек.

С обострением отношений между иезуитами и католическими иерархами буллой Папы Бенедикта XIV «*Commendatissimum studium*» от 5 апреля 1753 г. Алумнат был передан под управление базилианского ордена. В документе подчеркивалось, что делается это с целью повышения образовательного уровня униатского духовенства [5, с. 156].

С 12 февраля 1753 г. начинается его реорганизация. Количество алумнов увеличилось с 16 до 20. Подтверждая новый состав семинаристов, ректор Феликс Вержбицкий (1752–1769 гг.) в 1754 г. подчеркнул, что из 20 мест 4 будет распределено между монахами базилианского ордена, а 16 – отдано белому униатскому духовенству [3, с. 85]. По одному ученику

присылали Киевская епархия, воеводства Виленское, Новогрудское, Минское, Полоцкое, Витебское, Брестское и Подляшье. По двое клириков присылали из Полоцкой, Смоленской, Владимирской и Пинской епархий [3, с. 84–85].

Папская институция, как и прочие семинарии, представляла собой учебное заведение закрытого типа, где воспитанники бесплатно обеспечивались жильем, питанием и обучением, давая обещание посвятить себя духовной карьере [3, с. 84]. В уставе данного учебного заведения говорилось, что воспитанники Алумната предназначаются для занятия высших должностей в Униатской Церкви до епископства включительно (*usque ad episcopatum*) [5, с. 156].

По данным П. Янковского, обучение в Алумнате длилось семь лет [6, с. 268]. А преподавание «философско-богословских наук, составлявших программу Алумната, смотря по времени, было очень удовлетворительным и чуждым той узости взгляда и фанатической односторонности, коими страдали другие подобные заведения, почти исключительно управляемые иезуитами» [6, с. 268].

Фундуш Алумната был небольшим и состоял из 43 200 руб., высылаемых из Рима на содержание 16 семинаристов униатского вероисповедания, и денежного пожертвования виленского маршалка М. Мнишки (1748–1806 гг.) [5, с. 146] в 54 000 злотых, позволявшего содержать еще четверых воспитанников [3, с. 83].

Все преподавателями и ректоры семинарии были представителями базилианского ордена. В вышеназванный период ее возглавляли Феликс Вержбицкий (1752–1768 гг.) и Павел Корсак (1769–1798 гг.) [3, с. 85].

Выпускниками этой духовной школы были: протопросвитель Оршанского и Бабиновического уезда каноник Савинич, протопросвитель Витебского, Суражского и Вележского уездов каноник Юрьевич, протопросвитель Гродненского и Невельского уездов каноник М. Копецкий, протопросвитель Люцинского, Дрисенского и Себежского уездов каноник Конюшевский, протопросвитель Полоцкого уезда каноник Радзевич. А также полоцкий архиепископ И. Красовский и протоирей А. Тупальский, оказавшие впоследствии значительное влияние на

¹ Был создан по образцу западных орденов вторым униатским митрополитом И. Рутским в 1605 г., сочетал в себе элементы восточной и западной монашеской жизни, соединяя созерцательную жизнь с активной душепастырской деятельностью. Основным принципом монашеской жизни провозглашалось следование обетам бедности, целомудрия и послушания. Особо подчеркивалась необходимость совместного проживания монахов в монастырях. Важной чертой, характеризующей базилиан, была их тесная связь с иерархией униатской церкви. В 1635 г. базилиане получили от короля Владислава IV важную привилегию, по которой в епископы должны были избираться не кандидаты из белого духовенства, а только монахи. Это обстоятельство создало предпосылки для доминирующей роли ордена в униатской церкви и способствовало возрастанию его экономического могущества.

развитие униатской духовной образовательной системы.

Примечателен тот факт, что выпускник данного учебного заведения протоирей А. Тупальский в разговорах со своими воспитанниками, а впоследствии и единомышленниками, вспоминал о папском Алумнате с теплотой и признательностью, отмечая, что хорошее знание восточного обряда униатской церкви было получено им в данном учебном заведении [6, с. 267–268].

В результате интервенции французского императора Наполеона в Италию и политических неурядиц в Речи Посполитой финансирование семинарии прекратилось. К концу XVIII в. она задолжала крупную сумму. Бывший в то время при Российском дворе папский нунций архиепископ Литта, узнав об этом, издал распоряжение, согласно которому клирики были переведены в другие учебные заведения, семинарские здания проданы с торгов, а вырученные от их продажи деньги потрачены на уплату долгов [3, с. 83].

В период с 1753 по 1798 гг. «*Alumnat parieski*» сыграл определенную роль в обучении представителей униатского клира. Ряд его выпускников впоследствии оказал заметное влияние на дальнейшее развитие духовного униатского образования, поскольку успешное окончание Алумната, не являющегося, по сути, высшим учебным заведением, давало право на занятие высших должностей в церковной иерархии Униатской Церкви.

Вместе с тем очевидно, что папская инсти-туция была недоступна широким слоям униатского клира и, как следствие, ее деятельность не могла сильно повлиять на ситуацию просвещения белого униатского духовенства. Вопрос подготовки священников униатских приходов по-прежнему стоял весьма остро.

Параллельно с папским Алумнато действовала и Новосверженская семинария, открытая 12 июля 1743 г. князем М. Радзивиллом в местечке Новый Свержень. На ее содержание выделялось 74 300 злотых [9, л. 4]. Семинария была рассчитана на 12 учеников (алюмнов) – сыновей униатских священников из владений князя М. Радзивилла [10, с. 146]. Пятилетний курс обучения включал церковное пение, нравственное богословие, польский и церковнославянский языки, Священное Писание. Также семинаристы должны были изучать восточный богослужебный обряд. Все предметы преподавались на польском языке [12, л. 4]. Однако стоит отметить, что князь М. Радзивилл, будучи католиком, делал особый акцент на обязательное изучение будущими униатскими пастырями церковнославянского языка и восточ-

ной обрядности. Очевидно желание fundатора сохранить восточную богослужебную традицию в униатских храмах, расположенных в его владениях.

Первым ректором Новосверженской семинарии был базилианин Иннокентий Яскевич (1743–1762(?) гг.) [10, с. 267]. До 1798 г. семинария находилась под юрисдикцией Киевско-Виленской епархии [9, л. 4], с 1798 г. перешла под управление брестского епископа [5], а с 1810 по 1828 гг. принадлежала Литовско-Виленской униатской епархии [13, с. 176].

Расцвет семинарии пришелся на 50–60-е гг. XVIII в. Находясь под опекой влиятельного князя, она хорошо финансировалась, в ее стенах велась не только образовательная, но и просветительская деятельность. Так, в 1754 г. была переиздана дополненная ректором семинарии Иннокентием Яскевичем книга Вагнер-Дунговского, посвященная чудесам, связанным с чудотворной иконой Божией Матери церкви Успения Пресвятой Богородицы, которую особо чтит князь М. Радзивилл (Рыбонька). В нее были внесены новые чудеса, произошедшие в период с 1677 по 1750 гг.; также напечатан акафист иконе. Книга «*Pelna Piekney iak Xiezyc, lask promieniami swiatu przymierajaca albo Pelnosc nieograniczonych dobrodziejstw Matki Boskiej w Obrazie Swerzenskim zdawna Cudami slynacey, niegdys przez x. Piotra Wagnera Dungsowskiego, Kanonika Smolen. Plebana Swerzen: Swiatu pokazana; teraz z przydatkiem drugiej czesci z roznych Autentycznych dokumentow zebrany*» была издана в г. Несвиже на польском языке и посвящалась жертвователю Новосверженской церкви гетману ВКЛ Михаилу Казимиру Радзивиллу.

Однако после смерти главного fundатора в 1762 г. семинария постепенно пришла в упадок. Уже в 1776 г. представлявший интересы белого духовенства виленский священник Казимир Щигольский безуспешно жаловался в митрополию на базилиан за нерадивое отношение к семинаристам, обучавшимся в Новом Свержне. «В семинарии, князьями Радзивиллами fundованой, – писал он, – по сие время ни одного клирика не воспитали так, чтобы в епархии мог быть полезным, ибо, употребляя оных к собственным услугам, старались удерживать их в темноте, дабы тем самым пресечь распространение просвещения между белым духовенством...» [11, с. 16]. По данным «Ревизских сказок», на 25 августа 1795 г. в Новосверженской семинарии обучалось 6 человек [8, л. 156 об. – 157].

С конца XVIII в. финансовое положение семинарии начало ухудшаться, а уровень образования воспитанников – снижаться, что особенно ярко проявилось в последующей работе семинарии в первой четверти XIX в.

Заключение. Таким образом, к концу XVIII в. подготовка к служению униатского приходского духовенства оставалась в плачевном состоянии. Работавшие учебные заведения не соответствовали запросам Униатской Церкви. Вместе с тем решения Замойского собора, перепрофилирование папского Алузната свидетельствуют, что униатское белое духовенство начало осознавать наличие проблемы и искать пути ее решения. Поддержку в развитии данного направления Униатской Церкви начинают оказывать и частные лица.

Что касается образовательной составляющей, то и в Виленском папском Алузнате, и в Новосверженской семинарии в перечень преподаваемых предметов включались история Католической Церкви и латинская церковная обрядность. Однако необходимо отметить, что церковнославянский язык и восточная церковная обрядность никогда не исчезали из расписания указанных семинарий. В то же время в преподавании господствовали польский и латинский языки. Все это привело к тому, что выпускники данных учебных заведений находились под сильным влиянием католической богослужебной традиции, идей и мировосприятия Костела.

Литература

1. Лісейчыкаў, Д. В. Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святарства беларуска-літоўскіх зямель (1720–1839 гг.): дыс. на суісканне вуч. ступені канд. гіст. навук / Д. В. Лісейчыкаў; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: [б. в.], 2008. – 283 с.: іл., табл.

2. Марозава, С. В. Униатская система образования / С. В. Марозава [Электронный ресурс]. – Лида, 2008. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/marozava/98/.html. – Дата доступа: 03.09.2010.

3. Bieliński, J. Uniwersytet Wilenski (1579–1881): w III t. / J. Bieliński. – Krakow: Druk W. L. Anczyca i spoiki, 1899–1900. – Т. I. – 537 s.

4. Radwan, M. Repertorium archiwów archidiecezji mohylewskiej i diecezji mińskiej / M. Radwan. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2001. – 268 s.

5. Сосновский, А. О средствах умножения в греко-униатском духовенстве просвещения / А. Сосновский // Литовские епархиальные ведомости 1874 г. – № 20. – С. 156–159.

6. Янковский, П. Протопресвитер Антоний Тупальский / П. Янковский // Записки сельского священника. – Минск: Свято-Петро-Павловский собор, 2004. – С. 266–276.

7. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1621. – Оп. 1. – Д. 10. – Визиты церквей и базилианских монастырей Минского уезда. 1809–1820 гг.

8. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 333. – Оп. 9. – Д. 51. – Ревизские сказки дворянства, духовенства, крестьян Мозырского, Минского, Виленского, Несвижского пов. 1795–1796 гг.

9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 824. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 51. (1818 г.)

10. Łukaszewicz, J. Szkoły bayzliańskie / J. Łukaszewicz // Historia szkół w Koronie i w Wielkim Księstwie Litewskim od najdawniejszych czasów aż do roku 1794. – Poznań, 1851. – Т. 4. – S. 263–276.

11. Бобровский, П. О. Русская греко-униатская церковь в царствование Императора Александра I: Историческое исследование по архивным документам / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890. – 394 с.

12. Зубко, А. О Греко-униатской церкви в западном крае России (воспоминания Архиепископа Антония) / А. Зубко // Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения униатов с православной церковью. – СПб, 1889. – С. 31–89.

13. Ochmański, J. Historia Litwy / J. Ochmański. – Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1990. – 396 s.

Поступила 20.02.2012

УДК 947.6«XIX–XX»

П. С. Кручак, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

**ПРАБЛЕМА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў ГІСТАРЫЯГРАФІІ
ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.**

У цяперашні час вельмі актуальнай з’яўляецца праблема вытокаў дзяржаўнасці на беларускіх землях. Многія вучоныя разглядалі Вялікае Княства Літоўскае як важнейшы этап на шляху стварэння суверэннай беларускай дзяржавы. У дадзенай публікацыі разглядаецца пытанне пра тое, як трактавалася праблема Вялікага Княства Літоўскага ў айчыннай гістарыяграфіі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

At the present time is a very urgent problem of the origins of statehood on the Belorussian land. Many scientists considered the Grand Duchy of Lithuania as one of the most important steps towards the establishment of a sovereign Belorussian state. This article discusses how to treat the problem of the Grand Duchy of Lithuania in the national historiography in the second half of XIX – early XX century.

Уводзіны. Другая палова XIX – пачатак XX ст. – гэта перыяд станаўлення беларускай гістарычнай навукі. У гістарыяграфіі дадзенага перыяду выразна аформіліся тры накірункі: афіцыйна-клірыкальны, ліберальны і нацыянальна-дэмакратычны. Прадстаўнікі кожнага з гэтых накірункаў даследавалі мінулае Беларусі, зыходзячы з уласных метадалагічных устаноў. Тыя, хто прытрымліваецца першага з іх, наогул, не прызнаюць існавання самастойнага беларускага этнасу. Усю гісторыю Беларусі да канца XVIII ст. яны разглядаюць як перыяд цемры і масавай паланізацыі. Прадстаўнікі нацыянальна-дэмакратычнага накірунку, наадварот, адстойваюць самабытнасць беларускага народа і яго права на нацыянальнае самавызначэнне. Прадстаўнікі ліберальнага накірунку займаюць у гэтых пытаннях больш памяркоўныя пазіцыі.

Асноўная частка. Важнае месца ў гістарыяграфіі другой паловы XIX – першай паловы XX ст. займала праблема дзяржаўнасці на беларускіх землях і, у тым ліку, праблема Вялікага Княства Літоўскага.

Першымі да вывучэння гэтага пытання звярнуліся прадстаўнікі ўрадавага лагера. Іх цікаваць да мінулага Беларусі асабліва ўзрасла пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг., калі перад гісторыкамі была пастаўлена задача аргументавана даказаць, што беларусы ніколі раней не мелі сваёй уласнай дзяржаўнасці і што ўключэнне беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі з’яўляецца актам гістарычнай справядлівасці. Паказальнымі ў гэтым плане з’яўляюцца працы І. Бяляева, П. Бранцава і П. Бацюшкава. Бяляеў бачыў у каталіцкім Захадзе, і перш за ўсё ў Польшчы, галоўных праціўнікаў расійскай дзяржаўнасці. На яго думку, да Крэўскай уніі паўночна-заходняя Русь у саюзе з Літвой вяла барацьбу за абарону Усходняй Русі ад лацінства і анямечвання. Аднак унія палажыла пачатак паланізацыі беларускіх зямель і садзейнічала страце старадаўніх паралелей у гістарычным

развіцці Полацка і Ноўгарада [1, с. 155]. Такія ж погляды былі выкладзены і ў працы П. Бацюшкава [2], напісанай па заказе Міністэрства ўнутраных спраў Расіі. Ужо ў прадмове аўтар заявіў, што галоўнай мэтай выдання з’яўляецца доказ «неоспоримых прав России на западные ее окраины». ВКЛ, на яго думку, узнікла ў выніку заваявання літоўскімі плямёнамі суседніх заходне-рускіх зямель, аслабленых да таго часу раздробленасцю на ўдзелы і татарскім нашэсцем. Аднак на першым этапе існавання гэтай дзяржавы ў ёй панавалі руская народнасць, руская культура і руская мова. Такая сітуацыя працягвалася да канца XIV ст., калі пасля уніі з Польшчай узмацніўся польскі і каталіцкі ўплыў. Вынікам гэтага ўплыву стаў унутраны разлад у Літоўска-Рускай дзяржаве і натуральнае імкненне часткі яе насельніцтва да збліжэння з «единоплеменным и единоверным государством Московским». І толькі ўключэнне заходнерускіх зямель у склад Расіі стварыла ўмовы для іх вызвалення «от чуждых давлений и влияния и к самостоятельному развитию» [2, с. 4–5]. Пры гэтым тэрмінаў «Беларусь» і «беларусы» аўтар, наогул, не ўжываў. Сваіго апагея дадзеная пазіцыя дасягнула ў працы П. Бранцава, які ў чорна-белых фарбах намаляваў адмоўнае ўздзеянне каталіцызму на беларускіх землях і гаючы ўплыў праваслаўя [3].

Такі аднабок падыход паспрабавалі згладзіць прадстаўнікі ліберальнага накірунку. Трэба адзначыць, што ліберальны накірунак у беларускай гістарыяграфіі прадстаўлены даволі сціпла. Гэта было звязана, перш за ўсё, з тым, што ў Беларусі адсутнічалі свае навуковыя і ўніверсітэцкія цэнтры, у якіх і пераважае, у асноўным, ліберальная інтэлігенцыя. Таму большая частка беларускіх гісторыкаў была вымушана працаваць за межамі краю – ва ўніверсітэцкіх цэнтрах Расійскай імперыі. Сярод такіх вучоных ліберальнага накірунку можна назваць, перш за ўсё, М. Любаўскага і І. Лапо.

Найбольш мощны ўдар па «заходнерусісцкай» версіі гісторыі ВКЛ нанеслі працы расійскага ліберальнага гісторыка М. Любаўскага, які асноўную ўвагу надаваў даследаванню гісторыі Вялікага Княства Літоўскага.

М. Любаўскі падкрэсліваў, што гісторыя ВКЛ з'яўлялася непасрэдным працягам гісторыі Кіеўскай Русі, бо літоўска-руская дзяржава захавала значна больш традыцый і рыс Кіеўскага перыяду, чым Русь Уладзіміра-Суздальская, якая будавала сваё жыццё на новых пачатках, што склаліся пад уплывам мангола-татарскага нашэсця.

М. Любаўскі прапанаваў сваю канцэпцыю ўтварэння ВКЛ. Ён лічыў, што беларускія землі ўключаліся ў склад новай дзяржавы добраахвотна на дамоўнай аснове. Гэта прывяло да ўсталявання ў дзяржаве федэратыўнага ладу. Напрыклад, Полацкая і Віцебская землі доўгі час захоўвалі вялікую самастойнасць. У новай дзяржаве панавалі «рускія» законы, «рускія» парадкі і «руская» мова. Пры гэтым пад тэрмінам «рускі» вучоны разумее той славянскі элемент, які насяляў тэрыторыю сучаснай Беларусі і Украіны і ў далейшым з'явіўся асновай для фарміравання беларускай і ўкраінскай народнасцяў [4, с. 1].

У якасці галоўнай прычыны ўтварэння ВКЛ М. Любаўскі бачыў знешнюю пагрозу з боку крыжакоў і мангола-татар. Гісторык разглядаў утварэнне ВКЛ як своеасаблівую рэстаўрацыю былой Кіеўскай дзяржавы, узнаўленне парушанага адзінства. Як збіральніца рускіх зямель ВКЛ больш чым на сто гадоў апярэдзіла Маскоўскую дзяржаву [4, с. 37]. Такія высновы поўнасцю супярэчылі поглядам афіцыйных расійскіх гісторыкаў, якія сцвярджалі, што толькі Маскоўская дзяржава стала законным спадкаемцам традыцый Кіеўскай Русі.

Аналізуючы сацыяльна-палітычныя сістэмы ВКЛ і Маскоўскай дзяржавы, М. Любаўскі прыйшоў да высновы, што яны развіваліся ў супрацьлеглых накірунках. Маскоўская дзяржава ішла шляхам манархічнага абсалютызму і адміністрацыйнага цэнтралізму. У выніку яна набыла форму спадчыннай і неабмежаванай манархіі з моцным цэнтральным апаратам. ВКЛ, у сваю чаргу, развівалася ў напрамку канстытуцыйналізму і федэралізму. Яго палітычная сістэма набыла форму выбарчай манархіі, абмежаванай Радай і Сеймам. Пры гэтым мясцовае кіраванне адыгрывала ў ВКЛ значную ролю і мела рысы аўтаноміі. Такая сітуацыя замацоўвалася прывілеямі, якія давала месцам велікакняжацкай ўлада.

М. Любаўскі паспрабаваў даць адказ на пытанне: чыёй дзяржавай з'яўлялася Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае? Ён высту-

піў супраць канцэпцыі так званай «літоўскай дзяржаўнасці», якая даказвала прыярытэт літоўскіх феадалаў у ВКЛ. Гісторык падкрэсліваў, што гэта пытанне трэба разглядаць у дынаміцы. На першым этапе станаўлення палітычнай сістэмы ВКЛ вядучую ролю адыгрываў славянскі элемент. Потым пасля Крэўскай уніі дамінаваць пачынаюць літоўска-каталіцкія пань і баяры. Аднак у выніку напружанай барацьбы на працягу XV–XVI стст. беларуска-ўкраінская частка феадалаў праваслаўнага і пратэстанцкага веравызначэння дабіваецца палітычнага парытэту. Дзяржаўная ўлада пачынае больш-менш прапарцыянальна размяркоўвацца паміж магнатамі і шляхтай славянскага і балцкага паходжання. Таму і дзяржаву М. Любаўскі называў літоўска-рускай.

Палітычную гісторыю ВКЛ XV–XVI стст. М. Любаўскі падзяляў на два перыяды. Першы (40-я гг. XV – 40-я гг. XVI стст.) – час княжання Казіміра і яго сыноў. Вядучая палітычная роля ў грамадстве ў гэты перыяд належыла беларуска-літоўскай арыстакратыі – князям і панам. Шляхта адыгрывала другасную ролю. Другі перыяд – час вялікага княжання Сігізмунда-Аўгуста (1548–1572). Шляхта ў гэты час дабіваецца роўных правоў, перапрацоўвае заканадаўства, дзякуючы чаму палітычны лад ВКЛ набліжаецца да польскага. Каб замацаваць такое становішча, шляхта ставіць пытанне пра унію з Польшчай. Люблінская унія 1569 г., на думку М. Любаўскага, паклала канец самастойнаму існаванню літоўска-рускай дзяржавы.

Відным прадстаўніком ліберальнага накірунку ў гістарыяграфіі другой паловы XIX – пачатку XX ст. з'яўляўся І. Лапо, які большую частку сваёй навуковай дзейнасці правёў у Дзерпцкім універсітэце. Яго асноўныя працы былі прысвечаны даследаванню сацыяльна-палітычнай гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ў XVI ст., гісторыі яго дзяржаўных устаноў і сацыяльнай структуры грамадства. Вялікую ўвагу вучоны надаваў крыніцазнаўчаму аналізу Літоўскай Метрыкі, у якой былі сабраны важнейшыя дакументы велікакняжацкай канцылярыі.

Прааналізаваўшы шматлікія гістарычныя крыніцы, І. Лапо прыйшоў да высновы, што і пасля заключэння Люблінскай уніі беларуска-літоўскія землі захоўвалі сваю адасобленасць ад Польшчы, і перш за ўсё ў прававых адносінах [5, с. 228].

Вялікую ўвагу І. Лапо надаваў аналізу сацыяльнай структуры ВКЛ, і ў першую чаргу сацыяльна-палітычнаму становішчу шляхецкага саслоўя. Пры гэтым ён не толькі аналізаваў сацыяльную структуру ВКЛ на агульнадзяржаўным узроўні, але і спрабаваў прасачыць яе рэгіянальныя асаблівасці. Усё гэта рабілася для больш поўнага

разумення ролі ўсходнеславянскага элемента ў гісторыі гэтай дзяржавы.

Важнае месца Вялікае Княства Літоўскае займала ў працах пачынальнікаў беларускай нацыянальнай гістарыяграфіі М. Доўнар-Запольскага, У. Пічэты і В. Ластоўскага.

Вывучэнне розных аспектаў палітычнай, сацыяльна-эканамічнай і культурнай гісторыі Вялікага Княства Літоўскага займала адно з цэнтральных месц у даследаваннях М. Доўнар-Запольскага. У пытанні наконт узнікнення ВКЛ гісторык рашуча выступіў супраць пануючага ў той час пункту погляду пра прымусовы захоп беларускіх зямель літоўцамі. Не пагадзіўся ён і з тэзісам М. Любаўскага пра добраахотнае ўваходжанне беларускіх і ўкраінскіх зямель у склад новай дзяржавы. М. Доўнар-Запольскі падкрэсліваў, што шляхі далучэння беларускіх зямель да ВКЛ былі рознымі. Адны землі сапраўды далучаны мірным, дыпламатычным шляхам, другія, вытрымаўшы папярэдняю барацьбу з літоўцамі, падпарадкаваліся ім на дагаварных умовах і, нарэшце, трэцяя частка беларускіх зямель была заваёвана вялікімі князямі Літоўскімі [6, с. 12]. Ад таго, якім чынам розныя землі ўвайшлі ў склад княства, залежылі і адносіны князя да гэтых зямель. Вынікам такога аб'яднання стаў федэратыўны характар новай дзяржавы. Тыя землі, якія ўвайшлі ў склад ВКЛ добраахотна, на дагаварных пачатках, атрымалі ад вялікага князя ўстаўныя земскія граматы, што забяспечвала ім аўтаномію ў складзе гэтай дзяржавы. Заваёваныя ж землі ўвайшлі непасрэдна ў склад гаспадарчай вотчыны.

Тое, што ў склад ВКЛ увайшлі больш развітыя ў палітычным і культурным плане беларускія землі, наклала свой адбітак на сацыяльную структуру і палітычны лад усёй дзяржавы. Асноўным прынцыпам, які з'яўляўся звязуючым звяном паміж дзяржавай і яе састаўнымі часткамі, быў прынцып «старыны», згодна з якім вялікі князь даваў розным тэрыторыям спецыяльныя граматы, дзе абавязваўся не парушаць старых парадкаў і не ўводзіць новых. Гэты прынцып з'яўляўся, на думку М. Доўнар-Запольскага, своеасаблівай няпісанай канстытуцыяй, якая абараняла грамадскія і прававыя парадкі і правы асобы ад дыктату адміністрацыйнай улады ў тыя часы, калі пісанае права яшчэ не склалася. Такая сістэма замацоўвала ў новай дзяржаве той палітычны, сацыяльны і прававы парадак, які ўсталяваўся яшчэ ва ўдзельна-вечавы перыяд і зараз быў скарыстаны менавіта да новых умоў [7, с. 72]. Толькі ў выніку прывілеяў агульнадзяржаўнага характару Казіміра і Аляксандра Ягайлавічаў асобныя тэрыторыі сталі страчваць свае асаблівасці,

хаця гэты працэс і зацягнуўся да сярэдзіны XVI ст.

Значную ўвагу М. Доўнар-Запольскі надаваў нацыянальна-рэлігійнаму пытанню ў ВКЛ. На яго думку, на першым этапе існавання новай дзяржавы славянскі культурны элемент адыгрываў у ёй вядучую ролю. Больш развітыя сістэма права, мова і рэлігія беларускіх княстваў паступова распаўсюджваліся і на літоўскія землі. Але пасля заключэння Крэўскай уніі сітуацыя змянілася. Унія адкрыла шлях у княства каталіцтву, што паклала пачатак шматвекавому рэлігійнаму супрацьстаянню ў дзяржаве. Асабліва абвастралася гэтае супрацьстаянне пасля заключэння Люблінскай і Брэсцкай уній, якія М. Доўнар-Запольскі лічыў аднымі з самых вялікіх паражэнняў, нанесеных беларускаму народу [7, с. 95]. Унія адкрылі шляхі для масавай паланізацыі Беларусі. Мясцовая шляхта, якая імкнулася да поўнага ўраўноўвання ў правах са шляхтай Польшчы, усё больш схілялася да каталіцызму, які далучаў да польскай культуры і мовы. Гэта надавала сацыяльна-эканамічнай барацьбе на Беларусі і ва Украіне нацыянальна-рэлігійнае адценне, чым у далейшым і скарысталася Расія, якая ўзяла на сябе справу абароны правоў праваслаўнага насельніцтва Рэчы Паспалітай і, у выніку, далучыла беларускія і ўкраінскія землі да сябе.

Погляды М. Доўнар-Запольскага на гісторыю Вялікага Княства Літоўскага атрымалі сваё развіццё ў працах яго вучня У. Пічэты, які адным з першых назваў ВКЛ менавіта беларуска-літоўскай дзяржавай. У пытанні ўтварэння гэтай дзяржавы ён прытрымліваўся поглядаў М. Доўнар-Запольскага пра розныя шляхі ўваходжання беларускіх зямель у яе склад. А гэта, у сваю чаргу, наклала адбітак на палітычны лад ВКЛ. У. Пічэта падкрэсліваў, што вялікі князь прэтэндаваў толькі на знешняе прызнанне літоўскага суверэнітэту і не замахваўся на самастойнасць народнага жыцця. У выніку ВКЛ прадстаўляла сабой федэрацыю абласцей, правы якіх гарантаваліся велікакняжацкімі актамі. Самастойнасць удзельных княстваў знікла толькі ў гады княжаня Вітаўта. Аднак і апошні дараваў землям шэраг устаўных грамат, якія замацоўвалі мясцовыя звычаі і юрыдычныя нормы, што існавалі на той час. У далейшым гэтыя граматы былі пацверджаны і наступнымі літоўскімі князямі: Казімірам, Аляксандрам і Жыгімонтам [8, с. 35].

У. Пічэта лічыў, што ВКЛ у культурным плане з'яўлялася беларускай дзяржавай. Беларуская мова была мовай дзяржаўнай. На ёй пісаліся ўсе дзяржаўныя акты, царкоўныя і свецкія творы. Найбольшага росквіту беларуская культура дасягнула ў XVI ст. Пры гэтым вучоны

падкрэсліваў, што ў XV – першай палове XVI стст. пануючыя класы ВКЛ яшчэ заставаліся верныя нацыянальнай культуры і ўсякімі сродкамі дапамагалі яе развіццю. Сітуацыя змянілася толькі пасля заключэння Люблінскай уніі, якая зблізіла беларускую шляхту з польскай і тым самым садзейнічала засваенню ёй польскіх форм быту і, у рэшце рэшт, адкрыла шляхі да яе поўнай паланізацыі. З гэтага моманту беларуская мова захоўвалася толькі ў асяродку сялян і часткова мяшчанства, а сацыяльны прыгнёт дапоўніўся прыгнётам нацыянальным і рэлігійным.

Значнае месца Вялікае Княства Літоўскае займала і ў працах вядомага беларускага гісторыка В. Ластоўскага. Вучоны разглядаў ВКЛ як важнейшы этап у развіцці беларускай дзяржаўнасці. Ён лічыў, што гэта быў перыяд аб'яднання старадаўніх беларускіх зямель, далучэння да іх верхненёманскай летапіснай Літвы, Украіны, Жамойці і іншых прыбалтыйскіх зямель. Пры гэтым вучоны прытрымліваўся памылковага пункту погляду пра полацкае паходжанне літоўскіх князёў і падкрэсліваў вялікую ролю крывічоў у стварэнні Вялікага Княства Літоўскага з цэнтрам у Навагрудку. В. Ластоўскі называў новую дзяржаву Літоўска-Рускім, або Літоўска-крывічанскім княствам. Вучоны падкрэсліваў важнае значэнне беларускага элемента ў новай дзяржаве і ў пацвярджэнне сваёй пазіцыі прыводзіў той факт, што вялікі князь Літоўскі і кароль польскі Ягайла і яго сыны да канца свайго жыцця размаўлялі на беларускай мове. Па-беларуску размаўлялі да XVI ст. і іншыя князі з роду Гедэміна. Аднак, на думку В. Ластоўскага, сітуацыя рэзка змянілася пасля смерці Вітаўта. Як падкрэсліваў гісторык, «з гэтага часу асобная гісторыя Беларусі канчаецца: гэтая старонка пачынае жыць агульным жыццём перш Літвы і Русі, а з 1569 г. і Польшчы» [9, с. 30]. Трагічнай старонкай у гісторыі беларускай дзяржаўнасці гісторык лічыць Люблінскую унію 1569 г. Як і большасць расійскіх гісторыкаў XIX – пачатку XX стст., ён разглядае яе як капітуляцыю ВКЛ перад Польшчай.

Такім чынам, прадстаўнікі нацыянальна-дэмакратычнага накірунку ў гістарыяграфіі разглядалі Вялікае Княства Літоўскае як важнейшы этап шляху развіцця беларускай дзяржавы. Яны лічылі, што гэты этап працягваўся да Люблінскай уніі 1569 г., у выніку якой самастойнае існаванне ВКЛ, па сутнасці, спынілася і значна ўзмацніўся польскі ўплыў.

Заклучэнне. Такім чынам, ацэнка месца і ролі Вялікага Княства Літоўскага ў беларускай гісторыі цалкам залежыла ад таго, да якога лагера адносіўся гісторык. Прадстаўнікі афіцыйна-клерыкальнага лагера разглядалі ВКЛ выключна як дзяржаву літоўскіх феадалаў, якая ўзнікла ў выніку заваявання ўсходнеславянскіх зямель літоўцамі. Гісторыкі ліберальнага накірунку лічылі ВКЛ літоўска-рускай дзяржавай, дзе славянскі элемент адыгрываў вельмі важную ролю. І, нарэшце, прадстаўнікі нацыянальна-дэмакратычнага накірунку бачылі ў Вялікім Княстве Літоўскім элементы менавіта беларускай дзяржавы, у межах якой канчаткова склаўся самастойны беларускі этнас.

Літаратура

1. Беляев, И. Д. История Полоцка, или Северо-Западного края России, от древнейших времен до Люблинской унии / И. Д. Беляев. – М.: Тип. М-ва внутренних дел, 1872. – 432 с.
2. Батюшков, П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края / П. Н. Батюшков. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1890. – 376 с.
3. Брянцев, П. Д. История Литовского государства с древнейших времен / П. Д. Брянцев. – Вильно, 1889. – 387 с.
4. Любавский, М. К. Очерки истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – М., 1915. – 296 с.
5. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория. 1569–1586 / И. И. Лаппо. – СПб., 1901. – 243 с.
6. Довнар-Запольский, М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1901. – 807 с.
7. Довнар-Запольский, М. В. Исторические судьбы Верхнего Поднепровья и Белоруссии и культурные их успехи / М. В. Довнар-Запольский. – СПб.: Изд-во А. Деврина, 1905. – 227 с.
8. Пичета, В. И. История Литовского государства до Люблинской унии / В. И. Пичета. – Вильно, 1921. – 74 с.
9. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Мінск: Беларусь, 1992. – 88 с.

Паступіла 13.03.2012

УДК 37.011.31-051«185/19»

В. М. Острога, кандидат исторических наук, доцент (БГТУ)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ УЧИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматривается общественно-политическое движение учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Показано, что система народного образования в данный период являлась мощным орудием политической борьбы. Раскрыта суть ограничительных мер со стороны властей в области кадровой политики, дана характеристика основных направлений общественно-политического движения учительства: участие в освободительном движении, кружковая и просветительская работа, организация съездов, обществ и др.

The article is dedicated to the teaching movement in Belarus of the second part of the XIXth century and the beginning of the XXth one. The system of public education is shown to be a powerful weapon of political struggle at that historical period. Restrictions typical for authorities of those days are described, as well as the characteristics of the main directions of social and political movement of teachers (their participation in the liberation movement, educational work, organization of summits and societies, etc.).

Введение. Школьная реформа середины XIX в. ставила своей целью приведение системы образования России и ее окраин в соответствие с социально-экономическими потребностями. Существенные качественные изменения не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в просвещении заставили правительство пересмотреть степень и характер своего участия в делах школы и привели в действие мощный фактор развития образования – общественно-педагогическое движение. Учительство как наиболее массовая часть интеллигенции являлось своеобразным зеркалом, отражающим сложные процессы социальной жизни и национально-освободительного движения.

Основная часть. После подавления восстания 1863–1864 гг. в Беларуси началась продолжительная полоса политической реакции, которая сопровождалась учреждением исключительных законов. Осуществляя школьную реформу 1860-х гг., царское правительство взяло курс на русификацию края. Характеризуя ситуацию в Северо-Западном крае, А. И. Миловидов отмечал, что «польскому чувству был дан полный простор для развития», поэтому школа края начала служить целям не просветительским, а прежде всего политическим и сделалась очагом революционного движения. Руководителем последнего был Виленский университет, ежегодно выпускавший «пропитанных полонизмом и фанатизированных учителей и дававший соответствующее направление записавшим от него учебным заведениям» [1, с. 4].

Передовая общественность понимала, почему после восстания 1863–1864 гг. был поднят вопрос о народном образовании как о лучшем средстве для противодействия «польским начинаниям», почему были «привлечены для занятия учительских должностей лучшие русские силы с увольнением поляков». Новый попечи-

тель округа И. П. Корнилов в записке М. Н. Муравьеву «О замене польских учителей русскими» (12 июля 1864 г.) отмечал, что учителями из России должны быть заменены в первую очередь все преподаватели в гимназиях, прогимназиях и трехклассных уездных училищах, ибо «ежедневный опыт убеждает, что достаточно присутствия одного учителя-поляка, чтобы лишить педсоветы всякой силы и препятствовать взаимному доверию и обмену мнениями». Чиновники и служащие польского происхождения заменялись русскими, а училищное начальство должно было решать, «не являлось ли их дальнейшее пребывание в городах, где они состояли преподавателями, вредным для воспитания юношества» [2, с. 82].

Серьезные кадровые перестановки были сделаны и в Слуцкой гимназии. Директор Богусhevский свидетельствовал, что «в среде учителей здешнего происхождения и учащихся заметно было заразительное влияние общества». Даже среди членов педсовета «не было полного единодушия, так как большинство состояло из поляков-реформаторов, нередко сочувствовавших восстанию». Вследствие этого «инспектор гимназии Герман был арестован по подозрению в подписке на революционные проповеди. Арестованный учитель математики коллежский асессор Миладовский был отправлен на жительство в г. Томск. Учитель географии губернский секретарь Домбровский за самовольную отлучку был исключен со службы и впоследствии сослан в Сибирь» [3, с. 120].

Кадровая политика была взята под особый контроль и в женских средних учебных заведениях. М. Н. Муравьев был убежден, что женские гимназии Западного края «сделались совершенно польскими училищами, где преобладает над всеми предметами польский язык, воспитанницы не умеют почти вовсе говорить

по-русски, надзирательницы состоят из лиц польского происхождения, преданных душой польской политико-религиозной пропаганде». От должности начальника Виленской женской гимназии отстранили «поляка Калиновского», были лишены места главная надзирательница поляка Богдановичева и ее дочь Юзефа «как известные своим неблагонадежным направлением и участием в бывших политических манифестациях» [4, с. 22]. В этих случаях решение об увольнении и привлечении к ответственности принималось «незамедлительно».

Период 70–80-х гг. XIX в. был временем усиленного движения передовой интеллигенции «в народ». Студенты, врачи, учителя, разночинцы направлялись из городов в деревни с двойной целью – непосредственного ознакомления с народом, с одной стороны, его просвещения и революционизирования, с другой. Известный педагог и общественный деятель Н. В. Чехов писал, что народное учительство явилось одной из самых подходящих форм для осуществления служения народу. Впервые в деревне появляется «представитель интеллигентного класса не как начальник или помещик-эксплуататор, а как простой работник в деле, которое нередко исполняли и крестьяне». Недоверие к пионерам этого движения со стороны крестьян очень скоро сменилось любовью и уважением. Это были «действительно хорошие и искренние, преданные своему делу учителя, каких наша начальная школа до тех пор не знала» [5, с. 171].

Педагоги прилагали усилия для сближения не только с крестьянами, но и с поместным дворянством. Так, А. Жонглович в 1873 г. устроился домашним учителем в одно из поместий Виленской губернии, где старался близко познакомиться с крестьянами. В беседах с ними он разоблачал сущность крестьянской реформы, гражданские и уголовные законы Российской империи, злоупотребление своим положением чиновничества и духовенства. Учитель надеялся привлечь к борьбе местных польских помещиков, но близкое знакомство с ними показало, что «шляхта давно растеряла свою былую революционность и уже не помышляла о вооруженной борьбе с царизмом».

В целом народническое движение по своему составу было движением интеллигенции, в котором, например, врачи, адвокаты, учителя составляли 13,6%, студенты – 16,6%, учащиеся средних учебных заведений – 25,1%. Нелегальные кружки молодежи были созданы почти во всех крупных городах Беларуси. Инициаторами их создания были в основном студенты высших учебных заведений – выходцы из Литвы и Беларуси. Как и все движения этого периода,

революционные кружки края не имели единого центра, общего плана деятельности и программы. Например, самым многочисленным из могилевских был кружок С. Езерского, в состав которого входила местная интеллигенция, в основном учителя. Среди учителей могилевских сельских училищ вел пропаганду В. В. Рюмин. Еще в 1874 г. он участвовал в студенческих беспорядках в Петербурге, за что был арестован. В 1877 г. В. В. Рюмин приехал в Могилев, познакомился со многими сельскими учителями и готовил кадры будущих агитаторов среди тех, кому уже не надо было искать место в деревне, заводив знакомства и авторитет среди крестьян, так как они давно жили среди них и учили их детей.

Что же касается нелегальных кружков в условиях правительственной реакции, то они создавались не в среде работающих педагогов, а в педагогических учебных заведениях, которые жили «двойной жизнью»: официальной, казенной и неофициальной – общественно-политической. А. Е. Богданович в своих неопубликованных воспоминаниях писал, что он и его друзья, окончившие в 1882 г. Несвижскую учительскую семинарию и занимавшиеся там в нелегальном образовательном кружке, вели работу по заранее составленному плану среди крестьян тех деревень, в которых учительствовали. Первым шагом была организация народных чтений на темы, интересовавшие крестьян, а затем, заручившись доверием и наметив более развитых и решительных, вели отдельно пропаганду с социалистическим и революционным уклоном, что «выходило за пределы одобряемого начальством» [6, с. 73, 87].

Общественная деятельность учителей регулировалась изданными в Виленском учебном округе инструкциями. Они не должны были ни прямо, ни косвенно вмешиваться в дела, которые не относились к их обязанностям. Например, сельским учителям запрещалось писать просьбы и жалобы от имени крестьян. В основной своей массе учителя именно так и поступали, но наиболее активные не стояли в стороне от проблем деревни, помогали участвовать в учреждениях мелкого кредита, присутствовали на «мужицких» собраниях. Так, в Черноруцкой волости Могилевского уезда было созвано собрание для составления приговора о разделе земли на хуторские участки. Крестьяне уже согласились с этим, но изменили свое решение под влиянием учителя Д. М. Рущкого, который служил там 10 лет и пользовался среди крестьян авторитетом [7, л. 243]. 1 августа 1906 г. учитель школы грамоты д. Ломы Полоцкого уезда Т. Я. Мищенко обратился с речью к собравшимся на ярмарке в с. Чайки крестьянам,

призывая их не платить налоги, не выполнять воинскую повинность, разгромить квартиру урядника и винную лавку и убить находившихся на ярмарке трех урядников. По факту этого дела было произведено дознание, а по приговору суда ратник Мищенко «призван на действительную военную службу и отправлен в 90-ю низшую ополченскую дружину в г. Варшаву» [8, л. 1, 15].

Вместе с тем серьезные недостатки в развитии системы образования, социальный статус учительства не означали, что педагоги видели альтернативу сложившемуся положению исключительно в революционном преобразовании общества в целом и школы в частности. Откровенная революционность не была свойственна подавляющему большинству учителей, что объясняется следующими причинами. Участие в разрушительных революционных процессах противоречило специфике деятельности педагогов, их задача была противоположной: формирование комплекса знаний у своих воспитанников. Революционная борьба являлась наименее гибкой среди прочих многочисленных форм участия в общественной жизни страны. Наконец, революционная деятельность была антигосударственной и, следовательно, незаконной. Учителя, находившиеся на государственной службе, в подавляющем своем большинстве предпочитали соблюдать законность [9, с. 68].

Руководство учебным округом строго отсележивало умонастроения учительства: во время назначения на должность требовались справки от местных губернаторов о «политической благонадежности», а дирекции брали письменные клятвенные обещания во всем подчиняться начальству, «быть неизменно преданными Российскому государству», «верно служить ему до последней капли крови» [10, л. 1].

Из канцелярий правительственных учреждений начальникам учебных заведений поступали циркуляры, которые запрещали учителям всякую политическую активность: «Должностным лицам, как состоящим на государственной службе, так и вольнонаемным, воспрещается всякое участие в политических партиях, обществах и союзах не только явно революционных, но и таких, которые хотя и не открыто причисляют себя к революционным, тем не менее в программах своих, в воззваниях своих вожаков и в других проявлениях своей деятельности обнаруживают стремление к борьбе с правительством». Учителя, принимавшие участие во враждебных власти организациях или замеченные в «противогосударственной агитации», немедленно увольнялись со службы и в отношении их «должно быть возбуждаемо судебное преследование» [11, л. 99].

Общественно-педагогическая деятельность учительства по своему характеру была либеральной. Она проявлялась в стремлении освободить школу от рутины, сделать ее более демократичной, внедрить передовой опыт стран Запада. Организовав Всероссийский учительский союз, педагоги нашли выход для своей политической активности. Министерство, признав этот союз незаконным, требовало от них «воздержания от участия в каких бы то ни было союзах». Замеченных в принадлежности к организации снимали с работы и арестовывали по обвинению в политических преступлениях.

В материалах работы I Государственной Думы сохранилось заявление от 14 июня 1906 г. в связи с массовыми увольнениями учителей, обвиненных в причастности к революционной деятельности: «Только из среды членов Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию число лиц, насильственно устраненных из школы, достигает в настоящее время, по сведениям бюро союза, уже 702. Из них 141 учитель уволен, остальные или арестованы, или высланы в отдаленные места. Многие из учащих пострадали только за принадлежность их к союзу» [5, с. 222].

Во время революции проводились нелегальные учительские съезды: в Могилевской и Гродненской губерниях (1905 г.), в январе 1906 г. по инициативе учительницы А. Политовой в Виленской губернии, где обсуждалось материальное и правовое положение народного учителя, уровень учебно-воспитательной работы в учительских семинариях и народных школах. В мае 1906 г. учителя Витебской губернии провели аналогичный съезд, на котором был поставлен вопрос о необходимости объединения. В июле 1906 г. в с. Николаевщина проходил съезд педагогов, которые собрались в помещении местного училища, где полицией был найден «Протокол заседания» и обращение «Товарищи учителя». Арестовали 16 народных учителей (среди них К. Мицкевич, С. Самохвал, И. Лапцевич, А. Милюк, А. Войтеховский и др.). В 1908 г. по приговору Виленской судебной палаты учителей К. Мицкевича, Я. Безмена и В. Сильвестрова осудили на три года лишения свободы [12, л. 4–36].

Несмотря на все сложности, белорусский учительский союз все же был создан 25 мая 1907 г. на съезде в Вильне. В принятой программе основными задачами определялись борьба за организацию школьного дела на демократической основе, обучение на родном языке, независимость школы и учительства от начальства.

В период реакции, которая наступила после разгона II Государственной Думы, министерство принимало меры, чтобы очистить школы от

нежелательных учителей и установить над школой самый тщательный контроль. В 1910 г. виленский губернатор во время поездок «определил особый тип сельского учителя, характерные особенности которого наводили на размышление». Раскрывая эти новые черты в настроениях и поведении педагогов, губернатор сделал вывод, что «влияние их на окружающую среду может принести огромный вред» [13, с. 270].

Общественно-политическое движение конца XIX – начала XX в. было значительно шире и организованнее. Важнейшим его проявлением стало создание передовыми кругами учителя педагогических обществ взаимопомощи. В Российской империи в 1895 г. их было 14. В декабре 1897 г. было основано первое в Беларуси «Общество взаимопомощи учителям и учительницам Витебской губернии», а в 1901 г. такие же организации появились в Минске, Могилеве и Гродно.

В 1911 г. на заседании Государственной Думы, обсуждавшей законопроект о начальной школе, депутат Крупенский с целью доказать «зараженность» учителей начальных школ революционными идеями, назвал цифру – 23 тыс. учителей, привлеченных к ответственности во время так называемого освободительного движения. Среди них были казенные, отправленные в ссылку, а также просто уволенные без права возвращаться к прежней работе. Если допустить, что цифра осужденных преувеличена, то все же она ясно говорит о том, какими решительными мерами министерство искореняло антиправительственное настроение среди педагогических кадров.

Заключение. Таким образом, начавшийся в России промышленный переворот, вызванный к жизни объективными социально-экономическими закономерностями развития страны, поставил в порядок дня борьбу за широкое реформирование народного образования. Развернувшееся общественно-политическое движение педагогической интеллигенции, которая не оставалась равнодушной к острым проблемам жизни самых широких слоев населения, его борьбе за социальное и национальное освобождение, значительно ускорило этот процесс. Царское правительство вынуждено было пойти на частичное удовлетворение требований мощного общественно-педагогического движения. Одновременно передовые педагоги энергично участвовали в подготовке преобразований школы, выступали инициаторами создания ее новых звеньев, нейтрализовывали многие реакционные мероприятия

правительства и учреждали просветительские общества и организации.

Литература

1. Миловидов, А. И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам) / А. И. Миловидов. – Вильна: Тип. «Русский почин», 1904. – 39 с.
2. Корнилов, И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы по истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: Тип. А. Суворина, 1908. – Вып. 1. – 504 с.
3. Глебов, И. А. Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617–1901 гг. / И. А. Глебов. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1903. – 217 с.
4. Киприанович, Г. Я. К истории женского образования в Западной России / Г. Я. Киприанович. – Вильна: Губ. тип., 1910. – 68 с.
5. Константинов, Н. А. Очерки по истории начального образования в России / Н. А. Константинов, В. Я. Струминской. – М.: Учпедгиз, 1953. – 272 с.
6. Самбук, С. М. Революционные народники Белоруссии (70-е – начало 80-х годов XIX в.) / С. М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1972. – 248 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2254. – Оп. 1. – Д. 592. Дирекция народных училищ Могилевской губернии.
8. НИАБ. – Фонд 2499. – Оп. 1. – Д. 60. Дело о производстве дознания.
9. Сучков, И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX веков / И. В. Сучков // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 62–77.
10. НИАБ. – Фонд 2608. – Оп. 1. – Д. 25. Личное дело директора гимназии действительного статского советника Еленева А. С.
11. НИАБ. – Фонд 2263. – Оп. 1. – Д. 25. Циркуляры канцелярии по учреждениям императрицы Марии.
12. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 2. Коллекция документов отдела рукописей Белорусского музея имени Ивана Луцкевича в г. Вильна.
13. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917): в 3 т. / под ред. В. Н. Перцева [и др.]. – Минск: Изд-во АН БССР, 1953. – Т. III. – 1018 с.

Поступила 15.03.2012

УДК 327.33(46)

А. А. Райчонак, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЕ ЖЫЦЦЁ Ў БЕЛАРУСІ НАПЯРЭДАДНІ І Ў ЧАС ПЕРШАЙ РАСІЙСКОЙ РЭВАЛЮЦЫІ

У публікацыі разглядаюцца асаблівасці грамадска-палітычнага жыцця ў Беларусі напярэдадні і ў час Першай расійскай рэвалюцыі. Вызначаюцца асноўныя сілы ў тагачасным палітычным жыцці, аналізуюцца іх сацыяльны і нацыянальны склад. Асноўная ўвага надаецца разгляду развіцця беларускага нацыянальнага руху і ўзнікшых на яго глебе беларускіх грамадска-палітычных арганізацый. Вылучаюцца асноўныя ідэалагічныя плыні, існаваўшыя ў Беларусі ў той час, даецца іх кароткая характарыстыка. Разглядаецца месца і роля Першай расійскай рэвалюцыі ў працэсе развіцця беларускага нацыянальнага і грамадска-палітычнага руху.

This article discusses features of political life in Belarus before and during the first Russian revolution. Identifies the main political forces of that time, analyze their social and ethnic composition. The main attention is paid to the development of the Belarusian national movement and appeared on its soil Belarusian socio-political organizations. Highlights the main ideological trends that existed in Belarus during the period of their brief description is given. The place and role of the first Russian revolution in the development of the Belarusian national and socio-political movement.

Уводзіны. Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі напярэдадні і ў час Першай расійскай рэвалюцыі застаецца яшчэ даволі мала даследаваным перыядам. Гэта звязана з тым, што рэвалюцыя 1905–1907 гг. застаецца як бы ў цяні больш вызначальных падзей 1917 г. Аднак, на нашу думку, перыяд пачатку ХХ ст. не варта недацэннаваць, бо менавіта ў дадзены час былі закладзены асновы шырокага грамадска-палітычнага руху, які ў рэшце рэшт прывёў да ўзнікнення беларускай дзяржаўнасці.

Уплыў Першай расійскай рэвалюцыі на ход гістарычнага развіцця і разгортванне грамадскага руху, здаецца, значна недацэнены. Менавіта ў дадзены час фарміруюцца і арганізацыйна афармляюцца ўсе асноўныя рухі і накірункі, якія сыграюць галоўную ролю ў грамадска-палітычных падзеях у наступныя дваццаць год.

Асноўная частка. Перыяд пачатку ХХ ст. можна ахарактарызаваць як час актыўнага партыйнага будаўніцтва. На Беларусі разгарнулі актыўную дзейнасць арганізацыі агульнарасійскіх, яўрэйскіх, польскіх палітычных партый – РСДРП (бальшавікі і меншавікі), партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў, Сацыял-дэмакратыі Каралеўства Польскага і Літвы, Бунда, ЯСДРП (Паалей Цыён), ППС і інш. Стварэнне такога шырокага спектра палітычных партый было вынікам не дэмакратычнага развіцця грамадства, а, наадварот, – поўнай адсутнасці дэмакратыі. Аўтарытарызм самадзяржаўнага рэжыму стрымліваў грамадска-палітычнае развіццё Беларусі. Але ў пачатку ХХ ст. стаў бачным імклівы рост палітычных партый сацыялістычнай арыентацыі, што было абумоўлена паглыбленнем сацыяльных супярэчнасцяў, адхіленнем шырокімі пластамі насельніцтва дзейснага палітычнага рэжыму.

У пачатку стагоддзя гэты працэс пачаўся і на Беларусі. Узнікшая ў гэтай плыні БСГ, па сутнасці, была блокам народнікаў і марксістаў. Адначасова БСГ з’яўлялася і нацыянальнай партыяй, бо адлюстроўвала інтарэсы ўсяго беларускага народа. У сваёй рэвалюцыйнай практыцы БСГ імкнулася абaperціся на ўсе сацыяльныя пласты беларускага этнасу. Гэта было прадыхавана гістарычнымі ўмовамі сацыяльна-эканамічнага і палітычнага развіцця Беларусі, якая не мела кансалідаванай нацыянальнай буржуазіі.

У пачатку ХХ ст. на Беларусі склаліся галоўныя ўмовы для паглыблення працэсу дэмакратызацыі грамадства. Гэта, найперш, выяўлялася ў працэсе фарміравання буржуазіі і пралетарыяту. У беларускім грамадстве, якое яшчэ не было класава стальым, выявіліся сілы, што імкнуліся да палітычнага прадстаўніцтва. Але афармленне парламенцкай дэмакратыі мусіла адбыцца ва ўмовах грамадскага ўзрушэння. Такім узрушэннем з’явілася расійская рэвалюцыя 1905–1907 гг.

Калі ахарактарызаваць агульнае становішча беларускага пытання на пачатку ХХ ст., то трэба сказаць, што ў дадзены час яно знаходзілася ў цяні польскага і яўрэйскага пытання і не разглядалася большасцю палітычных партый як нешта самастойнае.

Напрыклад, такую пазіцыю займала Польская партыя сацыялістычная (ППС) народніцкага толку, мясцовыя аддзелы якой з’явіліся ў гарадах заходняй часткі Беларусі і ў Літве (Вільня, Гродна, Брэст). Гэтыя аддзелы аб’ядналіся ў 1902 г. пад назвай ППС на Літве. Партыя выступала за незалежны і сацыялістычны Польшчу, Літву і Беларусь, праводзіла вельмі актыўную прапагандысцкую дзейнасць. Але

беларусы ў яе праграмных дакументах разглядаліся выключна як аб'ект, хаця і спецыфічны, для вядзення агульнапольскай прапаганды з мэтай адраджэння Польшчы ў межах 1772 г.

Калі разглядаць яўрэйскія арганізацыі, то яны ў пераважнай сваёй большасці былі супраць узнікнення любых новых нацыянальна-дзяржаўных утварэнняў на землях Расійскай імперыі, аддаючы перавагу нацыянальна-персанальнай аўтаноміі ў супрацьвагу нацыянальна-тэрытарыяльнай.

Што тычыцца грамадскай думкі, якая непасрэдна ўплывала на разгортванне беларускага нацыянальнага руху, то трэба зазначыць, што ідэя дзяржаўнай незалежнасці Беларусі ўзнікла не на пустым месцы, яна з'явілася і сілкавалася з дзвюх асноўных крыніц. Першая – ідэя пра нацыянальна-культурную асаблівасць беларускага краю; другая – нацыянальны рух, які шырока разгарнуўся ў Еўропе з сярэдзіны XIX ст. і дасягнуў да разглядаемага перыяду свайго апагея. Для пачатку разгледзім першую з іх.

Уласна кажучы, «сепаратысцкія» тэндэнцыі «велікакняжацкага» накірунку праяўляліся ў той ці іншай ступені на працягу ўсёй гісторыі Беларусі з пачатку XVI ст. Але аддаленасць гэтага часу ад перыяду, пра які ідзе гаворка, робіць залішнім, на наш погляд, дэталёвы разгляд гэтых тэндэнцый. Здаецца, што больш правільным будзе пачаць разгляд пытання пра ідэі аўтанамізму з моманту іх афармлення ў праграмныя патрабаванні палітычных рухаў і партый. Першымі тут будуць, безумоўна, беларускія народнікі, якія дзейнічалі ў 80-я гг. XIX ст. Так, на старонках свайго друкаванага выдання «Гомон» яны пішуць пра тое, што адным з накірункаў іх дзейнасці ў «Народнай волі» з'яўляецца «ўнясенне ва ўсведамленне членаў гэтай партыі практычнай магчымасці федэратыўнай самастойнасці Беларусі ў будучым і неабходнасці падрыхтоўкі гэтай самастойнасці ў цяперашні час» [1, с. 83].

Сваё палітычнае крэда яны фармулююць наступнымі словамі: «І гэтак, мы, беларусы, так як мы павінны змагацца ў імя мясцовых інтарэсаў беларускага народа і федэратыўнай аўтаноміі краіны; мы, рэвалюцыянеры, таму што падзяляем праграму барацьбы «Народнай волі», лічым неабходным прыняць удзел у гэтай барацьбе; мы, сацыялісты, таму што нашай галоўнай мэтай з'яўляецца эканамічнае паляпшэнне краіны на пачатках навуковага сацыялізму» [1, с. 120]. Як бачна з вышэйпададзенага, яны адназначна выказваліся на карысць федэратыўнай аўтаноміі Беларусі. Неабходна падкрэсліць адну характэрную асаблівасць: ідэя аўтаноміі ўпершыню была сфармулявана

рэвалюцыйнымі дэмакратамі, а не прадстаўніцамі буржуазна-ліберальных плыняў, як гэта было ў большай частцы еўрапейскіх краін. Гэта тлумачыцца слабасцю беларускай буржуазіі, што адыграла немалаважную ролю ў развіцці нацыянальнага руху на Беларусі.

У пачатку XX ст. ідэянай пераемніцай народнікаў становіцца БСГ, якая напярэдадні і ў ходзе рэвалюцыі 1905–1907 гг. паставіла пытанне аб краёвай аўтаноміі Беларусі з сеймама у Вільні. Пасля рэвалюцыі патрабаванні БСГ у нацыянальным пытанні перастаюць быць адзінымі, што звязана з арганізацыйным крызісам партыі. Адна яе частка пакінула лозунг аўтаноміі Беларусі ў рамках Расіі з цэнтрама у Вільні, другая выстаўляла ідэю федэратыўных адносін з Расіяй, трэцяя гаварыла пра федэрацыю з Украінай, Літвой і Латвіяй. У любым выпадку на дадзеным этапе далей ідэі аўтаноміі ніводная з груп не ішла. Гэта пацвярджае А. І. Луцкевіч, які піша, што пасля рэвалюцыі 1905 г. беларускія нацыяналісты адстойвалі прыняццё краёвай аўтаноміі «ў межах адзінага дзяржаўнага арганізма – Расійскай гаспадаркі» [2, с. 4]. З'яўленне гэтага лозунга было выклікана ў значнай ступені спрэчкамі з палякамі.

Трэба адразу ж зазначыць, што разуменне аўтаноміі пачатку XX ст. значна адрозніваецца ад сучаснага. Тады пад аўтаноміяй мелі на ўвазе, хутчэй, тое, што мы зараз разумеем пад федэрацыяй, хаця існавалі пэўныя нюансы [3, с. 26].

Што тычыцца манархічных арганізацый, то адзінай з іх, выступаўшай за наданне тэрытарыяльнай аўтаноміі Беларусі, было «Беларускае таварыства», узнікшае на аснове суполкі «Селянін». Аднак трэба зазначыць, што нічога агульнага з беларускім нацыянальна-вызваленчым рухам у яго не было, паколькі галоўнай сваёй мэтай лічыла «развіццё ў беларускай народнасці самасвядомасці на асновах рускай дзяржаўнасці» [4, с. 359]. Тэрытарыяльная аўтаномія была патрэбна яму толькі для таго, каб прыбраць да рук землі польскіх памешчыкаў. А ў ідэалагічным плане яно з'яўлялася паслядоўнікам ідэі заходнерусізму. Гэта ідэалогія была адным з кірункаў грамадскай думкі ў заходніх губернях у пачатку XX ст. Яе прыхільнікі лічылі, што Беларусь не з'яўляецца краінай з адметнай нацыянальнай культурай і ў сілу гэтага не мае права на самастойнае культурнае і палітычнае развіццё, а таму разглядалі беларускі народ як састаўную частку рускага народа, які «адрозніваўся ад яго толькі этнаграфічнымі асаблівасцямі». Ідэалагі манархічных арганізацый імкнуліся абгрунтаваць, што Беларусь, як і заходняя Расія, непарыўна звязана з цэлым арганізмам «адзінай вялікай Расіі» і што беларусы як адно

са славянскіх плямёнаў арганічна ўваходзяць у склад «адзінага рускага народа».

Ідэалогія заходнерусізму была накіравана супраць нацыянальна-культурнага адраджэння беларускага народа. Памешчыцка-манархічныя і рэлігійна-клерыкальныя арганізацыі адкрыта ставілі задачу «ўзмацніць развіццё духоўных і матэрыяльных сіл расійскай народнасці ў Заходнім краі». Аднак гэтыя памкненні падзялялі не ўсе арганізацыі правага лагера. Напрыклад, «Беларускае таварыства», хоць і з агаворкамі, спрабавала рэалізаваць ідэю самастойнасці культурнага развіцця беларускага народа. Але гэту ідэю не падтрымала большасць памешчыцкіх манархічных арганізацый. Асабліва рэзка супраць яе рэалізацыі выступала «Заходнерускае таварыства», якое ўзнікла ў Пецяярбургу. Яго падтрымлівалі і іншыя палітычныя арганізацыі ўрадавай арыентацыі («Селянін», «Ускраінны саюз», «Нацыянальны саюз», «Беларускае праваслаўнае брацтва», партыя правапарадку і інш.). І хоць манархічныя арганізацыі выступалі як адзіная палітычная сіла, іх аб'яднання ў адзіную палітычную партыю рэгіянальнага характару не адбылося. Застаючыся філіяльнымі адгалінаваннямі агульнарасійскіх манархічных партый, яны сталі арганізацыйна няўстойлівымі і, зразумела, не здолелі павесці за сабой шырокія пласты насельніцтва Беларусі. Барацьба гэтых арганізацый супраць рэвалюцыйна-дэмакратычных партый, у тым ліку і БСГ, якая адстойвала ідэю нацыянальнага адраджэння беларускага народа, насіла надзвычай экстрэмісцкі характар, што і прывяло пасля рэвалюцыі да спаду іх палітычнай актыўнасці.

Ліберальная буржуазія стаяла ў асноўным на пазіцыях кадэтаў і патрабавала абласнога самакіравання з правам мясцовага заканадаўства толькі ў пытаннях гаспадарчага і культурнага жыцця без якой-небудзь нацыянальнай аўтаноміі. Але канкрэтная праграма ў дачыненні да Беларусі імі не прапанавалася. На Беларусі ў ходзе рэвалюцыі 1905–1907 гг. на палітычнай арэне актыўна паказаў сябе і ліберальна-буржуазны лагер. Аднак беларуская буржуазія ў гэтым лагеры не мела сваіх моцных пазіцый. Слабае развіццё капіталізму на Беларусі прывяло да вылучэння параўнальна невялікай групы нацыянальнай гандлёвай і прамысловай буржуазіі, якая адрознівалася неаднароднасцю. У працэсе свайго фарміравання і развіцця яна не праявіла палітычнай актыўнасці і, знаходзячыся, з аднаго боку, пад моцным уціскам рускага капіталу, а з другога – яўрэйскага і польскага, вымушана была лавіра-

ваць і не заўсёды дакладна фармулюваць сваю палітычную праграму. Нацыянальная беларуская буржуазія як клас не заявіла пра сябе на поўны голас і заставалася да перамогі Лютаўскай рэвалюцыі палітычна не арганізаванай.

Праўлялі цікаваць да беларускага руху і буйныя памешчыкі, але іх роля ў гэтым працэсе яшчэ дасканала не вывучана. Тут трэба памятаць пра заўвагу, зробленую гісторыкам Я. Запруднікам: «Як толькі мы дакранаемся да гістарычнага матэрыялу, дык адразу ж упіраемся ў пытанне ролі беларускага шляхоцтва; ролі кансерватыўнага элементу; ролі людзей, часам небеларускай культуры, якія, аднак, стаялі за аўтаномію Беларусі, што сталася, як паказалі далейшыя падзеі, першай фазай руху да незалежнасці».

Беларускасць як ідэя, трэба памятаць, у шмат якіх выпадках ішла паперадзе тэрміналогіі: часта тое, што ня было беларускім паводле свайго тэрміну, было ім у сваёй аб'ектыўнай існасці» [5, с. 330].

Заклучэнне. Такім чынам, падсумоўваючы вышэйсказанае, можна зазначыць, што яшчэ да пачатку Першай расійскай рэвалюцыі 1905–1907 гг. ужо склаліся ўсе асноўныя грамадска-палітычныя плыні, якія прадвызначылі далейшае палітычнае развіццё Беларусі. Крыху спазняліся ў сваім фарміраванні як ліберальныя, так і кансерватыўныя арганізацыі, але, як паказалі далейшыя гістарычныя падзеі, яны не вытрымалі канкурэнцыі з боку партый сацыялістычнага накірунку. Пачатак ХХ ст. прынёс з сабой не толькі паскарэнне тэмпаў мадэрнізацыі грамадства, але і ідэйнае афармленне асноўных грамадска-палітычных плыняў у Беларусі.

Літаратура

1. Публицистика белорусских народников / сост. и подг. текстов: С. Х. Александрович и И. С. Александрович; предисл. и коммент. И. С. Александрович. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – 134 с.
2. Наша ніва: зб. – Вільня, 1920 г.
3. Яценко, А. Теория федерализма / Яценко А. // Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. – СПб., 1999. – 252 с.
4. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1. А – Беліца. – 494 с.; іл.
5. Запруднік, Я. Справа аўтаноміі Беларусі ў першай дзяржаўнай Думе і «Наша Ніва» / Я. Запруднік // 3 гісторыяй на «Вы». – Мінск, 1994. – С. 314–332.

Паступіла 20.03.2012

УДК 947.6.01

I. M. Рыжанкоў, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

СТАНОВІШЧА БЕЛАРУСКАГА СЯЛЯНСТВА НАПЯРЭДАДНІ ЛЮТАЎСКАЙ РЭВАЛЮЦЫІ

У публікацыі асвятляецца праблема становішча сялянства неакупіраванай Беларусі напярэдадні Лютаўскай рэвалюцыі. Адзначаецца, што сялянства Беларусі, як і ва ўсёй імперыі, несла ўвесь цяжар вайны і не выказвала вострага незадавальнення сваім становішчам. Ва ўмовах вайны кан'юнктура мясцовага рынку складвалася такім чынам, што ў вяскоўцаў была магчымасць зарабіць на продажы сельгаспрадукцыі, таксама можна было наймацца ў памешчыцкія гаспадаркі.

У апошнія месяцы самадзяржаўя з боку сялян не было зафіксавана ніводнага правапарушэння палітычнага характару, а рэдкія выпадкі аграрнага руху набылі ўстойлівую тэндэнцыю да памяншэння. У сувязі з гэтым паказваецца, што ў ліку прычын, якія абумовілі звяржэнне самадзяржаўя, назваць можна многія, але толькі не рэвалюцыйную або якую іншую актыўнасць сялянства.

In article the problem of position of peasantry unoccupied Belarus on the eve of February revolution is shined. It is noticed that peasantry of Belarus, as well as in all empire bore all weight of war and didn't state sharp dissatisfaction the position. In the conditions of war a conjuncture of the local market developed in such a manner that they had a possibility to earn agricultural products sale, and also being employed in landowner economy.

Last months autocracies from peasants it has not been fixed any offense of political character, and rare occurrences of agrarian movement have got a steady tendency to reduction. There upon, it is underlined that among the reasons which have caused autocracy overthrow it is necessary to name many, but only not revolutionary either what or other activity of peasantry.

Уводзіны. У масе навуковай літаратуры доля твораў савецкага перыяду аб удзеле ўсяго сялянства ў падзеях 1917 г. была невялікай, можна меркаваць, па прычыне яго слабай рэвалюцыйнасці. Гэты крытэрыі пазбаўляў перспектывы навуковага даследавання іншай, непалітычнай сферы жыцця большай часткі насельніцтва краіны. У нашы дні, калі надзвычай актуалізавалася патрэба ў кансалідацыі грамадскіх сіл, немагчыма абысціся без асэнсавання свайго мінулага. У дадзеным выпадку асвятленне жыццядзейнасці сялянства на злome дзвюх эпох, яго ўдзел ва ўсталяванні новага ладу, вырашэнні эканамічных і іншых праблем, акрамя навуковых высноў, дае павучальныя, не страціўшыя значнасці і ў нашы дні ўзоры сацыяльных настройў і паводзін працоўных мас у адносінах да ўсяго грамадства і дзяржавы.

Асноўная частка. Расійская імперыя ўступіла ў новы 1917 г. ва ўмовах узростання сацыяльна-палітычнай напружанасці ў грамадстве, выкліканай працяглай вайной, шматлікімі стратамі на франтах, пагаршэннем жыццёвага ўзроўню і інш. Кіруючая дваранска-памешчыцкая эліта на чале з Мікалаем II лічыла адзіным выйсцем па пераадоленні ўсіх цяжкасцей поўную перамогу над Германіяй і яе саюзнікамі. На дасягненне гэтай мэты былі скіраваны сілы 13,5-мільённай арміі, пераведзеная на ваенныя рэйкі прамысловасць, дзяржаўны (адміністрацыйны, контрразведачны, рэпрэсіўны) апарат, ідэалагічныя (царква, асвета, прэса і г. д.) сродкі і інш. На пачатку 1917 г. у поўнай меры цяжкасці

вайны адчувалі на сабе звыш 4,1 млн. сялян не акупіраванай немцамі ўсходняй часткі Беларусі ў складзе Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў. З улікам Ашмянскага, Вілейскага, Дзісенскага паветаў Віленскай губерні колькасць сялянскага жыхарства складала каля 4,5 млн. З трох азначаных губерняў Мінская заставалася найбольш развітай эканамічна, тут жа размяшчаліся буйнейшыя памешчыцкія латыфундыі.

Асноўнымі заняткамі сялянства з'яўляліся: раслінаводства (жыта, авёс, ячмень, пшаніца, грэхыха, гарох, лён, канопля, бульба, морква, капуста, буракі і інш.), мясамалочная (буйнарагатая) і іншая (коні, свінні, авечкі) жывёлагадоўля, развядзенне хатняй птушкі і інш. Асноўная цяжкасць, якую перажывала як сялянская, так і памешчыцкая гаспадарка, – гэта недахоп рабочых рук па прычыне вайсковых мабілізацый. Да пачатку 1917 г. з беларускіх губерняў было мабілізавана каля паловы вайсковых работнікаў. Па магчымасці клопат пра палеткі «сялянскіх сямействаў, дзе не засталася работнікаў», ускладаўся на вясковыя грамадствы [1]. Пэўную дапамогу аказвала выкарыстанне працы ваеннапалонных, бежанцаў. Прыцягненне да сельскагаспадарчых работ «іншародцаў» (кітайцаў, карэйцаў, буратаў і інш.), накіраваных у прыфрантавыя раёны Беларусі, таксама не вырашала праблемы: тэндэнцыя да скарачэння пасаваў захоўвалася.

Недахоп працоўнай сілы прымушаў землеўладальнікаў і буйных арандатараў здаваць свае палеткі (ворную зямлю, пашу, сенакосы)

у арэнду сцялянам бліжэйшых вёсак. Безземельныя сцяляне, а таксама бежанцы мелі магчымасць наняцца на працу на выгадных для сябе ўмовах [2]. Гэта акалічнасць паўплывала на рост аплаты працы парабкаў і, разам з тым, зменшыла рэнтабельнасць вытворчасці прадукцыі.

Як вядома, мясцовае, у сваёй большасці вясковае, насельніцтва выконвала працоўную павіннасць, звязаную з будаўнічымі, рамонтнымі, лесанарыхтоўчымі, ахоўнымі работамі, дастаўкай паліва на чыгунку, ваеннымі патрэбамі і інш. Іх арганізатары – дзяржаўныя і земскія чыноўнікі – усведамлялі шкоднасць адрыву сцялян ад іх гаспадарак, але альтэрнатывы ім не было, таму выкарыстанне сцялянскай працы для патрэб фронту працягвалася. У ліку прычын, якія выклікалі непрыязнае стаўленне сцялян да азначанай павіннасці, з'яўлялася дрэнная арганізацыя работ, цяжкія бытавыя ўмовы працяжвання і інш., але ў асноўным іх матэрыяльныя інтарэсы задавальняліся лепш, чым у панскіх маёнтках. Як зазначалася на земскай нарадзе Мінскай губерні, «прыватным землеўладальнікам канкурыраваць з зароботнай платой, якая выдаецца на гэтых работах, няма ніякай фактычнай магчымасці» [3].

Натуральна, што і гэта акалічнасць негатыўна адбівалася на аб'ёме прадуктаў. Так, Мінская губерня ў тры разы больш іх спажывала, чым выпрацоўвала. У Магілёўскай губерні адчуваўся недахоп уласнага хлеба, паколькі толькі чвэрць зямлі была занята бульбай, збожжавымі і іншымі культурамі, а астатняя забяспечвала патрэбы мяса-малочнай вытворчасці. Нягледзячы на жорсткую рэгламентацыю жыццядзейнасці прыфрантавых губерняў, законы рынку не былі ёй падуладнымі, што адбівалася ў няспынным росце дэфіцыту і дарагоўлі спажывецкіх тавараў пры прагрэсываўшай інфляцыі. У параўнанні з 1916 г., рыначныя цэны на мяса, бульбу, яйкі, авёс і іншыя прадукты выраслі ў 1,5–2,5 разы [4].

У такіх умовах харчовае забеспячэнне беларускіх губерняў шмат у чым залежала ад сістэмы цэнтралізаваных паставак хлеба, якая стала даваць збоі. Невыпадкава мясцовыя ўлады сталі часцей звяртаць увагу на мясцовыя рэсурсы. Асноўныя рычагі па іх выкарыстанні знаходзіліся ў руках вышэйшага ваеннага камандавання.

Толькі інтэнданцкім службам штогод належыла нарыхтаваць для Паўночнага і Заходняга франтоў не менш за 6 млн. пудоў бульбы, 150 тыс. пудоў буракоў, 100 тыс. пудоў капусты, па 50 тыс. пудоў морквы, рэдзкі і рэпы. Але фактычна, як казаў мінскі губернатар 25 лютага 1917 г., «ніхто з нас не можа ўлічыць, колькі, чаго і калі адчужаецца арміяй у насельніцтва для ўласнага спажывання» [5].

Асноўнымі паўнамоцтвамі па харчовых нарыхтоўках карысталіся службы губернскіх «упаўнаважаных Міністэрства земляробства па нарыхтоўцы хлеба для патрэб арміі». Асобна, але ў кантакце з імі, дзейнічалі губернскія харчовыя камісіі, франтавыя, акруговыя, гарнізонныя інтэнданцтвы. Уласныя каналы набыцця і рэалізацыі прадуктаў мелі арганізацыі Усерасійскага земскага саюза (УЗС), Усерасійскага саюза гарадоў (УСГ) і інш. Пэўная частка хлеба (жыта, аўса і інш.) нарыхтоўвалася на месцах метадам «развёрсткі» па «цвёрдай» цане, прычым самі вясцоўцы дастаўлялі яго ў гарадскія «ссыпныя магазіны» па норме, вызначанай земскімі ўправамі на аснове інфармацыі пра магчымасці сцялянскай гаспадаркі (колькасць зямлі, пашы, жывёлы, едакоў і г. д.).

Між тым, у пачатку 1917 г. сітуацыя з аўсом на Беларусі ўскладнілася настолькі, што галоўны начальнік забеспячэння армій Заходняга фронту генерал Туманаў аддаў загад мінскаму і магілёўскаму губернатарам рэквізаваць запасы (аўса) у буйных землеўладальнікаў. Нарыхтоўчыя службы вызначалі для рэквізіцый жывёлы тыя гаспадаркі, дзе мелася лішняя пагадоўе. За час вайны на Магілёўшчыне было рэквізавана толькі 4–6% коней, таму на пачатку 1917 г. тут праводзілася адпаведная праца. Што датычыцца буйнарагатай жывёлы, то губернскай земскай управе сталася пераканаць урад у мэтазгоднасці яе рэквізіцыі (97 000 галоў) у іншых губернях [6]. Варта заўважыць, што ваенныя ўлады, нягледзячы на пэўны саслоўны «імунітэт» дваранства, імкнуліся падпарадкаваць усе рэсурсы, у тым ліку памешчыцкія, на патрэбу фронту. Дзякуючы адладжанай сістэме кіравання, узмоцненай законамі ваеннага часу, вышэйшае камандаванне, упаўнаважаныя Міністэрства земляробства, губернская адміністрацыя, земскія ўправы валодалі неабходнай інфармацыяй пра харчовае становішча края, яго працоўныя рэсурсы і г. д. Паводле зацверджанага царскім урадам «парадку пастаўкі збожжавых хлябоў і фуража», рэквізіцыі адбываліся шляхам купляння прадуктаў (часцей, хлеба, мяса, фуражу) у вытворцаў (сцялян, памешчыкаў, арандатараў) па фіксаваных (цвёрдых) цэнах [7]. Іншая справа, што самі вытворцы не былі зацікаўлены ў продажы па такіх цэнах, якія значна саступалі рыначным.

Характэрнай з'явай на вёсцы пачатку 1917 г. рабілася самагонаварэнне. Як паведамляў 10 лютага лепельскі іспраўнік, «у горадзе і павеце, з прычыны блізкасці фронту, назіраюцца выпадкі выганкі, захавання і продажу «самагонкі», якая, аднак, прызначаецца не для мясцовага спажывання, а, галоўным чынам, для збыту ў тыле арміі і па вельмі высокай

чане» [8]. У сакавіку ў Віцебскай губерні гэта з'ява набыла масавыя памеры. Можна меркаваць, што ва ўмовах уведзенага напрыканцы 1914 г. «сухога закону» і ўзросшага попыту на спіртавыя напоі, самагонаварэнне стала ператварацца ў адну з крыніц даходу для сялян.

У цэлым беларускія сяляне не выказвалі прыкметных праяў нецярпімасці да існаваўшых парадкаў. Іх «спажывецкі кошык» не саступаў «кошыку» гарадскіх працоўных або бежанцаў. Сялянства адчувала большую патрэбу ў прамысловых таварах. Дзеці або бацькі, страціўшы кармільцаў на вайне, мелі сацыяльную падтрымку з боку дзяржавы і апеку сялянскай абшчыны. Валасныя папачыцельствы аказвалі грашовую і харчовую (паёк) дапамогу непаўналетнім (да 17 год) і пажылым (пасля 55 год) членам сям'і мабілізаванага ў войска кармільца. У апошнія месяцы самадзяржаўя з боку сялян не было зафіксавана ніводнага правапарушэння палітычнага характару, а рэдкія выпадкі аграрнага руху (калі да яго адносіць замахі на панскую або іншую маёмасць) набылі ўстойлівую тэндэнцыю да змяншэння. Але калі першую акалічнасць можна растлумачыць суцэльнай апалітычнасцю сялян, то звязваць спыненне аграрнага руху толькі з эфектыўнасцю ваенна-палітычнага рэжыму было б памылкова. Ва ўмовах вайны кан'юнктура мясцовага рынку складвалася такім чынам, што ўласная гаспадарка і магчымасць заробку ў маёнтках або на казённых аб'ектах гарантавалі сялянам больш рэальныя шанцы падтрымаць свой дабрабыт, чым імкненне зрабіць гэта за кошт панскага добра.

Заклучэнне. Такім чынам, сяляне Беларусі, як і ўсёй імперыі, неслі асноўны цяжар вайны і не выказвалі вострага незадавальнення сваім становішчам. Пазбаўленыя палітычных правоў, за выключэннем «цэнзавай часткі», вяскоўцы прыкметных шкадаванняў пра тое не выказвалі. Тыя ж з іх, хто быў абраны ў Дзяржаўную думу, не з'яўляліся абаронцамі ні нацыянальных, ні рэгіянальных інтарэсаў, а трапілі пад уплыў расійскіх палітычных партый і групак. У гэтай сувязі ў ліку прычын, што абумовілі звяржэнне самаўладдзя, можна назваць многія, але ніяк не рэвалюцыйную ці якую іншую актыўнасць сялянства. Мала таго, новай кіруючай эліце і дэмакратычнай грамадскасці давялося прыклаці шмат намаганняў для таго, каб прыцягнуць вяскоўцаў да ўдзелу ў рэалізацыі пытанняў (зямельнага, рабочага, нацыянальнага, грамадскага ўладкавання і інш.), не вырашаных папярэдняй рэвалюцыяй і абвостраных у ходзе сусветнай вайны. У ліку праблем, якія паўсталі перад дзяржавай і грамадствам адразу пасля

перамогі рэвалюцыі, з'яўлялася ўсталяванне новага з апорай на шырокае народнае масы дэмакратычнага ладу, абарона яго ад магчымых падкопаў з боку праманархісцкай настроенага дваранства, чыноўніцтва і генералітэту, падтрыманне грамадскага парадку і інш., а таксама бесперапыннае прадуктовае забеспячэнне франтоў і гарадскога жыхарства. У сілу вядомых прычын магчымасці сялянства ў вырашэнні ўсіх азначаных грамадска-палітычных і эканамічных праблем былі неаднолькава дзейснымі, тым не менш любы яго станоўчы ўклад значна павялічваў шанцы ўсяго расійскага грамадства на дасягненне агульных мэт. З улікам гэтых акалічнасцей у вёсцы, у тым ліку на Беларусі, распачалася разнастайная агітацыйна-прапагандысцкая, культурна-асветніцкая, арганізацыйная праца, ініцыятарамі і выканаўцамі якой з'яўляліся ўсе дзяржаўныя, грамадскія і партыйныя структуры, зацікаўленыя ў рэалізацыі як агульных, так і ўласных (карпаратыўных) інтарэсаў.

Урэшце, ва ўмовах дэмакратызацыі і распаўсюджвання ідэй парламентарызму перспектывы развіцця такой краіны, якой з'яўлялася Расійская імперыя, у многім залежалі ад далейшых сацыяльных паводзін большасці яе насельніцтва – сялян. У значнай ступені гэта акалічнасць адчувалася і ў прыфрантавой Беларусі.

Літаратура

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Фонд 2089. Аршанская павятовая земская ўправа. – Воп. 1. – Спр. 92. – Л. 269.
2. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 2001. – Ч. II: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. – 160 с.
3. НГАБ. – Фонд 1265. Мінскі губернска-земскі сход. – Воп. 1. – Спр. 3. – Л. 86.
4. НГАБ. – Фонд 2534. Стрыжэўскае валацкое праўленне Лепельскага павета Віцебскай губерні. – Воп. 1. – Спр. 415. – Л. 18–20.
5. НГАБ. – Фонд 1265. Мінскі губернска-земскі сход. – Воп. 1. – Спр. 3. – Л. 8 адв.
6. НГАБ. – Фонд 1265. Мінскі губернска-земскі сход. – Воп. 1. – Спр. 3. – Л. 22–23.
7. Нацыянальны Архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Фонд 624. Віцебскі губернска-земскі харчовы камітэт. – Воп. 1. – Спр. 5. – Л. 112–112 адв.
8. НАРБ. – Фонд 622. Канцэлярыя Віцебскага губернскага камісара. – Воп. 1. – Спр. 9. – Л. 83.

Паступіла 15.03.2012

УДК 94(476)«1917»

М. Я. Сяменчык, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры (БДТУ)

РЭФАРМАЦЫЙНЫЯ І РЭВАЛЮЦЫЙНЫЯ ЗМЭНЫ НА БЕЛАРУСІ (САКАВІК – КАСТРЫЧНІК 1917 Г.)

У публікацыі асвятляюцца змены ў дзяржаўным кіраванні Расійскай імперыі, выкліканыя перамогай узброенага паўстання ў Петраградзе 27 лютага 1917 г. Асаблівая ўвага надаецца абставінам фарміравання і зместу дзейнасці Часовага ўрада і яго органаў на месцах, у тым ліку на Беларусі. Паказваюцца эканамічныя і палітычныя змены, якія адбыліся на Беларусі ў выніку палітыкі Часовага ўрада і «рэвалюцыйнай дэмакратыі» з сакавіка да канца кастрычніка 1917 г.

In the article one can find analyses of the state governing changes of the Russian Empire, caused by the historical events in Petrograd on February 27, 1917. Special attention is paid to the activities of Provisional Government and its local authorities in Belarus. The author characterises attitude of different social groups and political grouping towards the ways solving actual state and social problems. Economic and political changes in Belarus resulting from the Provisional Government politics and «revolutionary democracy» in the end of October, 1917 are also given in the article.

Уводзіны. Гістарыяграфія савецкага часу не ўзбагацілася адмысловымі працамі, прысвечанымі пераўтварэнням у Расійскай імперыі пасля краху самаўладдзя. Амаль усе яны скіроўваліся на раскрыццё заканамернасцяў сацыялістычнай рэвалюцыі. Толькі ў пачатку 1990-х гг. самы аўтарытэтны расійскі навуковец П. В. Валабуеў прызнаў існаванне «рэфармісцкай альтэрнатывы Кастрычніку» [1, с. 159]. Не менш аўтарытэтны гісторык КПБ М. С. Сташкевіч заявіў, што «менавіта Кастрычнік» паклаў пачатак разбурэнню дэмакратыі ў краіне [2, с. 3].

Мяркуем, зараз існуюць спрыяльныя ўмовы для таго, каб прасачыць уздзеянне рэфармацыйных і рэвалюцыйных мерапрыемстваў на грамадска-палітычнае і гаспадарчае жыццё насельніцтва свабоднай ад германскай акупацыі Беларусі ў сакавіку – кастрычніку 1917 г.

Асноўная частка. 27 лютага 1917 г. у Петраградзе ў выніку ўзброенага паўстання царскі ўрад быў арыштаваны. Ядром арганізацыі новай улады зрабіліся ліберальныя дзеячы Дзяржаўнай думы. Створаны імі з удзелам прадстаўнікоў Петраградскага Савета Часовы камітэт Дзяржаўнай думы звярнуўся да вайсковага начальства, кіраўніцтва Земскага саюза і Саюза гарадоў, органаў самакіравання з заклікам да згуртавання, упарадкавання харчовага забеспячэння насельніцтва, арганізацыі грамадскіх камітэтаў і недапушчэння анархii. Адпаведныя тэлеграмы атрымалі штаб Заходняга фронту, заходнефрантавыя камітэты Усерасійскіх Земскага і Гарадскога саюзаў, начальнікі чыгунак і іншых арганізацый [3, с. 16–19].

Магчымасць чарговай хвалі гвалту ў сталіцы і пагроза яго пашырэння на іншыя рэгіёны краіны падштурхнула думскіх дзеячаў да кансультацый з вышэйшым камандаваннем, а затым – і перагавораў з царом аб выхадзе з крызісу. Начальнік штаба Стаўкі генерал М. В. Аляксееў разам

з галоўнакамандуючымі франтамі выказалі значна большую зацікаўленасць лёсам арміі, чым манархii. Пад іх уздзеяннем 1 сакавіка Мікалай II выказаў згоду на ўвядзенне «адказнага міністэрства», а назаўтра – і на адрачэнне ад трона.

Сіламі Часовага камітэта Дзяржаўнай думы, ЦК кадэцкай партыі і Бюро прагрэсіўнага блока [4, с. 7] былі прызначаны 12 міністраў «першага грамадскага кабінета» пад старшынствам Г. Я. Львова. Адпаведны Указ быў падпісаны Імператарам 2 сакавіка да свайго адрачэння.

Пасля скасавання самадзяржаўнага рэжыму новы ўрад засяродзіў у сваіх руках вышэйшую выканаўчую і заканадаўчую ўладу ў краіне. Па гэтай прычыне замест «Савета Міністраў» ён прыняў назву Часовага ўрада.

Да ночы 2 сакавіка была зацверджана «Дэкларацыя Часовага ўрада аб яго складзе і задачах». У ліку апошніх абвешчаліся: амністыя па палітычных і рэлігійных справах, палітычныя свабоды з іх распаўсюджаннем на вайскоўцаў, скасаванне ўсіх сацыяльных абмежаванняў, замена паліцыі народнай міліцыяй, выбары ў органы самакіравання на дэмакратычных пачатках. У ліку іншых задач дэкларавалася падрыхтоўка да склікання Устаноўчага сходу, на які ўскладалася ўсталяванне формы кіравання краінай і яе канстытуцыя.

Абвешчаныя ў абнародаванай 3 сакавіка 1917 г. Дэкларацыі «рэформы і мерапрыемствы» сталі неадкладна ажыццяўляцца ў краіне, у тым ліку на Беларусі. Пад кіраўніцтвам камітэтаў грамадскай бяспекі адбывалася раззбраенне паліцыі і жандараў, святкаванне Дня Свабоды, скасаванне цензуры і царскай атрыбутыкі. У кантакце з камітэтамі дзейнічалі ваенныя ўлады, Саветы рабочых і салдацкіх дэпутатаў, прафсаюзы і інш.

Важнейшым укладам урада ў барацьбу з рудыментамі царызму сталі: загад аб вызваленні

зняволеных, скасаванне смяротнай кары, ліквідацыя дыскрымінацыйных законаў у дачыненні яўрэяў і многае іншае. На Беларусі на сакавіцкім этапе ўсталявання новага ладу выкарыстання рэвалюцыйных захадаў практычна не спатрэбілася. Нават губернатары віталі Новы ўрад, выказвалі гатоўнасць працы на чале з ім і прасілі далейшых інструкцый [5].

З адрачэннем Мікалая II ад трона салдаты і афіцэры вызваліліся ад дадзенай яму прысягі, таму важнейшай палітычнай і грамадскай акцыяй, скіраванай на ўмацаванне новага ладу, з'явілася прывядзенне вайскоўцаў да прысягі на вернасць Часоваму ўраду. Масавыя маніфестацыі ў гонар перамогі над самаўладдзем, акрамя іншага, мусілі азначаць, што рэвалюцыя завершана і ўся энергія павінна быць скіравана на ўмацаванне яе заваёў, і ў першую чаргу – на падтрымку новага ўрада як гаранта ажыццяўлення дэмакратычных свабод і склікання Устаноўчага сходу [6].

Без парушэння прэрагатывы будучага Усерасійскага парламента на ажыццяўленне важнейшых мерапрыемстваў, якія б адпавядалі карэнным інтарэсам расійскага грамадства, Часовы ўрад тым не менш палічыў сваім абавязкам арганізаваць адпаведную падрыхтоўчую працу. У палітычнай сферы, акрамя іншага, узнікла патрэба ў рэфармаванні органаў мясцовай выканаўчай улады і самакіравання, пабудове ўзброеных сіл на новых пачатках; у сферы эканамічнай – ліквідацыі харчовай напружанасці, прадухіленні ўзрастання аграрнага руху, недапушчэнні выступленняў рабочых на абарончых прадпрыемствах і інш. Усе азначаныя і іншыя мерапрыемствы мусілі ажыццяўляцца ў шчыльнай звязцы з падтрыманым народам курсам на працяг вайны да заключэння ганаровага міру.

Пасля скасавання інстытута губернатараў і перадачы іх паўнамоцтваў урадавым камісарам у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях на гэтыя пасады былі прызначаны старшыні губернскіх земскіх упраў, адпаведна, М. Л. Карташоў, В. А. Судзілоўскі і Б. М. Самойленка [3, с. 28]. На працягу сакавіка павятовая ўлада перадавалася ад земскіх начальнікаў да камісараў, прызначаных з ліку павятовых земскіх старшын. Часткай і апорай губернскіх і павятовых камісарыятаў да сярэдзіны лета з'яўляліся гарадскія камітэты грамадскай бяспекі.

Земскія і гарадскія самакіраванні актыўна папаўняліся прадстаўнікамі «дэмакратычных элементаў» з ліку левых партый, Саветаў, прафсаюзаў, а таксама нацыянальных груп. У валасцах пачалася падрыхтоўка да выбараў усесаюльных органаў выканаўчай улады – валасных камітэтаў замест сялянскіх па складзе ўпраў.

У эканамічнай сферы першаступенную ўвагу ўрада прыцягнула неабходнасць упарадкавання харчовай справы. Яго пастанова аб заснаванні харчовых камітэтаў (3 сакавіка), перадачы хлеба ў распараджэнне дзяржавы (25 сакавіка) і «Аб ахове пасеваў» (11 красавіка) выклікалі падтрымку ўсяго грамадства. Так, беларускае сялянства абавязалася захоўваць «хлебную манаполію» і спрыяць дзяржаўным нарыхтоўкам прадуктаў [7, с. 18–20].

У мэтах прадухілення пашырэння сялянскага руху Часовы ўрад акрэсліў сваю палітыку ў аграрным пытанні. 21 красавіка Міністэрства земляробства выдала пастанову аб заснаванні сеткі зямельных камітэтаў: ад Галоўнага да валасных, якім ставілася ў абавязак вырашэнне зямельных спрэчак і падрыхтоўка да аграрнай рэформы. З канца мая ім было нададзена права распараджэння незасеянымі палямі і нагляду за выкарыстаннем лясных рэсурсаў.

Удзельнікі першых сялянскіх сходаў і з'ездаў пагадзіліся з адтэрміноўкай аграрнай рэформы да Устаноўчага сходу і пад наглядом зямельных камітэтаў заняліся ўлікам усіх ворных зямель, сенажацей, пашы і лясных угоддзяў.

Часовы ўрад таксама ўсведамляў неабходнасць паляпшэння становішча рабочага класу. Пасля таго як ваенны міністр А. І. Гучкоў увёў на ўсіх дзяржаўных абарончых прадпрыемствах 8-гадзінны працоўны дзень, такі пародак зрабіўся нормай і для прыватных прадпрыемстваў [8, с. 157]. Надалей вырашэнне рабочага пытання Міністэрства працы пры ўдзеле прафсаюзаў набыло станоўчую дынаміку. А на пераважнай большасці прадпрыемстваў Беларусі ўсталяванне 8-гадзіннага працоўнага дня адбылося адносна хутка і бесканфліктна.

Нягледзячы на звяржэнне самаўладдзя, яго ваенная палітыка ў 1917 г., па сутнасці, заставалася нязменнай: у саюзе з Антантай вызваліць ад акупантаў усе расійскія землі і дамагчыся ганаровага міру. Лозунг «Вайна да перамогі!» значнай папулярнасцю ў насельніцтва Беларусі не карыстаўся. Сама расійская армія, нават нягледзячы на прынесеную Часоваму ўраду прысягу, адчувала патрэбу ў рэфармаванні. Ужо на пачатку сакавіка А. Гучкоў выступіў за выкараненне з яе царскіх перажыткаў і наданне салдатам «правоў, прадастаўленых усім грамадзянам». Велізарны ўплыў на дэмакратызацыю арміі аказаў Петраградскі Савет, які ў сваім «Загадзе № 1» заклікаў салдат да стварэння ўласных камітэтаў, у палітычным плане не залежных ад камандзіраў [9, с. 33]. Адным з вынікаў распачатай дэмакратызацыі стала ўзнікненне 16 красавіка ў Мінску магутнай грамадска-палітычнай арганізацыі – Заходнефронтавога камітэта, – якая гарантавала Часоваму ўраду сваю падтрымку [3, с. 78].

Такім чынам, вясной 1917 г. у выніку дзейнасці Часовага ўрада ва ўсіх сферах жыцця расійскага грамадства, у тым ліку жыхароў прыфрантавой Беларусі, адбыліся істотныя змены, галоўным чынам, палітычнага характару, якія стваралі перспектывы негвалтоўнага, дэмакратычнага вырашэння ўсіх зладзённых праблем. Узнікшыя рэвалюцыйным шляхам Саветы дапамагалі ўсталёўваць новы лад на месцах і ўрадавую ўладу не аспрэчвалі. Мэтазгоднасць склікання Усерасійскага парламента ставілася ў аэтанасць ад паспяховасці ваенных дзеянняў Антанты супраць аўстра-германскіх войск.

Між тым, змены, якія адбываліся ў краіне пасля Лютаўскай рэвалюцыі, былі выкліканы не толькі рэформамі ўрада. Пэўная іх частка была абумоўлена дзейнасцю так званай «рэвалюцыйнай дэмакратыі» ў асобе левых партый, Саветаў, салдацкіх камітэтаў і інш. З моманту афармлення Петраградскага Савета, а затым Выканкама Усерасійскага з'езда сялянскіх дэпутатаў і ЦВК Усерасійскага з'езда Саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў яна, гэтая дзейнасць, пайшла ў рэчышчы праграм сацыялістычных партый, што не заўсёды адпавядала аб'ектыўным патрэбам усяго грамадства. Так, з вяртаннем У. І. Леніна з эміграцыі рэзка ўзмацнілася крытыка Часовага ўрада як «буржуазнага». Класавыя падыходы ў адносінах да ўлады распаўсюдзіліся і на Беларусь. Так, у маі – чэрвені камісары, рэкрутаваныя з земскіх старшынь, пад уплывам Саветаў сялянскіх дэпутатаў саступілі месца дэмакратычным абраннікам. 20 ліпеня дэлегаты з'езда Саветаў Магілёўскай губерні па палітычных матывах прымуслі падаць у адстаўку губернскага камісара М. М. Друцкага-Сакалінскага [3, с. 118].

Пасля перамогі на выбарах у гарадскія думы, валасныя і павятовыя земствы кандыдатаў «рэвалюцыйнай дэмакратыі» ва ўладнай структуры сталі дамінаваць эсэры, меншавікі і бундаўцы. Завяршэнне фарміравання сістэмы ўлады звязвалася са скліканнем Устаноўчага сходу.

3 мая – чэрвеня распачатая ўрадам падрыхтоўка да аграрнай рэформы стала выходзіць з-пад яго кантролю. «Чакалася, – пісаў А. Ф. Керанскі, – што да восені зямельныя камітэты скончаць падрыхтоўчую працу і ўрад унясе законапраект аб зямельнай рэформе на зацвярджэнне Устаноўчага сходу» [8, с. 157]. Але наданне зямельным камітэтам права ўліку зямлі і распараджэння ёю ператварыла ўсіх іх – ад Галоўнага да валаснога – у сродак паступовага ажыццяўлення эсэрамі сваёй аграрнай палітыкі. Характэрна тое, што набіраўшы сілу захопны сялянскі рух быў не столькі стыхійным, колькі арганізаваным менавіта зямельнымі камітэтамі. Таму паспрыяў і сам міністр земляробства эсэр

В. М. Чарноў, які ўнёс на разгляд урада да 10 законапраектаў у духу партыйнай аграрнай праграмы [10, с. 679]. Да гэтага часу на Беларусі дзейнічалі зямельныя камітэты ў сваёй масе на чале з эсэрамі. Змест і рэалізацыя пастаноў Часовага ўрада ад 30 мая, 12 і 16 ліпеня, 10 кастрычніка сведчылі пра ўжо распачатую аграрную рэформу, якая на месцах у значнай ступені ажыццяўлялася гвалтоўным спосабам [7, с. 15].

Спраба ўрада і яго органаў на месцах наладзіць харчовае забеспячэнне арміі і гарадскога насельніцтва таксама сутыкнулася з істотнымі цяжкасцямі. Так, вясной харчовым камітэтам у цэлым удалося здзейсніць нарыхтоўкі хлеба і фуражу мінулагадняга запасу па так званым «цвёрдым кошце», але прадаваць па ім прадукты новага ўраджаю сяляне адмаўляліся. Сваё нежаданне яны тлумачылі адсутнасцю «цвёрдага кошту» на прамысловыя прадукты – прылады працы, мануфактуру, газ і г. д. Сітуацыю пагаршалі перабоі паставак прадуктаў (крупы, цукру, мукі) з паўднёвых губерняў краіны і недарод асобных збожжавых культур.

Жнівеньскае павышэнне закупачных коштаў толькі пагоршыла справу, бо зараз сялянства зусім перапыніла продаж хлеба дзяржаве ў спадзяванні на чарговыя павышэнні. Адначасова хлебаробы імкнуліся прадаць сваю прадукцыю гандлярам па рыначным кошце або перагнаць частку збожжа на самагон, продаж якога даваў ім асабліва вялікі прыбытак. З надыходам восені дзяржаўная «хлебная манополія» заставалася толькі на паперы, а гарады, мястэчкі, армія, бежанскія арганізацыі і іншыя спажыўцы сельскагаспадарчай прадукцыі сталі адчуваць іх востры недахоп [11].

У маі сталі выяўляць сябе пралікі ўрада ў сферы рэфармавання арміі. Насуперак патрабаванням прафесійных вайскоўцаў аб недапушчэнні ў армію «палітыкі» партыйныя арганізацыі легалізавалі сваю дзейнасць нават на фронце. Інстытуцыялізацыя салдацкіх камітэтаў значна абмежавала ўладу камандзіра, а ў дадатак да таго падпісаная ваенным міністрам А. Керанскім «Дэкларацыя аб правах салдата-грамадзяніна» [3, с. 81] падрывала аўтарытэт афіцэра. Насуперак шчырым жаданням рэфарматараў узяць баяздольнасць «рэвалюцыйнай» арміі тых, хто жадаў ваяваць, рабілася ўсё менш. Невыпадкова летняе наступленне рускай арміі скончылася поўным правалам. Нарэшце, справакаваны А. Керанскім мяцеж Л. Карнілава яшчэ больш узмацніў недавер салдат да кадравых афіцэраў і пагоршыў баяздольнасць узброеных сіл. Новы ваенны міністр А. Вярхоўскі лічыў, што «без навядзення парадку ў арміі і пераадолення анархыі ў войсках ёсць небяспека з'яўлення

новага авантурыста, але больш удалага, чым Карнілаў» [12, с. 234].

Заклучэнне. Пагроза ўсталявання ваеннай дыктатуры актывізавала рэфармацыйны працэс. І верасня абвешчалася ўсталяванне ў Расіі рэспубліканскага ладу. 21 верасня быў створаны Савет Рэспублікі – Перадпарламент. А чарговы кабінет Часовага ўрада нарэшце абвясціў аб падрыхтоўцы да выбараў ва Устаноўчы сход [13]. На трох беларускіх і адной заходнефрантавой акругах таксама пачалася перадвыбарчая кампанія. У агітацыйна-прапагандысцкіх матэрыялах асноўнай масы яе ўдзельнікаў дамінавалі спадзяванні на заканадаўчае вырашэнне Устаноўчым сходам усіх дзяржаўных і грамадскіх патрэб, у тым ліку ўсталяванне моцнай і аўтарытэтай улады, заключэнне дэмакратычнага міру, ліквідацыя памешчыцкага землеўладання і інш. Паралельныя заклікі бальшавікоў Беларусі да рабочых і салдат абіраць дэлегатаў на II Усерасійскі з’езд Саветаў асаблівага поспеху не мелі. Што датычыць сялянскіх Саветаў, якія згуртоўвалі вакол сябе ўсю масу вясковых жыхароў, то яны наогул адмовіліся ад усялякай актыўнасці, якая магла б пашкодзіць выбарам ва Устаноўчы сход [3, с. 156].

Такім чынам, з пачатку Лютаўскай рэвалюцыі рэфармацыйны шлях вырашэння ўсіх наспелых праблем быў прызнаны адзіна правільным асноўнай масай расійскага грамадства, у тым ліку і на Беларусі. Нягледзячы на пагаршэнне сацыяльна-эканамічнага становішча ў краіне, узрастанне анархічных працэсаў на фронце і ў тыле, зніжэнне аўтарытэту Часовага ўрада, грамадзяне рэспублікі ўсведамлялі пагрозу страты дэмакратычных заваёў, небяспеку грамадзянскай вайны і звязвалі свае спадзяванні на пераадоленне крызісу, галоўным чынам, з Устаноўчым сходам.

Літаратура

1. Волобуев, П. В. К вопросу об альтернативности исторического развития России в 1917 году (о крахе реформистской альтернативы Октябрьской революции) // Неопубликованные работы.

Воспоминания. Статьи / П. В. Волобуев. – М.: Наука, 2000. – 509 с.

2. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: в 3 ч. – Гомель, 1993. – Ч. I. Политические партии России. – 184 с.

3. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ, 2001. – Ч. I. Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 200 с.

4. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» // Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года: в 4 т. / отв. ред. тома Б. Ф. Додонов; сост.: Е. Д. Гринько, О. В. Лавинская. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. – Том 1. Март – апрель 1917 года. – 448 с.

5. Минский голос. – 1917. – 5 марта; Витебский вестник. – 1917. – 5 марта; Могилевский вестник. – 1917. – 16 марта.

6. Известия Минского Совета. – 1917. – 10 марта.

7. Рыжанкоў, І. М. Сялянства Беларусі ў вырашэнні грамадска-палітычных і эканамічных праблем (сакавік – кастрычнік 1917 г.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / І. М. Рыжанкоў. – Мінск, БДТУ, 2006. – 25 с.

8. Керенский, А. Ф. Россия на историческом повороте: мемуары / А. Ф. Керенский. – М.: Республика, 1993. – 383 с.

9. Сяменчык, М. Я. Наступальная кампанія рускай арміі 1917 года ў лесе Лютаўскай рэвалюцыі / М. Я. Сяменчык // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 33–35.

10. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. – 872 с.

11. Вестник Минского губернского комиссариата. – 1917. – 30 сент.

12. Злоказов, Г. И. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году / Г. И. Злоказов. – М.: Наука, 1997. – 336 с.

13. Фронт. – 1917. – 28 сент.

Паступіла 13.03.2012

УДК 930.1:001.8

В. Е. Козляков, доктор исторических наук, профессор (БГТУ)**НАЦИОНАЛЬНО-ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АВТОНОМИЗМ:
ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье раскрываются сущность программы национально-персональной автономии и ее интерпретации, которые нашли отражение в работах различных политических деятелей России. Несмотря на критическое отношение большевиков к этой программе в дореволюционный период, партия, став правящей, использовала ее элементы в национально-государственном строительстве в 20-е гг. XX в. Идеи национально-персонального автономизма получили новое звучание в конце XX в., нашли отражение в современном белорусском и российском законодательстве.

The essence of program of national personal autonomy with its interpretation (describes in works of different Russian politicians) is given in the article. In spite of the critical attitude of bolsheviks towards this program in the pre-revolutionary period, their party as the leading one has used the elements of this program for creation of the national state in 1920s. The ideas of national personal autonomy sounded different in the end of the XXth century and were given in modern Belorussian and Russian legislation.

Введение. Проблемы межнациональных отношений всегда занимали и продолжают занимать важное место в общественно-политической практике многих стран. Распад СССР, обретение независимости государствами не сняли напряженности между отдельными нациями, прежде всего так называемыми «титульными» и национальными меньшинствами, проживающими дисперсно на постсоветском пространстве. Особую актуальность приобретает вопрос о выработке конкретного механизма в демократизации и гуманизации межнациональных отношений, позволяющего, с одной стороны, удовлетворить интересы личности, нации и государства одновременно, а с другой, – не препятствовать прогрессивным интеграционным процессам. Для решения этих непростых задач политические субъекты (органы власти, политические партии, общественные организации и движения) все чаще стали обращаться к идеям национально-персонального автономизма.

Основная часть. Родоначальниками национально-персонального автономизма являются австрийские социал-демократы О. Бауэр и К. Реннер (Р. Шпрингер), усмотревшие недостатки и ограниченность в решении национальных проблем путем автономизации конкретных национальных территорий. По мнению О. Бауэра, источником и носителем национальных прав должны быть не территории, борьба за которые лежит в основе всех межнациональных распрей, а сами нации, независимо от места проживания, точнее – национальные союзы. [1].

В конституировании нации по персональному принципу и в предоставлении ей, а не территории, публично-правового статуса О. Бауэр и К. Реннер видели оптимальный способ разрешения межнациональных противоречий и,

прежде всего, обеспечения прав национальных меньшинств. Чтобы нация (и национальное меньшинство) могла защитить себя, она должна, по мнению К. Реннера, предстать перед государством в качестве субъекта национальных прав, обладать правом коллективного юридического лица, способного и правомочного самостоятельно удовлетворять культурные запросы и нужды своих соплеменников, независимо от места проживания [2]. К. Реннер даже попытался спроектировать своеобразную «вертикаль» управления национальным союзом, включавшую в себя центральный, региональный (окружной) и местный уровни.

Идеи О. Бауэра и К. Реннера вызвали живой отклик в российской социалистической мысли, особенно среди деятелей еврейских партий. Неслучайно вышедшие в России в 1909 г. книги австрийских социал-демократов были снабжены предисловиями, написанными, соответственно, лидерами Социалистической еврейской рабочей партии (СЕРП) Х. Житловским и М. Ратнером. Оба высоко оценили труды австрийцев. М. Ратнер не преминул заметить, что именно Р. Шпрингеру принадлежит заслуга «систематического обоснования». Лидер серпистов дал собственную интерпретацию проекта национальных союзов, предложенного Р. Шпрингером, представив их в качестве своеобразных «территориальных государств в государстве». При этом он поспешил оговориться, что «персональный принцип отрицает не территорию вообще, а лишь исторические территории» [3].

По мнению Х. Житловского, «книга О. Бауэра – лучшая из книг по национальному вопросу, написанных до сих пор с социалистической точки зрения». Однако он заметил, что «по основным теоретическим построениям система Бауэра примыкает к той научной постановке

вопроса, которая была выдвинута теоретиками еврейского рабочего класса» [4]. В то же время Х. Житловский подверг резкой критике О. Бауэра за то, что тот отказал евреям в праве на национально-персональную автономию. Австрийский социал-демократ полагал, что нельзя игнорировать ассимиляцию еврейства, которое в большей степени и в больших масштабах впитывало европейскую культуру и сливалось с другими европейскими народами.

Но Х. Житловский был другого мнения. «Еврейский рабочий класс, – доказывал он, – вынесет из этой поучительной бауэровской главы о еврейской автономии тот урок, что национальное возрождение еврейского народа должно быть делом самого еврейского народа» [5].

Неслучайно идеи национально-персональной автономии для еврейства были широко представлены в программах партии «Поалей-Цион», Социалистической еврейской рабочей партии, а также Бунда. Единицей национально-го самоуправления на местах, говорилось в программе серпистов, обязана стать еврейская национальная община, в состав которой должны входить все члены «еврейского национального союза». Верховным органом национально-го самоуправления объединенного еврейства является Всероссийский еврейский национальный сейм, которому должно принадлежать право обращения с различными требованиями в общегосударственные, областные и национальные учреждения. Под эгидой сейма предусматривалось создание структур, ведавших не только вопросами образования и культуры, но и учреждением дешевого кредита, организацией потребительских и производственных товариществ, больниц, специальной статистики, а также эмиграционными и переселенческими процессами «в целях ограждения интересов еврейского труда и урегулирования этого крупного явления народной жизни в направлении территориальной концентрации народных масс» [6]. Идея создания экстерриториальных органов национального самоуправления под давлением серпистов (основным докладчиком выступил М. Ратнер) была поддержана Конференцией национальных социалистических партий в апреле 1907 г. [7].

Как видим, эти установки выходили далеко за рамки культурно-национальной автономии и преследовали цель обеспечить исключительные права для еврейского населения, в первую очередь для еврейской элиты, создать своеобразное «государство в государстве» в пределах России. Любопытно, что Бунд готов был ограничиться культурно-национальной автономией, бундовский укороченный вариант национально-персонального автономизма предусматривал

все же «изъятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры», и передачу их нации в лице особых учреждений» [8].

Таким образом, национально-персональный автономизм к началу XX в. в России был представлен в двух вариантах: 1) национально-экстерриториальной автономии, включавшей в себя самые широкие политические, экономические, социальные права для этносов, в том числе и для национальных меньшинств; 2) культурно-национальной автономии, предполагавшей предоставление прав нациям и их союзам в вопросах культуры. Эти варианты несли в себе определенные противоречия. С одной стороны, действительно наблюдалась попытка «разгородить» нации между собой, обособить их. С другой, эти программы имели, безусловно, демократическое содержание, поскольку были направлены против существовавших реакционных самодержавных порядков.

К сожалению, большевики увидели в национально-персональной автономии (при этом они сводили ее лишь к культурной) лишь проявления «буржуазного национализма». Неприемимую позицию занимал В. И. Ленин, называя ее программой «утонченного национализма», «выдумкой плохоньких интеллигентов», нигде не осуществленной [9]. Такие же позиции отстаивали соратники Ленина – И. В. Сталин и С. Г. Шаумян. Их работы были опубликованы в большевистской печати соответственно в 1913 и 1914 гг. [10, 11].

Однако после Октябрьской революции главная партия рабочего класса не прочь была воспользоваться элементами национально-персональной автономии. Критика программы «утонченного национализма» практически исчезла из высказываний приверженцев пролетарского интернационализма. Дисперсное проживание многих наций и народностей во многих регионах России, многонациональный состав беженцев, хлынувших в центральные районы страны во время войны и революций, потребовали от правящей партии испытать экстерриториальный подход в решении национальных проблем. Создание национальных комиссариатов в определенной степени должно было отвечать этим поискам [12]. К началу 1919 г. в Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР был создан 21 национальный комиссариат и отдел, представлявшие почти все крупные национальности Советской России [13]. Об этом довольно подробно рассказано в работе Г. П. Макаровой.

Поскольку в национальных комиссариатах (отделах) работало немало людей, во многом не разделявших коммунистические взгляды,

требовалось усиление руководящей роли пролетарской партии. Именно этой цели должны были служить национальные секции РКП(б), которые начали создаваться в 1918 г. при партийных комитетах тех губерний и уездов, где проживало компактное число представителей разных национальностей, как правило, эвакуированных из других районов. Задачам и практической деятельности национальных секций РКП(б) посвятил свою интересную работу Я. Ш. Шарапов [14]. Так, национально-персональный автономизм был воплощен, правда в особой форме, в советском и партийном строительстве. Сама практика создания нового общества опрокидывала категорическое утверждение И. В. Сталина о том, что «национальные автономии непригодны для будущего социалистического общества» [15]. Но, разумеется, работы Я. Ш. Шарапова, Г. П. Макаровой не смогли преодолеть догматику классового подхода. Они были призваны показать на своих материалах воплощение принципов ленинской национальной политики.

Элементы национально-персонального автономизма проявились при организации национальных советов, в том числе в Беларуси, Украине, России. Эти советы, как правило, были призваны защищать интересы национальных меньшинств, содействовать их включению в строительство нового общества, развитию культуры и образования. Создавались национальные советы в местах компактного проживания этносов. В Беларуси, например, к 1928 г. действовало 55 национальных советов, в том числе еврейских – 21, польских – 23, немецких – 2, латышских – 5, русских – 2, белорусско-еврейских – 2 [16]. Однако догматическое толкование принципов интернационализма, игнорирование ряда национальных проблем, боязнь так называемых «рецидивов национализма» привели к тому, что к 1937 г. национальные советы были ликвидированы.

Можно по-разному относиться к подобным вариантам национально-персонального автономизма, но вряд ли следует признать правомерной точку зрения некоторых современных авторов, утверждающих, что эти варианты нельзя рассматривать в качестве национально-персональной автономии, поскольку, дескать, национальные комиссариаты и советы строились на территориальной основе [17]. Во-первых, экстерриториальный принцип отнюдь не означает безтерриториальность вообще, а предполагает территорию, независимо от места проживания этносов, существующих реально, хотя и в разных местностях, но не в виртуальном мире. Во-вторых, авторы и последователи идей национально-персонального автономизма

(К. Реннер, О. Бауэр, Х. Житловский, М. Ратнер и др.) не исключали конкретной территории для этносов, проживающих дисперсно, о чем было сказано выше.

Другое дело, что в советской научной литературе возобладало единодушное мнение о решенности национального вопроса, а национальные проблемы носили частный характер. Несмотря на использование советской властью, особенно в 20-е годы XX в., элементов национально-персональной автономии, критика самой программы не исчезала со страниц советского официоза, рассматривалась как «мелкобуржуазная затея», не соответствующая «классовым интересам пролетариата» [18].

Ситуация стала меняться уже в период перестройки. Появились статьи, в которых, по сути, предлагалось использовать принципы национально-персонального автономизма в национальной политике. Так, А. Б. Зубов и А. М. Салмин на страницах журнала «Рабочий класс и современный мир» (1989, № 3) весьма осторожно высказали мысль о том, что желательно ввести процедуру формирования национальных советов, которые бы «руководили образованием, культурой, всеми иными сторонами жизни данного народа» [19]. Но тогда эту идею не очень восприняли в высших эшелонах власти. И только после распада СССР тема национально-персональной автономии стала приобретать особую актуальность.

Как полагали Э. Л. Львова, И. В. Нам и Н. И. Наумова, опубликовавшие в журнале «Полис» (1993, № 2) специальную статью по данной проблематике, в условиях усиления многонациональных конфликтов обращение к этой идее может иметь конструктивные результаты. По их мнению, модель экстерриториальных суверенитетов, накладываемых на территориальную федерацию, является одним из вариантов организации этнополитического пространства как в пределах СНГ, так и в Российской Федерации [20].

Эти идеи в итоге нашли отражение в российском законодательстве. В июне 1996 г. был принят Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Его реализация способствовала определенным позитивным изменениям [21]. Национально-культурная автономия основывается на принципах свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к определенной этнической общности, самоорганизации и самоуправления, сочетания общественной инициативы с государственной поддержкой, уважением языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных общностей, законности.

Подобные идеи стали воплощаться и в Беларуси. Еще в конце 80-х гг. XX в. возникли

учреждения и товарищества по вопросам культуры и языков национальных меньшинств. Становление Беларуси как независимого государства также потребовало специального законодательства для регулирования проблем межнациональных отношений. Принятый 11 ноября 1992 г. Верховным Советом Республики Беларусь закон «О национальных меньшинствах» гарантирует представителям национальных меньшинств равные политические, экономические и социальные права и свободы, в том числе права на помощь со стороны государства в деле развития национальной культуры и образования, создания своих национально-культурных объединений.

Заключение. Создание эффективной законодательной базы – важное, но не единственное условие решения межнациональных проблем. Главное – обеспечить четкое функционирование специального механизма, в котором национальные союзы, объединения могут и должны сыграть позитивную роль. При этом различные структуры национальных общностей должны способствовать не национальному обособлению и кичливости, а взаимодействию и взаимообогащению культур. Вот почему изучение разнообразных аспектов национально-персонального автономизма остается актуальной научной и практической задачей.

Литература

1. Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия (с предисловием Х. Житловского) / О. Бауэр. – СПб.: СЕРП, 1909. – С. 368.
2. Шпрингер, Р. Национальная проблема. Борьба национальностей в Австрии / под ред. и с предисловием М. Ратнера; Р. Шпрингер. – СПб.: Общественная польза, 1909. – С. 111.
3. Ратнер, М. Б. Предисловие к русскому переводу / М. Б. Ратнер // Шпрингер, Р. Национальная проблема. Борьба национальностей в Австрии / Р. Шпрингер; под ред. и с предисловием М. Ратнера – СПб.: Общественная польза, 1909. – С. 2, 17, 21.
4. Житловский, Х. Предисловие / Х. Житловский // Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия (с предисловием Х. Житловского) / О. Бауэр. – СПб.: СЕРП, 1909. – С. 10.
5. Там же. – С. 39–54.
6. СЕРП. Сборник первый. – М.: СЕРП, 1907. – С. 38–39, 271–273.

7. Протоколы конференции российских национально-социалистических партий. 16–20 апреля 1907 г. – СПб.: СЕРП, 1908. – С. 143–144.

8. Рафес, М. Очерки по истории Бунда / М. Рафес. – М.: Московский рабочий, 1923. – С. 270.

9. Ленин, В. И. Тезисы реферата по национальному вопросу / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 24. – С. 386.

10. Сталин, И. Марксизм и национальный вопрос / И. Сталин. – М.: Госполитиздат, 1939. – С. 31.

11. Шаумян, С. Г. О национально-культурной автономии / С. Г. Шаумян. – М.: Госполитиздат, 1959. – 50 с.

12. Карр, Э. Большевицкая революция 1917–1923. История Советской России: в 2 кн. / Э. Карр. – М.: Прогресс, 1990. – Кн. 1. – Т. 1. – С. 227.

13. Макарова, Г. П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. 1917–1923 гг. / Г. П. Макарова. – М.: Наука, 1987. – С. 15–16.

14. Шарапов, Я. Ш. Национальные секции РКП(б) / Я. Ш. Шарапов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1967. – 273 с.

15. Сталин, И. Марксизм и национальный вопрос / И. Сталин. – М.: Госполитиздат, 1939. – С. 31.

16. Становление и крушение однопартийной системы в СССР / под общ. ред. Э. М. Энтена. – Гомель: ИПП «Техническая книга», 1995. – С. 119.

17. Нам, И. Реализация закона РФ «О национально-культурной автономии» / И. Нам // Бюллетень этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1998. – № 16. – С. 5.

18. Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях / под ред. П. Н. Федосеева. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1974. – С. 111.

19. Зубов, А. Б. Оптимизация национально-государственных отношений в условиях «национального возрождения» в СССР / А. Б. Зубов, А. М. Салмин // Рабочий класс и современный мир. – 1989. – № 3. – С. 84.

20. Львова, Э. Л. Национально-персональная автономия: идея и воплощение / Э. Л. Львова, И. В. Нам, Н. И. Наумова // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 134–135.

21. Основы национальных и федеративных отношений: учебник / под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – С. 113–114.

Поступила 15.03.2012

УДК 008:323.15(476)«1920»

І. У. Каляда, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

РАЗВІЦЦЁ КУЛЬТУРЫ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ МЕНШАСЦЯЎ У БССР У 1920-Х ГГ.

У публікацыі разглядаецца праблема развіцця культуры нацыянальных меншасцяў, якія жылі на тэрыторыі Беларусі ў 1920-я гг. Гэта пытанне было часткай палітыкі беларусізацыі, што праводзілася ў тых гады, і ўключала наступныя накірункі: стварэнне сістэмы тэрытарыяльнай аўтаноміі; адкрыццё школ і класаў з роднай для гэтых меншасцяў мовай навучання; рашэнне праблемы падрыхтоўкі кадраў вышэйшай кваліфікацыі; выданне газет і часопісаў на мовах нацменшасцяў; развіццё нацыянальнага тэатральнага мастацтва.

The article dedicated to the problem of developing cultural background of national minorities in Belarus in 1920s. That was the main point of the belarusisation policy of those days and covered the following ideas: creating the territorial autonomy system, opening school and classes in the native for these minorities language, addressing the training of highly qualified personnel, publication of newspapers and magazines in languages of national minorities, the development of a national theater.

Уводзіны. 1920-я гг. у гісторыі нашай краіны вядомыя як перыяд адраджэння, росквіту, перш за ўсё, беларускай культуры і мовы. Гэта быў час правядзення беларусізацыі – палітыкі нацыянальна-дзяржаўнага і нацыянальна-культурнага будаўніцтва. Афіцыйны статус дзяржаўнай палітыкі беларусізацыя атрымала з прыняццем на II сесіі ЦВК БССР (ліпень 1924 г.) пастановы «Аб практычных мерапрыемствах па правядзенні нацыянальнай палітыкі» і рэзалюцыі пленума ЦК КП(б)Б (ліпень 1924 г.) «Аб праграме работ па правядзенні нацыянальнай палітыкі партыі ў Беларусі». Згодна з гэтымі пастановамі, раўнапраўнымі на тэрыторыі Беларусі абвешчаліся беларуская, руская, яўрэйская і польская мовы. Да гэтага часу на Беларусі ўжывалася пераважна руская мова, беларуская ж выконвала мізэрны аб'ём сацыяльных функцый, нягледзячы на тое, што карэннае насельніцтва складала 80%. Для ўжывання яўрэйскай і польскай моў таксама не знаходзілася месца ў грамадскім жыцці, хаця на іх носбітаў падаў значны працэнт у агульным складзе насельніцтва Беларусі. Вызначаныя ў пастановах меры па беларусізацыі адкрывалі шырокія магчымасці для ажыццяўлення ідэй беларускага адраджэння, адначасова даволі поўна ўлічвалі асаблівасці ўмоў на Беларусі: нацыянальны і сацыяльны склад насельніцтва, нізкі ўзровень эканамічнага развіцця краіны і інш.

Асноўная частка. Пры распрацоўцы і ажыццяўленні беларусізацыі неабходна было ўлічваць і шматнацыянальны склад насельніцтва Беларусі, яго своеасаблівае рассяленне па тэрыторыі рэспублікі. Па перапісе 1926 г. пасля другога ўзбуйнення БССР доля беларусаў у агульным складзе насельніцтва адпавядала 80,6% (1922 г. – 74,8%), яўрэяў – 8,2, рускіх – 7,7, палякаў – 2, украінцаў – 0,7, латышоў – 0,3, літоўцаў, немцаў, татараў – па 0,1, усіх іншых – 0,2% [1, с. 60]. Як бачна, яўрэі, рускія, палякі

з'яўляліся найбольш вялікімі нацыянальнымі меншасцямі. Беларусы, галоўным чынам, пражывалі ў вёсках, яўрэі, у сілу існаваўшай пры царызме рысы асёдласці, канцэнтраваліся ў мястэчках і гарадах, складаючы часам да 40–60% колькасці іх жыхароў. У гарадах большай часткай пражывалі і рускія, хаця нямала іх было і ў сёлах. Астатнія нацыянальныя меншасці жылі як у гарадах, так і ў вёсках, утвараючы нярэдка даволі кампактныя групы. Такое рассяленне стварала свайго роду нацыянальны разрыў паміж горадам і вёскай, а таксама ўносіла спецыфіку ў моўнае становішча – рускамоўны горад і беларускамоўная вёска.

Інтэрэсы нацыянальных меншасцяў, якія жылі на тэрыторыі Беларусі, не засталіся без увагі, што стала характэрнай рысай беларусізацыі. Адносіны да іх мовы і культуры былі аналагічнымі адносінам да беларускай мовы і культуры. Іх развіццё падтрымлівалася, забяспечвалася матэрыяльна і арганізацыйна. І, дзякуючы гэтаму, некарэннае насельніцтва ў аснове сваёй правільна ставілася да беларусізацыі. З боку прадстаўнікоў некарэннай нацыянальнасці не назіралася якіх-небудзь сур'ёзных пярэчанняў, супраціўлення такой палітыцы. Больш таго, беларусізацыя 1920-х гг. дала багата прыкладаў плённай працы прадстаўнікоў рускай, польскай, яўрэйскай, украінскай і іншых нацыянальнасцяў на ніве беларускай культуры.

Адзначым тое, што для гэтых народаў стваралася сістэма так званай экстэрытарыяльнай аўтаноміі, якая прадугледжвала арганізацыю сельскіх і гарадскіх нацыянальных Саветаў там, дзе жыло больш за 500 прадстаўнікоў той ці іншай нацыянальнасці. І калі ў 1924 г. у Беларусі існавала ўсяго 9 нацыянальных Саветаў (7 яўрэйскіх і 2 латышскіх), то ў 1929 г. – 67 (23 яўрэйскіх, 19 польскіх, 16 расійскіх, 5 латышскіх, 2 украінскіх і 2 нямецкіх) [2, с. 32]. Для больш за 10 тыс. прадстаўнікоў гэтых

народаў ствараліся нацыянальныя раёны, на тэрыторыі якіх ажыццяўлялася свая мінікарэнізацыя і мінінацыяналізацыя. Напрыклад, такі раён быў створаны недалёка ад Мінска з цэнтрам у мястэчку Койданава (Польскі нацыянальны раён імя Ф. Дзяржынскага).

Пры арганізацыі нацыянальных Саветаў галоўнай мэтай ставілася пераадоленне міжнацыянальных варожых адносін. Да таго ж дзейнасць нацсаветаў спрыяла гаспадарчаму ўздыму, развіццю кааперацыі, абуджэнню нацыянальнай самасвядомасці, павышэнню культурнага ўзроўню.

Разам з тым, у рабоце Саветаў назіраліся сур'ёзныя недахопы і адмоўныя моманты. У шматлікіх партыйных і савецкіх дакументах, запісках, дасланных у ЦВК БССР, адзначалася, што ў некаторых мясцінах пры арганізацыі нацыянальных Саветаў увасабляліся выключна нацыянальныя прынцыпы без уліку тэрытарыяльных. Былі выпадкі, калі яўрэйскія месцячковыя Саветы абслугоўвалі толькі яўрэйскае насельніцтва, а ўсе астатнія, хто пражываў на тэрыторыі гэтага Савета, вымушаны былі звяртацца ў сельскі савет, размешчаны даволі далёка (напрыклад, так было ў Мазырскай акрузе).

Вядома, такая арганізацыя не садзейнічала ўзаемаразуменню між нацыянальнасцямі, часам прыводзіла да палітычных, сацыяльных супярэчнасцяў і канфліктаў ва ўзаемаадносінах паміж рознымі нацыянальнымі супольнасцямі.

У комплексе распрацаваных мерапрыемстваў па беларусізацыі грамадскага жыцця ў рэспубліцы першачарговае значэнне надавалася сістэме народнай адукацыі. Зыходным прынцыпам нацыянальнай палітыкі ў школьнай справе вызначаўся прынцып забеспячэння правоў і магчымасцяў кожнай нацыянальнасці, якая пражывае на Беларусі, навучання дзяцей на роднай мове адпаведна іх удзельнай вазе ў агульнай колькасці насельніцтва і жаданню бацькоў. Палітыка беларусізацыі з яе прыярытэтам беларускай мовы і культуры, разам з тым, ніколі не несла ў сабе пагардлівых адносін да моў і культур іншых народаў. Наадварот, адносіны да іх былі аналагічныя адносінам да беларускай мовы і беларускай культуры. Побач з беларускімі адчыняліся школы і класы з роднай мовай выкладання для прадстаўнікоў нацыянальных меншасцяў: рускай, яўрэйскай, польскай, украінскай і інш.

Да рэвалюцыі, як вядома, русіфікатарская палітыка не давала магчымасці развівацца мовам нацыянальных меншасцяў. На Беларусі амаль не было дзяржаўных яўрэйскіх школ, забаранялася навучанне ў школах на польскай мове.

Падчас правядзення беларусізацыі ў яўрэйскага і польскага насельніцтва з'явілася магчымасць карыстацца роднай мовай у школах і дзяржаўных установах. Хутка развівалася сетка яўрэйскіх школ. Калі ў 1924/25 навучальным годзе ў БССР дзейнічала 87 пачатковых і 42 сямігадовыя яўрэйскія школы з ахопам да 19 тыс. вучняў, то ўжо ў 1926/27 навучальным годзе колькасць пачатковых школ павялічылася да 132–147, а сямігадовых – да 50–53, што складала адпаведна 3% і 18% ад агульнай колькасці такіх школ у рэспубліцы. Агульная колькасць вучняў – больш за 24 тыс. чалавек [3, с. 254]. Адкрыццё школ садзейнічала павелічэнню ахопу навучаннем дзяцей яўрэйскай нацыянальнасці.

Работа па арганізацыі польскіх школ праходзіла больш складана ў сувязі з распыленасцю пражывання польскага насельніцтва. Тут ствараліся аднакамплектныя школы. Але мелі месца выпадкі, калі яны адчыняліся сярод беларусаў-католікаў, якія не заўсёды жадалі вывучаць польскую мову.

У выніку абмеркавання пытання пра школьнае будаўніцтва сярод гэтай катэгорыі насельніцтва ў жніўні 1925 г. было прынята рашэнне пра паступовы перавод школ, якія абслугоўвалі беларусаў-католікаў, на беларускую мову, пры гэтым меркавалася пакінуць польскую мову як абавязковы прадмет навучання. Калі ў 1925/26 навучальным годзе ў БССР налічвалася 98 польскіх школ, то ў 1926/27 – 138. Акрамя польскіх, меліся беларускія школы з выкладаннем польскай мовы.

У 1925/26 навучальным годзе адчыніліся першыя дзве літоўскія школы ў Полацкай акрузе. У 1927 г. іх было 10.

Наогул, у 1927 г. выкладанне ў школах Беларусі вялося на 8 нацыянальных мовах.

Працэнт нацыянальных школ адпавядаў колькасці насельніцтва асобнай нацыянальнасці, за выключэннем яўрэйскіх і часткова рускіх (4-гадовых) школ. Неадпаведнасць у адносінах школ на яўрэйскай мове тлумачылася, галоўным чынам, імкненнем яўрэйскага насельніцтва пасылаць сваіх дзяцей у беларускія і рускія школы; у адносінах рускіх школ – тым, што 4-гадовыя школы знаходзіліся ў сельскай мясцовасці. Рускае гарадское насельніцтва абслугоўвалася 7-гадовымі працоўнымі школамі на рускай мове ў аднолькавай меры з іншымі нацыянальнасцямі.

У грамадстве у цэлым, як ужо адзначалася, былі даволі прыхільныя адносіны да таго, што адбывалася. Але выказваліся думкі пра тое, што, напрыклад, рускія школы на Беларусі, наогул, непатрэбны, таму што «не хапае ні патрэбных кніг і навуковых прылад, ні належных

настаўнікаў», а калі на Беларусі і павінна існаваць рабоча-сялянская школа, то гэта «мога быць школа пераважна беларуская і толькі за нязначным выключэннем – яўрэйская ці польская, але ніяк не расійская...» [4, с. 94].

У асобных выпадках назіраўся рэзкі кантраст паміж памяшканнямі і абсталяваннем, напрыклад, яўрэйскай і беларускай школы ў адной мясцовасці. Гэта прыводзіла да таго, што яўрэйская школа дадзенай мясцовасці разглядалася як школа другога гатунку і спрыяла пераходу вучняў з гэтай школы ў беларускія ці рускія. Зразумела, што падобныя парадоксы выклікалі незадаволенасць часткі рускамоўнага насельніцтва, прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцяў.

Станаўленне сеткі адукацыі нацыянальных меншасцяў патрабавала хуткай падрыхтоўкі адпаведных педагогічных кадраў. А праблема адукаваных кадраў была адной з самых вострых. Першы нацыянальны яўрэйскі педтэхнікум быў адкрыты ўжо ў 1921 г. У 1926/27 навучальным годзе працавала 3 такіх тэхнікумы – у Мінску, Віцебску і Гомелі (493 навучэнцы). Акрамя таго, у 1926 г. у Мінску пачалі працаваць двухгадовыя яўрэйскія педкурсы, разлічаныя на 50 слухачоў.

Для падрыхтоўкі настаўнікаў польскіх школ у 1923 г. у Мінску адкрыўся польскі педагогічны тэхнікум, у якім дзейнічала завочнае аддзяленне. Аднак ён забяспечваў школы настаўнікамі толькі на 35–40%, таму ў 1926 г. пры ім пачалі працаваць двухгадовыя курсы, слухачамі якіх з'яўляліся 42 чалавекі. Акрамя таго, з сакавіка 1928 г. Наркамат асветы БССР стаў пасылаць жадаючых на аднагадовыя курсы па падрыхтоўцы настаўнікаў для польскіх школ, якія дзейнічалі ў Кіеве. Таксама ў Кіеве пры польскім тэхнікуме праводзіўся аднагадовы педагогічны семінар, пасля заканчэння якога слухачы атрымлівалі кваліфікацыю выкладчыка адпаведных дысцыплін у польскіх школах.

Улічваючы невялікую колькасць латышскіх і літоўскіх школ, было немэтазгодным адчыняць педагогічныя тэхнікумы па вывучэнні гэтых моў. Для падрыхтоўкі латышскіх настаўнікаў Наркамасветы штогод пасылаў у Ленінградскі латышскі педтэхнікум па 10 стыпендыятаў.

З мэтай падрыхтоўкі кадраў вышэйшай кваліфікацыі ў 1924 г. пры яўрэйскім аддзяленні педагогічнага факультэта БДУ стала працаваць школа, дзе студэнты маглі праходзіць педагогічную практыку, а ў 1926 г. была адчынена яўрэйская секцыя для падрыхтоўкі студэнтаў, паступаючых на яўрэйскае аддзяленне педфака. Трэба зазначыць, што дзейнасць яўрэйскага аддзялення з кожным годам набывала сталасць, больш грунтоўнымі станавіліся вучэбныя праграмы, павышаўся ўзровень выкладан-

ня. Так, быў распрацаваны і чытаўся шэраг паліглотных курсаў, асабліва па яўрэйскай гісторыі і філалогіі («Гісторыя яўрэяў Літвы, Украіны і Беларусі», «Гісторыя яўрэйскай адукацыі» і інш.). На вывучэнне роднай мовы адводзілася 4–6 гадзін у тыдзень.

Пры педфаку БДУ працавала таксама і польская секцыя, дзе была створана кафедра польскай мовы.

У 1920-я гг. вялікую ролю ў навукова-культурным жыцці Беларусі адыграў Інстытут беларускай культуры, у складзе якога працавалі 4 нацыянальныя аддзелы: яўрэйскі, польскі, літоўскі і латышскі, – што вялі навуковыя даследаванні мовы, гісторыі, этнаграфіі, культуры асобных нацыянальнасцяў. У 1929 г. на базе Інбелкульты была ўтворана Акадэмія навук БССР, пры якой для распрацоўкі навуковых і культурных праблем, звязаных з асаблівасцямі тых ці іншых нацыянальнасцяў, былі арганізаваны яўрэйская, польская і латышская секцыі. Напрыклад, яўрэйская секцыя мела ў сваім складзе лінгвістычную, літаратурную, сацыяльна-эканамічную і фальклорную камісіі, якія распрацоўвалі пытанні па гісторыі яўрэяў у Беларусі і Літве, па гісторыі каланізацыі, рэкруччыне і інш.

Яшчэ адной складанай праблемай было забеспячэнне неабходнай літаратурай, падручнікамі, выданне часопісаў, што было звязана з надзвычайнай адсталасцю друкарскай тэхнікі (у 1929 г. у друкарнях Белдзяржвыдавецтва 80% усіх працэсаў ажыццяўлялася ручным спосабам). Але ж і гэта праблема рашалася. І калі ў 1924–1925 гг. Белдзяржвыдавецтва выдавала кнігі на 4-х мовах: беларускай, рускай, яўрэйскай і польскай, – то ў 1927–1928 гг. – ужо на 6-ці (яшчэ літоўскай і латышскай). Акрамя таго, падручнікі для літоўскіх школ выпісваліся з Літвы, літаратура на латышскай мове друкавалася ў Маскве, у латышскім выдавецтве «Праметэй». На Беларусі працавала польскае выдавецтва «Культура», да таго ж польская літаратура набывалася яшчэ і ў Польшчы (калі ў 1924/25 г. яе было куплена на 741 руб., то ўжо ў 1925/26 – на 2341 руб.) [5, с. 347].

Шырокая праца вялася па вывучэнні попыту на кнігі, для чаго ў кожнай акрузе вылучаліся спецыяльныя лаўкі, а ў Мінску пры Цэнтральным доме селяніна быў арганізаваны спецыяльны кіёск. Вялікая ўвага надавалася распаўсюджванню літаратуры, асабліва на вёсцы. Прасоўванне кнігі лічылася не толькі вялікай культурнай справай, але і важнай палітычнай працай, што дапамагала правядзенню нацыянальнай палітыкі. Таму ўсім агентам аддзялення «Кніга – вёсцы» рэкамендавалася ўважліва прыслухоўвацца да запатрабаванняў чытача,

паведамляць пра тое, якая тэматыка больш цікавіць спажываўца, і г. д.

На вёсцы кнігі прадаваліся праз настаўнікаў і лістаносцаў, якія павінны былі прапаноўваць пакупнікам у першую чаргу беларускую літаратуру. Разам з тым, першачарговай задачай лічылася прасоўванне кніг не толькі на беларускай, але і на іншых нацыянальных мовах народаў БССР. Таму пры Белдзяржвыдавецтве пачалі дзейнічаць рускія аддзелы, дзе прадавалася рускамоўная літаратура, якая завозілася з Расіі. Распаўсюджваннем літаратуры на яўрэйскай мове займалася спецыяльнае аддзяленне «Школа і кніга», якое ў 1927 г. мела 2 магазіны ў Мінску і 8 – у акруговых гарадах. Яно цесна супрацоўнічала з яўрэйскімі культработнікамі, настаўнікамі, школамі. Акрамя таго, яўрэйскія кнігі прадаваліся і праз яўрэйскія аддзелы Белдзяржвыдавецтва, адчыненыя ў перыферычных крамах. У 1927 г. на мовах нацыянальных меншасцяў выдаваліся газеты і часопісы: на польскай – газета «Орка», на рускай – «Рабочий», «Заря Запада», «Полесская правда», на яўрэйскай – газета «Акцябр», для моладзі – «Юнгер-Арбайтэр», часопіс «Штэрн», на літоўскай мове – газета «Чырвоны араты». Наогул, у 1928 г. з 17 рэспубліканскіх газет 9 выходзілі на беларускай мове, 4 – на рускай, 2 – на польскай, 1 – на яўрэйскай і 1 – на літоўскай [6, с. 29–30].

У 1929 г. праўленне Цэнтральнага выдавецтва ўзяло на сябе абавязкі выдання літаратуры на мовах нацменшасцяў, што пражывалі на тэрыторыі Беларусі, у сувязі з чым Белдзяржвыдавецтва цалкам вызвалася ад гэтай працы.

У 1923 г. у Мінску была ўтворана яўрэйская літаратурная група «Юнгер Арбайтэр» («Малыя рабочы»), якая працавала ў двух напрамках: навучанне і грамадская праца сярод рабочых і моладзі (праводзілі адкрытыя вечары ў рабочых клубах, выязджалі ў мястэчкі). Былі арганізаваны літаратурныя гурткі ў Мінску, Віцебску, Полацку. У 1928 г. група ўлілася ў Беларускаю асацыяцыю пралетарскіх пісьменнікаў у якасці нацыянальнай секцыі. Акрамя гэтай, асацыяцыя мела рускую, польскую і літоўскую секцыі.

Разам з літаратурай набірала моц і нацыянальнае тэатральнае мастацтва. У 1929 г. на Беларусі працавалі Дзяржаўны яўрэйскі тэатр, Яўрэйскі і Польскі вандроўныя тэатры, шматлікія студыі і самадзейныя тэатральныя калектывы. Цікава адзначыць, што ў плане работы, напрыклад, Яўрэйскага дзяржаўнага тэатра былі такія пункты, як «укараненне яўрэйскай мовы як у размовах, так і ў вывучэнні гісторыі і

літаратуры» і, разам з тым, «вывучэнне гісторыі беларускай культуры і мовы ў першую чаргу сярод акцёраў» [7, с. 78]. Падобная праца вялася і ва ўсіх іншых нацыянальных тэатрах, што сведчыць пра развіццё тэатральнага мастацтва ў 1920-я гг. у агульным рэчышчы беларусізацыі. У гэты перыяд выпрацоўваліся суадносіны класічнага рэпертуару і тагачасных сцэнічных твораў, з улікам папярэдніх тэатральных традыцый закладваліся асновы новых, ішоў пошук удасканалення прафесійнага майстэрства адпаведна задачам стварэння новага грамадства.

Заклучэнне. Такім чынам, пры распрацоўцы і ажыццяўленні беларусізацыі значная ўвага надавалася таму, каб на тэрыторыі Беларусі мелі магчымасць развіваць сваю мову і культуру і прадстаўнікі нацыянальных меншасцяў. Беларусізацыя са сваёй галоўнай мэтай развіцця беларускай мовы і культуры, традыцый беларускага народа ніколі не несла ў сабе пагардлівых адносін да мовы і культуры народаў іншых нацыянальнасцяў. Наадварот, адносіны з імі будаваліся так, каб развівалася не толькі сваё, беларускае, але і тое, што належыла рускай, польскай, яўрэйскай і іншым нацыянальнасцям. Такія кантакты вялі да ўзаемаўзбагачэння культуры гэтых народаў, што было жагданым для кожнага з іх і доўгі час падтрымлівалася як афіцыйнымі ўладамі, так і мастацкай інтэлігенцыяй, шырокімі масамі людзей.

Літаратура

1. Будзін, Ш. А. Нацыянальнае пытанне / Ш. А. Будзін. – Менск: Дзяржаўнае выд-ва Беларусі, 1932. – 392 с.
2. Асноўныя вынікі работы ўрада БССР. Да перавыбараў Саветаў. 1928–1929 г. – Менск: Выд-ва ЦВК і СНК БССР, 1928. – 150 с.
3. Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1997. – 486 с.
4. Харэвіч, А. Школа і палітыка / А. Харэвіч // Польшча. – 1924. – № 3. – С. 90–96.
5. Восьмы Усебеларускі з'езд Саветаў. Стэнаграфічная справаздача. – Мінск: Выд-ва ЦВК БССР, 1927. – 486 с.
6. Асноўныя вынікі работы ўрада БССР. Да перавыбараў Саветаў. 1928–1929 г. – Менск: Выд-ва ЦВК і СНК БССР, 1928. – 150 с.
7. Дунец, Х. Яўрэйскае культурнае будаўніцтва ў БССР / Х. Дунец // Маладняк. – 1929. – № 2. – С. 75–81.

Паступіла 13.03.2012

УДК 908:06.7(476)323.329«1920»

А. У. Дзянісаў, кандыдат гістарычных навук, асістэнт (БДТУ)

ІНТЭЛІГЕНЦЫЯ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ Ў 20-Х ГГ. ХХ СТ. ЯК АБ'ЕКТ ДЗЯРЖАЎНАЙ ПАЛІТЫКІ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ДОБРААХВОТНЫХ КРАЯЗНАЎЧЫХ ТАВАРЫСТВАЎ)

Публікацыя закранае тэму ўзаемадзеяння інтэлігенцыі і ўлады ў БССР у 1920-я гг. Нацыянальная, у першую чаргу беларуская, інтэлігенцыя з'яўлялася аб'ектам дзяржаўнай палітыкі, якая мела разнастайныя мэты. З аднаго боку, гэта было выхаванне новай савецкай і супрацоўніцтва з прадстаўнікамі так званай старой інтэлігенцыі для паскарэння дзяржаўнага, сацыяльна-эканамічнага і культурнага будаўніцтва. З другога боку, шырокія колы інтэлігенцыі разглядаліся ўладай як патэнцыяльна небяспечнае асяроддзе, дзе маглі выкрышталіцца ва-рожныя тэндэнцыі. Таму за працай інтэлігенцыі вёўся пільны нагляд і ідэалагічны кантроль. Асабліва гэта бачна на прыкладзе масавых добраахвотных краязнаўчых арганізацый, якія ў 1920-х гг. складаліся з прадстаўнікоў інтэлігенцыі.

The article examines some of the official policies of the Soviet authorities in respect of the national Belorussian intellectuals of the 1920s. Under present conditions in domestic and Western historiography, matures the need for a critical rethinking of policies of the authorities in relation to the intellectuals of the BSSR in 1920. Special interests are many voluntary community organizations in the Soviet of Belarus, which consisted mainly of representatives of the intellectuals of and students. As mentioned in earlier scientific papers by the author, these organizations on the one hand was placed on supporting the organizational, administrative and financial terms. This is especially seen in the local history movement in Byelorussia in 1920s. On the other hand the political and ideological factors obliged the authorities to conduct surveillance to detect anti-government sentiment among the members of these organizations. The paper analyzes some of the actions of the authorities of that nature.

Уводзіны. У пачатку 1920-х гг. у Беларусі адбываецца зараджэнне і станаўленне сацыяльнай і культурнай з'явы – краязнаўчага руху. Асабліва роля ў гэтым працэсе належала нацыянальнай інтэлігенцыі, у першую чаргу працаўнікам асветы і навукі. Галоўным стымулам для актывізацыі дзейнасці краязнаўчых таварыстваў стала набыццё Беларуссю ўласнай дзяржаўнасці і перспектыва нацыянальнага і дзяржаўнага будаўніцтва. Важнай прычынай было і тое, што вялікая колькасць помнікаў культуры, гісторыі знаходзілася ў крытычным стане і патрабавала захавання і вывучэння.

У 1925–1927 гг. намаганнямі Цэнтральнага бюро краязнаўства (ЦБК) была створана разгалінаваная сетка краязнаўчых арганізацый, якая паступова ахапіла ўсю тэрыторыю БССР. Навукова-доследная дзейнасць краязнаўчых таварыстваў ажыццяўлялася па тэрытарыяльным прыцыпе (акруговае таварыства краязнаўства адказвала за вывучэнне акругі, раённае – раёна, гурток – часткі раёна). Інтэрэсы і накірункі дзейнасці мясцовых краязнаўцаў адрозніваліся надзвычайнай шырынёй, яны праводзілі маштабныя археалагічныя, этнаграфічныя, батанічныя, геалагічныя экспедыцыі, ажыццяўлялі збіральніцкую, асветніцкую, выдавецкую, прырода- і культураахоўную дзейнасць. Галоўнай мэтай дзейнасці краязнаўчых арганізацый было ўсебаковае вывучэнне Беларусі. Істотнай рысай краязнаўчага руху 1920-х гг. з'яўлялася яго непарыўная сувязь з культурным і грамадска-палітычным жыццём

рэспублікі, актыўнымі ўдзельнікамі краязнаўчага руху з'яўляліся вядомыя дзеячы навукі і культуры. Сістэма краязнаўчых арганізацый адрознівалася дэмакратызмам. Нягледзячы на тое, што асноўныя напрамкі дзейнасці вызначаліся загадамі і прадпісаннямі зверху, краязнаўчыя таварыствы на месцах маглі самі абіраць прырытэтныя накірункі сваёй працы. Менавіта гэтым тлумачацца поспехі ў гістарычных, этнаграфічных, археалагічных, прыродазнаўчых даследаваннях краязнаўчых арганізацый.

Шматлікія прадстаўнікі інтэлігенцыі, якія з'яўляліся членамі краязнаўчых арганізацый і актыўна ўдзельнічалі ў краязнаўчым руху, з'яўляліся ў 1920-х гг. аб'ектамі дзяржаўнай палітыкі. Аўтар не ставіў мэту паказаць увесь аб'ём напрамкаў гэтай палітыкі, былі закрануты толькі тыя аспекты, якія адносіліся да краязнаўчага руху, кіраўніцтва і нагляду за яго развіццём і дзейнасцю.

Асноўная частка. На студзенскім пленуме ЦК КП(б)Б 1925 г. было адзначана: «Лозунг, які КП(б)Б павінна прыняць у культурнай працы – лозунг беларусізацыі» [1, с. 201]. Вывучэнне Беларускага краю, а ў першую чаргу яго гісторыі і культуры, мела ва ўмовах своеасаблівага «нацыянальнага адраджэння» пад кіраўніцтвам партыі надзвычайны сэнс. Вынікі дзейнасці краязнаўчых даследаванняў маглі мець вялікую карысць у справе адраджэння Беларусі. Рэзалюцыя «Аб нацпалітыцы» пленума Цэнтральнага

камітэта КП(б)Б, прынятая 1 кастрычніка 1925 г., адзначала: «Маючы на ўвазе выключны сэнс Інбелкульта, пленум даручае Бюро ЦК узмацніць апошні партыйнымі работнікамі, а акружным камітэтам – звярнуць асабістую ўвагу на краянаўчыя таварыствы і на вярбоўку карэспандэнтаў для Інбелкульта» [2, с. 181].

У той жа час правядзенне беларусізацыі пастаянна стрымлівалася кіраўніцтвам КП(б)Б з-за магчымасці ўзнікнення ў яе ходзе розных нацыяналістычных ухілаў. Перад партыйнымі арганізацыямі ставілася задача забеспячэння «бальшавіцкай лініі» ў вырашэнні нацыянальнага пытання ў правядзенні беларусізацыі, узмацнення барацьбы супраць праяў варожай ідэалогіі [1, с. 204–205].

З гэтага вынікала, што краянаўчы рух быў для ўладаў дастаткова падазронай з’явай, якая патрабавала пільнай увагі. У першую чаргу таму, што ў яго вытокаў стаяла нацыянальна-арыентаваная інтэлігенцыя, прадстаўнікі асветы і навукі, якія з большага паходзілі з сялянства і былі духоўна і роднасна звязаныя з ім [3]. Яны маглі стаць каталізатарам небяспечных нацыяналістычных ідэй і ўхілаў.

12–15 красавіка 1926 г. адбыўся пленум ЦК КП(б)Б «Аб працы сярод інтэлігенцыі». Па рашэннях гэтага пленума была выдадзена рэзалюцыя. У ёй ЦК КП(б)Б канстатавалася, што «на общем фоне растущей активности интеллигенции и стремления ее к организации, заставляет все парторганизации поставить в число важнейших задач своей работы тщательный учет настроений различных групп интеллигенции и ведение систематической практической работы в области ее политической дифференциации путем систематического разъяснения всех ошибок, колебаний в рядах интеллигенции, особенно идейной борьбы с национал-демократизмом во всех его национальных окрасках и тем самым прочного завоевания на нашу сторону широких ее слоев». Сярод пунктаў рэзалюцыі пункт чацвёрты пастанаўляў партыйным арганізацыям узмацніць увагу да краянаўчай працы [4, с. 161–163].

На зачыненым пасяджэнні Бюро ЦК КП(б)Б быў заслуханы даклад старшыні ДПУ БССР і ўпаўнаважанага прадстаўніка Аб’яднанага дзяржаўнага палітычнага ўпраўлення (АДПУ) пры СНК СССР па Заходнім краі Р. А. Пілляра, які тычыўся антысавецкіх настрояў сярод насельніцтва БССР [5, арк. 24].

Паводле даклада 7 траўня 1926 г., была прынята рэзалюцыя, у якой адзначаўся рост антысавецкіх настрояў сярод сялянства, рабочых, духавенства і асабліва сярод нацыянальна свядомай беларускай інтэлігенцыі [6, с. 161–163]. ЦК КП(б)Б агульная лінія дзейнасці ДПУ

у сувязі са становішчам, якое склалася ў рэспубліцы, была ўхвалена. Адзін з галоўных напрамкаў, у якім Дзяржаўнае палітычнае ўпраўленне павінна было паглыбіць сваю працу, было «вывучэнне беларускага нацыянальна-дэмакратычнага руху з наступным яго выяўленнем і ліквідацыяй» [6, арк. 38–43].

Можна дазначыць, ЦК КП(б)Б ажыццяўляла спецыяльную працу па наглядзе за інтэлігенцыяй БССР на сакрэтным узроўні. Таксама праца па вылучэнні «нацыянальна-дэмакратычных тэндэнцый у асяродку творчай інтэлігенцыі» была даручана органам бяспекі і ДПУ [7, с. 567–570].

З іншага боку прадпрымаліся намаганні па разбаўленні краянаўчых таварыстваў, у якія ўваходзілі інтэлігенцыя і вучнёўская моладзь, партыйнымі функцыянерамі, членамі ЛКСМБ, рабочымі, сялянамі, прадстаўнікамі дзяржаўных, навуковых і тэхнічных устаноў. Гэтыя намаганні ставілі мэтай кантроль за дзейнасцю краянаўчых таварыстваў і недапушчэнне іх аднароднасці.

Сярод галоўных пытанняў, якія павінны даследаваць краянаўцы, павінны быць: індустрылізацыя краіны, вывучэнне энергетычных рэсурсаў, вывучэнне калгасаў, калгаснага руху, павышэнне вытворчасці сельскай гаспадаркі, эканамічны стан раёна, вытворчыя прыродныя сілы, рэвалюцыйны, антырэлігійны рух і інш. ЦК павінна было дагаварыцца з Народным камісарыятам асветы пра вызначэнне пэўнага зместу і форм школьна-краянаўчай працы, краянаўчых арганізацый былі закліканы да актыўнага ўдзелу ў сацыялістычных саборніцтвах, трохмесячніках беларускай сацыялістычнай культуры, культуры нацменшасцяў і інш. Аднак гэтая палітыка не давала сур’езных вынікаў. Як сведчаць дадзеныя, у 1929 г. доля прадстаўнікоў інтэлігенцыі ў краянаўчых таварыствах і гуртках на розных узроўнях складала каля 70%, а доля беспартыйных – 76% ад усіх удзельнікаў [8, с. 58].

Пра тое, што гэта праца была праведзена, а інфармацыя перададзена на больш высокі саюзны ўзровень, сведчыць даклад АДПУ для ЦК ВКП(б) «О политических настроениях в среде белорусской интеллигенции», зроблены А. Славацінскім 27 траўня 1928 г. У гэтым дакладзе было падкрэслена, што «в настоящее время мы имеем в Белоруссии определенное движение белорусской общественности яркой националистической окраски» [7, с. 567–570].

«Движение это имеет явные тенденции к росту вглубь и вширь и накладывает националистический отпечаток на все виды белорусской общественности. Идея о «незалежнасці бацькаўшчыны» усилена мусируется в различных кругах белорусской интеллигенции, причем

одними из главных застрельщиков в этом направлении являются «сменившие вехи» белорусские националисты, вроде главы БНР в Минске в 1920 г. В. Ластовского, которые возвратились в Белоруссию з-за границы, якобы сменив свои убеждения» [7, с. 567].

У докладзе падкрэслівалася, што галоўныя аб'екты, на якія накіраваныя прапаганда нацыяналістычнай інтэлігенцыі, – гэта сялянства і вучнёўская моладзь. «Не менее характерной является попытка белорусских националистов идеологически обработать молодежь, что особенно ярко проявляется в Белорусском государственном университете и в других учебных заведениях Белорусии... Эта работа проводится ими с использованием различных легальных возможностей – научных кружков, землячеств...».

«Асноўнай базай» беларускіх нацыянал-дэмакратаў быў названы Інбелкульт і Беларуска Акадэмія навук як яго пераемнік. «Фактически всей научной деятельностью Инбелкульту руководят националисты...», – было падкрэслена ў дакладзе [7, с. 568].

У дакладзе не быў пакінуты без увагі і краязнаўчы рух: «Вообще говоря, Инбелкульт, так же как и краеведческое общество, представляет собой скрытый очаг антисоветской националистической общественности, которая, используя легальные возможности, пытается проводить чисто политическую работу, направленную на объединение всех враждебных советской власти, националистически настроенных общественных сил Белоруссии». Там жа намеснік ЦБК М. І. Каспяровіч быў названы адным з галоўных нацыяналістаў: «Не менее ярко проявляются тенденции националистов и в Белгосиздате, и вообще в белорусской печати... один из видных националистов Касперович написал для журнала “Наш край” статью, которая фактически была панегириком ряда явно контрреволюционных лиц белорусской общественности...» (*магчыма, меліся на ўвазе працы М. Каспяровіча, прысвечаныя краязнаўчай дзейнасці газеты «Наша ніва» – Д.*) [7, с. 568–569].

У цэлым даклад характарызаваў становішча нацыяналістычных тэндэнцый у БССР як «этап збірання сіл са спробамі арганізацыйнага афармлення». У ім прагназавалася «магчымасць антысавецкіх настрояў і выступленняў шырокіх колаў грамадства ў выпадку ўскладненняў ва ўнутраным або міжнародным становішчы». Пад «ускладненнямі» разумелася магчымасць замежнай інтэрвенцыі альбо спробы дзяржаўнага перавароту [7, с. 570]. Краязнаўчы рух разглядаўся ў дакладзе як шырокі грамадскі рух, у якім удзельнічалі асобы з антысавецкімі настроямі.

З гэтага даклада бачна, што краязнаўчы рух у 1927–1929 гг. знаходзіўся пад пільным назіраннем з боку органаў дзяржаўнай бяспекі. Больш таго, класіфікацыя «нацыяналістычных тэндэнцый у развіцці краязнаўчага руху» і ў асяродку інтэлігенцыі вымагала ад уладаў прыняцця пэўных мер [8]. І гэтыя меры былі прынятыя. Ужо сярэдзіна 1929 г. прайшла ў БССР у атмасферы нагнятання напружанасці вакол праварадыкальнай небяспекі і пагрозы рэстаўрацыі буржуазных парадкаў з боку нацыянал-дэмакратычнай часткі інтэлігенцыі і кулацтва. Гэтая тэма пераважала пры абмеркаванні парадку дня партыйных, прафсаюзных, камсамольскіх сходаў, узнімалася на сесіях Саветаў, пры абмеркаванні народна-гаспадарчых планаў і заданняў. Яна была пастаўлена ў цэнтр партыйнай чысткі, якая пачалася з 1929 г. У гэты перыяд узніклі многія палітычныя справы вядомых партыйных і дзяржаўных дзеячаў рэспублікі, абвінавачаных у свядомым ці несвядомым скрыўленні лініі партыі, працягванні нацыянал-дэмакратычных поглядаў у нацыянальна-культурнае будаўніцтва або патуранне ім. У другой палове 1929 г. стала складацца кола палітычных абвінавачанняў члена бюро ЦК КП(б), першага прэзідэнта Беларускай Акадэміі навук У. М. Ігнатоўскага.

У канцы 1929 – пачатку 1930 г. у СССР адбываюцца кардынальныя змены ў палітыцы Савецкай улады да краязнаўчага руху. Пачынаюцца шматлікія выкрывацельскія кампаніі, якія закранулі навуку, мастацтва, грамадскае жыццё.

Заклучэнне. Такім чынам, калі абaperціся на дакладныя дадзеныя гэтага даследавання, можна зрабіць наступныя высновы. Як ужо адзначалася вышэй, інтэлігенцыя, якая складала пераважную большасць удзельнікаў краязнаўчага руху, з'яўлялася аб'ектам дзяржаўнай палітыкі. Палітыка Савецкай улады, ад якой залежала развіццё краязнаўчага руху, мела складаны характар. З аднаго боку, краязнаўству надавалася значная ўвага, прымаліся меры для падтрымкі дзейнасці ЦБК і дзейнасці краязнаўчых арганізацый на месцах, мясцовым органам улады даваліся спецыяльныя распараджэнні аб супрацоўніцтве. Краязнаўчы рух быў афіцыйна прызнаны ў шэрагу пастаноў ЦК КП(б)Б як важная для дзяржаўнага і культурнага будаўніцтва з'ява. З другога боку, у 1925–1929 гг. захады па кантролі і цэнтралізацыі сеткі краязнаўчага руху працягваліся.

Гэтыя тэндэнцыі рэалізаваліся ў назначэнні на пасаду старшыні прэзідыума ЦБК партыйных функцыянераў, кантролі над абраннем складу прэзідыумаў двух Усебеларускіх краязнаўчых з'ездаў, прэзідыума ЦБК. Савецкая ўлада імкнулася накіраваць краязнаўчы рух

выключна на вывучэнне эканамічных і прыродных аспектаў. Прадстаўнікі інтэлігенцыі, якія дамінавалі ў краязнаўчых таварыствах, нярэдка разглядаліся ўладамі як патэнцыяльна небяспечныя, а краязнаўчыя таварыствы – як асяродак для магчымага ўзнікнення антысавецкіх настрояў і арганізацый.

Меры па кантролі над краязнаўчым рухам ажыццяўляліся на некалькіх узроўнях. Да першага ўзроўню адносяцца дзеянні па назіранні за краязнаўчымі арганізацыямі на месцах саветах і камітэтамі, увядзенне ў склад праўлення краязнаўчых таварыстваў і гурткоў членаў КП(б)Б, КСМ, плануемых арганізацый, накіроўванне развіцця краязнаўчага руху шляхам пастаноў, заклікаў і зваротаў ЦБК, рэзалюцый Першага і Другога Усебеларускіх краязнаўчых з'ездаў. Да другога ўзроўню адносяцца пільнае назіранне з боку органаў дзяржаўнай бяспекі за развіццём краязнаўчага руху, дзейнасцю краязнаўчых арганізацый і іх членаў, настрояў у краязнаўчым асяроддзі. Даклады па выніках гэтай працы, якія рабіліся ДПУ у ЦК КП(б)Б, сведчаць пра тое, што інтэлігенцыя – асабліва актыўная частка ўдзельнікаў краязнаўчага руху – лічылася ідэалагічна небяспечнай.

Літаратура

1. Платонаў, Р. П. Беларусь у міжваенны перыяд: Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц / Р. П. Платонаў. – Мінск: БелНДІДАС, 2001. – 245 с.

2. Идеологическая деятельность компартии Белоруссии, 1918–1945: сб. документов: в 2 ч. /

сост.: Н. С. Сташкевич [и др.]. – Минск: Беларусь, 1990. – Ч. 1. – 358 с.

3. Цэнтральны навуковы архіў Акадэміі навук Беларусі (ЦНА АНБ). – Фонд 67. – Воп. 1. – Спр. 5. Устав, штаты і протоколы краеведческих товариществ. – 239 л.

4. Платонаў, Р. П. Лёсы (Гіст.-дакум. нарысы аб людзях і малавядомых падзеях духоўнага жыцця Беларусі ў 1920–30 гг.) / Р. П. Платонаў. – Мінск: БелНДІДАС, 1998. – 314 с.

5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 4 п. (партыйны). – Воп. 1. – Спр. 2536. Протоколы № 24–43 закрытых засяданняў бюро і секретарыята ЦК КП(б)Б, дакументы к ним. 2 апреля – 30 июня 1926 г. – 215 л.

6. НАРБ. – Фонд 4 п. (партыйны). – Воп. 1. – Спр. 2538. Протоколы № 61–87 закрытых засяданняў бюро і секретарыята ЦК КП(б)Б, дакументы к ним. 2 сентября – 31 декабря 1926 г. – 300 л.

7. Доклад ОГПУ в ЦК ВКП(б) о политических настроениях в среде белорусской интеллигенции 27 мая 1928 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: в 2 кн. – Москва: РОССПЭН, 2005. – Кн. 1. – С. 567–570.

8. Трэцяя Усебеларуская краязнаўчая канферэнцыя // Наш край. – 1930. – № 2. – С. 50–69.

9. Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): Отраженные времена в архивных документах / авт.-сост.: Р. П. Платонов [и др.]. – Минск: БелНИИДАД, 2001. – 312 с.

Паступіла 21.03.2012

УДК 323.1(476)«1930/1940»

Л. В. Жарина, кандидат исторических наук, доцент (БГТУ)

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Стабильному развитию стран способствует бесконфликтное сосуществование представителей различных наций, населяющих их. Для положительной динамики движения в данном направлении важно изучение предшествующих исторических периодов. Интересными в этом плане являются 1920–1940-е гг. В статье нашли отражение изменения, происходящие в содержании и форме национальной политики и в урегулировании межнациональных отношений в БССР в эти годы.

The platform for stable development of any country appears to be conflict less existence of representatives of different nations constituting its population. For positive dynamics it's important to study 1920–1940s as the most interesting previous historical period for our research. The author gives disruption changes which took place in the contents form of national politics.

Введение. Современная Беларусь идет по пути преобразований политических и экономических институтов. Он далеко не безоблачен.

Возникающие экономические проблемы могут вызвать к жизни различного рода националистические настроения и ксенофобии. Сохранение межнационального мира и стабильности становится своеобразным экзаменом на прочность для государственной зрелости стран, и Беларуси в том числе. Изучение исторического опыта развития в данном направлении должно сыграть немаловажную роль. Особенно значим в этом плане анализ положительных и отрицательных результатов, что позволит не наступать дважды на одни и те же грабли.

Основная часть. Межнациональные отношения – явление многоаспектное. Они очень чувствительны к малейшим проявлениям напряженности, возникающей в обществе. Это могут быть факторы социально-экономического, общественно-политического, религиозного, этнопсихологического порядка и т. д. В 20-е гг. наиболее сильную роль сыграли экономический кризис, значительное аграрное перенаселение, безработица, материально-бытовая неустроенность многих жителей. В этот период национальная политика выдвинулась в приоритетные области государственного строительства, так как новые политические лидеры сумели осознать остроту данного вопроса.

Можно с уверенностью сказать, что фактор государственности сыграл определяющую этноформирующую роль. Но процесс развития национального самосознания проходил очень сложно и противоречиво. Безусловно, налицо было очень сильное стремление к консолидации. Но этому же процессу оказались присущи и негативные моменты, связанные с администрированием, формальным отношением, попытками формирования национальной жизни. Неблаговидную роль сыграли и гонения по отношению

к обладателям религиозного самосознания, а также празднично-обрядовой культуре.

Надо сказать, что национальную политику 1920-х гг. отличал определенный прагматизм. Например, одной из центральных задач РКП(б) являлось укрепление своего влияния среди национального крестьянства. Очень важен был также диалог с национальной интеллигенцией. Реализация же экономической составляющей национальной политики осуществлялась сложнее.

После октября 1917 г. для еврейского населения были сняты ограничения по занятию сельскохозяйственным трудом и переселению в промышленные центры. 4 ноября 1927 г. СНК БССР принял специальную программу, которая предусматривала, помимо землеупорядочения, создание новых промышленных предприятий в местечке, укрепление коопераций, обеспечение населения кредитами. К 1929 г. для трудящихся евреев было выделено 23 064 га.

Принятые на XII съезде РКП(б) (1923 г.) решения о совершенствовании межнациональных отношений, а также постановление ЦК КПСС «О практических мероприятиях по проведению национальной политики в Белоруссии» (1924 г.) заложили основу для развития национальных меньшинств, проживавших на территории республики. С целью создания национальных рабочих кадров как главной опоры советской власти в белорусских городах началось развитие промышленного строительства, проводились мероприятия по привлечению национальных меньшинств на государственные фабрики и заводы, по их производственному обучению и повышению квалификации. Это имело целью преодоление экономической отсталости национальных районов, развитие промышленности, а также создание широкой прослойки национальных рабочих кадров, которые бы стали проводниками социалистических идей.

В постановлении объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б) от 23 декабря 1933 г. при подведении

итогах по проведению национальной политики отмечалось, что увеличилась численность пролетариата БССР за счет вовлечения в производство выходцев из деревень. Это также способствовало изменению его национального состава. Например, за годы первой пятилетки количество белорусов увеличилось до 61,4 тыс., евреев – до 25,1 тыс. и т. д. Уменьшился разрыв, который существовал в национальном составе между пролетариатом и крестьянством в БССР [1].

Состояние межнациональных отношений в Беларуси в 30-е гг. также было неоднозначным, что обуславливалось такими факторами, как «пестрота» этнического состава населения, различная религиозная принадлежность, языково-культурные особенности и т. д. Эти моменты оказывали довольно существенное влияние на характер межнациональных отношений в Беларуси, которые могли меняться от дружеских до враждебных. Учитывая многонациональность, имела место ассимиляция. В ней было как бы две стороны: с одной стороны, ассимиляция белорусов другими нациями, с другой – представители иных наций переходили в ранг белорусов. В частности, об этом свидетельствует статья Горецкого Р., напечатанная в журнале «Польмя», № 5 в 1929 г. Она посвящена анализу демографической ситуации в БССР по материалам переписи населения 1926 г.

Еще в Конституции 1919 г. в статье 15 декларировалось, что ССРБ, признавая равные права граждан, независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет, что установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этой основе и также какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия противоречит основным законам республики.

Межнациональные конфликты – сложные, труднорегулируемые явления. Они могут быть связаны с историческим прошлым народов; имеют «волнообразный» характер развития: то обостряются, то затухают; затрагивают бессознательное человека; достаточно тесно связаны с религией и т. д. И хотя перепись 1926 г. не содержала сведений о вероисповедании, следует учитывать, что в 20-х гг. XX в. население БССР еще было подвержено смешению критериев национальности и вероисповедания. Многие белорусы-католики считали себя поляками.

Различные народы по-разному сохраняли свои традиционные этнические черты и признаки. Например, польское население довольно быстро включалось в процессы модернизации, а немецкое и еврейское старались сохранить свою этническую оригинальность.

В связи с этим в первой половине 30-х гг. партийное и советское руководство БССР

предпринимает усилия, чтобы «повернуть» немецкое население «лицом» к Советской власти, превратить его из объекта «социалистических преобразований» в активного субъекта. Особенно обострился «немецкий вопрос» к 1934 г. [2].

Важным средством советизации немецкого населения было обучение и воспитание подрастающего поколения на родном языке. Поэтому на проходившем в Минске в январе 1932 г. съезде трудящихся немцев БССР наряду с вопросами о международном и внутреннем положении СССР, о «коллективизации и дальнейшем колхозном строительстве среди трудящихся немцев» обсуждался вопрос о школьном и культурном строительстве. Однако 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос «О национальных школах», признало нецелесообразным существование «особых национальных школ» (финских, эстонских, латышских, немецких и др.) на территории советских республик. 3 июля 1938 г. ЦК КП(б)Б принял решение о реорганизации всех национальных школ БССР в русские и белорусские [3].

В 1930-е гг. возникает угроза Советскому Союзу со стороны фашистских режимов и средства осуществления национальной политики претерпевают изменения. Ликвидируются мелкие формы территориальной автономии, начинается декоренизация партийного и советского аппаратов, активизируется борьба с проявлениями «местного» национализма. Такой путь избирается руководством страны с целью консолидировать народы СССР, объединить их посредством идеи обороны социалистического Отечества. Поэтому во всех регионах советской страны проводились массовые кампании, направленные на воспитание советского патриотизма.

К 1931 г. руководство национальных советов переориентировалось в области национальной политики. Основной задачей стало единение на классовой основе, а не на национальной. Во второй половине 30-х гг. советским сообществом была поставлена задача повысить уровень консолидации народов на советской основе. Была разработана целая система практических мероприятий, направленная на формирование социалистического сознания граждан. Среди различных средств, используемых с этой целью, можно выделить организацию и проведение всенародных праздников (день Великой Октябрьской социалистической революции, 1 Мая и др.), открытие исторических, художественных и мемориальных музеев, создание кинофильмов, спектаклей, выпуск учебной литературы и художественных произведений соответствующей тематики.

Вместе со средствами менялись и методы осуществления национальной политики. Главной

опасностью для существования СССР объявлялся «шовинизм ранее угнетенных наций» (еврейский, польский, белорусский и др.). Подобное утверждение XVI партийного съезда дало толчок необоснованным репрессиям, которые считались необходимым элементом наступления социализма.

В таких условиях деятельность государственных органов была направлена на создание и поддержку национальных общественных объединений, которые бы лояльно относились к советской власти и направляли свою воспитательную работу среди населения в соответствующее русло (МОПР, Осавиахим и др.). Постепенно этническая доминанта в СССР была заменена классовой, объединяющим началом стал выступать принцип пролетарского, а позднее и социалистического интернационализма.

Интернационализм в данном контексте означал преобладание политических и социально-экономических отношений над национально-этническими, соответственно сдерживал рост этнического самосознания и формирование самобытной культуры. Тем не менее нельзя отрицать факты своевременного оказания помощи. Марксистско-ленинская теория считала национальные отношения вторичными, порожденными классовыми и политическими. Но практика показывает, что этнические чувства и связанные с ними ценностные ориентации в определенных обстоятельствах могут взять верх над социально-классовыми и политическими интересами. Особенно это проявляется в кризисные моменты. Следует сказать, что в Беларуси никогда не было острых конфликтов на национальной почве. Даже белорусские фольклорные произведения (присказки, песни, сказки и т. д.) подтверждают, что белорусы не характеризуются отрицательным отношением к лицам других национальностей. Своеобразным показателем состояния межнациональных отношений является степень распространенности среди населения браков между представителями разных национальностей. В Беларуси смешанных браков было относительно мало – 2,98% от всего количества заключенных в республике (по данным на 1927 г.), но несколько выше, чем в РСФСР – 1,99% [4]. Самый высокий показатель дают браки, заключенные между украинцами и белорусами (в 1926 г. – 60,8%, в 1927 г. – 63,7%). Около 45%

белорусок заключили брак с мужчинами украинской национальности [5].

В начале 30-х гг. в печати все более настойчиво проводится мысль о неизбежности слияния культур и языков советских народов в строительстве социализма. Упор делается на интернациональное путем административных мер. Тезис о том, что культура должна быть национальной по форме и интернациональной по содержанию, стал расхожим. Но уловить эту грань, удержать баланс – архисложно. Тем более что соблюдение национального и интернационального сопровождалось различного рода коллизиями. Еще в 1928 г. Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР отметил, что в Беларуси «в значительной степени изжиты национальная рознь и обособленность». А уже в мае – июне 1929 г. комиссия ЦК ВКП(б) во главе с ее членом, председателем ЦКК КП(б)У В. П. Затонским, обследовав «практику наработы в БССР», сделала выводы, которые легли в основу политических репрессий в республике против национальной интеллигенции и местных кадров в 1929–1933 гг.

Заключение. Анализ действий властей в 1930–40-е гг. в области межнациональных отношений, национальной политики, интернационального воспитания свидетельствует о допущении ряда серьезных ошибок. Но они не были направлены на противопоставление или разжигание национальной розни.

Литература

1. Пасля крутога павароту. Ідэолага-палітычная барацьба ў Беларусі. 1932–1934 гг. / аўт.-склад.: У. І. Адамуска [і інш.]. – Мінск: БелНДіДАС, 2008. – С. 233.
2. Малые диаспоры Гомельщины в 20–30-е годы XX века: аналитические материалы и документы Государственного архива Гомельской области / сост.: В. П. Пичуков, М. А. Алейникова, З. А. Александрович. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2008. – С. 61–66.
3. Там же. – С. 61–66.
4. Дубянецкі, Э. С. Міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў 20-я гады XX ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.01 / Э. С. Дубянецкі; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 1995. – С. 9.
5. Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі / пад рэд. А. А. Кавалені. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1998. – С. 26.

Поступила 20.03.2012

УДК 355.4

А. А. Зайцев, кандидат военных наук, профессор (ФГШ);
Н. В. Зайцева, кандидат исторических наук, доцент (БНТУ)

ВЕДЕНИЕ БОРЬБЫ В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА ПО ОПЫТУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ведение борьбы на оккупированной противником территории не спонтанное мероприятие. Его планирование следует проводить заблаговременно, при этом определяя формы борьбы, задачи, силы и средства на их выполнение, мероприятия всестороннего обеспечения, особенно организацию связи, и др. Исследование опыта организации и ведения борьбы в тылу противника во время Великой Отечественной войны является важнейшей необходимостью и направлением в развитии современной теории военного искусства Республики Беларусь.

The pursuance of struggle on the occupation territory is not simple measure. Its necessary to plan in advance, have been pursued forms, methods, strengths and means for its realization and other. Drawing on the experience to organization of struggle in the animy rear during the Great Patriotic War will be used in development of modern theory of military skill.

Введение. Часто возникает вопрос – как строить вооруженные силы государства? К чему их готовить? Понятно, что в настоящее время, в отличие от Вооруженных Сил СССР, нельзя готовить белорусскую армию к открытому противостоянию с мощным в экономическом и техническом отношении противником. Необходимо готовить свои войска к ведению так называемых «асимметричных действий». Под ними современные исследователи понимают вооруженный конфликт между великой державой и более слабым противником, боевая мощь которых различается в разы, имеется разный уровень развития вооружения и техники, и при этом сильнейшая сторона, как правило, терпит политическое поражение. Так было в ходе войн во Вьетнаме, Корее, Афганистане, на Кубе, в колониальных странах Азии и Африки, где мощные в военном отношении государства терпели политическое поражение. При этом основной формой боевых действий слабых государств было партизанское движение.

Учитывая это, одной из задач в ходе военного конфликта военное искусство Республики Беларусь рассматривает организацию и ведение вооруженной борьбы в тылу противника. Теория данного вопроса в настоящее время исследована недостаточно, особенно по таким направлениям, как формы ведения борьбы в тылу противника и силы, принимающие участие в этой борьбе.

Для поиска ответов на эти вопросы целесообразно обратиться к богатейшему опыту ведения борьбы с противником в его тылу в годы Великой Отечественной войны.

Основная часть. Борьба советских людей в тылу врага шла повсеместно. В зависимости от политических, географических и других условий она велась в различных формах, каждая из форм борьбы не являлась застывшей

в собственных рамках и изолированной от других. Формы эти были взаимно связаны, дополняли друг друга, в зависимости от обстановки менялись. Наиболее значимой, организованной, острой и массовой формой вооруженной борьбы являлось всенародное партизанское движение. По своим масштабам, политическим и военным результатам всенародная партизанская борьба в тылу фашистских захватчиков приобрела стратегическое значение и превратилась в один из решающих факторов разгрома врага. На всех оккупированных советских территориях в партизанских отрядах и соединениях к концу 1943 г. насчитывалось около 1,2 млн. партизан, окруженных сочувствием и помощью большинства населения.

Значение мобильности и неуловимости партизан подметил в свое время еще Вальтер Скотт, уделявший большое внимание действиям испанских гвонильясов и русских партизан [1].

Острой и эффективной формой народной борьбы против захватчиков была политическая и боевая деятельность подпольных организаций, групп и комитетов, охватившая все крупные города и множество населенных пунктов оккупированных территорий. Из-за условий и достигнутого развития она стала здесь главной формой борьбы. Подпольные организации работали в наиболее опасной обстановке – рядом с врагами и среди них. Их неоценимые достижения были оплачены наибольшими потерями.

Многие подпольные организации эпизодически или длительное время, а некоторые в течение всей войны оказывали партизанским отрядам значительную организационную и материальную помощь. Они направляли людей, желавших сражаться в партизанских отрядах, специалистов, особенно врачей, добывали оружие,

медикаменты и т. п., необходимые для боевой деятельности и жизни партизанских отрядов и соединений. Партизаны часто осуществляли свои боевые акции, опираясь на помощь и содействие подпольных организаций.

Подпольные организации, партизанские отряды и соединения, как правило, имели самые тесные контакты, взаимодействовали. Процесс создания партизанских отрядов, особенно в первые месяцы войны (установление связей, подбор людей, добыча оружия), часто носил характер подпольной работы в населенных пунктах. Обычно руководители или члены подпольных групп становились командирами выросших на их основе партизанских отрядов, а потом и соединений.

Огромная сила этой формы борьбы народных масс заключалась в том, что, благодаря своей массовости, она в совокупности с партизанским движением и борьбой подпольных организаций почти лишила захватчиков возможности превратить оккупированные территории в резерв рабочей силы, в продовольственную и сырьевую базу фашистской Германии, а также организовать на оккупированных советских территориях промышленное производство в сколько-нибудь значительных размерах.

Рабочие выводили из строя оборудование и портили готовые изделия (количество учтенных участников только этой формы борьбы составляет около 1,5 млн. чел.), всячески срывали попытки фашистов наладить работу предприятий.

Колхозники задерживали, а иногда и совсем срывали проведение полевых работ, портили сельскохозяйственные машины и инвентарь, не выполняли заданий оккупационных властей по поставкам хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Несмотря на неслыханные насилия и жестокий террор, фашистам удалось частично наладить работу лишь 0,02% довоенного количества предприятий. В сельском хозяйстве урожай не превышал 25% от довоенных показателей. Но значительная часть его оставалась не убранной и не вывезенной с полей.

В условиях политических провокаций и разгула фашистской пропаганды особое значение имела и такая форма сопротивления, как борьба против идеологической диверсии фашистов, выразившаяся в том, что советские люди всячески бойкотировали пропагандистские мероприятия оккупантов [2].

Важной формой народной борьбы против оккупантов был повсеместный саботаж их экономических, политических, военных и других мероприятий.

Саботаж сельскохозяйственных поставок населением и дезорганизация работы транспор-

та партизанами и подпольными организациями привели не только к серьезнейшим продовольственным затруднениям в Германии, но и к срыву снабжения продовольствием армий противника, сражавшихся на Восточном фронте. Командующий тылом группы армий «Центр» 7 ноября 1942 г. сообщал главному командованию: «В приложении направляется перечень сельхозпродуктов, которые вследствие партизанской деятельности не были заготовлены нами, составленный совместно с хозяйственной инстанцией «Центр» шефгруппой сельского хозяйства и службой продовольственного снабжения сухопутной армии; по довольно осторожной оценке, потери составляют: 160 поездов со скотом по 600 голов крупного рогатого скота, 44 поезда с картофелем, в каждом 500 т, 140 поездов с зерном, в каждом по 150 т. Если пересчитать на солдатскую единицу, то этого продовольствия хватило бы для снабжения 300-тысячной армии – хлебом в течение года, мясом в течение 3-х месяцев, картофелем в течение 4-х месяцев» [3].

Из-за враждебного отношения местного населения и непрерывного саботажа и диверсий захватчикам пришлось отказаться от производства на оккупированных советских территориях вооружения и боеприпасов для вермахта [4].

Крупным резервом партизанского движения и активным помощником партизан была местная, преимущественно крестьянская, самооборона. Население, особенно лесных районов оккупированной территории, под влиянием партизан и подпольных организаций налаживало самооборону населенных пунктов от бесчинств, грабежей и зверств фашистских захватчиков.

Самооборона следила за подозрительными лицами и их действиями, помогала разоблачать вражеских агентов. Группы самообороны очень часто принимали участие в боевых операциях партизан и совершали диверсии по своей инициативе: рвали телефонные и телеграфные провода, спиливали столбы, перекапывали дороги и т. п.

Изучая историю партизанского движения в Великой Отечественной войне, видно, что большую роль в организации партизанского движения сыграли воины Красной армии и пограничных войск, оказавшиеся в окружении, раненые воины, оставшиеся на попечении местных жителей, солдаты и офицеры, бежавшие из плена. Их численность в партизанских отрядах по областям и республикам на протяжении всей войны составляла от 10 до 22%.

Опыт военнослужащих, их знание военного дела оказали благотворное влияние на все стороны боевой деятельности партизан.

Большую помощь в организации партизанского движения и подпольной борьбы оказывали центральные и местные органы государственной безопасности. Это подтверждается тем, что в течение всей войны сотрудники органов госбезопасности и чекисты местных партизанских отрядов, а также специальных отрядов и групп НКВД передавали партизанам и подпольщикам опыт разведывательной и контрразведывательной работы, конспирации и связи, способствовали выдвиганию талантливых разведчиков и контрразведчиков из среды партизан и подпольщиков.

Для разведывательной и контрразведывательной работы, а также диверсионной и боевой деятельности органы государственной безопасности направляли в тыл врага специальные отряды и оперативные группы. Они были хорошо вооружены и располагали средствами дальней связи, руководили ими опытные чекисты. Группы выбрасывались из самолетов или переходили линию фронта, чтобы попасть на оккупированную врагом территорию. По мере усиления связей с партизанскими отрядами и подпольными организациями в зависимости от обстановки и с ростом партизанского движения эти отряды и группы втягивались в широкую общую борьбу против захватчиков. Из небольших по составу групп они вырастали в партизанские отряды и соединения, вписав славные страницы в историю борьбы против захватчиков, особенно на их коммуникациях и в области разведывательной работы (Д. Н. Медведев, С. А. Ваупшасов, Н. И. Кузнецов, К. П. Орловский и др.).

Главное разведывательное управление Красной Армии, разведывательные отделы фронтов и армий при налаживании разведывательной работы в тылу врага опирались на помощь населения оккупированных территорий, партизан и подпольных организаций. Разведывательные группы и отряды, направлявшиеся в тыл противника, связывались с партизанскими отрядами и подпольными организациями, выполняли полученные задания, оказывали влияние на широту и характер разведывательной работы партизан и подпольных организаций. В первый период войны наиболее важные разведывательные данные, добытые партизанами и подпольщиками, передавались в центр через радиостанции разведгрупп. До организации штабов, когда была создана партизанская радиосеть, разведывательные группы помогали ЦК и обкомам партии оккупированных территорий установить связь со многими партизанскими радиостанциями, а также обеспечивали передачу из тыла сообщений об обстановке на оккупированных противником территориях.

При выполнении своих задач спецгруппы и отряды, направленные для выполнения задач

в тыл противника, также опирались на имеющееся в тылу противника подполье и партизанское движение и руководили их деятельностью. В течение всей войны между ГРУ Красной Армии и Центральным штабом партизанского движения существовал самый тесный контакт и взаимодействие в области информации о положении на оккупированной территории.

Многие разведывательные группы, выполняя свои спецзадания, включались в партизанскую борьбу против захватчиков и вырастали в крупные отряды и соединения

Заключение. Вышеизложенное показывает, что ведение борьбы на оккупированной противником территории сыграло важную роль и внесло весомый вклад в дело победы над немецко-фашистскими войсками в Великой Отечественной войне.

Советские партизаны и подпольщики во время войны нанесли фашистской армии урон в живой силе и технике, уничтожив, ранив и пленив свыше 1,6 млн. солдат и офицеров, в том числе 67 генералов, организовали крушение 21 685 поездов, уничтожили 11 932 моста, уничтожили или захватили: автомашин – 52 974, танков и бронемашин – 4699, самолетов – 833, орудий и минометов – 28 030 [5].

По своим масштабам, политическим и военным результатам партизанская и подпольная борьба, а также массовое сопротивление населения всем мероприятиям фашистских оккупантов в их тылу приобрели стратегическое значение и превратились в один из решающих факторов разгрома вражеского нашествия. Опыт Великой Отечественной войны показывает, что формы действий, решаемые задачи, состав сил, привлекаемый для борьбы с противником на временно оккупированной территории, актуальны для Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований Республики Беларусь и в настоящее время при условии их творческого применения к конкретным условиям обстановки.

Литература

1. Скотт, В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов: в 4 т. / В. Скотт; пер. с англ. С. де Шаплет. – СПб., 1836–1837. – Т. 3. – С. 17.
2. НАРБ. – Фонд 34. – Оп. 32. – Д. 65а. – 352 л.
3. Miiller, N. Wehrmacht und Okkupation, 1941–1944 / N. Miiller. – Berlin, 1971. – S. 185.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. / редкол.: П. Н. Поспелов (гл. ред.) [и др.]. – М.: Воениздат, 1960–1965. – 6 т.
5. Рендулич, Л. Партизанская война / Л. Рендулич; пер. с нем. Л. К. Комолова // Итоги Второй мировой войны. – М., 1957. – С. 135–155.

Поступила 15.03.2012

УДК 001(476):9

В. А. Острога, кандидат исторических наук, доцент (БГУ)**БЕЛОРУССКИЕ СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ ВО ВНУТРИСОЮЗНЫХ НАУЧНЫХ СВЯЗЯХ
В ОБЛАСТИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

В статье рассматриваются вопросы установления и развития научных связей белорусских историков с различными исследовательскими центрами СССР в области Новой и Новейшей истории. Отмечается, что ученые активно посещали научные конференции, симпозиумы, семинары, круглые столы, организованные в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах, проходили научные стажировки и повышения квалификации. Подобные научные контакты позволяли им повышать свою квалификацию и демонстрировать высокий научный потенциал.

The author studies problems of developing scientific contacts of Belorussian historians with different scientific and research centres of the USSR in the sphere of New history. The scientists are mentioned to have taken active participation in scientific conferences, symposia, seminars, round tables organised in Moscow and other city. Scientific contacts like these were of great importance for our scientists to increase qualification level and demonstrate high scientific potential.

Введение. Давно доказанной аксиомой является необходимость внешних связей историков для повышения эффективности и качества научных исследований. Чем шире эти контакты, тем более плодотворно идет научная деятельность. Научно-исследовательская работа немыслима без постоянных контактов с коллегами, обмена мнениями, опробования полученных научных результатов, установления новых научных контактов. Это одинаково актуально для ученых всего мира, любых социально-экономических систем.

В период существования Советского Союза подобные связи можно было дифференцировать на зарубежные и внутрисоюзные. В обстоятельствах дефицита зарубежных научных поездок, обусловленных многими политическими и экономическими факторами, использование внутренних возможностей научного мира СССР в целом и союзных республик в частности, т. е. участие в научных форумах и командировки в пределах этой огромной страны с учетом многочисленности корпуса советских ученых и научных центров, предоставляло потенциально широкие возможности и было достаточно частым явлением. Хотя, конечно же, для историков, исследовавших вопросы всеобщей истории, большое значение имели зарубежные конференции и командировки.

Историография данного вопроса на сегодняшний день немногочисленна, а касательно внутрисоюзных связей в области изучения рассматриваемой в настоящей статье Новой и Новейшей истории зарубежных стран и вовсе практически отсутствует. Поэтому данная проблема имеет значительную актуальность, новизну и нуждается в детальном изучении.

Основная часть. Налаживание связей белорусских образовательных и академических центров с партнерскими организациями в рам-

ках Советского Союза в области всеобщей истории началось с момента возникновения этих учреждений. Например, даже сам приезд в 1921 г. ученых из России и Украины в БГУ уже являлся фактом взаимного сотрудничества.

Так, к 1926 г. Институт белорусской культуры наладил обмен изданиями с сотней «научных заведений СССР» [1, с. 102]. В феврале 1926 г. этот институт запланировал проведение 1-го Белорусского научного конгресса. Председатель комиссии по его организации В. М. Игнатовский отмечал в отчете, что приглашаются 80 делегатов из европейских стран, особенно славяноязычных, и столько же из СССР. Планируется около 100 докладов [2, л. 2]. В декабре 1928 – январе 1929 гг. проходила Всесоюзная конференция историков-марксистов. В ее работе принимали участие и представители из БССР. Так, на конференции выступал молодой историк Запада В. А. Сербента [3, с. 224].

С момента своего образования в 1931 г. Западный Сектор Института истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б также поддерживал и развивал научные контакты с союзными учреждениями аналогичного профиля: Польской группой Института Ленина, соответствующими институтами Коммунистической Академии, Военной комиссией Коммунистической академии (Москва), Комиссией и Сектором по изучению Западной Украины (Харьков, Киев).

Примером активной работы с партнерскими организациями являлся Институт польской пролетарской культуры Белорусской Академии наук (БелАН). В процессе своей деятельности он стремился завязать контакты с родственными учреждениями Москвы, Киева и Харькова. Летом 1933 г. в Минске по инициативе института прошел съезд ученых в области

польских исследований. Подготовка и проведение съезда продемонстрировали существующий у советских исследователей интерес к польской истории и благоприветствовали новым шагам в этой области науки. Участники приняли программу по истории Польши для вузов. Съезд сыграл свою роль и в подготовке первого в СССР учебника польской истории.

Не каждый раз научное взаимодействие проходило удачно. Так, 8 января 1935 г. на историческом факультете БГУ при участии Института истории БелАН состоялась конференция историков советской Беларуси. Но «в конференции не приняли участие ... историки Москвы и Ленинграда, которые приглашались на конференцию и от которых ожидалась большая помощь работающим в БССР» [4, с. 122].

Руководящие научные работники того времени хорошо понимали необходимость научных командировок. Так, в 1927 г. заведующий кафедрой всеобщей истории Института белорусской культуры профессор А. Н. Ясинский писал: «При отсутствии оборудованной библиотеки представители кафедры всеобщей истории должны ежегодно брать командировки в Ленинград, Москву, Киев и другие центры культурной жизни Союза, чтобы иметь возможность следить за развитием своей науки» [5, л. 75].

В послевоенный период внутрисоюзные научные связи достаточно быстро восстановились и стали расширяться. Во всесоюзном масштабе существовали различные формы научного сотрудничества: научные конференции, работа в научных центрах союзных республик, обмен литературой, стажировки, рецензирование, подготовка научных кадров и др. Большую помощь в пропаганде подобных связей, распространении информации о планах проведения конференций и научных семинаров оказали появившиеся в 1950–60-е гг. научные исторические журналы.

Белорусские историки, начиная с конца 1950-х – начала 1960-х гг., деятельно участвовали во внутрисоюзной научной жизни. Так, уже в начале 1959 г. в Институте истории АН БССР прошла читательская конференция московского журнала «Новая и новейшая история». В ней приняли участие преподаватели вузов, сотрудники института, учителя средних школ Минска. Активно высказывались о перспективах издания Э. М. Поздняк, Г. М. Трухнов, Н. М. Полетика и В. И. Розин [6, с. 173].

В первую очередь возможность направить своих сотрудников на научный форум или в командировку за пределы БССР имели главные научные центры республики: Академия наук и Белорусский государственный университет, –

областным высшим учебным заведениям сделать это было сложнее. Так, в отчете БГУ за 1964/65 учебный год отмечалось, что научные работники и аспиранты университета активно участвуют в научных конференциях, симпозиумах, которые проводятся за пределами Беларуси: «Это важное дело, стимулирующее научно-исследовательскую работу, но из-за недостатка денежных средств нередко приходится отказываться в командировках товарищам...» [7, л. 22].

Если дифференцировать многие виды научных встреч, то нужно сказать, что работа в различного уровня научных конференциях была самой распространенной формой научных связей. Так, среди наиболее крупных мероприятий, в которых участвовали белорусские специалисты по всеобщей истории, были следующие.

1960-е гг. IV научная межвузовская конференция историков-славистов (Минск, 1968 г.); Научная конференция, посвященная боевому содружеству советских и польских Вооруженных сил в борьбе с фашистской Германией (Минск, 1969 г.).

1970-е гг. VI Всесоюзная конференция историков-славистов (Львов, 1973 г.); Научная конференция «Актуальные проблемы истории социалистического строительства в европейских странах социализма» (Москва, 1974 г.); Всесоюзная научная конференция, посвященная 30-летию подписания советско-польского договора о послевоенном сотрудничестве (Москва, 1975 г.); Международная конференция «Историческое значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и социалистическими странами Европы» (Москва, 1975 г.); VIII Всесоюзная научная конференция историков-славистов (Донецк, 1978 г.); Международная научная конференция, посвященная 40-летию Второй мировой войны (Москва, 1979 г.).

1980-е гг. Всесоюзная конференция «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» (Львов, 1981 г.); Всесоюзная конференция по современным проблемам стран Востока (Тбилиси, 1982 г.); IX международная конференция славистов (Киев, 1983 г.); Всесоюзная конференция по проблемам германской истории (Вологда, 1983 г.); Всесоюзная конференция по проблемам Африки (Ленинград, 1983 г.); Международная конференция «Формирование и развитие исторических связей и сотрудничества братских социалистических стран» (Львов, 1983 г.); IV Всесоюзная конференция африканистов (Москва, 1984 г.); XI Всесоюзная конференция историков-славистов (Минск, 1988 г.); V Всесоюзная конференция африканистов (Москва, 1989 г.).

1990-е гг. Всесоюзная конференция «Современные проблемы истории стран Азии и Африки», посвященная 30-летию Университета Дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, 1990 г.); Международная научная конференция «Славяне – единство и многообразие» (Минск, 1990 г.).

В качестве конкретных примеров участия историков в упомянутых и иных мероприятиях можно привести следующие.

Осенью 1973 г. сотрудники Института истории АН БССР И. М. Игнатенко, В. И. Мелешко, В. С. Толстой и Л. П. Мирочичский участвовали в VI Всесоюзной конференции историков-славистов во Львове [8, л. 59]. В 1978 г. историки В. С. Толстой, Л. П. Мирочичский, Э. А. Лейкин, Г. Г. Сергеева, А. Р. Щербаков и В. Е. Снапковский участвовали в работе VIII Всесоюзной научной конференции историков-славистов в Донецке [9, л. 22].

В 1981 г. Д. Б. Мельцер участвовал во Всесоюзной конференции по болгаристике во Львове [10, л. 12]. В мае 1982 г. В. С. Кошелев выступал на Всесоюзной конференции по современным проблемам стран Востока (Тбилиси) на тему «Ревизия истории “Свободных офицеров” в Египте в 70-е гг.» [11, л. 68]. Профессоры Л. М. Шнеерсон и Г. М. Трухнов приняли участие во Всесоюзной конференции по проблемам германской истории, которая состоялась в апреле 1983 г. в Вологде [12, л. 34].

В феврале 1990 г. В. С. Кошелев участвовал во Всесоюзной конференции «Современные проблемы истории стран Азии и Африки», посвященной 30-летию Университета Дружбы народов им. Патриса Лумумбы [13, л. 13].

Однако во второй половине 1980-х гг. число участия в конференциях уменьшилось. На это даже посетовало руководство исторического факультета БГУ в своем отчете за 1988 г., говоря, что в последние годы «сократилось число всесоюзных научных конференций, в которых приняли участие сотрудники факультета. Главная причина – научный лимит командировочных средств, выделенных факультету. Он значительно ниже соответствующих фондов в университетах Прибалтики, Киева, Москвы. Научно-исследовательская работа требует значительного их увеличения» [14, л. 25].

Как отмечалось выше, помимо конференций, белорусские историки принимали участие в других формах внутрисоюзного сотрудничества.

В первую очередь, это симпозиумы. Так, 2–8 мая 1977 г. Э. А. Лейкин был командирован в Москву в Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ для участия в работе симпозиума «Актуальные вопросы историографии

международного молодежного движения». 14–16 марта 1972 г. Л. М. Шнеерсон участвовал в межвузовском научно-методическом *семинаре* преподавателей Новейшей истории стран Европы и Америки в университетах СССР, проходившем на историческом факультете Московского государственного университета; в конце декабря 1962 г. Л. М. Шнеерсон выехал на Всесоюзное *совещание* историков (Москва); в 1984 г. исторический факультет БГУ совместно с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова и Институтом Истории АН БССР провел III *научные чтения* памяти акад. В. И. Пичеты; в 1990 г. кафедра истории Нового и Новейшего времени БГУ приняла активное участие в организации *Выездной сессии* Научного Совета по проблемам Африки АН СССР, состоявшейся в университете 28–31 мая 1990 г.

Вместе с тем важно отметить, что как в довоенном периоде, так и в послевоенном белорусские историки были представлены далеко не на всех международных, всесоюзных и республиканских конференциях, проходивших в СССР. Но это свидетельствовало, в первую очередь, не об отсутствии возможностей для командирования, а о проблемно-тематической неразвитости всеобщей истории в БССР.

Популярной и массовой формой участия в развитии и укреплении связей была научная командировка. Наибольшие возможности для этого имели академические историки.

Взять для примера командировки сотрудников секции европейских социалистических стран института истории АН БССР. Сектор поддерживал отношения с общесоюзными советами и ведущими учреждениями аналогичного профиля в СССР: Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР, Институтом истории АН УССР, Институтом общественных наук АН УССР во Львове и др. Сотрудники сектора с момента его создания часто ездили в библиотеки и архивы Москвы, Киева, Львова, других научных центров России и Украины. Наиболее часто командировки осуществлялись в Москву, архивные документы свидетельствуют, что из столицы СССР отдельные белорусские академические ученые, можно сказать, «не выезжали». Среди них: заведующий сектором В. С. Толстой, научные сотрудники С. Д. Войтович, А. Е. Петрунников, Э. А. Лейкин, Г. Г. Сергеева. Так, в период с 1974 по 1977 гг. они командировались в Москву в среднем от 2 до 7 раз в год, где пребывали от одного до трех месяцев. Один-два раза в год выезжали в московские и киевские библиотеки и архивы даже

аспиранты А. С. Король и В. Е. Снапковский. Кроме Москвы В. С. Толстой, Г. Г. Сергеева часто ездили в Киев и Вильнюс.

Преподаватели высших учебных заведений по объективным причинам не имели столько свободного времени, поэтому их поездки были более редкими. Но необходимость в этом возрастала. Как упоминалось выше, прежде всего это касается главного вуза республики – БГУ. Так, в конце 1962 г. некоторые преподаватели кафедры истории Нового и Новейшего времени осуществили ряд плодотворных научных командировок в Ленинград и Москву. В декабре 1966 г. профессор Н. П. Полетика находился в научной командировке по теме своих научных исследований в Москве [15, л. 12].

В областных вузах БССР возможность командирования была достаточно редкой по причине недостаточного финансирования. К примеру, с 1961/1962 учебного года во втором семестре все преподаватели кафедры истории Гродненского пединститута получили редкую возможность поработать над своими научными темами, направившись в месячные командировки: Б. М. Фих – в Москву, И. Н. Милюкевич – Вильнюс и Ленинград, Я. Н. Мараш – Вильнюс и Москву, В. А. Ваяхин – Москву [16, л. 17]. Но через несколько лет, в 1967 г., на заседании этой кафедры при обсуждении итогов Всесоюзного совещания по вопросу улучшения качества подготовки учителей истории Я. Н. Мараш с сожалением отметил, что «в педагогических вузах ... историки не имеют возможности побывать в Москве, Ленинграде и других культурных центрах» [17, л. 45].

Подобные проблемы имелись и в Могилевском государственном педагогическом институте. Так, в 1974 г. на февральском заседании кафедры Г. И. Ионе отметил: «Наш вуз – вуз периферийный. Наши преподаватели и студенты оторваны от основной массы новинок литературы, от центральных библиотек и архивов» [18, л. 45]. Но в 1980-е гг. эта проблема в институте была решена в лучшую сторону: число командировок значительно выросло. К примеру, согласно планам повышения квалификации на 1981–1985 гг., все преподаватели имели возможность стажировки. Так, В. Ф. Капытин направлялся в 1982 г. в Институт археологии АН СССР (г. Ленинград), Я. Г. Риер в 1984 г. – на факультет повышения квалификации МГУ, туда же в 1985 г. собиралась ехать и Л. Е. Найбарт. В процессе работы эти планы были подкоррек-

тированы, например, Л. Е. Найбарт поехала в Москву с 5 октября по 15 декабря 1982 г. и стажировалась в секторе Новой истории Института всеобщей истории АН СССР, где собирала материал на тему «Революция 1848 г. в Австрии» [19, л. 42].

Заключение. Таким образом, в период существования БССР белорусские историки осуществляли достаточно активную внутрисоюзную научную деятельность, часто выезжая на конференции, совещания, семинары, работая в архивах и библиотеках во время командировок. Подобные связи позволили ученым в области всеобщей истории получать необходимую информацию и обмениваться результатами своих работ, тем самым развивая эту отрасль науки в республике.

Литература

1. Інстытут беларускае культуры / склаў А. І. Цьвікевіч. – Менск: ДВБ, 1926. – 118 с.
2. Цэнтральны навучны архів Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАНБ). – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 18.
3. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. – 1929. – № 12. – С. 216–265.
4. Щербаков, В. Конференция историков БССР / В. Щербаков // Борьба классов. – 1935. – № 6. – С. 121–124.
5. ЦНА НАНБ. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 31.
6. Читательская конференция журнала «Новая и новейшая история» в Минске и Львове // Новая и новейшая история. – 1959. – № 4. – С. 173–174.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 308.
8. ЦНА НАНБ. – Фонд 3. – Оп. 8. – Д. 674.
9. ЦНА НАНБ. – Фонд 3. – Оп. 93 – Д. 725.
10. НА РБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 2506.
11. Там же. – Д. 2684.
12. Там же. – Д. 3014.
13. Там же. – Д. 3991.
14. Там же. – Д. 3650.
15. Архив БГУ. – Фонд 205. – Оп. 1. – Д. 265.
16. Государственный архив Гродненской области. – Фонд 991. – Оп. 1. – Д. 537.
17. Там же. – Д. 736.
18. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 927. – Оп. 1. – Д. 17.
19. Там же. – Д. 850.

Поступила 15.03.2012

УДК 930(476)(477)

В. У. Коваль, кандыдат гістарычных навук, асістэнт (БДТУ)**ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ АГЛЯД ДАСЛЕДАВАННЯЎ
МІЖВАЕННАЙ БЕЛАРУСКАЙ І УКРАЇНСКАЙ ДЫЯСПАР**

Дадзеная публікацыя прысвечана агляду асноўных даследаванняў па гісторыі беларускай і ўкраінскай дыяспар у міжваенны час. У ёй прааналізаваны малавядомыя ў беларускай гістарыяграфіі працы замежных вучоных. Аўтарам зроблена ўласная класіфікацыя беларускіх, украінскіх, рускіх, польскіх, англійскіх публікацый, якія прысвечаны вывучэнню эміграцыйных хваляў. Асобная ўвага надаецца даследаванню палітычнага, эканамічнага, культурнага супрацоўніцтва паміж беларускімі і ўкраінскімі эмігрантамі. Аўтар адзначае, што адным з важнейшых фактараў, якія значна паўплывалі на фармат адносін у пазначаны перыяд, сталі культурныя ўзаемасувязі і агульныя гістарычныя карані беларускай і ўкраінскай нацый.

The article characterizes the main researches about Belarusian and Ukrainian diasporas in the inter-war period. It analyzes the little-known in Belarus materials and publications of foreign historians. The author is the first to make an original classification of Belarusian, Ukrainian, Russian, Polish, English publications about the emigration waves. Special attention is given to the characteristic of political, economic, cultural cooperation between Ukrainian and Belarusian emigrants. The author points out that one of the significant factors which affected the relations format within the stated period was the cultural trade and the common history of Belarusian and Ukrainian nations.

Уводзіны. Тэма фарміравання і дзейнасці беларускай эміграцыі сёння з'яўляецца актуальнай і запатрабаванай. У апошнія гады колькасць манаграфій і артыкулаў па дадзенай тэме ў Беларусі значна павялічылася, аднак пры аналізе публікацый па гісторыі беларускай дыяспары становіцца відавочна, што далёка не ўсе аспекты палітычнага, эканамічнага і культурнага жыцця беларусаў замежжа вывучаны і даследаваны. Да таго ж даволі часта ацэнкі аўтараў навуковых работ па беларускай эміграцыі выключна суб'ектыўныя, некаторыя даследчыкі абапіраюцца не на гістарычныя крыніцы, а на свае ўласныя перакананні і меркаванні.

Асабліваю ўвагу пры вывучэнні беларускага замежжа неабходна надаваць міжнародным узаемакантактам эмігрантаў, іх культурнаму, эканамічнаму і палітычнаму супрацоўніцтву, што дазволіць больш падрабозна прадставіць гісторыю міжваеннай дыяспары. Пры фарміраванні палітычных інстытутаў, культурных асяродкаў і грамадскіх аб'яднанняў беларускіх эмігрантаў значную падтрымку і дапамогу аказвала больш кансалідаваная і колькасная ўкраінская дыяспара. Супрацоўніцтва паміж беларусамі і ўкраінцамі развівалася ў розных краінах свету не толькі ў асяродку палітычных эмігрантаў, але і сярод прадстаўнікоў эканамічнай эміграцыйнай хвалі.

Асноўная частка. Аспекты развіцця і тэндэнцыі фарміравання працоўнай і палітычнай эміграцыі беларускага насельніцтва ў міжваенны перыяд сёння распрацаваны недастаткова. Для шырокага вывучэння дадзенай тэмы даследчыкам не хапае гістарычных крыніц, асабліва вузкая крыніцзнаўчая база беларускай эка-

намічнай хвалі. Шэраг матэрыялаў па гісторыі беларускай эміграцыі захоўваецца ў замежных архівах, цэнтрах і бібліятэках, таму яшчэ не выкарыстоўваецца гісторыкамі ў поўнай ступені.

Падчас аналізу ўкраінскай гістарыяграфіі па пытаннях развіцця дыяспары ў міжваенны перыяд неабходна падкрэсліць высокі ўзровень распрацаванасці прадстаўленай тэмы. Украінскія гісторыкі больш грунтоўна вывучаюць асаблівасці фарміравання эміграцыйных хваляў, дзейнасць палітычных цэнтраў і аб'яднанняў замежжа, развіццё адукацыйных устаноў на Захадзе, дэталева даследуюць біяграфіі вядомых украінскіх эмігрантаў.

У працэсе вывучэння ўзаемасувязяў беларускага і ўкраінскага замежжа міжваеннага часу былі выкарыстаны апублікаваныя матэрыялы, якія захоўваюцца ў Нацыянальнай бібліятэцы Рэспублікі Беларусь, Цэнтральнай навуковай бібліятэцы імя Я. Коласа НАН Беларусі, бібліятэцы Варшаўскага ўніверсітэта, Нацыянальнай бібліятэцы Польшчы, Львоўскай нацыянальнай навуковай бібліятэцы Украіны імя В. Стэфаніка, Навуковай бібліятэцы Львоўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя І. Франка, Нацыянальнай бібліятэцы Украіны імя В. І. Вярнадскага, бібліятэцы Расійскага ўніверсітэта дружбы народаў у Маскве.

Апублікаваныя матэрыялы, на падставе якіх можна зрабіць выснову пра беларуска-ўкраінскія сувязі замежжа, падзяляюцца на тры групы:

- публікацыі беларускіх гісторыкаў пра фарміраванне міжваеннай эміграцыйнай хвалі;
- даследаванні ўкраінскіх вучоных пра дзейнасць эканамічных і палітычных украінскіх эмігрантаў;

– публікацыі аўтараў далёкага замежжа і Расіі, у якіх адлюстроўваюцца новыя тэарэтычныя распрацоўкі вывучэння гісторыі эміграцыі.

Актыўнае вывучэнне тэмы гісторыі беларускай дыяспары пачалося пасля распаду Саветаў Саюза. У большасці навуковых работ беларускіх аўтараў у 90-я гг. XX ст. падкрэсліваюцца выключна станоўчыя моманты ў мінулым замежжа. Аднак у пачатку XXI ст. да дадзенай тэмы губляецца зацікаўленасць спецыялістаў, яе пачынаюць лічыць праблемнай, спрэчнай і нават палітызаванай.

На сённяшні дзень асаблівасці эміграцыйных хваляў і мінулае беларускай дыяспары зноў у цэнтры ўвагі гістарычнага даследавання. Вывучэнне дадзенай тэмы патрабуе асвятлення шырокага кола пытанняў, якія належаць да розных галінаў гуманітарных ведаў – не толькі да гісторыі, але і да паліталогіі, сацыялогіі, этнаграфіі, філалогіі, філасофіі і г. д. Яшчэ вялікая колькасць матэрыялаў засталася па-за ўвагай вучоных, многія аспекты жыцця беларускай эміграцыі фактычна пакуль не даследаваны, вядзецца работа па пошуку гістарычных крыніц у архівах і бібліятэках Рэспублікі Беларусь і замежжа.

Што датычыцца сучасных дысертацыйных работ па гісторыі беларускай эміграцыі, то іх вельмі мала. Кандыдацкая дысертацыя С. В. Шабельцава прысвечана пытанням беларуска-ўкраінскіх кантактаў у Аргенціне з 1945 па 1991 гг [1]. Аўтар на высокім навуковым узроўні вылучае тэндэнцыі развіцця сувязяў беларусаў і ўкраінцаў за мяжой, даследуе іх палітычнае і культурнае жыццё, намагаецца разабрацца ў пытаннях адаптацыі эмігрантаў. Нягледзячы на тое, што работа прысвечана пасляваеннаму перыяду, С. В. Шабельцаў піша пра агульныя беларуска-ўкраінскія праекты, якія былі распрацаваныя яшчэ да Другой сусветнай вайны, але рэалізаваныя значна пазней.

Яшчэ адна айчынная дысертацыйная праца М. І. Чмаравай «Беларуская літаратура ў Чэхаславакіі (1920–1945)» прысвечана літаратурнай спадчыне беларускага замежжа [2]. Работа выканана не толькі на аснове беларускіх матэрыялаў, у ёй таксама выкарыстаны даследаванні сучасных чэшскіх і ўкраінскіх літаратуразнаўцаў і гісторыкаў. Даследаванне М. І. Чмаравай уяўляе сабой глыбокую навуковую працу па гісторыі беларускай літаратуры і выдавецкай справы ў міжваеннай Чэхаславакіі. Аўтар спрабуе вылучыць асноўныя рысы і сфармуляваць агульныя тэндэнцыі развіцця беларускага культурнага асяроддзя ў Празе, падкрэслівае шырокую арганізацыйную дапамогу ўкраінскай дыяспары.

Найбольш вывучаным пытаннем у гісторыі міжваеннай беларускай эміграцыі з'яўляецца

дзеяснасць дыяспары ў Чэхаславакіі. Менавіта ў Празе беларусы разгарнулі актыўную палітычную, культурную, арганізацыйную, адукацыйную і творчую работу. Дзейнасці беларускіх эмігрантаў у міжваеннай Чэхаславакіі прысвечаны навуковыя артыкулы У. Ляхоўскага [3], Л. Мірачыцкага [4], М. Труса [5]. Па іх матэрыялах можна прасачыць асобныя лёсы беларусаў у Чэхаславакіі, вызначыць ролю палітычнага эміграцыйнага цэнтры ў Празе для ўсёй беларускай міжваеннай эміграцыі, суаднесці ступень дапамогі і ўплыву з боку іншых славянскіх дыяспар, у тым ліку ўкраінскай.

Пры вывучэнні эканамічнай эміграцыйнай хвалі з тэрыторыі Заходняй Беларусі асаблівай увагі заслугоўваюць даследаванні Я. Мірановіча [6] і В. Мярчук [7], у якіх падрабязна апісана эканамічнае і палітычнае становішча беларускіх сялян у Другой Рэчы Паспалітай, іх планы на заробкі за мяжой, арганізацыя польскімі ўладамі эміграцыйнага руху і перспектывы эмігрантаў.

Гістарычную карціну міжваеннага часу дапаўняюць работы польскіх гісторыкаў па развіцці «ўсходніх крэсаў». Падрабязнымі і грунтоўнымі працамі з'яўляюцца манаграфіі польскага даследчыка, спецыяліста па нацыянальным пытанні ў міжваенны час І. Тамашэўскага [8]. Выкарыстанне не толькі беларускіх, але і польскіх навуковых даследаванняў па пытанні развіцця нацыянальных меншасцяў Другой Рэчы Паспалітай дазваляе пазбегнуць радыкальных ацэнак мінулага, а таксама скажэнняў гістарычных фактаў.

Узнавіць гістарычную карціну эканамічнай і палітычнай міжваеннай хвалі ўкраінцаў, падрабязна і дэтальна разгледзець мінулае замежжа дазваляюць публікацыі сучасных украінскіх гісторыкаў. Некаторыя ўкраінскія спецыялісты звяртаюцца таксама да аспектаў развіцця беларускай дыяспары.

Важным пытаннем мінулага міжваеннай ўкраінскай эміграцыі з'яўляецца працоўная эміграцыйная хваля жыхароў Заходняй Украіны, якую падрабязна даследаваў у сваіх публікацыях прафесар С. П. Качараба. Яго навуковыя работы глыбока асвятляюць дзейнасць і мэты эміграцыйных органаў Польшчы, асаблівасці наладжвання побыту эмігрантаў за мяжой, работу карабельных таварыстваў і іх агентаў. Манаграфія С. П. Качарабы «Эміграцыя з Заходняй Украіны 1919–1939» [9] прысвечана нацыянальнай палітыцы польскага ўрада на заходне-ўкраінскіх землях, эміграцыйнаму заканадаўству Польскай дзяржавы, фарміраванню асноўных кірункаў ўкраінскай эміграцыі ў міжваенны час. Высновы даследаванняў вучонага таксама карысныя для вывучэння беларускай эканамічнай хвалі з тэрыторыі Другой Рэчы Паспалітай.

Вядомым спецыялістам па палітычнай украінскай эміграцыі з'яўляецца прафесар У. П. Трашчынскі. У сваіх публікацыях ён падрабязна апісвае сацыяльны склад палітычнай міжваеннай эміграцыі ў розных краінах свету, асабліва ў фарміраванні асноўных палітычных цэнтраў, узаемадзеянне ўкраінцаў замежжа з уладамі краін-рэцыпіентаў. Манаграфія У. П. Трашчынскага «Міжваенная ўкраінская эміграцыя ў Еўропу як гістарычная і сацыяльна-палітычная з'ява» [10] прысвечана даследаванню асноўных эмігранцкіх партый, грамадскіх аб'яднанняў і палітычных блокаў у Заходняй Еўропе.

Шырока распрацаванай тэмай украінскай гістарыяграфіі з'яўляецца мінулае эмігрантаў у міжваеннай Чэхаславакіі. Актыўная ўкраінская дыяспара пакінула там багатую навуковую, творчую і культурную спадчыну. Украінскія навучальныя ўстановы ў Празе ператварыліся ў буйныя навуковыя цэнтры, дзе выкладалі сусветна вядомыя вучоныя, а нацыянальны характары, мастацкія і творчыя калектывы Чэхаславакіі былі папулярнымі не толькі ў Еўропе, але і ў краінах Паўднёвай і Паўночнай Амерыкі.

Адным з першых да тэмы дзейнасці ўкраінскай супольнасці ў Чэхаславакіі звярнуўся на пачатку 1990-х гг. гісторык С. Віднянскі [11]. Даследаваннем украінскага студэнцкага і маладзёжнага руху эміграцыі займаўся таксама О. Дуднік [12] і В. Галавенка [13]. Украінскія аўтары не толькі апісалі плённую працу эмігрантаў, але і пазначылі важнасць узаемаўплываў культурных традыцый іншых народаў, у тым ліку і беларусаў замежжа, пры захаванні самаідэнтычнасці ўкраінскай супольнасці ў Чэхаславакіі.

Каштоўнай гістарычнай крыніцай па вывучэнні беларуска-ўкраінскіх кантактаў у эміграцыі з'яўляецца першая частка кнігі ўкраінскага эмігранта Сымона Нарыжнага «Украінская эміграцыя. Культурная праца ўкраінскай эміграцыі паміж дзвюма сусветнымі войнамі» [14], выдадзеная ў 1942 г. у Празе. Праца С. Нарыжнага створана на аснове шырокай музейна-крыніцзнаўчай базы. У манаграфіі гісторык неаднаразова звяртаў увагу на супольную дзейнасць беларускай і ўкраінскай дыяспар. Даследаванне С. Нарыжнага, праведзенае ў міжваенны перыяд, абавіраецца на каштоўныя гістарычныя крыніцы, большасць якіх аднавіць на сённяшні дзень немагчыма.

Другую частку кнігі С. Нарыжнага «Украінская эміграцыя. Культурная праца ўкраінскай эміграцыі 1919–1939» [15] выдалі сучасныя архівісты і дакументазнаўцы адносна нядаўна. У 1999 г. быў апублікаваны рабочы матэрыял працы ўкраінскага эмігранта С. Нарыжнага: кіеўскія архівісты сабралі незавершаную частку

манаграфіі фактычна па ўрыўках. Вывучэнне дзейнасці ўкраінскай дыяспары аўтарам значна пашырыла ўяўленні гісторыкаў пра міжваенны час, таму выкарыстанне пазначаных матэрыялаў карыснае таксама для беларускіх, чэшскіх, расійскіх даследчыкаў. Увядзенне манаграфіі С. Нарыжнага ў беларускі навуковы зварот дазволіць пазбегнуць шматлікіх стэрэатыпаў і штампавых пра эміграцыю.

Новым аспектам даследавання беларускага замежжа з'яўляецца вывучэнне асноўных паняццяў і дэфініцый тэмы. У тэарэтычным плане пры ўдакладненні тэрмінаў і фармулёвак карыснымі з'яўляюцца заходнія даследаванні. Акрамя таго, каштоўнымі работамі па тэорыі фарміравання дыяспар і метадалогіі навуковых працэсаў пры вывучэнні эміграцыйных працэсаў сталі публікацыі расійскіх аўтараў. Выкарыстанне вопыту асноўных расійскіх і замежных цэнтраў па даследаванні эміграцыі дазволіць вызначыць асноўныя дэфініцыі дыяспаральнасці гісторыі беларускай дыяспары.

Манаграфія Нікаласа ван Хіяра «Новыя дыяспары» [16] – гэта сучасны навуковы погляд заходняй гістарыяграфіі на міграцыйныя працэсы ў XX ст. У рамках даследавання буйнейшых у свеце дыяспар, іх ментальнасцяў, асаблівасцяў пражывання, тэндэнцый развіцця англійскі аўтар таксама разглядае і эміграцыю з тэрыторыі Савецкага Саюза. Асобна падаюцца характарыстыкі сучасных беларускай і ўкраінскай дыяспар. Дадзенае даследаванне з'яўляецца актуальнай тэарэтычнай работай, а пазіцыі заходняга аўтара пашыраюць уяўленні пра ролю эмігрантаў і іх дыяспар у гістарычным развіцці Еўропы, Афрыкі, Сярэдняй Азіі.

Асаблівай увагі заслугоўваюць расійскія публікацыі па развіцці этнічных дыяспар В. Д. Папкова [17] і аналізе ролі дыяспар у жыцці метраполіі А. Б. Ручкіна [18]. Вядучыя расійскія тэарэтыкі дыяспаральнасці ў сваіх работах акрэсліваюць асноўныя паняцці, якія неабходна шырока прымяняць пры вывучэнні гісторыі беларускай і ўкраінскай эміграцыі. Расійскі і замежны вопыт значна ўзбагачае ўяўленні пра асноўныя працэсы адаптацыі эмігрантаў, іх узаемакантакты з прадстаўнікамі іншых дыяспар і аўтэнтонным насельніцтвам.

Заклучэнне. Такім чынам, на сённяшні дзень тэма гісторыі беларускай дыяспары з'яўляецца запатрабаванай і актуальнай, аднак пры яе даследаванні нямаюць пытанняў яшчэ патрабуюць удакладнення і аналізу спецыялістаў. У сучаснай беларускай акадэмічнай навуцы ўзнікла вострая патрэба ў стварэнні грунтоўнага даследавання па дадзенай тэме. Пры вывучэнні беларуска-ўкраінскага супрацоўніцтва асаблівую цікавасць выклікаюць украінскія матэрыялы

па гісторыі эканамічнай і палітычнай эміграцыйных хваляў, дзе нярэдка ўспамінаецца пра агульныя з беларусамі замежжа праекты і мерапрыемствы. Акрамя таго, для падрабязнага вывучэння беларускай эміграцыі і ўзаемасувязяў дыяспар неабходна ўжываць новы тэрміналагічны апарат дыяспаральнасці, які шырока распрацаваны ў англамоўных публікацыях і манаграфіях сучасных расійскіх аўтараў.

Літаратура

1. Шабельцев, С. В. Украинцы и белорусы в Аргентине: общественно-политическая деятельность и связи с родиной (1945–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / С. В. Шабельцев. – Минск: БДУ, 2005. – 116 с.
2. Чмаравя, М. І. Беларуская літаратура ў Чэхаславакіі (1920–1945): дыс. ... канд. філал. навук: 10.01.01; 10.01.03 / М. І. Чмаравя. – Минск: БДУ, 2002. – 113 с.
3. Ляхоўскі У. Грамадска-культурная чынасць беларускай дыяспары ў Чэхаславакіі ў 1921–1938 гг. / У. Ляхоўскі // *Общественно-культурная жизнь белорусской и российской эмиграции в Чехословакии 1921–1938*. Каталог выставки в Национальном музее истории и культуры Беларуси с 27 мая по 3 июля 2002 г. – Минск: Новопринт, 2002. – С. 21–31.
4. Мірачыцкі, Л. Беларуская інтэлігенцыя на эміграцыі і чэшскае нацыянальнае адраджэнне / Л. Мірачыцкі // *Беларусіка = Albaruthenica*. – Минск: Навука і тэхніка, 1995. – Кн. 5. – С. 111–115.
5. Трус, М. Даўні сябра беларускага народа. Невядомыя лісты ўкраінскага гісторыка Дзмітра Дарашэнкі / М. Трус // *Роднае слова*. – 2009. – № 5. – С. 10–14.
6. Мірановіч, Я. Навейшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч. – Беласток: Niwa, 1999. – 270 с.; Mironowicz, E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego / E. Mironowicz. – Białystok: Wyd-wo Uniwersyt. Trans Humana, 2007. – 294 s.; Mironowicz, E. Polityka narodowościowa PRL / E. Mironowicz. – Białystok: Wydanie Białorusk. Twa Hist., 2000. – 284 s.
7. Мярчук, В. М. Адміністрацыйна-правыя асновы эміграцыі з тэрыторыі Заходняй Беларусі / В. М. Мярчук // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. гуманітар. і грамад. навук*. – 2009. – № 4. – С. 141–148.; Мярчук, В. Ажыццяўленне эміграцыі з тэрыторыі Палескага ваяводства (1920–1930-я гг.) / В. Мярчук // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – Białystok, 2010. – № 32. – S. 101–115.
8. Tomaszewski, J. Mniejszości narodowe w Polsce XX wieku / J. Tomaszewski. – Warszawa: Spotkania, 1991. – 58 s.; Tomaszewski, J. Polska w Europie i świecie 1918–1939 / J. Tomaszewski, Z. Landau. – Warszawa: Wyd-wo TRIO, 2005. – 335 s.
9. Качараба, С. П. Эміграцыя з Заходняй Украіны 1919–1939 / С. П. Качараба. – Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. – 416 с.
10. Трошчынскі, В. П. Міжвоенна украінска эміграцыя в Еўропе як історычна і сацыяльна-політычнае явище / В. П. Трошчынскі. – Київ: Ітел, 1994. – 260 с.
11. Віднянскі, С. В. Культурна-асвітная і навука дзяльнасць украінскай эміграцыі в Чехасловакіі: Украінскі вільны ўніверсітэт (1921–1945 гг.) / С. В. Віднянскі. – Київ: Нац. акад. наук Украіны, 1994. – 82 с.
12. Дуднік, О. Я. Украінскі студэнцкі рух в эміграцыі (Цэнтральна-Східна Еўропа, 20-ці роки ХХ ст.): авторэф. дис. ... канд. істор. навук: 07.00.02 / О. Я. Дуднік; Ін-т укр. археографіі та джерелознаўства ім. М. С. Грушевскага НАН Украіны. – Київ, 2003. – 20 с.
13. Головенько, В. Молодіжний рух украінскай дыяспоры / В. Головенько // *Украінска дыяспора*. – Київ: Інтел, 1994. – Число 6. – С. 70–78.
14. Наріжний, С. Украінска эміграцыя. Культурна праця украінскай эміграцыі між двума сусветнымі войнамі / С. Наріжний. – Прага: Музеі вызвольнай барацьбы Украіны, 1942. – 372 с.
15. Наріжний, С. Украінска эміграцыя. Культурна праця украінскай эміграцыі 1919–1939 (матэрыялы, зібраны С. Наріжнім до частіны другої). – Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 1999. – 272 с.
16. Hear, N. van. New diasporas. The mass exodus, dispersal and regrouping of migrant communities / N. van Hear. – Oxford: University of Oxford, 1998. – 298 p.
17. Попков, В. Д. Феномен этнічных дыяспор / В. Д. Попков. – М.: ИС РАН, 2003. – 340 с.
18. Ручкин, А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине ХХ века. – М.: Нац. ин-т бизнеса, 2006. – 464 с.

Паступіла 15.03.2012

УДК 338.436-057.2«1970/1980»

Н. М. Якуш, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

**АГРАПРАМЫСЛОВАЯ ІНТЭГРАЦЫЯ І ЯКАСНЫЯ ЗРУХІ Ё ХАРАКТАРЫ
І ФОРМАХ АРГАНІЗАЦЫІ ВЫТВОРЧАЙ ПРАЦЫ КАЛГАСНІКАЎ І РАБОЧЫХ
САЎГАСАЎ БЕЛАРУСКАЙ ССР (70–80-Я ГГ. XX СТ.)**

У публікацыі аналізуецца працэсы канцэнтрацыі міжгаспадарчай кааперацыі і індустрыялізацыі вытворчасці ў сельскай гаспадарцы Беларускай ССР. Раскрываюцца пытанні змены структуры і форм уласнасці, паліпшэння характарыстык і павышэння энергаўзброенасці сельскагаспадарчай працы. Даследуюцца новыя формы арганізацыі работ у земляробстве і жывёлагадоўлі.

The analyses of the process of concentration, international cooperation, agricultural and manufactural integration of the agricultural branch of economy of the BSSR is given in the article. The author illustrates changes in structure and form of entity, inbraduction of industrial technologies, increase of energetic power for agricultural forces, application of new form of labor organization for sarming and pulpry.

Уводзіны. Сельская гаспадарка Беларусі ў перыяд разгляду з'яўлялася адной з самых слабых галін эканомікі, развіццё якой ішло супярэчліва і складана. Побач з безумоўнымі дасягненнямі суседнічалі правалы і шматлікія праблемы вытворчага характару, назіраўся масавы адток працаздольнага насельніцтва ў гарады, не хапала кваліфікаваных кіруючых і працоўных кадраў. У 1970–1985 гг. сельская гаспадарка БССР працягвала спецыялізавацца на развіцці мясной і малочнай жывёлагадоўлі, вытворчасці бульбы, ільну-даўгунцу, цукровых буракоў. У мэтах стварэння трывалай кармавой базы жывёлагадоўлі адбывалася ўнутрыгалоўнае перапамеркаванне пасяўных плошчаў, гаспадарчае асваенне новых тэрыторый шляхам меліярацыі, запашкі пустэчаў, ачысткі зямель ад кустоў і хмызнякоў.

Асноўная частка. Ажыццяўленне спецыялізацыі патрабавала канцэнтрацыі, міжгаспадарчай кааперацыі і аграрна-прамысловай інтэграцыі. Пачалі ўводзіцца буйныя механізаваныя фермы і комплексы, ствараліся міжгаспадарчыя сельгасвытворчыя аб'яднанні па адкорме жывёлы і птушак, вытворчасці мяса, малака, яек і воўны. Калгасы і саўгасы, якія размяшчаліся вакол буйных гарадоў і прамысловых цэнтраў, спецыялізаваліся на вытворчасці агародніны, бульбы, малака і яек. У выніку названых працэсаў адбывалася зліццё калгасна-кааператыўнай і дзяржаўнай форм уласнасці. Колькасць калгасаў у Беларусі зменшылася з 2206 у 1970 г. да 1715 у 1985 г., павялічылася колькасць саўгасаў, міжгаспадарчых прадпрыемстваў і арганізацый па вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі [1]. Гэта адчувальна ўплывала на змест, характар і формы арганізацыі працы аграрыяў. Складваліся спрыяльныя перадумовы для тэхнічнага пераўзбраення і комплекснай механізацыі цэлых галін сельскагаспадарчай вытворчасці.

У даследуемы перыяд пастаянна нарасталі пастаўкі на вёску энерганасычаных трактараў

К-700, К-701, Т-150К, МТЗ-80, МТЗ-82 і высакорасных аўтамабіляў. У цэлым сумарная энергетычная магутнасць рухавікоў у гэты час узрасла ў 1,61 разы і ў 1983 г. складала 300 096 конскіх сіл, тады як у 1975 г. яна складала 18 636 конскіх сіл [2]. Павялічваліся пастаўкі комплексаў машын у выглядзе закончаных паточных ліній, што забяспечвала механізацыю ўсіх працэсаў тэхналагічнага цыкла і зніжэнне працазатрат на вытворчасці палявых работ.

Адначасова ў рэспубліцы праводзілася работа па арганізацыі выпуску агрэгатаў і прыстасаванняў для частковай механізацыі працы ў раслінаводстве. Напрыклад, Гродзенская райсельгастэхніка і Казіміраўскі вопытны завод наладзілі выпуск прыстасаванняў да трактарных прыщэпаў тыпу ПСЕ-30 і ПІМ-20 для перавозкі зялёнага корму. На Кобрынскім аўтарамонтным заводзе вырабляліся шыроказахватныя культыватары КШП-8 для агрэгатавання з трактарам Т-150К. Баранавіцкі камбінат смяжных вежаў і Міноўтаўскае спецыялізаванае аддзяленне райсельгастэхнікі выпускалі граблі-варашылкі ГВЦ-3 ротарнага тыпу. Калектывы гаспадарак пачалі шырокую механізацыю работ у раслінаводстве. За 1976–1980 гг. былі цалкам механізаваны пасеў і ўборка збожжавых, міжрадная апрацоўка прапашных культур. У 1984 г. на 89% было механізавана сенакашэнне, на 99,5% – капанне бульбы, на 85% – сеў і пасадка агародніны. Пры гэтым уборка цукровых буракоў камбайнамі ў агульным аб'ёме работ дасягнула 48% у параўнанні з 11% у 1975 г., а ўборка бульбы бульбакапалкамі вырасла з 61% да 66% [3].

Найбольш працаёмкай галіной сельскай гаспадаркі заставалася жывёлагадоўля, дзе частковае прымяненне механізмаў не давала станоўчага эфекту. Вырашэнню праблемы спрыяла спецыялізацыя і канцэнтрацыя жывёлагадоўлі. Менавіта на буйных спецыялізаваных комплексах і фермах была магчыма поўная механізацыя і аўтаматызацыя ўсіх вытворчых працэсаў.

Адначасова партыйныя і савецкія органы БССР скіравалі ўвагу на рэканструкцыю і тэхнічнае пераўзбраенне старых, дробных ферм.

Станоўчы вопыт разгортвання гэтай работы быў назапашаны ў Гродзенскай вобласці. У сакавіку 1976 г. пленум Гродзенскага абкама КПБ вызначыў праграму механізацыі жывёлагадоўчай галіны. Былі ўстаноўлены канкрэтныя заданні на дзясятую пяцігодку па павышэнні ўзроўню комплекснай механізацыі ўсяго вытворчага цыкла на фермах буйной рагатай жывёлы і свінафермах, вызначаны аб'ёмы неабходных для гэтага будаўніча-мантажных работ.

Для выканання рашэнняў абкама партыі інжынерная служба сельскай гаспадаркі распрацавала па районах планы ўкаранення новай тэхнікі і механізацыі работ у жывёлагадоўлі, для рэалізацыі якіх былі задзейнічаны ўпраўленні капітальнага будаўніцтва пры райвыканкамах, міжкалгасныя будаўнічыя арганізацыі, раённыя службы сельгастэхнікі і райсельэнерга. Праз пералічаныя службы ў калгасы і саўгасы вялася пастаўка, а таксама ажыццяўляўся мантаж у жывёлаводчых памяшканнях устаноў для прыгатавання корму, лентачных транспарцёраў, рухомых раздаточных сталоў, здвоеных транспарцёраў для раздачы корму з кормацэхаў, высокапрадукцыйных даільных устаноў, аўтаматызаваных цеплаабменных сістэм мікраклімату, прыточна-выцяжных механізмаў і г. д. У выніку такой мэтанакіраванай дзейнасці за гады дзясятай пяцігодкі ў гаспадарках Гродзеншчыны ўзровень машыннага даення кароў быў даведзены да 92%, водазабеспячэнне ўсіх ферм – да 93%, комплексная механізацыя ў свінагадоўлі дасягнула 83% [4]. Праграма індустрыялізацыі вытворчасці жывёлагадоўчай прадукцыі працягвалася на Гродзеншчыне і ў адзінацатай пяцігодцы. Яе рэалізацыя дазволіла забяспечыць да 1985 г. вытворчасць на прамысловай аснове 63% свініны, 35% гавядзіны і каля 40% малака [5].

Пытаннем механізацыі і аўтаматызацыі вытворчых працэсаў у жывёлагадоўлі надавалася шмат увагі і ў другіх абласцях. У разглядаемы перыяд выйшла на практычную магутнасць вялікая колькасць буйных комплексаў, на якіх вытворчасць была арганізавана па прынцыпе прамысловага канвеера з прымяненнем аўтаматыкі і пультаў кіравання. Узраслі ўзроўні частковай комплекснай механізацыі работ на сярэдніх і малых фермах. У 1984 г. у памяшканнях з комплекснай механізацыяй утрымліваўся 71% пагалоўя свіней, 79% птушкі. Падача вады на фермах буйной рагатай жывёлы была механізавана на 93%, больш за 80% кароў было пераведзена на машыннае даенне [6].

Такім чынам, вынікам мер па тэхнічным пераўзбраенні сельскагаспадарчай вытворчасці і

правядзенні на гэтай аснове механізацыі працаёмкіх працэсаў у земляробстве і жывёлагадоўлі ў Беларускай ССР стала ўстойлівая тэндэнцыя павышэння на працягу 1978–1985 гг. тэхнічных характарыстык працы аграрыяў. Паступова мяняўся сам характар гэтай працы, павялічвалася доля машынных работ, пашыралася сфера прымянення спецыяльных прафесійна-тэхнічных кваліфікацый і навыкаў, якімі дасягалася пэўная прывабнасць сельскагаспадарчых работ. Аднак задача комплекснай механізацыі галін сельскай гаспадаркі ў цэлым у гэты час не была вырашана да канца з-за шэрагу сацыяльна-эканамічных фактараў і недастатковага матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння.

Яксныя зрукі ў характары агравытворчасці патрабавалі перамен у формах арганізацыі працы калгаснікаў і рабочых саўгасаў. У разглядаемыя гады галоўнай арганізацыйнай формай працы механізатараў-паляводаў стала механізаваная вытворчая брыгада. У яе складзе фарміраваліся пастаянныя спецыялізаваныя звенні канечнай прадукцыі па вырошчванні льну, бульбы, агародніны і іншых культур. З 1978 г. па прыкладзе хлебарабаў Стаўраполья ў гаспадарках Беларускай ССР пачалі фарміравацца ўборачна-транспартныя механізаваныя атрады, якія спрыялі канцэнтрацыі тэхнікі і людскіх рэсурсаў, забяспэчвалі шырокі манеўр тэхнічнымі сродкамі ў гаспадарках і паміж імі, аператыўнае і кваліфікаванае кіраўніцтва людзьмі.

Практыка падцвердзіла жыццядзейнасць механізаваных атрадаў як новай формы арганізацыі працы. Яны былі створаны амаль у кожнай гаспадарцы і выконвалі практычна ўсе палявыя работы. Аб'яднанне механізатараў у пастаянныя і часовыя ўборачна-транспартныя атрады дазваляла заняць кожнага працаўніка максімальна з улікам яго кваліфікацыі і практычнага вопыту, у пэўнай меры аслабіць залежнасць заробку людзей ад тэхнічнага стану машын, палепшыць рэжым іх работы. У канечным выніку гэта павышала эфектыўнасць працы механізатараў, прадукцыйнасць якой у некаторых выпадках узрасла ў 1,5–2,0 разы [7].

У гады адзінацатай пяцігодкі гаспадаркі Беларусі назапасілі вопыт арганізацыі працы механізатарскіх звёнаў па бягучым графіку, пры якім трактарны парк і механізатары разбіваліся на звёны па прынцыпе «тры плюс адзін» з замацаваннем за імі трох аднатыпных трактараў. Самы вопытны спецыяліст прызначаўся звенавым. Акрамя агульнага кіраўніцтва звяном, ён адначасова рэгулярна працаваў па замене аднаго з механізатараў, якому даваўся выхадны дзень. Гэта прывяло да значнай рацыяналізацыі рэжыму працы і адпачынку сярод кваліфікаваных працаўнікоў вёскі.

Удасканаленне арганізацыі працы ў жывёлагадоўлі вялося на аснове ўкаранення калектыўных форм абслугоўвання жывёлы пры тэхналагічным падзеле працы, калі групы жывёл фарміруюцца па полаўзроставых прыкметах, прадукцыйнасці і г. д. Так узніклі брыгадная і брыгадна-звенняя арганізацыя працы пры адкорме буйной рагатай жывёлы і ў малочнай вытворчасці, раздзельна-групавая і цэхавая – на свінагадоўчых комплексах. Найбольшая эфектыўнасць работы малочнатаварных ферм і комплексаў забяспечвалася ўкараненнем паточна-цэхавай сістэмы вытворчасці і брыгадна-звеннявой арганізацыі працы жывёлаводаў з увядзеннем двухцыклічнага распарадку іх работы. Гэтая форма забяспечвала і найбольш спрыяльныя рэжымы працы і адпачынку.

У накірунку ўдасканалення якасці і форм арганізацыі сельскагаспадарчай працы вялася работа рэспубліканскіх партыйных і савецкіх органаў па развіцці і ўмацаванні базы для рамонтна і тэхнічнага абслугоўвання машын і абсталявання. Мэтазгодным лічылася правядзенне капітальнага рамонтна тэхнікі і цэнтралізаванага ўзнаўлення яе дэталяў на рамонтных прадпрыемствах «Сельгастэхнікі», а выкананне іншых відаў рамонтных работ і тэхнічнага абслугоўвання – у цэнтральных майстэрнях і на пунктах тэхнічнага абслугоўвання ў гаспадарках. Шэраг мер па паляпшэнні рамонтна-эксплуатацыйнай базы у 1970–1980-я гг. прадугледжваў як шырокае будаўніцтва машынных двароў з комплексам неабходных збудаванняў, так і рэканструкцыю майстэрняў, аўтагаражоў, нафтаскладаў, пунктаў тэхнічнага абслугоўвання. Пры гэтым неабходнай часткай рэарганізацыі рамонтна-эксплуатацыйнай базы было будаўніцтва бытавых памяшканняў, кабінетаў па тэхніцы бяспекі і пакояў для правядзення тэхнічнай вучобы, а таксама стварэнне ў гаспадарках груп слесараў-наладчыкаў, якія вызвалялі асноўнага рабочага ад усіх рамонтных работ.

Найбольш значную работу па паляпшэнні вытворчых умоў сельскагаспадарчых рабочых правяла ў 1976–1980 гг. Брэсцкая вобласць, якая выступіла ініцыятарам стварэння трывалай рамонтна-эксплуатацыйнай базы сельскагаспадарчай тэхнікі і паэтапнага яе развіцця ў найбольш мэтазгоднай паслядоўнасці з улікам ужо існуючых збудаванняў і сацыяльна-эканамічнага становішча гаспадарак раёнаў. Вызначыліся Бярозаўскі, Драгічынскі, Лунінецкі, Столінскі раёны. У большасці гаспадарак Брэсцкай воб-

ласці былі створаны машынные двары, якія адпавядалі часу, дзе акрамя вытворчых збудаванняў меліся сектары культурна-бытавога абслугоўвання механізатараў і дыспетчарскія пункты, прыкметна палепшыліся санітарныя ўмовы працы жывёлаводаў.

Заклучэнне. Аналіз паказвае, што ва ўмовах дэфіцыту кадраў масавых прафесій на вёсцы павышэнне якасных характарыстык сельгасвытворчасці і змены ў арганізацыі працы станавіліся сродкам фарміравання стабільных калектываў. За кошт рацыянальных форм працы і добрых вытворчых умоў дастатковай колькасцю трактарыстаў-машыністаў забяспечылі сябе Брагінскі, Ваўкавыскі, Быхаўскі, Маларыцкі, Жыткавіцкі, Ашмянскі, Хойніцкі, Петрыкаўскі раёны. У 1980 г. у Ашмянскім раёне на 100 трактараў прыходзілася 182 механізатары, у Маларыцкім і Быхаўскім – 172 [8]. І ўсё ж у дадзены перыяд не была пераадолена тэндэнцыя адтоку моладзі з вёскі ў горад. Праца ў аграрным сектары не пераўтварылася ў разнавіднасць індустрыяльна-прамысловай, а сацыяльна-бытавая сфера паслуг і культурнага адпачынку вельмі саступалі такім сферам у горадзе. Да таго ж, палітыка па развіцці спецыялізацыі сельскай гаспадаркі Беларусі будавалася не столькі на інтарэсах рэспублікі, колькі на інтарэсах усяго СССР. Гэта парушала комплекснаць у развіцці аграрнага сектара народнай гаспадаркі БССР, павялічвала дыспрапорцыі паміж яго галінамі, наносіла страты экалагічнаму стану.

Літаратура

1. Эканамічная гісторыя Беларусі: вучэб. дапаможнік / В. І. Галубовіч [і інш.]; пад рэд. праф. В. І. Галубовіча. – Мінск: Экаперспектыва, 1999. – С. 391.
2. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1983 году: стат. ежегодник / ЦСУ БССР. – Мінск: Финансы и статистика, 1984. – С. 10, 18.
3. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1984 году: стат. ежегодник / ЦСУ БССР. – Мінск: Финансы и статистика, 1985. – С. 32.
4. Сельская газета. – 1980. – 20 июня.
5. Гродненская правда. – 1985. – 21 декабря.
6. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1984 году: стат. ежегодник / ЦСУ БССР. – Мінск: Финансы и статистика, 1985. – С. 33.
7. Статистический репортаж // Советская Белоруссия. – 1980. – 2 июля. – С. 1.
8. Звезда. – 1981. – 16 студзеня.

Паступіла 30.03.2012

УДК 9:331.105(476)

А. А. Дубовік, выкладчык (БНТУ)

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ СТАНАЎЛЕННЯ САЦЫЯЛЬНАГА ПАРТНЁРСТВА Ў БЕЛАРУСІ

Эфектыўным сродкам удасканалвання грамадскіх адносін выступае сацыяльнае партнёрства паміж прафсаюзамі, наймальнікамі і дзяржавай. Фарміраванне сістэмы сацыяльнага партнёрства ў Рэспубліцы Беларусь мае свае гістарычныя перадумовы. У публікацыі ажыццёўлены агляд вывучэння гістарычнага вопыту станаўлення і развіцця сацыяльнага партнёрства ў працоўнай сферы Беларусі.

Social partnership between trade unions, employers and state power is an effective means for improvement of social relations. Formation of the system of social partnership in the Republic of Belarus has its historical pre-conditions. Review of the research works about historical experience on establishing and developing of social partnership in labour sphere in Belarus is carried out in the article.

Уводзіны. Пяняцце «сацыяльнае партнёрства» пачало шырока выкарыстоўвацца ў беларускім заканадаўстве і грамадазнаўстве для характарыстыкі адносін паміж прафсаюзамі, аб'яднаннямі наймальнікаў і органамі дзяржаўнай улады толькі ў 1990-я гг. Сярод даследаванняў пераважаюць працы вучоных-эканамістаў і юрыстаў, а таксама прафсаюзных работнікаў [1]. Значную тэарэтычную і практычную цікавасць уяўляе зварот да гістарычнага вопыту станаўлення сацыяльнага партнёрства, што дазваляе разгледзець дадзеную з'яву ў яе развіцці, у сувязі з іншымі фактарамі сацыяльна-эканамічнага і палітычнага жыцця.

Асноўная частка. У савецкі перыяд праблемы сацыяльнага партнёрства ў айчыннай навуцы і практыцы як бы не існавала. Артадаксальна-камуністычны погляд рашуча адхіляў сам прынцып такога партнёрства як буржуазную ўлоўку, звязаную для прафсаюзаў са згодніцтвам, здрадніцтвам класавым інтарэсам працоўных. Панавала перакананне ў непераадольнай антаганістычнасці сацыяльных супярэчнасцей у капіталістычным грамадстве, а значыць, шкоднасці ідэалогіі і практыкі сацыяльнага партнёрства.

У публікацыях, прысвечаных гісторыі прафсаюзаў, асноўная ўвага звярталася на іх удзел у гаспадарчым і культурным будаўніцтве ў сацыялістычны перыяд, значна менш асвятлялася іх праца па абароне інтарэсаў працоўных, у тым ліку праз заключэнне калектыўных дагавораў. Гэты кірунак дзейнасці прафсаюзаў знайшоў невялікае адлюстраванне ў калектыўнай працы «Нарысы гісторыі прафсаюзаў Беларусі (1905–1969)», якая ўбачыла свет на рускай мове ў 1970 г. Але спецыяльных даследаванняў па гісторыі калектыўна-дагаворнай працы ў БССР у гэты перыяд не было.

Аднак фарміраванне сістэмы сацыяльнага партнёрства ў Беларусі мае глыбокія карані. Гістарычныя перадумовы станаўлення сацыяльнага партнёрства знайшлі адлюстраванне

ў апублікаваных у апошнія дзесяцігоддзе артыкулах П. Г. Давідзюка, А. К. Дубовіка, А. А. Дубовік [2–4]. У айчыннай гісторыі станаўлення партнёрскіх адносін у працоўнай сферы выдзяляюць тры асноўныя этапы: 1) дарэвалюцыйны перыяд; 2) 1917–1990 гг.; 3) з 1991 г. па сёняшні час [4, с. 47].

У працах гісторыкаў адзначаецца, што першыя парасткі партнёрства ў сацыяльна-эканамічным жыцці з'явіліся яшчэ ў другой палове XVIII ст. Размова, перш за ўсё, ідзе пра ажыццёўленне П. Бжастоўскім комплексу рэформ па паляпшэнні становішча сялян у сваім маёнтку Мерач, што рэгулявалася статутамі 1769 і 1791 гг., прынятымі па пагадненні з сялянамі [5]. Аднак зараджэнне партнёрскіх адносін у сацыяльна-працоўнай сферы адносіцца да канца XIX – пачатку XX ст. і было абумоўлена новымі рэаліямі, якія праявіліся ў развіцці капіталізму ў парэформеннай Беларусі [3, с. 119]. Органы дзяржаўнай улады Расійскай імперыі сталі больш энергічна ўмешвацца ў рэгуляванне працоўных адносін. У 1882 г. была заснавана фабрычная інспекцыя для нагляду за выкананнем фабрычнага заканадаўства і захаваннем парадку на прадпрыемствах. Дзейнасць фабрычнай інспекцыі ў г. Мінску знайшла адлюстраванне ў артыкуле Г. В. Аляксашынай [6].

Сацыяльна-працоўныя адносіны і рабочае пытанне ў дарэвалюцыйны перыяд атрымалі асвятленне ў працах вядомых беларускіх гісторыкаў М. М. Забаўскага, В. М. Фаміна [7–8]. Аўтары калектыўнай працы па гісторыі Беларусі адзначаюць: «У прамысловасці і на транспарце Беларусі існавалі розныя ступені эксплуатацыі, умоў працы і жыцця рабочых: ад самых жорсткіх да даволі ліберальных, што не саступалі лепшым заходнееўрапейскім узорам сацыяльнай палітыкі і сацыяльнага партнёрства таго часу» [9, с. 211–212].

Парасткі сацыяльнага партнёрства фарміраваліся па двух кірунках: як узаемадзеянне гаспадароў і рабочых у працэсе вытворчасці

і як уздел прадпрымальнікаў у вырашэнні праблем умоў працы і побыту. У 1903 г. быў прыняты закон, па якім рабочыя атрымалі права на выбранне фабрычных стараст як прадстаўнікоў уласных інтарэсаў перад адміністрацыяй. Найбольш яскравым прыкладам актыўнай палітыкі ў сацыяльна-працоўнай сферы з'явілася ўвядзенне ў 1894 г. на Добрушскай бумажнай фабрыцы па ініцыятыве яе дырэктара-распарадчыка А. І. Стульгінскага 8-гадзіннага працоўнага дня «з узаемнаю карысцю як для працадаўцы, так і для рабочага». Добрушскі вопыт актыўнай сацыяльна-працоўнай палітыкі атрымаў асвятленне ў публікацыях гісторыка А. Л. Кіштымава [10].

Працэс фарміравання адносін партнёрства набыў новыя арганізацыйныя пачаткі ў сувязі з узнікненнем прафсаюзаў. Як паказана ў публікацыях А. К. Дубовіка, у Беларусі яны пачалі стварацца раней, чым у цэнтральных губернях Расійскай імперыі – у сярэдзіне 90-х гг. XIX ст. [11]. Рост рабочага і прафсаюзнага руху ў перыяд першай расійскай рэвалюцыі выклікаў выданне царскім урадам 4 сакавіка 1906 г. «Часовых правілаў аб прафесійных грамадствах», якімі дазвалялася засноўваць на прамысловых і гандлёвых прадпрыемствах саюзы наёмных рабочых і служачых для абароны эканамічных інтарэсаў, паляпшэння ўмоў працы і побыту, павышэння культурнага ўзроўню сваіх членаў, а таксама саюзы ўладальнікаў прадпрыемстваў для абароны эканамічных інтарэсаў наймальнікаў. Тым самым была створана арганізацыйная аснова для трохбаковых адносін у сацыяльна-працоўнай сферы: наймальнікі – наёмныя работнікі – дзяржава.

Аднак трэба пагадзіцца з меркаваннем гісторыкаў, што адносіны сацыяльнага партнёрства ў дарэвалюцыйнай Беларусі не атрымалі распаўсюджвання. У гэты перыяд пераважаў канфліктны тып сацыяльна-працоўных адносін.

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. у краіне пачала ўсталёўвацца практыка калектыўна-дагаворных адносін у сацыяльна-працоўнай сферы. З'явіліся прыміральныя камеры як асабліва форма ўзаемаадносін наймальнікаў, прафсаюзаў і дзяржавы. У іх склад уваходзіла роўная колькасць прадстаўнікоў ад рабочых і ўладальнікаў прадпрыемстваў. Галоўнымі задачамі гэтых органаў былі разбор працоўных канфліктаў, выпрацоўка ўзгодненых рашэнняў паміж прадпрымальнікамі і прафсаюзамі пры кантролі з боку дзяржавы. Дастаткова эфектыўна дзейнічалі прыміральныя камеры ў 1917 г. у г. Віцебску [12, с. 40].

У паслякастрычніцкі перыяд зацвердзілася практыка калектыўна-дагаворных адносін у сацыяльна-працоўнай сферы. У Беларусі першы

калектыўны дагавор быў заключаны ў пачатку 1922 г. паміж прафсаюзам хімікаў і групавым упраўленнем шкляной прамысловасці. Гістарычны вопыт калектыўна-дагаворнага рэгулявання працоўных адносін знайшоў адлюстраванне ў публікацыі А. К. Дубовіка і Э. Г. Вайніловіч [13], гісторыка-прававы аспект – у артыкуле Б. Б. Сінькова [14]. У іх адзначаецца, што калектыўныя дагаворы ўтрымлівалі ў сабе элементы сацыяльнага партнёрства. Аднак на рубяжы 1920–30-х гг. у сацыяльна-працоўнай сферы канчаткова зацвердзіліся камандна-адміністрацыйныя метады кіравання, адбылося згортванне калектыўна-дагаворнай практыкі. З 1934 па 1946 гг. калектыўныя дагаворы наогул не заключаліся. У савецкі перыяд пераважаў дзяржаўны патэрналізм у працоўных адносінах. Яны фарміраваліся дзяржавай, якая не толькі ўстанаўлівала правілы гульні, але і, па сутнасці, з'яўлялася адзіным працадаўцам.

У перыяд хрушчоўскай «адлігі» ў сувязі са спробамі дэмакратызацыі грамадскага жыцця намеціўся пэўны зрух у сацыяльна-працоўных адносінах у бок павышэння ролі калектыўных дагавораў, а таксама створаных у 1958 г. пастаянна дзеючых вытворчых нарад у вырашэнні праблем сацыяльнага развіцця працоўных калектываў. Са з'яўленнем у 1964 г. прафарганізацый у калгасах паміж прафкамамі і праўленнімі пачалі заключацца штогадовыя пагадненні па сацыяльных пытаннях і ахове працы накіраваныя на кіраванне прадпрыемствамі, устаноўамі і арганізацыямі». У адпаведнасці з ім фарміруецца новы інстытут сацыяльнага партнёрства – саветы працоўных калектываў [15, с. 104].

Новы этап у сацыяльна-працоўных адносінах наступіў у пачатку 90-х гг. з абвясчэннем незалежнасці Рэспублікі Беларусь і пераходам да сацыяльна арыентаванай рыначнай эканомікі. У гэтых умовах пачала складвацца сістэма ўзаемаадносін прафсаюзаў з органамі дзяржаўнага кіравання і са зноў утворанымі аб'яднаннямі прадпрымальнікаў, заснаваная на прынцыпах сацыяльнага партнёрства. Практыка сацыяльнага партнёрства атрымала адлюстраванне ў абагульняючых працах па гісторыі прафсаюзаў Беларусі, якія выйшлі на рускай мове пад рэдакцыяй старшыні ФПБ Л. П. Козіка: «Гісторыя прафсаюзнага руху Беларусі» (2005);

«Прафесіянальныя саюзы Беларусі: гісторыя і сучаснасць» (2007). НДІ працы пры Міністэрстве працы ў 2000 г. выдадзены практычны дапаможнік «Сацыяльнае партнёрства ў Беларусі: практыка, праблемы, перспектывы» (аўтары Э. І. Скарабагаты і інш.). Сацыяльнае партнёрства разглядаецца ў шэрагу артыкулаў. Апублікаваны таксама вучэбна-метадычны дапаможнікі па дысцыпліне «Сацыяльнае партнёрства» для студэнтаў эканамічных спецыяльнасцей аўтараў Э. А. Лутохінай, Ф. П. Вітко, А. А. Кіені, У. М. Якаўчука. Аднак гісторыя фарміравання сацыяльнага партнёрства ў Беларусі ў іх не знайшла належнага адлюстравання.

Заклучэнне. Такім чынам, гісторыя станаўлення сацыяльнага партнёрства ў Беларусі ўжо атрымала пэўную распрацоўку ў навуковай літаратуры. Але пакуль гістарычны падыход да вывучэння гэтага сацыяльнага феномена з'яўляецца адным з найменш даследаваных; у беларускай гістарычнай навуцы адсутнічае манаграфічная праца па дадзенай тэме. На наш погляд, наспела неабходнасць падрыхтоўкі комплекснай міждысцыплінарнай навуковай працы, прысвечанай гісторыі, сучаснаму стану і праблемам удасканалвання сацыяльнага партнёрства ў Беларусі.

Літаратура

1. Дубовик, А. К. Теоретическая разработка проблем социального партнерства в Республике Беларусь / А. К. Дубовик, Е. А. Дубовик // Наука – образованию, производству, экономике: материалы IV междунар. науч. конф. – Минск, 2006. – Т. 2. – С. 65–67.
2. Давидюк, П. Г. Из истории становления социального партнерства / П. Г. Давидюк // Организация и управление. – 2002. – № 1–2. – С. 224–233.
3. Дубовик, А. К. Исторический опыт становления социального партнерства в Беларуси / А. К. Дубовик // Рацы гістарычнага факультэта БДУ. Навуковы зборнік. – Вып. 2. – Минск, 2007. – С. 119–122.
4. Дубовік, А. А. Гістарычныя перадумовы станаўлення сацыяльнага партнёрства як інстытута грамадзянскай супольнасці ў Беларусі / А. А. Дубовік // Праблемы і перспектывы становлення грамадзянскага грамадства: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Могилев, 2010. – Ч. 2. – С. 46–50.

5. Пазднякоў, В. Паўлаўская Рэспубліка / В. Пазднякоў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1999. – Т. 5. – С. 438–439.

6. Аляксашына, Г. Дзейнасць фабрычнай інспекцыі Мінска (1890–1913 гг.) / Г. Аляксашына // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 9. – С. 11–16.

7. Забаўскі, М. М. Грамадска-палітычная барацьба ў Беларусі ў ходзе выбараў і дзейнасці Расійскай Дзяржаўнай Думы I–IV скліканняў (1906–1917 гг.): аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук / М. М. Забаўскі; БДПУ. – Мінск, 2000. – 40 с.

8. Фамін, В. М. Сацыяльныя мерапрыемствы дзяржаўных органаў па вырашэнні рабочых пытанняў у Беларусі (канец XIX – пачатак XX ст.) / В. М. Фамін // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці: матэрыялы рэсп. навук.-тэарэт. канф.: у 2 ч. – Мінск, 2009. – Ч. 1. – С. 117–123.

9. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – Т. 4. – 519 с.

10. Киштымков, А. Л. Добрушская бумажная фабрика: опыт социальной политики директора-распорядителя А. И. Стульгинского (80-е гг. XIX в. – 1915 г.) / А. Л. Киштымков // Предпринимательство в Белоруссии. – 2000. – № 7. – С. 29–31.

11. Дубовик, А. К. Из истории возникновения профсоюзов Беларуси (конец XIX – начало XX в.) / А. К. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2003. – № 2. – С. 4–11.

12. История профсоюзного движения Беларуси / под ред. Л. П. Козика. – Минск: ФУАинформ, 2005. – 416 с.

13. Дубовик, А. К. Коллективно-договорное регулирование социально-трудовых отношений в Беларуси: история и современность / А. К. Дубовик, Э. Г. Вайнилович // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы міжнар. навук. канф. – Гродна, 2003. – Ч. 4. – С. 198–204.

14. Сінькоў, Б. Б. Калектыўна-дагаворнае рэгуляванне працоўных адносін у Беларусі / Б. Б. Сінькоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 5. – С. 6–11.

15. Дубовик, А. К. Социально-трудовые отношения как объект историко-социологического исследования / А. К. Дубовик // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия V. – 2006. – Вып. XIV. – С. 102–105.

Паступіла 15.03.2012

УДК 159.942.53.316.62

П. И. Александрович, кандидат психологических наук, доцент (БГТУ)**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА**

В статье отображена проблема формирования педагогической культуры преподавателя вуза. Развитие высшей школы невозможно без осознания огромной роли культуры и образования, личностно-творческой самореализации преподавателя и студента. Под педагогической культурой преподавателя в современной педагогике высшей школы понимают определенную степень овладения им педагогическим опытом человечества, степень совершенства в педагогической деятельности, уровень развития его личности.

Выделяются слагаемые педагогической культуры преподавателя: педагогическая направленность личности, психолого-педагогическая эрудиция и интеллигентность, нравственная чистота, гармония рационального и эмоционального, педагогическое мастерство.

The article presents the problem of pedagogical culture of the university teachers. The development of higher school is impossible without understanding of great role of culture and education, personality-creative self-realization. Nowadays pedagogical culture means a certain degree of mastering of world's pedagogical experience by a teacher, application of this experience and a level of the development of his personality.

The author singles out the following characteristics of teacher's pedagogical orientation of the person, psychological-pedagogical erudition, intelligence, moral purity, harmony of the rational and emotional pedagogical skills, ability of combining teaching and research work, strictness, the need for self-perfection. In the article special attention is paid to the pedagogical values in the structure of pedagogical culture. The author four groups of these values and describes them.

Введение. Развитие высшей школы невозможно без осознания огромной роли культуры и образования, личностно-творческой самореализации преподавателя и студента. Характерные для современного общества изменения во всех сферах жизни и деятельности человека, активное освоение культурных ценностей объективно требуют превращения высшей школы в институт воспроизводства и создания педагогической культуры. Но какие бы перемены ни происходили в высшей школе, все они обязательно касаются преподавателя вуза, педагога и ученого как носителя научного знания, культурно-педагогического опыта общества. В общей и профессионально-педагогической культуре проявляется социокультурный, интеллектуальный, нравственный потенциал преподавателя. Этот потенциал составляет национальное богатство и должен быть своевременно востребован и рационально использован.

Основная часть. Профессия как социально-культурное явление обладает сложной структурой, включающей предмет, средства и результат профессиональной деятельности, цели, ценности, нормы, методы и методики, образцы и идеалы. В процессе исторического развития общества изменяются и профессии. Так, для того чтобы стать действительно культурной, педагогика должна обогатиться за счет освоения новых знаний из области философии, психологии, антропологии, искусства, религии и др [1, с. 52].

Высокий уровень профессиональной культуры специалиста характеризуется развитой

способностью к решению профессиональных задач, т. е. развитым профессиональным мышлением и сознанием. Но любому профессиональному мышлению угрожает опасность догматизма, нарушающего целостность и всесторонность личности. В этом случае профессиональная культура становится средством, сдерживающим узкий профессионализм.

Выявление основ общей и профессиональной культуры как научных категорий позволяет приблизиться к пониманию феномена педагогической культуры.

Понятие «педагогическая культура» в специальной педагогической литературе впервые упоминается в работах известного педагога В. А. Сухомлинского. Он отмечает в числе наиболее значимых черт учителя привязанность к детям и считает, что основой высокой педагогической культуры является воспитание чувств учителя. Сухомлинский подчеркивает также важность другого элемента педагогической культуры – эмоциональной культуры учителя, проявляющейся при его общении с учеником. В другом случае он противопоставляет педагогическую культуру родителей, овладевающих необходимыми педагогическими знаниями. Предпосылки формирования педагогической культуры коллектива учителей, его руководителей В. А. Сухомлинский видит в создании условий для уютной, «семейной» атмосферы в школьном и классных коллективах. Таким образом, В. А. Сухомлинский рассматривает педагогическую культуру как личностную характеристику учителей (их качеств, способностей, мотивов),

а также родителей и руководителей органов образования.

Частично проблема педагогической культуры нашла отражение в анализе особенностей педагогической деятельности, изучении педагогических способностей, педагогического мастерства учителя, преподавателя вуза в работах А. А. Деркача, З. Ф. Есаревой, Н. В. Кузьминой, В. А. Сластины, Н. Н. Тарасевич, Г. И. Хозяинова и др.

Особый вклад в исследование данной проблемы на вузовском уровне вносят работы А. В. Барабанщикова, С. С. Муцынова и др., в которых изучалась педагогическая культура преподавателя высшей военной школы, военных педагогов. Под педагогической культурой преподавателя А. В. Барабанщиков понимает определенную степень овладения им педагогическим опытом человечества, степень его совершенства в педагогической деятельности, уровень развития его личности. Описывая слагаемые педагогической культуры преподавателя, исследователь выделяет тем самым и составляющие педагогической культуры в целом: педагогическую направленность личности, психолого-педагогическую эрудицию и интеллигентность, нравственную чистоту, гармонию рационального и эмоционального, педагогическое мастерство, умение сочетать педагогическую и научную деятельность, систему профессионально-педагогических качеств, педагогическое общение и поведение, требовательность, потребность в самосовершенствовании. Вместе с тем данная система педагогической культуры преподавателя не может быть признана универсальной, так как в ее состав входят разнопорядковые слагаемые (педагогическое мастерство и умение сочетать научную и педагогическую деятельность, педагогическая направленность личности и потребность в самосовершенствовании и др.), а связь их не показана, зафиксированы только профессионально-личностные характеристики, педагогической же деятельности не уделено достаточного внимания; расширенная трактовка педагогического мастерства приводит фактически к его отождествлению с педагогической культурой.

Содержание профессионально-педагогической культуры раскрывается как система индивидуально-профессиональных качеств, ведущих компонентов и функций. Педагогическая культура представлена как интегративное качество личности педагога-профессионала, условие и предпосылка эффективной педагогической деятельности, обобщенный показатель профессиональной компетентности преподавателя и цель профессионального самосовершенствования.

Модель профессионально-педагогической культуры представляет собой, как правило, совокупность следующих компонентов: аксиологического, технологического и личностно-творческого [2, с. 41].

Аксиологический компонент профессионально-педагогической культуры – это совокупность педагогических ценностей. В процессе своей деятельности преподаватели овладевают соответствующими идеями и концепциями, приобретают знания и умения. Имеющие в настоящий момент большую значимость для общества и отдельной педагогической системы знания, идеи, концепции и выступают в качестве педагогических ценностей. Педагог становится мастером своего дела, профессионалом по мере того, как осваивает и развивает педагогическую деятельность.

Технологический компонент профессионально-педагогической культуры включает в себя способы и приемы педагогической деятельности преподавателя. Ценности педагогической культуры осваиваются и создаются личностью в процессе деятельности, что подтверждает факт неразрывной связи культуры и деятельности.

Гуманистическая направленность технологической характеристики педагогической культуры подразумевает механизм удовлетворения многообразных духовных потребностей личности (в общении, в получении новой информации, в передаче накопленного индивидуального опыта).

Педагогическая деятельность по своей природе технологична. В связи с этим требуется операциональный анализ педагогической деятельности, позволяющий рассматривать технологию профессионально-педагогической культуры преподавателя как процесс решения многообразных педагогических задач (аналитико-рефлексивных, конструктивно-прогностических, организационно-деятельностных, оценочно-информационных, коррекционно-регулирующих) [3, с. 52].

Профессионально-педагогическая культура преподавателя высшей школы как социально-педагогическое явление рассматривается нами в качестве меры и способа творческой самореализации личности в разнообразных видах педагогической деятельности и общения, направленных на освоение и создание педагогических ценностей, технологий и способностей личности. Такое понимание профессионально-педагогической культуры позволяет вписать ее в два категориальных ряда: 1) профессиональная культура, педагогическая культура (в качестве видового понятия), 2) культура педагогической деятельности, культура педагогического общения,

культура личности преподавателя (в качестве родового понятия).

При изучении сущности профессионально-педагогической культуры были выявлены и проанализированы основные группы противоречий:

– социально-педагогических – между социально-культурными процессами, условиями окружающей социальной реальности и функционированием профессионально-педагогической культуры;

– общепедагогических – между многообразием ценностей педагогической культуры и степенью их освоения, включенности в деятельность преподавателя;

– личностно-творческих – между общественной формой существования профессионально-педагогической культуры и индивидуально-творческой формой ее присвоения и развития, преодоления педагогичности, стереотипности в оценках и действиях студентов и собственной деятельности [4, с. 38].

Анализ современного состояния проблемы позволил установить, что к настоящему времени создан определенный научно-методический фонд, педагогический опыт, на основании которого можно провести специальное исследование структуры и содержания профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы и построить модель ее функционирования. Результаты теоретико-экспериментального исследования показывают, что система профессионально-педагогической культуры преподавателя вуза образована совокупностью структурных и функциональных компонентов, раскрывающих ее в статике и динамике. К структурным компонентам относятся педагогические ценности, педагогические технологии и личностно-творческий компонент.

Динамика профессионально-педагогической культуры раскрывается в функциональных компонентах, с которыми соотносятся гносеологический, гуманистический, коммуникативный, обучающий, воспитывающий, нормативный и информационный компоненты, отражающие многообразие видов профессионально-педагогической деятельности преподавателя вуза.

Взаимодействием структурных и функциональных компонентов профессионально-педагогической культуры преподавателя вуза в реальной практике объясняется ряд ведущих тенденций ее формирования: тенденция зависимости формирования профессионально-педагогической культуры от степени развития профессиональной свободы личности, ее творческой самореализации; тенденция апроприации – активной обращенности к отечественному и зарубежному научно-педагогическому опыту;

тенденция гуманистической направленности формирования профессионально-педагогической культуры. Выявленные тенденции позволили сформулировать принципы и условия формирования профессионально-педагогической культуры.

В профессиональной педагогической культуре можно выделить ряд групп педагогических ценностей:

1 группа – ценности, раскрывающие значение и смысл целей профессионально-педагогической деятельности преподавателей высшей школы (ценности-цели);

2 группа – ценности, раскрывающие значение способов и средств осуществления профессионально-педагогической деятельности (ценности-средства);

3 группа – ценности, раскрывающие значение и смысл отношений как основного механизма функционирования целостной педагогической деятельности (ценности-отношения);

4 группа – ценности, раскрывающие значение и смысл психолого-педагогических знаний в процессе осуществления педагогической деятельности (ценности-знания);

5 группа – ценности, раскрывающие значение и смысл качеств личности преподавателя (ценности-качества).

Заключение. Таким образом, профессионально-педагогическая культура преподавателя вуза – это мера и способ творческой самореализации его личности в разнообразных видах педагогической деятельности, направленной на освоение, передачу и создание педагогических ценностей и технологий. Профессионально-педагогическая культура преподавателя вуза предстает в качестве обобщенной характеристики разнообразных видов его деятельности, предполагающей развитие способностей, интересов, ценностных ориентаций, способностей личности.

Литература

1. Гессен, С. И. Основы педагогики: Введение в практическую философию / С. И. Гессен. – М.: Просвещение, 1995. – 132 с.
2. Есарева, З. Ф. Особенности деятельности преподавателя высшей школы / З. Ф. Есарева. – М.: Просвещение, 1974. – 161 с.
3. Исаев, И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя высшей школы: Воспитательный аспект / И. Ф. Исаев. – М.: Наука, 1992. – 180 с.
4. Педагогика и психология высшей школы / под ред. С. И. Самыгина. – Ростов-н/Д: Феникс, 1998. – 223 с.

Поступила 15.03.2012

УДК 159.9:614.8

В. Н. Сергеев, кандидат исторических наук, ассистент (БГТУ)**ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ ОБУЧЕНИЯ
НА ПОКАЗАТЕЛИ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ СТУДЕНТОВ**

Статья посвящена изучению личностной тревожности. Этот феномен приобретает важное значение в жизни молодого человека. С подросткового возраста тревожность все более опосредуется самооценкой, приобретая черты собственно личностного образования. Тревожность, возникнув первоначально на базе одной потребности (потребности в межличностной надежности), затем как бы «укореняется» в личности и начинает обслуживать одну из ее центральных потребностей – потребность в удовлетворяющей, привычной самооценке, которая приобретает ненасыщаемый характер. Способы снижения тревожности являются важной частью работы университета.

The article is devoted to the study of personal anxiety. This phenomenon becomes important in the life of a young man. From a young age anxiety is increasingly mediated by self-esteem, acquiring the features of the actual personal education. Anxiety, which arose initially on the basis of a need (the need for interpersonal reliability), then as a «root» in the person and begins to serve one of its central demands – the need for satisfying, familiar self, which becomes unsaturated in nature. Ways to reduce anxiety is an important part of the university.

Введение. Психика каждого человека по-разному реагирует на погружение в новые сферы деятельности, в частности, на адаптацию к учебной деятельности. Разумеется, последняя, как и любое социальное взаимодействие, сопровождается и тревогой, и агрессией. Однако следует помнить, что взаимодействие в рамках социальных институтов (в частности, университета) не является спонтанным или в полной мере свободным. Особенности организации учебного процесса налагают серьезные поведенческие ограничения (особенно в том случае, если дисциплина находится в числе приоритетов для руководства учебного заведения). Сталкиваясь с лимитацией своего поведения и серьезными требованиями, соблюдение которых позволяет продолжать образование, молодые люди испытывают определенный психологический дискомфорт, сопровождаемый, в том числе, ростом тревожности и всплеском агрессивности. С учетом того, что существующая система правил (требования и дисциплина) способствуют росту тревожности, изучение данного феномена остается актуальным.

Основная часть. В «Психологическом словаре» под тревожностью понимается «индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения» [1, с. 285].

Этот подход базируется на концепции Ч. Д. Спилбергера, согласно которой следует различать тревогу как состояние и тревожность как свойство личности. С точки зрения автора, существует возможность измерения различий между двумя упомянутыми видами психических проявлений, которые обозначаются A-state

(тревога-состояние) и A-trait (тревога-черта), т. е. между временными, преходящими особенностями и относительно постоянным предположением [2, с. 13].

Понимание тревоги в теории Ч. Д. Спилбергера определяется следующими положениями [2, с. 15]:

1) ситуации, представляющие для человека определенную угрозу, или лично значимые, переживаются как неприятное эмоциональное состояние различной интенсивности;

2) интенсивность переживания тревоги пропорциональна степени угрозы или значимости причины переживаний. От этих факторов зависит длительность переживания состояния тревоги;

3) высокотревожные индивиды воспринимают ситуации или обстоятельства, которые потенциально содержат возможность неудачи или угрозы, более интенсивно;

4) ситуация тревоги сопровождается изменениями в поведении или же мобилизует защитные механизмы личности. Часто повторяющиеся стрессовые ситуации приводят к выработке типичных механизмов защиты.

Деление тревожности на ситуативную (СТ) и личностную (ЛТ) прочно вошло в психологический обиход и стало весьма удобным не только в теории, но и в диагностической и экспериментальной практике.

Относительно соотношения двух названных форм тревожности генетически первичной следует считать СТ, вторичной – ЛТ. Жизненный опыт человека, фиксирующий частоту и интенсивность испытываемых состояний тревоги, непосредственно влияет на формирование тревожности как черты личности; ЛТ же определяет особенности функционирования СТ при ее

актуализации и, значит, выступает базовой в подобном случае.

В качестве методики изучения тревожности выступил тест на исследование тревожности Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина.

Большинство из известных методов измерения тревожности позволяют оценить или только личностную, или само состояние тревожности, или более специфические реакции. Единственной методикой, позволяющей дифференцированно измерять тревожность и как личностное свойство, и как состояние является методика, предложенная Ч. Д. Спилбергером.

Шкала тревоги и тревожности Ч. Д. Спилбергера – группа личностных опросников, разработанная автором в 1966–1973 гг. Согласно концепции Ч. Д. Спилбергера, следует различать тревогу как состояние и тревожность как свойство личности.

Тревога – это реакция на грозящую опасность, реальную или воображаемую, эмоциональное состояние диффузного безобъектного страха, характеризующееся неопределенным ощущением угрозы, в отличие от страха, который представляет собой реакцию на вполне определенную опасность.

Тревожность – это индивидуальная психологическая особенность, состоящая в повышенной склонности испытывать беспокойство в различных жизненных ситуациях, в том числе и тех, объективные характеристики которых к этому не предрасполагают.

Опросник допускает групповое и индивидуальное тестирование.

В 1976–78 гг. Ю. Л. Ханиным был адаптирован, модифицирован и стандартизирован русскоязычный вариант STAI, который известен как шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера – Ханина.

Шкала состоит из 2-х частей по 20 заданий в каждой. Первая шкала (STAI: x1) предназначена для определения того, как человек чувствует себя сейчас, в данный момент, т. е. для диагностики актуального состояния, а задания второй шкалы (STAI: x2) направлены на диагностирование у субъекта тревожности как свойства личности. Каждая их частей шкалы снабжена собственной инструкцией, заполнение бланка ответов несложное, продолжительность обследования составляет примерно 5–8 мин. Каждое высказывание, включенное в опросник, оценивается респондентами по 4-балльной шкале. Вербальная интерпретация позиций оценочной шкалы в первой и во второй частях различна. Для STAI: x1: «нет» – 1 балл, «скорее нет» – 2 балла, «скорее да» – 3 балла, «да» – 4 балла. Для STAI: x2: «почти никогда» – 1 балл, «иногда» – 2 балла, «часто» – 3 балла, «почти всегда» – 4 балла.

Общий итоговый показатель по каждой из подшкал может находиться в диапазоне от 20 до 80 баллов. При этом чем выше итоговый показатель, тем выше уровень тревожности (ситуативной или личностной).

При интерпретации показателей можно использовать следующие ориентировочные оценки тревожности: до 30 баллов – низкая; 31–44 балла – умеренная; 45 и более – высокая.

Этот опросник широко распространен в прикладных исследованиях, особенно в области клинической психодиагностики, и высоко оценивается за достоверные диагностические данные.

Исходя из целей, в ходе исследования использовались данные диагностики личностной тревожности. Данные диагностики ситуативной тревожности служили индикатором восприятия испытуемыми самого факта диагностики и уровня доверия к исследователю.

В выборку вошли всего 100 человек. Это студенты первого курса УО «Белорусский государственный технологический университет» трех факультетов (лесохозяйственного, химической технологии и техники и инженерно-экономического). Возраст испытуемых 18–19 лет. Из них 50 юношей и 50 девушек.

Анализируя результаты, полученные в ходе диагностики личностной тревожности у юношей, можно отметить, что для большинства – 82% (41 человек) характерен высокий уровень личностной тревожности, у 18% (9 человек) выявлена умеренная тревожность. С низким уровнем тревожности испытуемых не выявлено.

В ходе анализа результатов диагностики личностной тревожности у девушек можно сказать, что с низким уровнем личностной тревожности испытуемых не выявлено (0%). У большинства испытуемых (80% – 40 человек) обнаружен высокий уровень личностной тревожности и только у 20% (10 человек) – умеренная тревожность.

Сравнивая данные, можно сказать, что в целом по выборке процентное соотношение аналогично. Как видно из результатов исследования, у данной группы студентов уровень тревожности распределен неравномерно. Большинство опрошенных из исследуемой группы имеет высокий уровень тревожности. Это говорит об ориентации на значимость других в оценке своих результатов, а также поступков и мыслей, наиболее тревожных по поводу оценок, даваемых окружающими, ожидание негативных оценок, наличие низкой самооценки.

Молодые люди переживают тревогу в ситуациях, связанных со взаимодействием с преподавательским составом и сотрудниками университета, так как для учебного заведения,

студентами которого являются опрошенные, характерен авторитарный («вертикальный») стиль взаимоотношений и высокая требовательность к студентам, в совокупности формирующие негативные ожидания у участников учебного процесса.

Учащиеся склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма напряженным состоянием тревожности.

Низкая психологическая сопротивляемость стрессу – особенность психофизиологической организации, снижающая приспособляемость человека к ситуациям стрессогенного характера, повышающая вероятность неадекватного, деструктивного реагирования на тревожный фактор среды.

При этом развитая система санкций не способствует, на наш взгляд, формированию деструктивного реагирования в адрес непосредственно фрустратора. Особое значение приобретают непрямые формы деструктивного реагирования. Что касается испытуемых с умеренным уровнем тревожности, то объяснить наличие таковой можно тем, что определенный уровень тревожности – естественная и обязательная особенность активной деятельности людей. У каждого человека существует свой оптимальный или желательный уровень тревожности – это так называемая полезная тревожность. Оценка человеком своего состояния в этом отношении является существенным компонентом самоконтроля и самовоспитания. Наличие умеренного уровня тревожности на фоне результатов большинства участников выборки может свидетельствовать о повышенной сопротивляемости таких испытуемых стрессовым факторам.

Заключение. Молодые люди, имеющие высокий уровень тревожности, склонны преуве-

личивать трудности и опасения, с которыми они встречаются, предрасположены к перепадам давления крови и нарушениям сердечного ритма. Личностная тревожность обычно соотносится с такими чертами характера, как агрессивность, раздражительность, застенчивость.

Рекомендации по работе с обучающимися, имеющими высокий уровень тревожности:

1) общение в доверительном, спокойном и доброжелательном тоне, без повышения голоса;

2) единство требований к студенту со стороны преподавателей и администрации, избегание двусмысленности и недомолвок в изложении требований;

3) создание условий для повышения самооценки – не стоит заострять внимание на промахах, неудачах, лучше акцентировать внимание на успехах;

4) формирование оптимистических установок, развитие умения выделять главное и не беспокоиться по мелочам, снижение чувства повышенной моральной ответственности и вины;

5) исключение угроз наказания, накопления компрометирующих сведений, исключение неблагоприятных прогнозов, публичных обвинений в чем-либо;

6) в случае проступков произведение наказания сразу, без отсрочки выполнения.

Литература

1. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – М.: Астрель: Транзиткнига, 2006. – 479 с.

2. Спилбергер, Ч. Д. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги / Ч. Д. Спилбергер // Стресс и тревога в спорте. – М.: Физкультура и спорт, 1983. – С. 12–24.

Поступила 15.03.2012

ФИЛОСОФИЯ

УДК 378.014.15.005.6

П. А. Водопьянов, доктор философских наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор (БГТУ)

ПРИОРИТЕТЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ НЕОИНДУСТРИАЛИЗМА

В статье дан критический анализ постиндустриальной стадии развития современного общества, показана необходимость ее трансформации, обоснована перспективность становления неоиндустриализма. Особое внимание уделено необходимости формирования новой системы образования как одного из важнейших факторов обоснования стратегии выживания человечества.

In the article a critical analysis of postindustrial stage of development of the modern society is made. The necessity of its transformation is demonstrated, promising character of neo-industrialism is proved. Special attention is paid to the need of forming a new educational system as one of the most important factors of substantiation of humanity's survival strategy.

Несмотря на имеющиеся различия, в понимании постиндустриализма существует ряд общих признаков, характерных данной стадии общественного развития: переход от производства товаров к производству услуг и расширению их сферы, доминирование профессионального и технического персонала, главной движущей силой экономики становятся научные разработки и достижения. Наиболее значимую ценность представляет уровень образования, профессионализм, обучаемость и творческие способности работника, повышение роли научного знания и изменение системы образования и т. п. Сторонники концепций постиндустриального общества уделяли особое внимание широкому применению информационных технологий, распространению гибких форм мелкосерийного производства, приходящего на смену унифицированному массовому производству и потреблению. Благодаря всеобщему доступу к основному ресурсу постиндустриального общества – знаниям, по мнению ряда исследователей, произойдут существенные изменения в его социальной структуре, исчезнут границы классового деления общества, на смену собственности как критерию социальной стратификации общества придет уровень образования и накопления знаний. В отличие от индустриального общества, постиндустриализму будет присуще только одно противоречие между знанием и эффективностью – с одной стороны, некомпетентностью и неэффективностью – с другой. При этом основное внимание на стадии постиндустриального общества уделяется повышению качества жизни, которое должно стать главным ориентиром социального прогресса. Достижение этой цели предполагает сохране-

ние здоровья и продолжительности жизни, повышение рождаемости и воспроизводства рода, удовлетворенность жизнью (крайняя степень неудовлетворенности – самоубийство) и, наконец, духовное состояние, выражающее сохранение общечеловеческих ценностей.

Теория постиндустриализма послужила оправданием переноса реального сектора экономики в развивающиеся страны. Это способствовало обогащению корпораций и возникновению финансового сектора экономики, что выдавалось под флагом развития сектора услуг. В итоге раздувание финансового сектора экономики в ущерб реальному явилось одной из основных причин глобального экономического кризиса. На основании сказанного можно утверждать, что концепция постиндустриализма не явилась практическим воплощением своих идей в реальный сектор экономики. «А глобализация на неолиберальных принципах, – как подчеркивает М. Калашников, – вылилась в создание глобальных монополий, гегемония которых привела к торможению развития, к росту дороговизны товаров/услуг при падении их качества, к “затиранию” важнейших (но опасных для капиталистических отношений) инноваций» [1].

Такого рода утверждения о перспективах развития постиндустриализма далеко не случайны. Даже Д. Белл – один из основоположников и теоретиков постиндустриального общества – в своей новой книге «Эпоха разобщенности» отметил, что проблематику, связанную с теорией постиндустриального общества, он считает «пройденным этапом» [2].

Подобного рода критическая оценка роли индустриального производства не лишена

оснований, и потому следует вести речь о переходе ведущих индустриальных стран не к постиндустриальному обществу, а к новой стадии индустриального развития – неоиндустриализации [3]. «Неоиндустриализация» означает совокупность автоматизированных или технотронных производительных сил, а сама индустриализация не есть одноразовый процесс, завершаемый становлением крупномашинного производства. В реальности практика представляла не одну, а две фазы индустриализации. Первая фаза индустриализации была связана с электрификацией производительных сил общества, а вторая привела к возникновению автоматизированных или технотронных производительных сил. «Действительно, всеобщая электрификация выступает основой всеобщей автоматизации или компьютеризации производительных сил. Автоматизировать паровые машины и средства производства, т. е. интегрировать их с цифровыми технологиями, было невозможно. Действует принцип последовательности, или эволюции средств производства: компьютеризируется или автоматизируется только то, что электрифицировано. Вначале общество добивается электрификации, и лишь затем оно получает возможность автоматизации своих производительных сил» [3, с. 17].

В концепции «неоиндустриализма» на основе анализа выпуска средств производства и производства предметов потребления подчеркивается, что экономика развитых стран осуществляется за счет изготовления средств производства, а не услуг. Ссылаясь на официальные данные относительно межотраслевых балансов (таблиц «затраты – выпуск»), сторонники неоиндустриализма подчеркивают, что «удельный вес средств производства во всех без исключения странах “большой семерки” превышает 50%... В США доля средств производства в совокупном общественном продукте составила по итогам 2009 года более 55,8%, а в Германии – свыше 58%, в Японии – около 60%. Все остальное приходится, естественно, на второе подразделение, на производство предметов конечного потребления» [3, с. 12]. Сегодня, например, совокупное конечное потребление домохозяйств в США почти на 2/3 обеспечивается не услугами, а материальными товарами.

На основании этого можно заключить, что прогресс в развитии общества не может быть обеспечен совершенствованием сектора услуг, а предполагает экономический рост на основе внедрения новых технологий, резко увеличивающих производительность ресурсов. Более того, не вызывает сомнения и тот факт, что современная индустриальная цивилизация находится в полной зависимости от наличия природных ресурсов

вообще и в особенности от углеводородного сырья. Поэтому, чтобы управлять современным человечеством, необходим контроль над источниками этих ресурсов.

Особую роль в обосновании данного положения играет формирование новой системы образования, главной задачей которого является определение приоритетных направлений ближайшего будущего человечества и выявление основных путей его развития на стадии неоиндустриализма. Именно поэтому обеспечение качества и доступности образования, поиск наиболее перспективных форм и направлений его совершенствования выступает как одна из важнейших задач современной науки. Образование призвано осуществить кардинальный переворот в сфере научного мышления, изменить сложившуюся антропоцентристскую ориентацию во взаимоотношениях человека и природы на основе социальных и информационных технологий в условиях постиндустриального общества.

В настоящее время в системе образования возникли определенные трудности, связанные с несоответствием существующей образовательной системы современному состоянию общества, а также задачам его перспективного развития. Эти трудности явились результатом того, что в образовательной системе не учитывались экологические последствия проводимых научных достижений, что представляло опасность для нормальной жизнедеятельности людей. В первую очередь это касается ухудшения качества окружающей среды, деградации и разрушения природных экосистем, нарушения климатических условий, сокращения биологического разнообразия и целого ряда других негативных явлений. Перечисленные опасности обусловлены достижениями науки, ориентированной на повышение уровня жизни и удовлетворение потребностей людей во многих случаях за счет нарушения законов природы и ее преобразования.

Данное обстоятельство вызывает необходимость трансформации образования, ориентированного на получение не только научных знаний, но и знания, направленного на обеспечение нормальной жизнедеятельности людей, а также на выработку умений по совершенствованию знаний. В широком смысле слова, образование – это процесс, посредством которого общество через научные учреждения (школы, колледжи, университеты и другие институты) целенаправленно передает накопленное знание, ценности и навыки от одного поколения к другому.

Важнейшей задачей образования является воспитание высококвалифицированных специалистов, обладающих большим творческим

потенциалом и способных решать сложные проблемы, стоящие перед обществом. Это обусловлено тем, что в настоящее время в сфере производства происходит постоянное удорожание технологий, сырья, оборудования, энергоресурсов, ухудшается экологическая обстановка, что неизбежно приводит к обострению социальных проблем в жизни современного общества. В этой связи возникает настоятельная потребность в выдвижении новых идей, выработке новых знаний, создании новых способов ускоренного получения и постоянного обновления знаний, что невозможно без преодоления сложившихся стереотипов мышления.

Важную роль в этом плане играет деятельностный подход, ориентированный на развитие творческого потенциала обучаемых и выступающий действенной мотивацией к обучению. Достижение этой цели связано с преобразованием всей системы образования, формированием новых подходов в научно-методическом и информационном обеспечении учебного процесса, новых педагогических технологий, позволяющих получать значимые научные и практические результаты.

В этом плане основной задачей образования является не только усвоение огромного и постоянно увеличивающегося объема знаний, выбор нужной информации, но и получение, создание, производство нового знания, необходимость в котором оказалась востребованной.

Острота современной экологической ситуации, нарастание социальных потрясений и кризисных явлений в духовной, социальной и политической сферах жизни общества кардинально изменяют сложившиеся ценностные ориентации, познавательные модели и характер человеческой деятельности.

Преодоление этих негативных явлений приобретает в современных условиях особое значение, от чего зависит дальнейшая судьба человеческой цивилизации. Именно поэтому формирование нового отношения человека к природе через систему экологического образования и воспитания, главной задачей которого выступает не только усвоение традиционного

знания, но и приобретение знаний, которые будут открыты в ближайшее время, оценка достижений в области науки и техники в аспекте их негативных последствий для жизнедеятельности людей – необходимые условия определения перспектив дальнейшего развития общества и достижения его стабильного будущего.

Образование в современных условиях должно быть не только средством усвоения готовых общепризнанных знаний, но и способом передачи информации другим людям и обмена ею.

Реализация указанных целей определяет новые задачи образования, к числу которых относятся формирование нового мышления, открывающего возможность воспроизводить новое знание и информацию; способствовать созданию новой образовательной среды, позволяющей получать качественное образование на протяжении всей жизни человека.

Формирование новой системы образования связано с пересмотром устоявшихся представлений о месте и роли человека в природе, изменением его мировоззренческих ориентаций, которые зависят от характера господствующего в сознании отношения к природе. В условиях нарастающих кризисных явлений в жизни современного общества любая профессиональная деятельность должна быть наполнена новым содержанием, определяющим необходимость сохранения и поддержания пригодной для обитания окружающей среды.

Литература

1. Постиндустриализм: конец мифа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m-kalashnikov.livejournal.com/483300.html>.
2. Белл, Д. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века / Д. Белл, В. Иноземцев. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
3. Губанов, С. Неоиндустриализм плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 17.

Поступила 15.03.2012

УДК 37.01

В. П. Шалаев, доктор философских наук, профессор, декан
(Марийский государственный технический университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ, МЕДИА, КОММУНИКАЦИИ:
НА ПУТЯХ МЕТАМОРФОЗ К МАНИПУЛЯТИВНОМУ ОБЩЕСТВУ
(ОПЫТ ФИЛОСОФСКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)**

В работе исследуется сущность, место, роль, взаимосвязь социальных институтов, медиа, коммуникаций в истории и процессах современности. Анализируются гиперсложность современного общества и роль в ней коммуникаторов и медиа; метаморфозы социальных институтов, медиа, коммуникаций в условиях глобализирующегося общества массового производства и массового потребления. Исследуется устремленность медиа к смене своего социально-онтологического статуса в жизненном мире современного человека. В призме диалектического понимания процессов объективации и отчуждения, осуществляемых современными медиа, рассматривается угроза наступления манипулятивного общества и противостояния ему как сущностного процесса современной истории человека. Методологической основой исследования послужил философско-синергетический подход.

In work the essence, a place, a role, interrelation of social institutes, media, communications in history and present processes is investigated. Hypercomplexity of a modern society and role in it of communications and media is analyzed. Metamorphoses of social institutes, media, communications in the conditions of a globalized society of mass production and mass consumption are analyzed. Tendency of media to change of the socially-ontologic status in the vital world of the modern person is investigated. In a prism of dialectic understanding of transformation of the person in object and the tool of the external influences which are carried out by modern media, threat of approach of a society of general manipulations and opposition to it, as intrinsic process of modern history is considered. As a methodological basis of research has served philosophical sinergetical the approach.

Введение. Предметом настоящего исследования является анализ некоторых ключевых факторов социализации и культурной идентификации как отдельных индивидов, так и целых народов в ситуации современного общества. Среди этих факторов рассматриваются социальные институты, коммуникаторы и массмедиа. Анализируется их взаимосвязь, взаимодействие и взаимовлияние, место и роль в процессах современности. Соединение столь различных феноменов, как социальные институты, медиа, коммуникации, в рамках одной темы неслучайно. На самом деле, и это эмпирическое обобщение, они в значительной степени комплементарны и дополняют друг друга по принципу симбиоза и, пожалуй, диалектического единства. Это диалектическое единство представлено, например, жаждущим отологической самореализации объектом (медиа, коммуникации), стремящимся преодолеть свою инструментальность, подчиненность и обрести черты субъекта сознания и деятельности, стремления стать генеральным фактором социализации человека в обществе и, собственно, генеральным фактором развития самого общества в его глобальном измерении.

Превращенные формы сознания и деятельности – таков образ мира, к которому, по нашему мнению, человечество все больше подвигается в своей эволюции, в рамках техногенной

и информационной цивилизации современности, обретающей себя в понятии глобального общества производства и глобального общества потребления. Предметным аспектом исследования станет методология синергетического подхода, по нашему мнению, являющаяся одной из самых адекватных парадигм современной науки, способной улавливать, описывать и понимать процессы современного, все более турбулентного и хаотического мира, стремящегося обрести глобальный порядок на грани гиперсложного. Ведь именно синергетика непосредственным образом ориентирует нас на пристальное изучение феномена сложности, самоорганизации, диалектики хаоса и порядка, случайности и необходимости, открытости и закрытости, нестабильности, бифуркационности, аттракторов, обращение на них пристального внимания.

Синергетика, проявившая себя как общенаучная методология современности, концентрирует наше внимание на изучении секретов самоорганизации, сложности, хаоса и управления ими, всего того, с чем современный мир человека столкнулся в его повседневности в полный рост как с ближайшей созданной реальностью, ускользающей в своем существовании от своего создателя, во все более превращенных и негативных формах.

Как мы постараемся показать в нашем исследовании, этот подход весьма комплементарен

сформулированной цели – осуществить анализ процессов, происходящих с социальными институтами, коммуникациями и медиа в ситуации глобального общества массового производства и массового потребления в современном мире.

Основная часть. Рассмотрим в самом начале феномен медиа, про который мало сказать, что это революционер, изменяющий наш жизненный мир, но, может быть, – революционер, изменяющий наше отношение к миру и наше место в нем. Действительно, если взглянуть в горгоновы очи современных медиа, то нельзя не согласиться, например, с В. В. Савчуком, утверждающим, что медиа демонстрируют устремленность ко все большей самостоятельности и направлены на то, чтобы стать, ни много ни мало, онтологическим условием существования человека. Поистине, на наших глазах творится новая история медиа и коммуникаций. Из нейтрального посредника между человеком и миром медиа во все большей степени преодолевают свою инструментальность, становясь активным субъектом современного общества, проявляя себя как всепоглощающая, всеохватывающая среда реального опыта и сознания [1].

Поистине, из этого нельзя не сделать вывод, что медиа устремлены к смене своего социально-онтологического статуса в современном обществе. Не правда ли? Медиа, созидаящие медиареальность, стремятся стать субъектом, а создаваемая ими медиареальность – заместителем той первой реальности, которой мы привыкли считать вслед за материалистической философией природу и человека. Не чересчур ли все по-гегелевски? Отнюдь, и мы свидетели: много из того, что нас так беспокоит в повседневности – усиление роли, влияния, зависимости человека от создаваемой им, но такой нам дорогой своей полезностью искусственной реальности. Поистине, «Естественное и искусственное: борьба миров» в интерпретации В. А. Кутырева [1].

В этой связи осмыслим еще одну важную для нас взаимосвязь «медиа и социальные институты». Что мы понимаем под современными социальными институтами как факторами глобальных и глокальных социокультурных процессов современности? Какова их специфика? Для ответа на этот вопрос представляется уместным использование коммуникативного подхода, вполне сущностно и по-философски честно описывающего, что с нами происходит и почему роль коммуникаций онтологична. Социальные институты как связующая ткань социальной реальности (духовного и материально-го характера), способная не только устойчиво

воспроизводить, но и развивать себя, безусловно, может рассматриваться в качестве фундамента сохранения социальности. Эта ткань немислима без коммуникаций и коммуницирующих индивидов. Но что такое социальная коммуникация? Естественная или искусственная основа этого широко используемого сегодня в науке понятия?

Безусловно, что «коммуникация» – понятие социального формата, этимологически связанное с таким исторически выстраданным феноменом человеческой истории, как коммуна, коммунальность, т. е. общество совместное, общественное и т. д. Мы верим в это слово настолько, насколько оно отражает нашу реальность, т. е. так, как укоренено в реальную жизнь

Но что такое коммуникация? *Коммуникация* – это определенное единство, система субъектов и связей между ними. Коммуникация – это устойчивое единство, поддерживаемое активностью ее участников. Именно поэтому коммуникация – всегда определенная система, в которой есть свои субъекты и их отношения друг с другом. Значит, коммуникация – это единство социальных субъектов в их отношениях друг с другом. *Коммуницировать* – значит каждый раз восстанавливать и развивать отношения социальных субъектов друг с другом. Но в чем их можно зафиксировать? В каких субстратных формах они себя проявляют, делаясь актуально, реально существующими.

Да, это отношения социальных субъектов друг с другом «по поводу», через определенных посредников, актуализируемых, проявленных внешнему наблюдению в форме потребностей, интересов и целей этих субъектов, в их взаимных отношениях друг с другом. Мы говорим о социальных коммунаторах, значит мы говорим о социальных посредниках людей в обществе. Но, упоминая их, мы не можем не видеть, что это на самом деле и есть то, что мы привыкли называть обществом. Это все то, что люди создали усилиями своего разума и включили в свое бытие как неотъемлемую часть себя, которую назвали культурой или тем, что К. Маркс называл Второй Природой Человека. Это вся та совокупность моральных, эстетических, политических, экономических, религиозных, правовых и т. д. ценностей, идей, знаний, установок, а также многообразных технических и технологических артефактов, ценностей, которыми мы так активно пользуемся, фиксируя их как часть своей эмоциональной и интеллектуальной, физической и духовной жизни. В значительной степени все они являются важной составной частью современного медийного пространства. Система коммуникаций – это тем самым все то, что отличает род человеческий

от окружающего природного мира, делает его Тем, а не Другим, Этим, а не Тем, особенной формой человеческого бытия, в том числе в истории его развития, центральным звеном которой является формирование и развитие социальных институтов общества, воплощающих марксово понятие второй природы человека.

История системы социальных коммуникаций – это тем самым история человеческого рода и наоборот. В ней, в этой истории, миллионами лет шло формирование такого социального института, как система моральных категорий, ставших основой совместного жития людей в обществе. Это та общая нить, связывающая отдельных индивидов в единой целое и делающая их членами одной семьи, в которой всякая развивающаяся личность, несмотря на свою особенность и неповторимость, имеет общий для всех культурный пласт, поддерживаемый усилиями многих, в том числе усилиями третьей силы, например государства или церкви, вставших на страже этой общности. Но и государство, и другие социальные институты – это также социальные коммуникаторы-посредники в особой форме их проявленности.

Тем не менее главным отличительным свойством социальных коммуникаторов, характеризующим их сущность, была и остается их изначальная двойственность и противоречивость, как и всего того, что создается столь же двойственным и противоречивым человеком. Социальные коммуникаторы – это всего лишь продление человека в его стремлении удовлетворить свои потребности и реализоваться в как можно более широком пространстве-времени. Такова их онтологическая сущность. Но их отличительное свойство не только в созданности, производности от человека, но и в относительной независимости от него. Когда на определенном этапе развития человека эти функционально востребованные материальные и духовные вещи (в форме высокой потребности в них людей, через их интересы) постепенно приобретают над пользующимися ими людьми непреклонную власть. Это все то, что может быть достаточно четко схвачено определением «превращенной формы». Это все то, что, будучи порождено человеком, имеет над ним силу, выраженную зависимостью в поддержке своего существования. И чем сильнее эта зависимость, тем больше власть коммуникаторов над человеком, его личной и общественной жизнью.

Это обобщение адекватно и в вопросах медиа как одной из форм созданного человеком мира коммуникаторов. А именно: чем больше потребность человека в продуктах медиа, тем

больше его зависимость от этих продуктов и форм их доставки человеку. Но тем больше и власть медиа над человеком. Действительно, посредник, в том числе такой, как медиа, однажды приобретает над посредничающими силу и власть и начинает «руководить» ими. Всегда ли это плохо? Где здесь граница допустимого? Велика ли опасность этой силы и этого влияния? Не граничит ли такая опасность с тем, что М. Мамардашвили называл «антропологической катастрофой», а М. Хайдеггер и К. Ясперс – «тайной властью техники над человеком»?

Вопрос этот сегодня остается во многом открытым. История человека есть то, что она есть, такая, какая она была, такая, какой она состоялась, а не такая, какой мы ее желали бы видеть. Но нельзя не учитывать, что история человека – это, прежде всего, история не просто социальных институтов, но история лежащих в их основе социальных коммуникаторов, ставших базисом социальности в человеке. Человек и коммуникаторы – единая симбиотическая система. Такова философская постановка вопроса о сущности социальных институтов и лежащих в их основе социальных коммуникаций, выступающих в качестве сущности социального коммуникатора – человека. Постановка эта связана с глубинной философской проблемой – проблемой сущности самого человека. Какова же особенность современных социальных институтов в призме социальных коммуникаторов и социальных коммуникаций нашего времени?

Окинув взглядом историю, видим, что роль социальных институтов в становлении и развитии человеческого рода фундаментальна. И эта фундаментальность в той великой роли, что принадлежит лежащим в ее основе социальным коммуникаторам. Человек, по существу, есть Человек коммуницирующий, а история коммуникаторов, непрерывная борьба которых друг с другом за актуализацию и власть в обществе, есть борьба посредством интересов самих людей, боровшихся за власть друг над другом, над природой и усиленно привлекавших для успеха в ней все возрастающие силы коммуникатора-посредника. Сначала это была история борьбы за выживание человека перед мощью природной стихии, это в значительной степени была история объединяющих коммуникаторов – коммуникаторов, которые, сплочая усилия людей, делали их сильнее и независимее в «схватке» с природой.

В этой схватке люди изобрели иллюзорный мир ценностей и образов, объединив его в мифологических и религиозных формах. Этот мир примерял и упорядочивал отношения человека

и природы через многочисленные синкретичные, анимистические и гилозоистические идеи, снимал напряжение в их отношениях. Объясняя человеку его малость, эти идеи примиряли человека с природой в том смысле, что снимали соблазн борьбы с ней, учили терпению пребывания в ней. Но, обретя через мифологию и религию духовную опору в себе самом, человек пошел дальше. Ему захотелось большего, он пошел по пути роста своих потребностей, прежде всего материальных. Он удвоенными силами обратился к соблазну физической власти над природой, осознанно (а на ранних этапах сначала, быть может, и неосознанно) решая свои проблемы роста за ее счет. Здесь мы видим вторжение в мир социума совершенно другой формы коммуникаторов. Это коммуникаторы агрессии, натиска, потребления. В значительной степени они сегодня весьма активно осваиваются именно медиа. Их воплощение представлено широким рядом медийных продуктов общества потребления – от потребительской, весьма навязчивой рекламы до масскультурных «хлеба и зрелищ», развлекательных образов кинематографа.

Современная социально-философская наука все чаще пользуется понятием «общество потребления». Действительно, мы потребляли всегда и лишь за счет этого потребления видели возможность выживания и развития своей жизни. Такова «земная» правда нашей человеческой (местечковой по вселенским масштабам), земной жизни, лишней раз подтверждающая знаменитый ломоносовский закон сохранения вещества, а затем и закон сохранения энергии Эйнштейна в их социальном измерении. Тем выше уровень и весомее в наших глазах значение этих законов для познания и использования на практике. Их сермяжная правда в том, что, как писал М. Ломоносов: «если где-либо что-то прибывает, значит столько же где-то должно убыть». Закон этот – своеобразное эмпирическое обобщение, имеющее общенаучное значение, справедливое для класса различных наук в описании многих объектов исследования. Это, в значительной степени, и закон социального характера, в основных тенденциях достаточно адекватно описывающий процессы общественной истории и современности.

Итак, формы коммуникаторов изменились в соответствии с тем новым этапом развития человеческого рода, который мы сегодня во многом называем этапом гипертрофированного потребления природы человеком, или этапом потребления, ставшего органичной частью процессов глобального производства и глобального потребления, движимых капиталом. В ней, в этой сверхсложной системе гло-

бального общества, в настоящее время оказывается все менее возможным контролировать процесс социальных (в том числе экономических, техногенных) и социально-природных связей и отношений. Примером тому – состоявшийся мировой экономический кризис. В этой системе доминирующего влияния многообразных посредников на своего создателя в силу ее чрезвычайной сложности все большую роль начинают играть недетерминированные связи и процессы – те, что в современной социальной синергетической науке получили название стохастических связей и процессов. Отличительная особенность этих связей и процессов заключается в повышенной роли, которую в них играют явления случайности, малых флуктуаций, способных изменить генеральную линию развития сложной системы, отклонить ее от сложившихся устойчивых ритмов функционирования и первоначальных целей развития. Ведь сложность системы непосредственно основана на том многообразии субъектов деятельности и их бесконечных взаимосвязях, что являются тканью единства этой системы. Налицо чрезвычайный, гиперболический рост взаимозависимостей в системе.

При этом, кроме роста сложности коммуникаторов и умения пользоваться ими, контролировать их, а также роста влияний малых флуктуаций на процессы функционирования и развития общества, представленных широкой палитрой масскультурной игры и управляющих экспериментов современных медиа над человеком, нельзя не отметить и резкий рост возможностей и реальных манипуляций человеком в обществе посредством сложившейся системы коммуникаторов и все возрастающей потребности людей в них как универсальных посредниках с обществом.

Генеральным проводником, фактором этой манипулируемости и становятся медиа. Но в условиях глобализационных процессов это уже не разрозненные точки роста и распространения культуры, как в прошлом, сегодня это многообразная и мощная по своему содержательному потенциалу индустрия медиареальности, решающим образом влияющая на стандартизацию современного человека в масскультурных ценностях бытия. При этом несомненно, что манипулируемое общество вырастает на почве доминирующих человеческих страстей, связанных со стремлением к власти, удовольствиям и капиталу, помноженным на технический и технологический уровень развития человека. Эта манипулированность тем больше, чем большую силу в обществе набирают процессы масскультурности, разобщенности и индивидуализированности людей. Состояние противостояния

потребляющих индивидов, роста социальных дистанций между ними, рост сложности связей и отношений в обществе, рост сложности и взаимозависимости общества и природы, рост сложности самих коммуникаторов порождают то, что может быть описано понятием гиперсложности, т. е. внутренне противоречивого, напряженного, кризисного существования людей во все более кризисном и напряженном обществе. Все это не может породить, но всюду порождает в людях и их отношениях друг с другом рост ожиданий и активный поиск новых форм стабильности. Набирает силу борьба отдельных людей, социальных групп за гарантии своей жизни в ее новых кризисных условиях существования с учетом тех значительных сдвигов, что произошли в культуре и сознании людей за последние два-три столетия в сторону индивидуализации и уменьшения места в них коллективного начала. С учетом того, что доминанта общественной системы ценностей все больше склонилась к доминанте индивидуального, мы и фиксируем это новое состояние общества и его социальных институтов, близкое к тому, что получило в синергетической науке наименование бифуркационного.

Мы люди бифуркационного общества в том смысле, в каком мы люди нестабильного, раздираемого противоречиями, но жаждущего новой формы стабильности общества, а значит все менее предсказуемого в своих проявлениях. Мы также люди бифуркационного общества в том смысле, что мы больше люди общества поиска нового, чем сохранения прежнего. Еще раз подчеркнем, что ситуация усугубляется еще и тем, что общество, к которому мы принадлежим сегодня, может по праву называться обществом потребительским (ориентированным на все большее потребление), чрезвычайно индивидуализированным в этом потреблении как высшей его ценности.

В таком обществе, жаждущем стабильности в своем индивидуализированном потреблении и ощущающем, осознающем кризисность, ускользающую эфемерность этой стабильности, люди объективно готовы к тому, чтобы воспринимать любые идеи, способные гарантировать им в случае их объективации эту долгожданную стабильность потребления. В таком обществе на основе все возрастающих, подогреваемых наиболее развитыми государствами ожиданий и готовности действовать в соответствии с этими ожиданиями чрезвычайную силу и приобретают факторы манипуляции людьми, и медиа здесь – главный фактор новой реальности. Особенно важную роль приобретают коммуникаторы, способные привести к успеху в данных ма-

нипуляциях. Именно это мы наблюдаем, например, в условиях различного рода выборов во властные структуры современной России и Западного общества. В процессах этих повышенным спросом пользуются не только манипуляционные коммуникаторы, но и профессионалы, способные их создавать и использовать в интересах заказчиков. Вследствие этого нередко именно медиапрофессионалы становятся главными деятелями политиков и все чаще – современной политики.

Значит, если и ставить вопрос о решении проблемы гиперсложности, ускользающих медиа, то ставить его надо прежде всего в направлении изменения самого человека. Но вопрос изменения человека, изменения его отношений с искусственным миром – вопрос, остающийся открытым. Нам представляется, что форма такого решения может быть только в виде интенсивного революционного шага, своеобразного социального скачка, скачка не только в области нравственности, но и в области рациональности с переходом к новой рациональности, например рациональности сложных систем синергетики.

Какова же в этом обществе судьба социализирующихся, самоидентифицирующихся индивидов? По нашему мнению, это все больше судьба не социализирующихся и самоидентифицирующихся индивидов, но во все большей степени внешним (и по преимуществу внешним) образом идентифицируемых индивидов, того, что Н. Бердяев называл объективацией, а К. Маркс – отчуждением человека в системе общественных отношений. Превращенным субъектом этой объективации и отчуждения все явственнее выступают те системы ценностей и целей, что человечество изобрело для себя в форме своей гиперсложной культуры и цивилизации, вершиной которой сегодня становится глобальное общество производства и потребления, не способное обойтись без этого отчуждения и объективации суцностным образом. Современный человек в этом смысле – человек объективированный, отчужденный глобальным обществом производства и потребления.

Безусловно, объективация и отчуждение – целостный феномен. И исторически, и сущностно это диалектический феномен. Ведь сущностно объективация и отчуждение – это не только и не столько принуждение, что нередко принято понимать в широкой социально-философской и социально-гуманитарной литературе, сколько противоречивый процесс социализации в борениях его противоположных сторон. Здесь принципиально важным становится понимание смыслов, целей, направленности этого процесса, а именно: понимания,

к какой из противоположных сторон он увлечен. Его полюсы, если так можно выразиться, это, с одной стороны, процесс развития к сложности через труды и трудности (положительная объективация и отчуждение), а с другой – процесс деградации через упрощение и примитивизацию человека и общества (негативная объективация и отчуждение). Место коммуникаторов в этих процессах решающее.

Заключение. Особенно велика сила удара негативной объективации и отчуждения по наиболее молодым слоям населения в обществе, сензитивность и манипулируемость сознанием и поведением которых, по понятным причинам их ограниченного опыта, фатальна. Но фатальна и лежащая в основе этой сензитивности и манипулируемости эмоциональность, свобода духа, способность на творческие, социально-революционные акты. Человек никогда не совпадает полностью с какой-то одной моделью, одной формой культурной идентификации, ибо человек стохастичен, в сущности свободен, и свобода эта у него от разума. Все это говорит о том, что феномен «бегства от свободы», зафиксированный Э. Фроммом на Западе в пору его интенсивного отчужденно-объективированного развития [3], неслучаен и будет иметь свое продолжение пропорционально тому, насколько глубоко будет пытаться проникнуть общество массового производства и потребления, тождественное понятию глобальной социализации по унифицирующим внешним стандартам. И сколь глубоко связанное с этим конструирование сознания и поведения и манипулирование ими проникнет в жизненный мир человека.

Наверное, молодежи как наиболее устремленной к своей культурной идентификации и самореализации социальной группе современного общества, вырастающей из детства, в этом процессе будет принадлежать решающая роль. Впрочем, эта роль будет, по объективным причинам, скорее всего, реализовываться как с той (развитие общества манипуляций), так и с другой (противоборство обществу манипуляций) стороны. По-видимому, нам всем в той или иной степени в предстоящий период предстоит во всей полноте испытать всю диалектическую сущность этого взаимообратного, противоречивого процесса. Мы будем манипулировать, стремясь к своим целям, и мы будем защищаться от манипуляций, стремясь быть свободными.

По сути, мы будем растить в обществе не только негативную, но и позитивную объективацию и отчуждение как условие равновесности мира человека и внутри себя, и в его отношениях с внешним миром.

Сущность данной ситуации как никогда ясна: человечество во все большей степени встает перед новым вызовом сложности, социального хаоса и овладения ими. Перед этим вызовом стоят и отдельные локальные цивилизации, описывающие данную проблему, в том числе в понятии угроз и факторов реализации национальной безопасности. В этой ситуации на всех уровнях современного человека – личность, отдельные народы, человечество в равной степени – тема манипулирования сознанием и поведением становится одной из центральных. Одной из важнейших она является и для современного социально-гуманитарного знания, философии. При этом философия как рефлексия общества в его целостности несет на себе особую ответственность за понимание и объяснение происходящего с человеком, понимание причин происходящего и возможных путей дальнейшего бытия человека в этом мире.

Литература

1. Кутырев, В. А. Естественное и искусственное: борьба миров / В. А. Кутырев. – Н. Новгород, 1994. – 200 с.
2. Савчук, В. В. Кто есть коммуникант? / В. В. Савчук // Социальная синергетика и актуальная наука: национальные проекты России как фактор ее безопасности в глобальном мире: научная экспертиза на самоорганизацию и адекватность / под общ. ред. проф. В. П. Шалаева. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2009. – С. 178–189.
3. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 315 с.
4. Шалаев, В. П. Мироззрение как фактор национальной безопасности в условиях западификации глобального мира / В. П. Шалаев // Регионология. – 2008. – № 2. – С. 272–278.
5. Шалаев, В. П. Синергетика в пространстве философских проблем современности / В. П. Шалаев. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2009. – 360 с.
6. Шалаев, В. П. Бифуркационный человек и экономические трансформации перед вызовами глобальной западификации / В. П. Шалаев // Футурологический конгресс: будущее России и мира: материалы Всероссийской науч. конф., Москва, 4 июня 2010 г. / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 769–1362.
7. Шалаев, В. П. Культурная идентификация и глобализация: на путях к манипулятивному обществу / В. П. Шалаев // Социальная синергетика и актуальная наука: Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы развития: междунар. сб. науч. трудов / под общ. ред. проф. В. П. Шалаева. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2011. – С. 58–76.

Поступила 15.03.2012

УДК 140.8-044.372

П. М. Бурак, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой (БГТУ)
**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ КРИЗИС И КОЭВОЛЮЦИОННЫЙ НИГИЛИЗМ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

В статье обозначаются основные тенденции нестабильного развития потребительской цивилизации, обуславливающие содержание кризиса мировоззрения, его негативную роль в обществе. Выявлены и проинтерпретированы формы цивилизационного конформизма, который рассматривается в качестве важнейшего механизма и мировоззренческого постулата адаптации социальных институтов и личности в достижении целей потребительского образа жизни. Раскрывается значение противоположных процессов коэволюционного нигилизма в формировании ценностных ориентаций субъектов истории.

The article describes the main tendencies of unstable development of consumer civilization determining the contents of world outlook crisis, its negative role in society. There have been revealed and explained some Forms of civilization conformism which is viewed as the main mechanism and world outlook postulate of adaptability of social institutions of the individual in achieving aims of a consumer way of life. The article also shows the importance of polar processes of coevolutionary nihilism in Formation of valued orientations of man in history.

Введение. Нестабильный характер развития современного общества в значительной степени обусловлен особенностями основной тенденции развития капитализма в направлении от стадии производства и накопления в ранний его период к расцвету потребления в поздний. Эта тенденция оказала определяющее влияние на изменение ценностных ориентаций современной цивилизации, ее мировоззрения, породив ряд закономерных явлений, выступающих причинами системного кризиса, охватывающего все основные сферы в жизни социума. В настоящее время данные явления (вызовы, или цивилизационные проблемы, которые необходимо решать всем миром) и мировоззренческие структуры духовной жизни функционируют по принципу обратных связей. Каждая из сторон вносит вклад в кризисное состояние другой, своим существованием производит эффект взаимного усиления кризиса друг друга.

Мировоззренческий кризис, состоящий в несоответствии идеалов, ценностей, убеждений, знаний задачам преодоления нестабильности современной цивилизации и необходимости формирования новых ценностных ориентаций, невозможно преодолеть и превратить мировоззрение в фактор стабильности общества, если не изменить основной вектор его воспроизводства – нацеленность на преимущественное развитие человека как потребителя. К данному вектору приспособлены и работают на него все или почти все институты общества, что мы называем цивилизационным конформизмом. Цивилизационный конформизм есть, по нашему мнению, тот синергичный аттрактор, который интегрирует все основные тенденции нестабильности в сферах материальной и духовной жизни, включая и мировоззренче-

ский кризис. Устранение радикальных форм подобного конформизма одновременно будет означать и преодоление системного кризиса общества. Это связано с переходом к использованию коэволюционной методологии решения теоретических и практических проблем развития современного общества. Отмеченные вопросы рассматриваются в данной статье.

Основная часть. На наш взгляд, по критерию происхождения необходимо различать способы проявления (типы) и место определения цивилизационного конформизма. К ним относятся имманентный, трансгрессивный, заимствованный (подражательный), этнокультурно легитимизированный (нормируемый) цивилизационный конформизм. Первый из них мы будем рассматривать подробнее. Дадим остальным трем краткие характеристики.

Трансгрессивный, экспансионистский, или принудительный, конформизм формируется в результате экспорта стандартов общества потребления на территории других государственных образований и вживляется в культуру других народов с использованием определенных принудительных механизмов. Заимствованный, или добровольно «импортируемый» (избирательный), конформизм используется для трансформации социальных институтов каких-либо стран в интересах отдельных слоев общества, т. е. избирательно, на основе убеждений в превосходстве достижений стран-экспортеров или по иным прагматическим соображениям. Этнокультурно легитимизированный (нормируемый) цивилизационный конформизм складывается в результате использования достижений других стран для решения задач повышения благосостояния населения того или иного государства. Следует заметить, что все типы социального

конформизма так или иначе сопряжены с различной степенью возможных нестабильных социальных ситуаций, поскольку они ориентированы на рост потребительских интенций в обществе.

Имманентный, или оригинальный («свой» по происхождению), цивилизационный конформизм является результатом историко-генетического развития того или иного общества в целом, включая становление всех его институтов (правовых, политических, экономических, образовательных, управленческих и прочих). Их история связана, прежде всего, с совершенствованием механизмов стимулирования, формирования, воспроизводства и удовлетворения многообразных потребностей, с возникновением стандартов и престижности потребления. В связи с подобной социоцентристской ориентацией функционирования человеческих сообществ развивались соответствующие знания, наука, техника, технология, способы трансляции вещества, энергии и информации, утверждалась доминанта прагматической коммуникации в различных сферах жизни общества и между ними. Однако подобная ориентированность внутрисоциальной адаптации человека привела к тому, что инструментализм его мышления и действия, рассчитанный на производство продукта для потребления, в том числе в виде замещающей, знаковой и иных формах, возобладал в последние 500 лет в истории западного мира.

Подобный тип развития социума, кажущийся совершенно естественным, полезным, нормативно более или менее определенным, а значит и контролируемым, тем не менее оказался замкнутым, автаркическим, фрагментарным, нецелостным. Поэтому он создал настоящие мировоззренческие шаблоны из знаний, ценностей, убеждений, явившихся препятствиями для осознания того факта, что интеллектуальные слои общества и управляющие элиты должны мыслить по-иному: цивилизационно, перспективно, проективно, критически, подвергая сомнению достигнутый результат в экономическом и политическом отношениях как наилучший.

В настоящее время подлинной проблемой центра Мир – Системы является отсутствие реальных проектов эффективного соединения высоких инструментальных достижений в жизнеобеспечении общества, стратегических идей, воли и умений по их реализации в интересах цивилизации на перспективу. На эту проблему, нерешаемость которой создает опасности деградации человечества, обращал внимание Н. М. Моисеев. О ней говорят современные западные ученые и государственные деятели. Н. Н. Моисеев подчеркивал, что капитализму

цивилизация «обязана невиданным экономическим и социальным прогрессом...», но он связан лишь с обеспечением «сиюминутного го-меостаза», возможности опоры на который «уже исчерпаны», а оценка перспективы и «долгосрочные планы развития должны опираться на доктрину о... возможном будущем» [1, с. 8]. Известный на Западе специалист по истории экономики из Гарвардского университета Найалл Фергюссон отмечает, что на протяжении 500 лет западная экономическая и политическая системы были лучшими в мире, а в настоящее время подобное утверждение является все более сомнительным, поскольку западные институты находятся в кризисе. Важнейшей причиной кризисного развития общества выступает невыявленность, неопределенность стратегической перспективы наиболее развитых стран мира. По оценке бывшего заместителя госсекретаря США по европейским делам Хизер Конли, в настоящее время Запад попал в такую ситуацию, когда он не знает, каким путем лучше идти дальше.

О снижении степени жизнеспособности и общего креативного потенциала потребительской цивилизации свидетельствует уменьшение роли «мотивации к продуктивной работе среди всех слоев современного общества» [2, с. 3]. По этой проблеме существует множество исследований. Специалисты в данной области рассматривают ослабление трудовой мотивации в качестве мотивационного кризиса, который «следует воспринимать и анализировать в более широком плане – как одно из проявлений современного цивилизационного кризиса, с его основными компонентами – финансово-экономическим, экологическим, образовательным, демографическим, этнокультурным, духовным, моральным и т. п. Корень всех кризисных явлений – мировоззренческий кризис, в основе которого болезненная смена системы ценностей, происходящая как на уровне отдельной личности, так и в глобальном масштабе» [2, с. 4]. Подчеркнем, что кризис трудовой мотивации, таким образом, выступает лишь проявлением системного кризиса общества, антропологического кризиса, явившихся результатами смены мировоззренческих ценностей на путях перехода от раннего капитализма, для которого, напомним, характерны производство и накопление, к позднему капитализму с его акцентировкой на самом потреблении, усовершенствовании всевозможных механизмов развития потребностей, престижности, приоритетности, рекламности и т. п. потребления. Подобный сдвиг ценностных ориентаций, обусловивший мировоззренческий кризис в центре Мир – Системы (и не только в нем), был вызван

не только отмеченной исторической тенденцией становления капитализма, но и актуальной товарной перегрузкой рынков Западной Европы и США к 1960-м гг. Производство большого количества видов товаров и услуг достигло изобилия, соответственно, их предложение стало значительно превышать спрос. Возникла ситуация перепроизводства, которое послужило мобилизирующим фактором для расширения и усовершенствования функций социальных институтов, нацеленных на поиск и реализацию больших возможностей и путей сбыта произведенного продукта. В развитых странах наметилась тенденция культивирования, создания престижности потребления и стимулирования потребительских интенций населения. Господствующее положение в обществе заняла сфера услуг. С данными процессами было связано стремление стабилизировать экономическую систему и осуществить ее дальнейшую рационализацию уже при помощи новых ресурсов – научного знания, увеличения сферы высокоинтеллектуального труда, информационных технологий, образования и т. п. Возрастание роли интеллектуального труда придало новые возможности и укрепило стратегию цивилизационного конформизма, нацеленного на совершенствование потребительского образа жизни. В этих условиях почетное место в оценке предназначения трудовой деятельности вообще отводилось ее статусу как средству создания потребительских ценностей. Другая же весьма важная функция труда – его превращение в первую жизненную потребность личности для ее целостного развития – рассматривалась и рассматривается в обществе потребления в качестве первостепенной ценности лишь в той мере, в какой она может быть полезна для создания потребительских ценностей. Сам человек понимается как потребительская ценность особого рода – как субъект, способный осваивать им же произведенные ценности предметного мира, знаки, замещающие сами предметы, и т. п. Человек сам для себя и для других является ценностью в первую очередь потому, что он есть потребитель, в том числе высокоэффективно потребляющий свои знания, умения, навыки и компетенции для производства всевозможных благ.

В системе потребительского образа жизни идеал благополучия выражает одномерность человеческого существования в прагматическом направлении развития искусства трудовой деятельности и творческих способностей человека, т. е. с точки зрения степени их потребительской ценности.

Труд, превращаемый в первую жизненную потребность человека, на путях формирования целостной, креативной личности, способной

осознавать проблемы общества потребления, обуславливающие его кризис, принимать необходимые продуктивные решения и действовать соответственно, не ограничивается созданием продаваемого продукта и поэтому расценивается как неадекватный идеалам и ценностям существующего общества. Его стандарты не позволяют перейти посредством трудовой деятельности на такой уровень гуманизации отношений, который бы способствовал формированию условий преодоления цивилизационного системного кризиса, выражаемого в социалистическом конформизме.

В некоторых развитых странах возникают социальные явления, выражающие существенные особенности культуры потребительского образа жизни. Это, например, так называемое демонстративное потребление. Его суть заключается в стремлении людей идентифицироваться с товарами и услугами, которые они используют, в особенности с коммерческими брендами и статусными вещами. Вместе с тем складываются и противоположные по характеру движения, пытающиеся противостоять полному подчинению стандартам потребительской культуры. Однако эти движения не ставят общей задачи устранения коренных причин кризиса подлинной культуры. Поэтому мы характеризуем их как явления, существующие в качестве довольно поверхностных способов отрицания потребительства. Подобные движения продуцируют, прежде всего, неконформистские, социально-психологические поведенческие реакции, иногда соединенные с некоторыми ограниченными социально-политическими оценками и требованиями. Неконформизм (от лат. *non* – нет, *conformis* – подобный, сходный) – неприятие, отрицание господствующего порядка, норм, ценностей и т. д. К таким движениям относится антипотребительство, или антиконсюмеризм (консюмеризм – потребительство). Это – ограниченное общественно-политическое движение, направленное против приравнивания уровня личного счастья к уровню потребления и приобретения материальных благ. Его сторонники считают, что так называемый потребительский материализм не может предложить человеку смысл существования.

Движение антипотребительства возникло в США и других экономически высокоразвитых странах в связи с тем, что потребление становится все большей проблемой и угрозой экономической стабильности. К тому же в обществе потребления получила распространение специфическая болезнь – ониомания (психологическая зависимость от покупок), сложились производные проблемы – прогрессирующее ухудшение экологии и социальное неравенство.

Французский философ Бернар Стиглер пришел к заключению, что современный капитализм регулируется при помощи потребления, а не производства. Реклама создает потребительское поведение, разрушающее психическую индивидуальность и психологию коллективности. Происходит утечка жизненных сил в направлении беспрерывного роста потребления и гиперпотребления [3, с. 1–3].

Второй пример неконформистского антипотребительского движения в развитых странах – фриганизм. Фригане (от англ. free – свободный и vegan – строгий вегетарианец) – люди разных профессий и состояний, питающиеся годными продуктами со свалок и мусорных баков бесплатно. Они протестуют против образа жизни, атрибутивной характеристикой которого является превращение в мусор годных для употребления продуктов (расточительность потребителя, высокоотходность цивилизационного конформизма). Например, только в Великобритании ежегодно на свалки выбрасывается около 17 млн. т продовольствия. Из них 4 млн. т составляют съедобные продукты питания [4, с. 1]. Фриганистский прием жизнеобеспечения распространяется на обувь, одежду, жилье. Таким образом, общество цивилизационного конформизма превращает общественный труд и финансы в горы съедобного мусора.

Подобный тип личности потребителя является внутренней необходимостью стабильного функционирования экономики общества потребления. При этом второстепенное значение имеет формирование целостного человека на основе его естественной природы. Как отмечает Г. Л. Хавкин, «первостепенным фактором, обуславливающим актуальность проблемы неконформизма в современном обществе, выступает тотальное стремление социальной сферы ...обособиться от природной основы человеческого существа, ...создавая в сверхцивилизованной утробе новую форму естества, основанную на потребительстве...» [5, с. 5]. Главной особенностью современного неконформизма является его направленность на сохранение целостности человеческого существования, природного в человеке.

К типу неконформистских движений относится возникшее в США «Общество неблагозвучия», которое с 1986 г. осуществляет деятельность, направленную на разрушение форм общественной идентичности, сложившихся на основе рекламы, комфорта и потребления, формирует новые способы потребительской независимости.

На территории постсоветских республик складываются две разновидности коэволюционного нигилизма в объяснении роли взаимодействия

различных сфер жизни общества в достижении социальной стабильности. Одна из них утверждает в качестве мировоззренческой идеи необходимость следования принципу гармоничного соизмерения различных систем, в том числе производства и потребления в формировании целостной личности. Другая разновидность, напротив, отрицает такую необходимость в практике следования стандартам общества потребления.

Заключение. Мировоззренческий кризис потребительского общества обусловлен доминирующим значением в его воспроизводстве цивилизационно-конформистской стратегии, ориентированной на развитие культуры потребления. Эта стратегия аккумулирует важнейшие тенденции сохранения потребительского образа жизни, которые обуславливают содержание ценностных ориентаций, или кризис мировоззрения. К таким тенденциям относятся следующие (имеющие характер вызовов) разрушительные процессы (отдельные кризисы): экзистенциально-антропологический, технико-технологический, производственно-экономический, запредельное потребление, демографический, экологический, образовательный, утилитарная направленность развития современного научного познания.

В последнее время некоторые западные теоретики в целях стабилизации развития своих стран пытаются обосновать лидерство США, основанное на согласии (используют идею коэволюции) путем соединения гегемонии и демократии [6].

Литература

1. Моисеев, Н. Н. Новая цивилизация начинается с образовательных программ / Н. Н. Моисеев // Экология и жизнь. – 2011. – № 8. – С. 4–8.
2. Мирзоян, В. А. Кризис трудовой мотивации: опыт философского анализа / В. А. Мирзоян // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 3–12.
3. Антипотребительство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 24.02.2012.
4. В Европе появилось новое течение «фриганы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kuking.net/>. – Дата доступа: 30.03.2012.
5. Хавкин, Г. Л. Неконформизм в потребительском обществе: сущностные основы и значение / Г. Л. Хавкин: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zelife.Ru/ekoche/consumptionman/7575-nonconformism>. – Дата доступа: 30.03.2012.
6. Бжезинский, Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Зб. Бжезинский. – М.: Международные отношения. – 2010. – 264 с.
Поступила 30.03.2012

УДК 37.01:15

О. П. Пунченко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Украины (Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Украина)

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СЕТЕВОЙ МЕГАТРЕНД ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

В статье дано концептуальное обоснование образования как мегатренда глоболизирующего мира. В этом контексте выделены эпистемологические, праксеологические и аксиологические составляющие образования, а также раскрыта его значимость в современной цивилизационной динамике. Объяснено понятие сетевой образовательной реальности в двух векторах: мировом и внутринациональном.

In this work we give the conceptual explanation of education as the megatrends of the globalizing world. In this context, it is marked epistemological, praxeological and axiological components of education, as well as it is revealed its importance in the modern civilization dynamics. It is explained the concept of network educational reality in two vectors: world and national.

Введение. Системы ценностей в жизни общества создают культурную основу его существования и, взаимодействуя с социально-экономическими, политическими, правовыми, нравственными, информационными и другими сферами, определяют мегатренды его трансформаций и дальнейшего развития. За последние два столетия человеческой истории образование, так или иначе, определяло характер и содержание тех трансформаций, которые происходили в жизни общества.

В XX в. впервые во всей истории образования началось осознание его ведущей роли во всех сферах бытия социума. Все очевиднее стало, что без образования общество не сможет решить позитивно весь тот комплекс проблем и противоречий, которые сложились в его бытии. Образование – это своеобразная «Ариаднина нить», которая в переломные эпохи, подобные современной, когда рушатся многие из прежних идеалов, когда человечество явственно ощущает свою физическую и духовную незащищенность, переживая глубокий культурно-интеллектуальный кризис, помогает не только понять, в каком направлении происходит развитие социума, но и обосновать архитектуру современной цивилизационной динамики.

Основная часть. Образование как интеллектуальный социокультурный феномен ценностно по природе, вневременно в духовном проявлении человечеством своих потенциальных возможностей и в то же время оно всегда разворачивается в конкретном культурно-историческом контексте. В понятии «образование» выражается предельная ориентация знаний определенной эпохи, что позволяет характеризовать его как предельный и в то же время уникальный вид теоретизирования.

Обращение к первоначальному значению понятия «образование» – *educare* (лат.) – показывает, что оно дословно означало выявлять,

находить скрытое, способствовать его развитию благодаря определенной прогрессивной системе приобретения знаний, а не «зубрежке», «натаскиванию», «напичкиванию», «накачиванию» разработанных наукой знаний. И, трансформируя мысль Мамардашвили, можно утверждать, что образование – это не обыденный процесс перекачивания в голову субъекта образования научных знаний, а наполнение ее конкретным новейшим научным знанием посредством специально разработанной методологии. И здесь более подходит русский термин понятия «образование», утверждающий, что важно «взять образ», создавать нечто по высокому образцу. А украинский термин «освіта» на сегодняшний день очень точен по смыслу – ось + *vita*, что означает – ось жизни. И сегодня образование выступает осью жизни всего мирового сообщества.

Образование – это особая ценностная сфера социальной реальности; его содержанием является теоретическое структурирование информации, отражающей уровень познания человеком природной и социальной действительности. В процессе образования имеет место распределение информации и внедрение ее в сознание субъекта обучения не только с целью формирования пространственного поля знания, но и с целью широкой ее реализации в практике повседневной деятельности. Глубокая диалектическая связь образования с практикой, обоснование его социальной значимости как детерминирующего фактора построения информационного общества позволяет согласиться с позицией Д. Нейсбита, что оно есть мегатренд цивилизационного развития глоболизирующего мира. Под мегатрендами Д. Нейсбит понимает «основные направления движения, которые определяют облик и суть нашего общества» [1, с. 9]. Но можно утверждать, что образование – это мегатренд мирового сообщества, а не только американского общества.

Как мегатренд современной цивилизационной динамики образование представляет собой объективную социальную реальность, наполненную противоречивыми тенденциями, особенно на постсоветском пространстве, где идеи западофикации, в частности требования Болонской системы подготовки специалистов, резко снизили качество образования, а следовательно, и уровень подготовки. Анализ западофикации образования показывает, что во многих вузах США и Запада в системе образования преобладала философия прагматизма – знать то, что нужно для дела. То, что не относилось к определенной профессии, считалось ненужным. Больше или меньше изученной была лишь незначительная толика знаний, вырванная из общего целого. И изучению этой частички отдавались все усилия, при этом произвольно объяснялась мудрость древних, что «чем больше ты знаешь, тем меньше ты знаешь» («That the more you know, the less you know»). Общее развитие, широта знаний рассматривались чуть ли не как помеха в освоении избранной профессии. Общекультурная ограниченность специалиста не рассматривалась как его недостаток. С этих установок реформирование образования и приспособление его к требованиям социума ограничивалось в основном использованием новых информационных технологий в обучении. Присоединение ряда постсоветских государств к Болонской системе образования убедительно свидетельствует, что система подготовки специалистов в этих странах дала качественный сбой. Это выразилось в резком снижении гуманитарной подготовки, интеллектуализации инженера – мозгового центра современной технической реальности.

Однако процесс глобализации современного развития человечества начал выдвигать совершенно новые требования к специалисту, и уже сегодня Болонская система образования не просто пробуксовывает, возвращаясь к формированию у специалиста технократического мировоззрения, как это было в 40–80-х гг. XX в., она стала своеобразным «прокрустовым ложем» подготовки «мозговых центров» новой глобализирующей реальности. Кстати, идеи Болонской системы образования базируются на ранее сложившейся системе образования в 50–60-х гг. XX в. в скандинавских странах. Но скандинавы учли сформировавшиеся в этой системе противоречия и к началу глобализации образование у них стало действенным мегатрендом социально-экономических и технических преобразований. Не зря ежегодное подведение итогов ЮНЕСКО показывает, что скандинавы лидируют по классификации «страны года», «города года». В 2011 г. лидирующей

страной признана Норвегия, а лидирующим городом мира в развитии культурно-образовательной деятельности, инфраструктуры, занятости горожан, их социального обеспечения названа столица этой страны – Осло.

Исследование образования в условиях глобализации показывает, что его часто рассматривают как один из социокультурных приоритетов, чем принижают его социальную значимость. Такая точка зрения базируется на позиции, что только образованные люди могут решить и суперглобальные мировые проблемы, и общепланетарные глобальные ресурсные проблемы, и общечеловеческие проблемы социокультурного, гуманистического направления, связанные с решением вопросов повышения жизненного уровня народа, здравоохранения, информатизации населения, расширением демократизации и прав человека.

Однако в таком понимании социальной роли образования не учитывается относительная самостоятельность этого социокультурного феномена. Образование – это не просто приоритет общественного развития, это его мегатренд. Приоритеты содержат большой элемент субъективности, а мегатренд по содержанию более глобален и объективен. В этой связи Д. Нейсбит, выделяя мегатренды общественного развития США, пишет, что «тренды указывают направление, в котором движется страна. Решения принимать нам, но тренды – как лошади: на них легче ехать туда, куда они сами направляются» [1, с. 20].

Такое понимание мегатренда, в данном случае – образования, раскрывает его относительно самостоятельный характер развития.

Формирование образования как мегатренда современного глобализирующего мира осуществляется при переходе на «третью волну» цивилизации, в информационное общество. На этом этапе на смену «машинным технологиям» и жизненным стандартам «второй волны» приходят новые ценности и «интеллектуальные технологии третьей волны», определяющие новые подходы к решению не только технических, но также экономических и социальных задач. «Новая цивилизация столь глубоко революционна, что бросает вызов всем старым исходным установкам. Прежние способы мышления, формулы, догмы и идеологии, несмотря на то что в прошлом они были весьма полезны, уже не соответствуют фактам. Мир, который возникает с огромной скоростью из столкновения новых ценностей и технологий, новых геополитических отношений, новых стилей жизни и способов коммуникации, требует совершенно новых идей и аналогий, классификаций и понятий. Мы не можем втиснуть эмбриональный

завтрашний мир в принятые вчера категории. Ортодоксальные установки или настроения тоже не подходят новому миру» [2, с. 22].

Отношение к образованию как к мегатренду глобализации человечества позволяет выделить его в качестве эпистемологической и аксиологической составляющей цивилизационного процесса. С этим связано осмысление его сущности, смысловой нагрузки, ценностно-целевых оснований, инновационных процессов в его содержании, а также его методологического инструментария и обоснование образования как канала трансляции научных и духовно-нравственных ценностей социума, что делает образование предметом философской рефлексии, которая в условиях перехода к информационному обществу выбирается в качестве объективного фактора современной глобальной динамики. Такая постановка вопроса связана с тем, что формируемое информационное общество, называемое также обществом знаний, детерминирует коммуникативные процессы, основанные на трансляции и социализации научной информации. Кроме этого, коммуникация в самом образовании кардинально меняет свою структуру, дистанцируясь от локальных отношений и постепенно приближаясь к отношениям глобализма, характерным для информационного общества.

Характеризуя пять основных черт информационного общества, Д. Нейсбит выделяет и образование. Ученого волнует этот мегатренд, поскольку он нуждается в коренной перестройке. Новому обществу нужны интеллектуалы, составляющие элиту и гордость нации, а не низкопробный продукт, массово выпускаемый в условиях индустриального общества. Отсталость образования от экономических и политических реформ в условиях глобализации последних показывает, что школьные программы США отстают в области математики и естественных наук от программ Японии, Германии и других стран.

Но образование – это не просто мегатренд современного мира. В условиях глобализации оно приняло сетевой характер. Сегодня идет бурный процесс формирования единого образовательного пространства. По своей сути образование интернационально, что объективно интегрирует его в систему факторов и предпосылок цивилизационной динамики. В то же время сетевой характер образовательной реальности необходимо исследовать в двух векторах: мировом, как глобальной сети, и внутринациональном, как региональной сети. Но они диалектически взаимосвязаны: если раньше классический паритет «национальное образование – мировое образование» все же основывался на реальном доминировании национальных начал в образовании и априорном признании его мирового статуса, то сегодня тенденция

складывается наоборот. При сохранении основ национальной организации и финансирования образования все активнее заявляют о себе процессы стремительной интеграции национальной образовательной политики в мировое образовательное пространство и глобальные процессы социально-экономического и духовно-культурного развития.

Данная тенденция связана с тем, что унифицирование образования, а это сегодня настоятельная необходимость всего мирового сообщества, достижимо лишь в условиях международной организации этого процесса. Это стало основой для обоснования концепции сетевого развития образования.

Характеризуя понятие «сети» и смысл его существования, Д. Нейсбит пишет, что «сети – это люди, которые общаются друг с другом, делясь идеями, информацией и ресурсами... Смысл существования сетей – способствовать самопомощи, обмениваться информацией, изменять общество, улучшать производительность и условия труда, делиться ресурсами. Они построены так, чтобы передавать информацию путем более быстрым, более привычным человеку и более экономичным в смысле расхода энергии, чем любой другой известный процесс» [1, с. 275–276].

Такое понимание сети отражает образовательную реальность как систему, прежде всего, субъектно-субъектных отношений в отличие от более широкого понимания сети М. Кастельсом. «Сетевая структура, – пишет М. Кастельс, – представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов. Конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь» [3, с. 497].

Исследуя процесс становления и развертывания сетевых структур в образовании, можно утверждать, что это новшество глобализации коренным образом отличает его от предыдущих парадигм образования. Сетевая организация образовательной реальности обуславливает формирование и трансляцию научно-образовательных инноваций в обществе. В условиях глобализации наиболее вероятной координационной задачей в сфере образования является преодоление разделительного дезинтеграционного способа существования и развития научных центров и переход к глобальным открытым системам и структурам, функционирующим в соответствии с предзаданной системой векторов. А образование и является такой системой с рефлексивной дифференциацией. Рефлексивная дифференциация – динамический канал как управления, так и самоуправления образованием.

Несомненно, сетевая организация информационного общества и соответствующие ей системы

производства, функционирования науки и образования и многие другие представляют собой новые формы детерминации глобальной динамики.

Как было отмечено выше, сетевой принцип образования имеет и второй вектор – внутринациональный. Здесь раскрывается специфика процесса институционализации образования в конкретной стране.

В структуру институциональной сферы образования входят интерсегментарные институты, факультативно интегрирующие различные блоки в пределах своих относительно обособленных стремлений и интересов субъектов. Сюда же примыкает институционально оформленный блок: ассоциации, клубы, постоянно работающие «встречи», «круглые столы» и т. д. Эти институты сегодня рассматриваются как весьма перспективные сети образовательного дискурса, обладающие огромным, практически неисчерпаемым потенциалом.

Общая институциональная образовательная сеть включает в свое содержание в более предметном, объективированном выражении сложную, внутренне противоречивую, но целостную инфраструктуру. Ее многообразные компоненты тяготеют не только к функциональному единству: они, как правило, социально оформлены, что позволяет им нести определенную нагрузку в образовательном процессе. Каждый из компонентов этой сети фундаментально автономен, специфически организован, предметно выражен, имеет своих субъектов и носителей. Эти признаки позволяют вычленить основные блоки образовательной сети по критерию необходимой достаточности. Исключение одного из них (или изменение алгоритма его работы) накладывает отпечаток на развитие образовательной реальности в целом в пределах определенной парадигмы. Организационно-институциональная сфера, следовательно, сама представляет собой социокультурную реальность, обладающую собственной структурной организацией. Она включает, прежде всего, институты, овецивающие те или иные формы общественных связей в системе духовного производства. Вторым исключительно содержательным комплексным элементом указанной сферы образования является организационно-процессуальная, функциональная сторона деятельности институтов. Эта система характеризуется сложной структурной разветвленностью, приводимой в движение совокупным субъектом – специалистами по информации, гумани-

тариями, техническими специалистами и т. д., обслуживающими и опосредующими отношения и взаимодействия между структурными блоками определенного сегмента образования. Таким образом, формирование транслируемых знаний детерминировано необходимостью, которую можно представить как культуротворческий процесс, направленный на удовлетворение не только личностных потребностей и интересов субъектов обучения, но и социума в целом.

Это позволяет утверждать, что образовательная сеть представляет собой социокультурную реальность, обладающую собственной структурной организацией.

Заключение. Современные тенденции цивилизационной динамики основываются и развиваются на достижениях науки, образования, научной рациональности. Они все более глубоко включаются в целостную систему социокультурного развития, при этом масштабность их влияния на социальное бытие постоянно увеличивается. Это стало основой при исследовании образования, обосновании его как мегатренда современного глобализирующего мира. Именно на этапе глобализации образования принимает новый характер: оно не просто один из приоритетов общественного развития, а мегатренд, вне которого решать задачи становления информационной цивилизации невозможно. Нет сферы деятельности общества, которая не нуждалась бы в своем «мозговом центре» – специалисте, а формирует его образование. Поэтому сегодня и встает вопрос об обновлении содержания образования. Известная латинская пословица «Scientia vinces» («Наукой победишь») требует в наше время уточнения: «человечество победит обновленной системой образования, опирающейся на новейшее достижение науки». Решению этой задачи будет способствовать не только расширение союза науки и образования, но и придание образованию глобального сетевого характера.

Литература

1. Нейсбит, Д. Мегатренды / Д. Нейсбит; пер. с англ. – М.: АСТ «Ермак», 2003. – 380 с.
2. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
3. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494–505.

Поступила 07.03.2012

УДК 316.728:330.58 + 316.485

Н. А. Лазаревич, доцент (Институт философии НАН Беларуси)**КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

В статье рассматриваются факторы и последствия современных проявлений антропологического кризиса. Обращается внимание на конструктивное методологическое значение понятия «качество жизни», позволяющего охарактеризовать объективные состояния жизнедеятельности человека и субъективные оценки этих состояний на уровне индивидуального и общественного сознания.

The article is devoted to the factors and consequences of contemporary manifestations of the anthropological crisis. It draws attention to the constructive methodological meaning of the concept of life quality, which allows to characterize the objective conditions of human life and subjective assessments of these conditions at the level of individual and social consciousness.

Введение. Среди ряда глобальных проблем, порожденных техногенной цивилизацией, наиболее острой является проблема сохранения человека и человеческой индивидуальности. Она заключается в том, что современный сценарий социального развития фактически не оставляет шансов для реализации естественно-биологических программ самореализации человека по причине явного доминирования в шкале традиционных ценностей различного рода технологических нововведений: искусственного интеллекта, гибрида телесного и технического, виртуальной коммуникации, робототехники, генной инженерии и т. п. В целом речь идет о системном проявлении так называемого антропологического кризиса, который не только затрагивает внутренний мир личности, но и объективно связан с интенсивной трансформацией внешней по отношению к человеку действительности. Идеалы антропологического поворота XX в., предполагающие движение не от бытия вообще к бытию человека, а от человеческого существования к миру в целом, пока остаются лишь благими намерениями. Окружающий человека мир превращается в своего рода конкурирующую среду. При таком раскладе гармония естественно-природного и социально-искусственного становится проблематичной.

Основная часть. В рамках различных антропологических программ человек рассматривается как феномен, представленный в единстве его объективно-природных, индивидуально-психологических, социокультурных и экзистенциально-личностных характеристик [1, с. 15]. Насчитывая не одну тысячу лет социально-культурного измерения, проблема человека в современных условиях предстает в совершенно новом свете. Сегодня достаточно заметна актуализация вопроса о специфике человека в условиях биотехнологической революции, экологических аномалий и разрушения традиционных культурных норм и ценностей. Для этого «в структуре современной антропологии должны конструктивно существовать и конструктивно

взаимодействовать различные области исследования человека...» [2, с. 12].

К числу таких областей можно отнести исследование качества жизни. Оно включает в себя такие факторы социальной организации, как качество существования личности, включая уровень образования, состояние культуры; обеспечение безопасной среды жизнедеятельности; система социально-экономической, политической организации. Понятие «качество жизни» ввел Дж. Гэлбрейт в 1958 г., противопоставив его содержанию категориям потребительского образа жизни американского общества [3]. В политический лексикон данное понятие вошло в связи с тезисом американского президента Джона Кеннеди – «качество жизни должно идти в ногу с качеством американских товаров». В советской науке и практике разрабатывалась сходная по содержанию категория – «образ жизни». Считалось, что она описывает по сравнению с «качеством жизни» самые существенные черты социальной организации. Научная разработка понятия качества жизни связана с именами Ф. Конверса, У. Роджерса, Л. Милбрейта (США); А. МакКеннела, С. Райта (Великобритания); А. Михельса (Канада); А. Субетто, В. Бабинцева, А. Гармонеева, Н. Петрова, В. Василенко, А. Васильева, В. Губанова и др.

Качество жизни можно определить как «совокупность свойств жизни человека, включающая его внутренние возможности осуществлять жизнедеятельность с той или иной интенсивностью и экстенсивностью (жизненный потенциал), а также свойства, выражающие уровень соответствия параметров среды и характеристик жизненных процессов индивидуально и социально позитивным потребностям, интересам, ценностям и целям» [4, с. 12].

В настоящее время в Беларуси и за рубежом существует ряд подходов к определению структуры качества жизни. Можно выделить три основных направления, в русле которых формируются эти подходы. Это, прежде всего, направление, в котором качество жизни рассматривается

как объективная характеристика, определяющая материальные условия и средства жизнеобеспечения человека (общества). В структуру качества жизни в этом контексте включаются такие характеристики, как качество питания, комфорт жилища, состояние окружающей среды, уровень здравоохранения, образования, сферы обслуживания населения и др. Второе направление делает акцент на учете только субъективных составляющих качества жизни, представляющих собой оценочное отношение человека к жизненным условиям, различным материальным и культурным благам. По сути, речь идет о так называемом «ощущаемом качестве жизни». Наконец, к третьему направлению относятся те трактовки качества жизни и его структуры, в которые включены как объективные, так и субъективные характеристики, охватывающие все множество сторон, условий и отношений в системе «человек – жизнь».

Концепция субъективного качества жизни как самостоятельная характеристика разрабатывается с 70-х гг. XX в. Она включает ряд показателей, основными из которых являются: самооценка качества жизни как целостного феномена (т. е. ответ человека на прямой вопрос об уровне качества его жизни; самооценка счастья; самооценка удовлетворенности жизнью; баланс положительных и отрицательных эмоций, удовлетворенность самим собой и своей жизнедеятельностью, ощущение гармонии жизни и т. д. В качестве показателей субъективного качества жизни иногда используют психологические: доминирующее настроение, тревожность, переживание стресса и др. [5].

Субъективные факторы качества жизни включают также систему экологических и демографических компонентов. А. И. Субетто в своих работах определяет их как факторы, которые «сопрягаются с выживаемостью человечества» [6, с. 3]. Первоочередными экологическими показателями являются: качество воздуха, питьевой воды и почвы заселенных территорий, обычно используемые для характеристики окружающей среды в системах показателей качества жизни как объективных показателей [7, с. 81]. Но кроме этих объективных показателей, роль экологических факторов в обеспечении жизнедеятельности человека можно проследить в их влиянии на его духовный потенциал. Он проявляется в воздействии окружающей среды на особенности национального характера, языковые процессы, ментальность, религиозность и пр. Оказывается, что человеку нужны не просто воздух, вода, вкусная и питательная пища, но необходима именно та среда, где эволюционно и исторически формировался этнос данного индивида, те природные и культурные

условия, в которых максимально достижима самореализация личности.

Человек в своем развитии формирует качественно новые типы взаимоотношений с естественным окружением, порождает новые классы объектов и процессов. Они-то и позволяют уяснить смысл качественно иного типа экологической жизнедеятельности, возникшего на планете, понять зачастую враждебное отношение к человеку освоенной им природы. Такого рода подход часто возникает в ситуации, когда природа выступает в роли «мачехи» по отношению к человеку. Освоение труднодоступных северных районов, жизнь в урбанизированных поселениях, космические полеты – во всех этих случаях на человека воздействует группа экстремальных факторов, разрушающих его организм. Осмысление значения окружающей среды, наполнение содержания качества жизни экологическим смыслом связано с выходом на более высокий уровень комплексного исследования человека [8, с. 146].

Другая антропологическая проблема в современных условиях связана с манипуляциями геномом человека и в этой связи – с сохранением его природы. Классическое понимание данного феномена – онтологически стойкий, стабильный и наделенный конкретными признаками организм. Ф. Фукуяма определяет природу человека как «сумму поведения и типичных видовых характеристик, обусловленных генетическими, а не средовыми факторами» [9, с. 56]. В неоклассических трактовках «человеческая природа» утрачивает свою оформленность. В новейших концепциях «трансгуманистов» человеческая природа оказывается транзитивным, нестойким образованием. В предельном варианте она вообще отсутствует как таковая. Подразумевается, что постчеловек – это потомок человека, модифицированный до такой степени, что он уже не является человеком. Еще О. Хаксли в «Прекрасном новом мире» предсказывал, что результаты будущих изысканий в сфере биологии, физиологии и психологии могут быть непосредственно применены к людям и «как инструменты в руках биологов и психологов способны видоизменить естественные формы и проявления жизни» [10, с. 193].

Возможные преобразования природы человека могут быть настолько серьезными, что, например, Ф. Фукуяма ставит вопрос таким образом: «какое будущее нас ждет: человеческое или постчеловеческое?», указывая при этом, что некоторые из тенденций такого развития событий уже реализуются. Ответ же на этот вопрос может быть следующий: «хотя люди в “Прекрасном новом мире” здоровы и счастливы, они перестают быть *человеческими существами*. Они больше не борются, у них нет желаний, любви,

они не чувствуют боли, не встречаются с ситуациями сложного морального выбора, и вообще они не делают ничего из того, что мы традиционно связываем с человеческим существованием» [9, с. 87].

Б. Г. Юдин выделяет еще один аспект данной проблемы. «Объектное понимание природы человека так или иначе предполагает отстраненность от ценностных составляющих этого понятия, что эта недоопределенность, непредзаданность человеческой природы может восприниматься, а в эпоху поистине безграничных технологических возможностей и действительно начинает восприниматься как поле для реализации разного рода конструкторских проектов и замыслов» [11, с. 101]. Автор данной цитаты иллюстрирует сказанное примером, когда группа состоятельных родителей, обеспокоенных тем, что существующая в России система образования формирует детей с определенным набором личностных черт, таких как сильная зависимость собственных взглядов и установок от ближайшего окружения, стремление не выделяться на фоне других, способность легко подчиняться тем, кто наделен властью, отсутствие склонности и навыков лидерства и т. п., обратилась к психологам с предложением подготовить специальную образовательную программу для школьников. Давая оценку этому факту, Б. Г. Юдин указывает, что «здесь мы сталкиваемся с проектом создания молодых людей с заранее заданными личностными свойствами. Только в этом случае речь идет не о биологическом или генетическом, а о психологическом и социально-психологическом конструировании» [11, с. 18]. Таким образом, культура современной цивилизации предъявляет свои требования как к организации социального пространства, так и к механизмам интеграции в это пространство объективных социобиологических и потенциальных (проектируемых) качеств человека. Важно, чтобы эти требования не вступали в противоречие с конструктивным содержанием понятия «качество жизни», которое, являясь, по сути, междисциплинарным, включает в себя и разнообразные материальные ценности, и духовное состояние, а также гуманитарные, политические, социальные, культурные и иные аспекты.

Заключение. Среди комплекса мер, направленных на преодоление причин и последствий современного антропологического кризиса, важнейшее значение принадлежит обеспечению достойного уровня качества жизни людей. Дан-

ная задача связана с решением ряда экономических и социальных проблем, преодолением деструктивных практик социоприродного взаимодействия. Следует обратить внимание на возможные негативные последствия техногенных сценариев обеспечения «комфортной жизни», в основе которых – нетрадиционные способы влияния на естественно-биологическую эволюцию человека, его природу и телесность, психологию и сознание. Важнейшее значение в реализации конструктивного мироощущения людей принадлежит разработке новых программ воспитания и образования, составляющих фундамент духовно-гуманистических стратегий развития современной цивилизации.

Литература

1. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М.: Мысль, 2004. – 312 с.
2. Тегакко, Л. И. Современная антропология / Л. И. Тегакко, А. И. Зеленков. – Минск: Беларуская навука, 2012. – 264 с.
3. Гэлбрейт, Д. Экономическая теория и цели общества / Д. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1976. – 534 с.
4. Качество жизни. Краткий словарь / под ред. Л. А. Кузьмичева [и др.]. – М.: Смысл, 2009. – 168 с.
5. Социально-психологическая концепция качества жизни: словарь-справочник / сост. Е. А. Угланова. – Ярославль: Диалог, 2003. – 428 с.
6. Субетто, А. И. Качество жизни, здоровье нации и безопасность России – главные функционалы бытия и критерии социально-экономической политики государства / А. И. Субетто // Академия Тринитаризма. – М. – Электр. номер 77-6567. – Публ. 10904. – 25.12.2003.
7. Снакин, В. В. Экология и охрана природы: словарь-справочник / В. В. Снакин. – М.: Диалог, 2000. – 217 с.
8. Водопьянов, П. А. Великий день гнева: экология и эсхатология / П. А. Водопьянов, В. С. Крисаченко. – Минск: Университетское, 1993. – 282 с.
9. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004. – 237 с.
10. Хаксли, О. О дивный новый мир / О. Хаксли // Утопия и антиутопия XX века. – М.: «Прогресс», 1990. – 300 с.
11. Юдин, Б. Г. Этическое измерение современной науки / Б. Г. Юдин // Этика науки. – М.: РНИФ, 2007. – 143 с.

Поступила 20.03.2012

УДК 101.1; 316.3

И. Н. Сидоренко, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)**КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФРАГМЕНТАРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

В статье рассматриваются основные эпистемологические установки социального конструктивизма на примере анализа концепции общества как коммуникативной системы и фрагментарной реальности. Исследуются особенности развития сетевой коммуникации, рассматриваются изменения в общественной практике, произошедшие под воздействием сети. Для определения социальной реальности как фрагментарной и сетевой автор статьи использует конструктивистский подход Н. Лумана. В основе системной теории социальных систем Лумана лежит отрицание самодостаточности бытия и самоценности смысла. В результате реальность уже не существует независимо от наблюдателя, а является его изобретением. Таким образом, наблюдатель и наблюдаемое совместно конструируют друг друга, что в итоге приводит к увеличению ответственности и этической проблеме выбора человека.

In this article are considered the basic epistemological installations of social constructivism on an example of the analysis of the concept of a society as communicative system and fragmentary reality. Features of development of network communication are investigated, changes in public practice, events under the influence of a network are considered in the article. The author of this article uses social constructivism by N. Luhmann for determination social reality as fragmentary and a network. In the basis of the system theory of social systems Luhmann are denied the self-sufficiency of life and self-value of sense. As a result the reality does not exist anymore irrespective of the observer, and is his invention. Thus, the observer and observable in common design each other, which as a result lead to increase in the responsibility and an ethical problem of a choice of the person.

Введение. Одним из важнейших признаков современного общества является утрата прошлым своей детерминирующей силы для современности. Место прошлого занимает будущее как нечто несуществующее, конструируемое, то, чего нет, но что еще может быть, а значит переживаемое как возможность выигрыша или проигрыша. Установка на анализ причинно-следственных связей как недоказуемых с позиции будущего приводит не только к накоплению рисков, но и к фрагментарности реальности. Такой тип современного общества З. Бауман определяет как индивидуализированное общество, в котором для человека значимо разрешить проблемы собственной идентичности в условиях небезопасности любого выбора. Риск выбора опосредован тем, что во фрагментарной социальной реальности размывается нормативность в сфере морали, что, в свою очередь, приводит к хронической неопределенности жизненных стандартов и социальному беспокойству. Одной из реакций на эти общественные изменения становится фрагментаризация, которая одновременно выступает как способ конструирования и изменения социальной реальности и как новый гибридный тип рациональности. Определение социальной реальности как фрагментарной требует нового подхода к ее исследованию, а именно: конструктивистского.

Основная часть. Фрагментарность реальности можно выразить в следующем: парадоксальное сочетание реального и виртуального;

размывание центра и периферии; утрата целостного образа реальности, индивидуализированность множества субъективных конструкций реальности. Так, например, фрагментаризация реальности осуществляется с помощью средств массовой информации, в частности, таким приемом, как создание визуального образа в процессе мониторинга множества популярных газет или сканирование пакета ТВ-каналов, т. е. «зэппинг» (zapping) как результат быстрого переключения теле- или радиоканалов. В результате этого происходит наложение и совмещение друг с другом самых различных фрагментов транслируемых изображений, а значит и самой реальности. Целостный ее образ возникает лишь на миг, он возможен только в определенном контексте, «здесь и сейчас». Момент «здесь и сейчас» предстает как случай, который нельзя по-другому выявить, не зафиксировав его как фрагмент. Фрагменты этого уже исчезающего образа целостности не имеют смысловой связи, то, что их объединяет, – это сам миг переключения, перехода из одной смысловой реальности в другую.

Фрагментаризация как новый гибридный тип рациональности упорядочивает неопределенности, правда, до определенной степени, придавая ситуативному фрагменту реальности очертания целостного образа. Фрагментаризацию можно измерить в соответствии с критериями, предложенными М. Вебером для определения формальной рациональности. Так, под

эффективностью фрагментаризации понимается оптимальный способ достижения прагматической цели, связанный с нарушением общепринятых правил за счет создания ситуативных норм. Такая позиция характерна для индивида общества постмодерна, видящего реальность как текст, и извлекающего фрагменты из первоначального контекста, и выстраивающего их заново так, чтобы они оказались вообще свободны от каких бы то ни было контекстов, приписываемых им смысловые коннотации. Калькулируемость предполагает подсчет возможных рисков и их параметры. Предсказуемость связана с сознательным принятием отсутствия принудительной каузальности. Именно поэтому в качестве конкретного осуществления фрагментаризации выступает техника монтажа, предполагающая случайное комбинирование типичных социальных практик. Контроль не может осуществляться как прямой. Фрагментарная реальность представляет собой загадку, предполагающую множественность прочтений и интерпретаций, в силу этого контроль уступает место аллегорическому прочтению реальности. Таким образом, аллегория выступает единственным способом репрезентации истории и времени как катастрофы, как разрыва с ценностями и традицией. Поэтому фрагментаризация, выступая гибридным типом рациональности, проявляется только в моменты социального перехода и трансформации общества, ценностных ориентаций и выбора новых социальных практик. Только в силу этого она может оказывать общее рационализирующее влияние на социокультурное развитие современного общества.

Фрагментарная реальность предполагает новые формы общественной коммуникации, такие как информационные сети. Сеть развивается стремительно, переходя от локальных пространств к глобальным, ее цифровой код утрачивает роль средства, постепенно преобразовываясь в цель. Данный процесс не есть что-то абстрагируемое от реальности, его влияние на социальную структуру современных стран очевидно. В Республике Беларусь эти процессы менее заметны, однако они приобретают прогрессивный характер. Например, Парк высоких технологий, товарно-денежный обмен посредством электронных сетей, информатизация социальной жизни. Поэтому современные процессы фрагментаризации социальной реальности и расширение информационных сетей можно определить как факт становления « сетевого общества ». Социальные сети были всегда (например, семья, круг знакомых и родных, религиозные сети, научные, маркетинговые и др.). Однако в настоящее время их значимость растет.

Концептуальное осмысление феномена сети М. Кастельса базируется на построении сообществ на основе сетевого индивидуализма. Он констатирует, что в силу новых коммуникативных возможностей, предоставляемых сетью, люди постепенно утрачивают некогда прочную связь с локальными сообществами. Если ранее социальная идентичность достигалась путем привязанности человека к месту жительства или профессиональному сообществу, то тенденцией современного общества является переход к более слабым экстерриториальным социальным связям. «Такая индивидуализированная связь с обществом», – по Кастельсу, – «является специфической формой социальности» [1, с. 155]. Связь и взаимодействие сетей определяется способностью к коммуникации на основе «кода», представляющего собой социальное содержание сети.

Философской рефлексии проблему сети подвергли Ж. Делез и Ф. Гваттари, положив в основу концепции связь и гетерогенность сетевой структуры. Центральным понятием здесь является заимствованный из ботаники термин «ризома». Применительно к сети он означает такое количественно-качественное состояние структуры, при котором каждая точка может быть соединена с любой другой в децентрализованной и антииерархичной структуре сети, не имеющей исходного пункта развития. При этом для координации действий и синхронизации результата не нужен центральный орган, главенствующее значение принадлежит здесь коммуникативным связям на основе единого кода. Ризоматическая форма сетевого сообщества становится все более распространенной. Это сфера пересекающихся сетей, накладывающихся друг на друга.

Итак, можно констатировать, что основным отличием новых сетевых структур от традиционных является качественно иной «способ их организации». Развитие телекоммуникационных технологий привело к тому, что в XXI в. доминировать стали не локальные информационные обмены, а удаленные и опосредованные контакты, контакты, осуществляющиеся в распределенной коммуникационной среде. Новая архитектура социального пространства стала развиваться в так называемом «сетевом поле». Являясь единым информационным множеством, в котором информация распространяется мгновенно между всеми акторами, поле предстает в качестве среды, позволяющей социальным классам группироваться и перегруппировываться, а социальным институтам – формироваться или реформировываться.

В основу концепции « сетевого общества » положено представление об информации как

знании, порождающем изменение системы. Фундированная основными положениями электронных систем и технологий сеть непосредственно зависима от их развития. Поэтому качественные изменения, произошедшие в сети, в конечном итоге предъявили сеть как универсальное средство доставки информации для широкой массы потребителей свободных ресурсов. Особо следует отметить также и тот факт, что если в начале процесса социальным пространством адаптировалась сеть, то в данный момент адаптации подлежит то, что еще не в сети. Таким образом, если ранее сеть развивалась, детерминированная потребностями социума, то сейчас сам социум начинает развиваться по законам сети. Экспансия сети в социальную среду подвергла общество трансформации, породила новые формы социальной организации. Значимость иерархических отношений уступает место значимости положения в системе сетевых связей. Эволюция сети приводит к тому, что сама сеть перестает существовать как часть несетевого мира, так как мир становится сетевым, фрагментарным.

Интерпретация социальной реальности как фрагментарной и сетевой определяет новый подход к ее исследованию, а именно: конструктивистский. Используя конструктивистский подход, мы делаем акцент на том, что социальная реальность конструируется в результате взаимодействия людей, которое становится основой возникновения системы, а коммуникация, связанная с действием, наделяет саму систему смыслом. Такой подход актуален в условиях глобализации, так как именно она на сегодняшний день является важнейшим социально-экономическим, политическим и культурным фактором, оказывающим влияние на современное социальное конструирование.

В качестве примера использования конструктивистского подхода к исследованию общества как одновременно коммуникативной, фрагментарной и сетевой реальности можно привести теорию систем Н. Лумана.

Луман создает системную теорию социальных систем, в основе которой лежит отрицание самодостаточности бытия и самоценности смысла. Отсюда порядок реального мира уже не существует независимо от наблюдателя, а представляет его изобретение. При таком конструктивистском подходе реальность зависит от наших попыток и способов ее упорядочить и сама в соответствии с этим изменяется. Таким образом, получается, что наблюдатель и наблюдаемое совместно конструируют друг друга и в процессе такой интерпретации событиям придается смысл и порядок. Так, социальная система у Лумана конституируется смыслом,

который она сама и производит. Главной определяющей общества выступает коммуникация, которая конституирует социальную систему как процесс, в котором возникает смысл и вместе с тем происходит образование системы.

В отличие от радикального конструктивизма, в социальном конструктивизме Лумана не отрицается реальность, напротив, он осуществляет поиск внутренних референтов, «спецификаций» реальности. Среда реальна как внутренний мир системы, неповторимый и индивидуальный. Эту способность систем ссылаться на себя в теории автопоэзиса принято называть «самореферентностью». Другими словами, самореферентность – это порог сложности системы, разграничивающий то, что ниже этого порога, т. е. спонтанный распад систем на простые компоненты, и то, что выше этого порога, т. е. эволюцию к более сложным конфигурациям посредством самоконструирования. Таким образом, вместо понятия объективной действительности Луман оперирует понятием окружающей среды данного конкретного социального организма, которая через этот организм и задается.

В социальной системе, в отличие от биологической, Луман выявляет семантическую замкнутость коммуникативных процессов. Именно в итоге эволюции самореферентных систем и появляется смысл. Так, социальные системы конституированы на основе смысла, или на «способности согласованности», которая только и делает возможным процесс различения на «систему и окружающий мир», вследствие чего события становятся системными элементами. Наблюдатель в социальной системе является звеном в сети процессов, определяющих систему как целостность. Это, в свою очередь, обозначает, что наблюдатель не может выйти за пределы целостности даже для того, чтобы определить границы системы, т. е. он неразрывно связан с целостностью, являясь ее неотъемлемой частью. Стремясь описать систему, наблюдатель модифицирует ее, изменяясь сам. Такое самописание схоже с герменевтическим кругом. Таким образом, в конструктивистском подходе Лумана не игнорируется внешняя среда, просто она рассматривается под другим углом зрения: как внутренний мир системы. Поэтому предметом социального конструктивизма выступает общество как социальная система, которая сама себя истолковывает. Тем самым изменяется и методология социального познания: описание предмета включается в сам предмет описания.

Заключение. В отличие от классической и неклассической рациональности, постнеклассическая рациональность и, в данном случае,

коммуникативная реальность как фрагментарная и сетевая сталкивается с таким типом предметности, познание которого как существующей вне человека законченной «реальности» невозможно. Необходимо достраивание реальности, а значит введение объектной составляющей в контекст требований и решений, обусловливаемых человеческим фактором. Постнеклассическая рациональность не существует вне измерения социально-гуманитарного проектирования, поэтому она не является чисто познавательной рациональностью, претендующей на постижение реальности такой, какая она есть, а наоборот, выступает формой социально-гуманитарной, проектно-конструктивной рациональности. Специфика человекообразных комплексов заключается не в воплощении в реальности и превращении в законченную

конструкцию, а в том, что их осуществление невозможно без соотнесения с определенными социогуманитарными установками. Эта реальность – сфера человеческой жизнедеятельности, – в отличие от объектной реальности, предполагает незавершенность, открытость, превращаемую в действительность решениями, поступками. Таким образом, фрагментарное «сетевое общество» как субъективная реальность в качестве объекта изучения конструируется не процессом ее изучения, а в значительной мере социальными коммуникациями.

Литература

1. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург, 2004. – 687 с.

Поступила 15.03.2012

УДК 316.74:81 + 930.1(045)

О. А. Матусевич, кандидат исторических наук, ассистент (БГТУ)

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

Статья посвящена анализу современной теории памяти в социально-гуманитарных науках, основных подходов и достижений в изучении социальной памяти в западноевропейской гуманитаристике. Автор приходит к выводу, что на современном этапе в зарубежной гуманитарной науке феномен социальной памяти теоретически недостаточно разработан, что в сочетании с междисциплинарным характером исследований часто приводит к полисемантической терминологии и серьезным противоречиям в научном дискурсе.

The article is devoted to the analysis of the terminology which is used in the modern theory of memory in socially-humanitarian sciences. The author analyzes the basic approaches and achievements in studying of phenomenon of memory in the Western European Arts. The author compares concepts of various kinds of memory, defines their specificity. The author comes to conclusion that in the humanity there is an insufficient theoretical readiness of a phenomenon of collective memory. It leads to polysemantic and ambiguity in terminology and creates serious confusion in a scientific discourse.

Введение. Феномен общих коллективных представлений о прошлом стал объектом изучения более века назад. За прошедший период эта тема из маловостребованной у научного сообщества к концу XX в. превратилась в одну из наиболее популярных и даже элитарных. В основном исследования проводились в рамках анализа социальной (коллективной) памяти. Первопроходцами и основными «законодателями моды» по этой проблеме являются западноевропейские гуманитарии, которые в основном и разрабатывают теорию памяти в социально-гуманитарных науках.

Как показывает анализ современной зарубежной литературы, этими вопросами интересуется все больше ученых. Интенсификация социально-гуманитарных исследований феномена социальной памяти неизбежно ведет к формированию теоретических оснований научных изысканий, к попыткам более строго очертить проблемное поле исследований и разработать понятийный аппарат, а также преодолеть междисциплинарную разобщенность, существующую на данный момент в научном дискурсе. Большинство подобных попыток предпринималось в западноевропейской науке, поэтому целью данной публикации является анализ основных теоретических концепций социальной памяти, созданных в XX в. учеными Западной Европы.

Основная часть. Один из родоначальников и наиболее цитируемый теоретик социальной памяти М. Хальбвакс был позитивистом и основывал свой подход на достижениях гуманитарной науки конца XIX – начала XX вв. [1]. Он объявил коллектив субъектом памяти, считая память коллективной функцией, различал память индивидуальную (автобиографическую) и социальную. При этом последняя является составной частью социального мышления наравне с деятельностью рассудка. Память, по его мне-

нию, функционирует только под контролем рассудка. Содержанием памяти являются воспоминания, т. е. коллективные представления (идеи, суждения, образы), подверженные изменениям под влиянием времени и обстоятельств.

М. Хальбвакс ввел понятие «социальных рамок памяти», которые состоят из социально санкционированных, устойчивых и прошедших проверку временем воспоминаний. По сути, социальные рамки представляют собой социально-мемориальный каркас памяти. В тоже время социальные рамки памяти образованы пространством и временем в их социальном значении (порядок физических и социальных событий, признанный и установленный членами определенной группы), что определяет для индивида «чувство реальности», т. е. пространственно-временной каркас. Забывание и искажение воспоминаний М. Хальбвакс объяснял изменением социальных рамок либо исчезновением групп, которые были носителями памяти.

Коллективная память не только социальна, но также является социально образующей. Она обеспечивает преемственность, создает чувство непрерывности движения и единства в группе, выдвигая на первый план сходство и общее в совместном прошлом. Даже индивидуальная память социальна, поскольку основана на идеях и языковых конструкциях, которые создаются обществом и функционирует в определенных социальных рамках.

В своей концепции М. Хальбвакс не обошел вниманием проблему функционирования памяти в индивидуальном сознании, отмечая активную роль в этом процессе рассудка, который реконструирует воспоминания, искажая их под действием настоящего.

Оригинальную концепцию представил немецкий египтолог Я. Ассман, который проанализировал культуру памяти у древних обществ,

в том числе способы создания воображаемого образа через постижение своего прошлого, что формирует не только чувство единства у членов общества, но и чувство единства с уже ушедшими поколениями. Прошлое, по его мнению, и возникает лишь в силу того, что к нему обращаются. Я. Ассман отказался от антропоморфизации общества, свойственной концепции М. Хальбвакса, отмечая, что «коллективы не обладают памятью, но обуславливают память своих членов» [2, с. 36]. Память формируется у человека в результате коммуникации и социализации, она индивидуальна ввиду своей уникальности (комбинации воспоминаний), но социальна по своему происхождению. Все понятия, идеи, образы, которые по М. Хальбваксу «населяют» нашу память, Я. Ассман назвал «фигурами воспоминания», которые представляют собой «культурно сформированные, общественно обязательные “образы воспоминания”» [2, с. 39]. Поэтому коллективная память является социальной конструкцией, формируемой духовными потребностями и контекстом настоящего. «Прошлое не вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества» [2, с. 50].

Понятие «коллективная память» Я. Ассман использует как наиболее общее. Коллективная память функционирует в двух модусах: коммуникативной и культурной памяти. Коммуникативная память является «живой», охватывает биографические воспоминания, которые связаны с недавним прошлым 3–4-х поколений (приблизительно 80 лет). Культурная память имеет дело с так называемыми обосновывающими воспоминаниями, относящимися к абсолютному прошлому. Она специально учреждается, носит символический и мифологический характер и институционализована. Воспоминания, составляющие содержание культурной памяти, призваны обосновывать идентичность группы.

Я. Ассману удалось разрешить многие вопросы теории памяти в социально-гуманитарном знании. Редкая теоретическая либо обзорная статья по теме памяти обходится без цитирования его идей. Впрочем, спорным является его утверждение, что память шире сознания [2, с. 22], поскольку память наравне с вниманием, эмоциями, познанием является элементом сознания. Поэтому память гораздо более ограничена по своему содержанию и функциям, нежели сознание, которое может управлять образами памяти, вызывать их, стирать и трансформировать, в то время как память осуществляет конкретный набор операций с информацией: запоминание, хранение, накопление, воспроизводство и забывание. Процессы

осмысления, оценки и интерпретации относятся к сфере деятельности мышления, а не памяти. Даже тот образ реальности, который сохраняется в памяти, первоначально преломляется в сознании человека. Поэтому можно говорить, что не существует чистых фактов памяти. И выбор историками или социологами памяти в качестве предмета исследования является достаточно условным.

На проблему соотношения социальной (коллективной) памяти и исторического сознания обратил внимание английский методолог Д. Тош [3, с. 11–29]. Он считает, что коллективная память является надбиологической функцией, хранилищем опыта, позволяющим выработать чувство идентичности и оценить направление своего развития. Это своего рода популярное знание о прошлом. Устную передачу социальной памяти, которая существовала в неписьменных обществах либо безграмотных социальных слоях, заменили СМИ, кино, школьные учебники и популярные исторические издания. По сути, Д. Тош считает социальную память социально мотивированным взглядом на прошлое.

Социальная память обладает характеристиками, которые приводят к серьезным искажениям ее содержания. Во-первых, это уважение к традиции, которое часто может санкционировать замалчивание перемен или вообще отрицать их. Во-вторых, это ностальгия, которая оценивает все изменения отрицательно и представляет прошлое как альтернативу настоящему. В-третьих, вера в прогресс приводит к тому, что все перемены наделяются положительным моральным содержанием. Преобладание той или иной черты определяет вектор эволюции и роль в обществе социальной памяти.

Согласно Д. Тошу, социальная память представляет собой форму исторического сознания. Вторая, более поздняя форма исторического сознания сформировалась под влиянием историзма на основе трех принципов: различия между прошлым и настоящим, понимания истории как процесса и учета контекста. В результате это привело к формированию элитарного (научного) сознания в противовес массовому (обыденному) сознанию, основу которого составляет социальная память.

Рассматривая развитие социально-гуманитарной теории памяти, нельзя обойти стороной концепцию, предложенную французским историком и издателем П. Нора. Исследовательская стратегия, воплощенная им в многотомном издании, была озвучена еще М. Хальбваксом, который отмечал, что для того, «чтобы прикоснуться к исторической реальности [стоящей за воспоминанием – О. М.], необходимо выйти за пределы своего “я”, усвоить точку зрения группы,

увидеть, как тот или иной факт стал памятной датой потому, что проник в круг национальных забот, интересов и пристрастий» [4].

П. Нора призвал изучать не само прошлое, а его репрезентацию в настоящем, не факты, а образы и их эволюцию в социальном пространстве. Он предложил понятие «места памяти», которые представляют собой опорные пункты коллективной памяти, социально-мемориальный каркас, или социальную рамку памяти по М. Хальбваксу. «Места памяти» выполняют интегративную, ориентирующую, идентификационную, конституирующую функции в обществе, могут появляться стихийно или быть специально организованными. Они имеют материальное, символическое и функциональное значение: «места памяти» являются результатом воображения и кристаллизации воспоминаний, для них характерно ритуальное измерение и материальное воплощение. Такими опорными пунктами памяти может быть все, что угодно: историческая личность, здание, учебник, географическая местность – главным условием является наличие символического исторического значения [5].

Активизацию социальных памятей групп в обществе П. Нора связывал с идеологической деколонизацией и эмансипацией меньшинств, для которых утверждение своей памяти равнозначно признанию их особенности большинством, что является способом культивирования своей идентичности.

Множественность памятей, а главное их экспансионистский характер, П. Нора оценивает негативно. «Всеобщая тенденция переписывать прошлое в свете памяти и судить его от ее имени прямо ведет к упразднению любых форм исторического мышления» [6]. Характеризуя современную ситуацию в Европе, и особенно во Францию, он отмечает пагубную тенденцию переписывания истории либо табуирования исследований конкретных событий под давлением групп, носителей определенной памяти. «Мы переходим от скромной памяти, которая лишь просит признания, уважения и хочет войти в большой нарратив коллективной истории нации, к памяти, обвиняющей и уничтожающей эту историю, навязывающей вместо общей интерпретации свое пристрастное и одностороннее видение. Нетерпеливо требующей придать своей версии прошлого официальный статус и оградить ее стеной республиканского закона. Готовой во имя страдания, которое она путает

с истиной, отстаивать свои требования, не слишком задумываясь о средствах» [6].

Если обратиться к основным тенденциям в современной теории социальной (исторической) памяти в немецкой гуманитарной науке, то здесь очевидно влияние психоанализа на изучение содержания коллективных представлений о прошлом и механизмов их функционирования. Такой подход позволил на определенном этапе преодолеть в Германии завесу молчания относительно событий времен гитлеризма, особенно Холокоста. Однако активное смешение теории психоанализа и теории социальной памяти часто ведет к спекулятивности выводов и вульгаризации научных концепций.

Заключение. Теория социальной памяти в западноевропейской гуманитарной науке представлена рядом подходов, которые нередко имеют серьезные концептуальные различия, что в сочетании с междисциплинарным характером исследований приводит к полисемантической и серьезным противоречиям в научном дискурсе.

Литература

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
2. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Тош, Д. Стремление к истине / Д. Тош. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2000. – 294 с.
4. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – 2005. – № 40–41. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. – Дата доступа: 07.02.2012.
5. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – 2005. – № 40–41. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. – Дата доступа: 07.02.2012.
6. Нора, П. Расстройство исторической идентичности: доклад на международном круглом столе «История, историки и власть», Москва, 2 февраля 2010 г. / РАН; П. Нора // Мир истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm>. – Дата доступа: 07.02.2012.

Поступила 15.03.2012

УДК 0.88

В. В. Криворотько, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)**ПАРАДИГМА УНИВЕРСАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА
И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА**

Статья посвящена теоретическому анализу слабо разработанной методологической проблемы трансформации географической картины мира в постнеклассической науке. Главное внимание уделено парадигме глобального эволюционизма и ее методологической роли в синтезе пространственно-территориальных представлений о динамике геверсума. Указано на необходимость углубления и совершенствования современной географической картины мира как конкретной модели теоретического синтеза знаний о природе и социуме.

The article deals with analysis of weakly developed a methodological problem of transformation a geographical picture of the world in postnonclassical science. The main focus the global paradigm of evolution and its role in the synthesis of the methodological territorial representation the dynamics of geoversum. Identified the need to deepen and improve the current geographic pattern of the world as a concrete model of a theoretical synthesis of knowledge about nature and society.

Введение. Становление и совершенствование методологии глобального эволюционизма как новой парадигмы постнеклассической науки позволяет переакцентировать стратегию научного исследования на универсальные (интегральные) процессы развития социума и природы. В этой связи, в контексте принципа универсальной эволюции, представляется возможным продуктивно переосмыслить и уточнить роль и значение не только процесса геогенеза в динамике универсума в целом, но и преодолеть некоторые методологические проблемы теоретического (концептуального) синтеза знания в географии. Важным аспектом этой проблемы становится критический анализ фундаментальных теорий, гипотез и идей географии в рамках описания закономерностей эволюции географической реальности и ее научной интерпретации в современной географической картине мира. Не менее актуальным остается вопрос механизма последующей ее интеграции в общенаучную картину мира.

Основная часть. В настоящее время в философско-методологической литературе большое внимание уделяется анализу и аргументированному толкованию процесса формирования актуальной общенаучной картины мира. Она предстает как непростой и противоречивый субъектно-объектный научный феномен, особенности которого тесным образом связаны как с мировоззрением, так и с фундаментальными научными теориями. Само понятие «научная картина мира» имеет широкий спектр смысловых значений и сопровождается рядом синонимов: «модель мира», «образ мира», «видение мира» и т. д. В широком смысле этот термин применяется не только для обозначения развивающегося мировоззрения, но и в более узком смысле – тогда, когда речь заходит о научных онтологиях, т. е. тех представлениях о

мире, которые являются особым типом научно-теоретического знания. В этом значении научная картина мира выступает как специфическая форма систематизации и синтеза научного знания, задающая видение предметного мира науки соответственно определенному этапу ее функционирования и развития [1].

Научная картина мира имеет сложную структуру, которая подразделяется на общенаучную и специально-научную картины мира. Последняя отражает физическую, химическую, геонимическую, биологическую и социальную реальности. Важнейшей составной частью общенаучной картины мира является естественно-научная, представляющая собой конкретную форму синтеза знаний, полученных в рамках соответствующих дисциплин. Другой ее частью выступает общественно-научная картина мира. И правда, справедливо отмечается, что каждая наука, постигая реальный фрагмент объективной действительности, вносит свой особый вклад в углубление научной картины мира. Однако сегодня актуальной становится задача научного обоснования объективных механизмов процесса взаимодействия и интеграции природных и социальных реальностей в рамках биосферы в целом. Для решения столь масштабной методологической проблемы необходимы усилия естественных и общественных наук. И здесь следует обратить особое внимание на теоретическое наследие тех дисциплин, которые исторически на протяжении многих веков пытались найти решение этой задачи. Таким наследием обладает современная география, в научном арсенале которой нарабатаны разнообразные теоретические подходы и идеи решения этой проблемы. Следует отметить, что изначально природа географического знания позволяет целостно и синтетически осмыслить природу территориальности земной

поверхности. Поэтому она обоснованно занимает уникальную нишу среди фундаментальных наук: это единственная наука, которая сочетает естественную и общественную составляющую, и все в большей степени испытывает тенденцию к интеграции, формируя географическую картину мира. Далее в статье мы будем использовать это понятие в общегеографическом смысле, охватывая весь комплекс географических дисциплин.

Своеобразный статус географической картины мира позволяет рассматривать ее как особую форму интеграции естественно-научной и общественно-научной картин мира. Она лежит в основе знаний, отражающих представление человека о взаимодействии биосферы и социума в их исторической динамике. В таком понимании ее природы заложены не только дуализм (двойственность), но и полиморфизм предмета изучения географии. Именно поэтому традиционно сложились две относительно самостоятельные (частные) географические «модели мира»: физико-географическая и социально-географическая. На протяжении многих веков они развивались относительно автономно по отношению друг к другу, достигнув конкретных результатов в своих научных направлениях.

По мнению многих исследователей, изучающих динамику и развитие научного знания, термин географическая картина мира нечасто встречается в философско-методологической литературе. Это объясняется рядом причин объективного характера особенностей и специфики эволюции географической науки.

Так, начиная с 60-х гг. XX в., были предприняты первые серьезные попытки осмыслить содержание этого понятия А. М. Колотиевским, В. П. Максаковским, У. И. Мересте и С. Я. Ныммиком, Э. Б. Алаевым, Э. Неефом, В. С. Преображенским, Н. К. Мукиановым, И. В. Круть [2, 3, 4] и др. В предельно широком значении можно согласиться с тем, что географическая картина мира лежит в основе научных знаний современной географии и отражает историческую динамику представлений человека о природе и обществе, его отношение к ним.

В процессе эволюции этой «модели мира» объект исследования географии – «геоверсум», или географическая реальность (геопространство), – отражался по-разному. На первых этапах геокартина мира полностью соответствовала додисциплинарной структуре науки. Это период доминирования механистической картины мира эпохи Нового времени, которая репрезентировалась как общенаучная, включающая в себя как естественно-научную, так и специальную картины мира. В преломлении к географическим исследованиям он совпал с этапом Великих

географических открытий, которые расширяли и углубляли Ойкумену наших пространственных представлений о геоверсуме. На этом этапе развития географическая картина мира исторически совпадала с картиной земной поверхности и была отражена в виде картографической модели земной поверхности (географической карты).

Позже, в период перехода к дисциплинарно-организованной науке в процессе ее дифференциации, стали формироваться ветви естественно-научного, технического, а затем и гуманитарного знания. Ведущей тенденцией развития становилась разработка представлений о собственном предмете исследования, т. е. специальной «модели мира». В контексте географических исследований начала оформляться новая «модель» научной картины мира в географии. Она получила название компонентно-отраслевой и комплексно-региональной. Были разработаны первые концептуальные представления о природном комплексе и его компонентах, о региональных социально-экономических системах и отраслях хозяйства, а также о географическом, природном, хозяйственном и демографическом районах.

Становление и развитие постнеклассической науки и доминирование процессов синтеза знаний стало предвестником появления нового этапа в трансформации научной картины мира. Фундаментальной основой развертывания этого процесса становится интеграция принципов глобального эволюционизма, ведущих не к унификации или редукции к одному онтологическому основанию какой-либо науки, а к многодисциплинарному единству естественных, технических и социальных дисциплин. В рамках географических исследований постепенно укрепляется комплексное мышление, функционирующее на основе системного подхода в анализе разнокачественных процессов, протекающих в современной геосфере. Начинают формироваться теоретические представления об управлении территориальной организацией социума, о ресурсах территориальных систем, емкости и устойчивости геосистем и т. д.

В процессе постиндустриальной трансформации социума, усиливающейся глобализации, а также экологизации общественного сознания современное территориальное «видение мира» стало испытывать тенденцию к отражению многомерности пространственных взаимосвязей материальных и когнитивно-ментальных систем. Развертывание процесса «ноосферизации» современного научного знания ставит перед современной географической теорией новые методологические проблемы. Насколько целостно и всесторонне в географической картине мира отображается объект исследования –

геоверсум? Существует ли подобный единый (общий) объект изучения современной географии? Разработаны ли адекватные общегеографические подходы (теории, концепции и идеи), имеющие интегративный потенциал для теоретического синтеза географического знания и совершенствования географической картины мира, и т. д.?

Это, в свою очередь, предполагает инновационно переоценить предыдущие достижения теоретического наследия географического знания, в частности, тех концептуальных подходов и идей, которые в результате определенных ценностно-мировоззренческих установок не получили достойного внимания и последующего развития. Это, прежде всего, касается тех положений и теорий, которые обладают сквозным, проникающим характером, имеющим интегративный потенциал. В истории развития географических идей особое внимание отводилось поиску единых методологических оснований для последующих широких теоретических обобщений. Так, в середине XX в. отмечается интерес к номотетическим идеям в географии и попыткам на их основе установить общие законы функционирования географической реальности. Последующим шагом в развитии теории географии стали концепции «географической формы движения» (А. А. Григорьева), «математической географии» (Ю. Г. Саушкина), «конструктивной географии» (И. П. Герасимова) и «территориализации» общественной практики (Б. М. Ишмуратова). Далее разработка «модельной парадигмы» (Т. Куна, П. Хаггета, Р. Чорли), затем «системной парадигмы» (Д. Харвея) и «теоретической географии» (В. Бунге) серьезным образом обогатили и углубили теорию географии. Однако по разным причинам они не смогли стать в полной мере теоретическим основанием для поиска единого объекта изучения географии и обоснования общегеографической картины мира. Определенное несовершенство (неполнота) проявилось как в концептуальном (законы и понятия), так и в чувственно-образном (наглядные представления о геоверсуме и модели геопространства) планах.

Переход к ноосферному мышлению позволяет инновационно переосмыслить идею глобального эволюционизма в контексте обоснования современной географической картины мира. Географическая реальность (геоверсум) является результатом развертывания глобальной эволюции Вселенной, в частности, развитием процесса геогенеза. В предельно общем смысле в рамках этого процесса формируется общий объект географического познания – геоверсум (или географическая оболочка Земли). В его структуре следует выделить «дообщест-

венную» геооболочку, которая является основным элементом физико-географической «модели» мира. С появлением биосферы, а затем и антропосферы геоверсум нашей планеты стал испытывать постепенное усложнение, которое привело к становлению социосферы и в ее рамках техносферы. Она, в свою очередь, способствовала трансформации биоэкосистем и природных ландшафтов в антропогенно-техногенные геосистемы, отражающие социоприродные закономерности развития. В целом все эти новообразования геоверсума («общественной» геооболочки) стали центральным звеном уже социально-географической картины мира.

Из этого следует, что в ходе постоянно развивающегося процесса геогенеза, охватившего всю географическую реальность в целом, отчетливо прорисовывается и общий объект географии – геоверсум как особое геопространство объективной реальности. Нам представляется, что такое видение позволяет утверждать: географическая картина мира представляет собой один из вариантов (моделей), интегрирующих представления об общих пространственно-территориальных свойствах биосферы. В основе трансформации географической картины мира лежит парадигма глобального эволюционизма, позволившая в качестве сквозной (объединяющей) идеи инновационно переосмыслить проблему поиска единого предмета исследования современной географии.

Заключение. Парадигма глобального эволюционизма становится продуктивным методологическим основанием дальнейшего продвижения по пути реализации механизма теоретического синтеза гуманитарного и естественно-научного знания. Конкретная модель реализации этого синтеза знаний осуществляется в контексте развития географической картины мира, которая демонстрирует попытку поиска ноосферных стратегий развития, отвечая на современные вызовы цивилизации.

Литература

1. Степин, В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. – М.: ИНФАН, 1994. – 274 с.
2. Максаковский, В. П. Географическая культура / В. П. Максаковский. – М.: Владос, 1989. – 416 с.
3. Мересте, У. И. Современная география. Вопросы теории / У. И. Мересте, С. Я. Ныммик. – М.: Мысль, 1984. – 296 с.
4. Алаев, Э. Б. Социально-экономическая география / Э. Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.

Поступила 30.03.2012

УДК 101:1:316

М. В. Подручный, ассистент (БГТУ)**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОБИОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА**

В статье рассмотрено взаимодействие понятий и принципов биологического эволюционизма с общекультурными идеями биосферы, ноосферы, коэволюции; раскрыты мировоззренческие аспекты методологических трансформаций современного биологического эволюционизма; выявлен эвристический потенциал синергетического подхода к решению проблем глобального эволюционизма. Обоснован синтетический характер социобиологического знания, обозначены основные принципы традиционной социобиологии.

The article analyzes the methodological foundations of a new conceptual approach to synthetic biology. The paper presents a philosophical understanding of the principles of emergence, historicism and sinergetism, which will form the basis for a holistic approach involving the synthesis of science and human science.

Введение. Для биологии характерна борьба двух традиций – эволюционизма и структурализма. Эта борьба была в действительности борьбой двух несовместимых точек зрения на одно и то же явление, двух интерпретаций явления. В конечном счете, это была борьба двух пар тем: темы непрерывности и темы дискретности в одном случае и темы телеологичности и темы случайности – в другом. Лишь в самое последнее время исследователи начинают осознавать, что эти действительно различные, оппозиционные теоретические интерпретации реальности равноправны.

Основная часть. Организмоцентризм и видоцентризм оказались двумя дополнительными подходами, поэтому бессмысленно структурные уровни организма рассматривать только с позиций исторического развития, и наоборот, популяционные процессы рассматривать только как результат генетических и эпигенетических процессов. Точно так же попытки свести все многообразие органического мира только к цепи непрерывных изменений, «филогенетическим древам» ведут к громадному числу противоречий. Другой пример – взаимодействие наблюдателя и объекта наблюдения. Во многих биологических дисциплинах проблема «инструментального спаривания» в скрытом виде существовала всегда, но анализ ее никогда не поднимался выше уровня методических рассуждений. Любое непосредственное исследование структуры и функции, будь то в отношении клетки или биоценоза, одновременно оказывается и воздействием на эти структуры и функции. Существует неявное соглашение, что исследователь изучает действительный объект, а не реакцию объекта на свое воздействие.

Для этих поведенческих наук, в отличие от корпуса классических дисциплин биологии, проблема взаимодействия субъекта и объекта в процессе исследования есть центральная методологическая проблема. Поскольку взаимодействие

здесь более чем осознается, его требуется еще и проинтерпретировать. Важный момент познавательной деятельности составляет «внедрение», «вживание» наблюдателя в объект своего исследования. Но ведь само это «вживание» невозможно без одновременного усвоения и понимания объекта. А момент понимания – уже специфика гуманитарного познания. Между тем и этология, и зоопсихология в своем познании ориентированы исключительно на принципы и методы естествознания.

Именно методический и гносеологический дуализм наук о поведении живых систем порождает те спорные моменты, которые появляются при всякой попытке широкой интерпретации результатов их исследований. Выход здесь видится именно в интеграции гуманитарного и естественно-научного знания, которая должна затронуть и область гносеологии.

Подобное сближение происходит в рамках не только методологии, но и онтологии: исследование человеческой деятельности как природной силы требует исследования и самого человека, но не только как биологической системы. Единичность объекта исследования, его постоянное изменение под непрерывным воздействием со стороны «субъекта исследования» (его же самого), а также вынужденное своеобразие «взгляда изнутри» – эти специфические особенности гуманитарного познания оказываются теперь и особенностями естествознания.

Таким образом, естествознание, и в частности биология, находится в своеобразной методологической ситуации, когда внутри него реально существуют две эпистемологии, два способа познания мира, и исследователи в своей практике пользуются обоими способами, зачастую не подозревая об этом.

В поведенческих науках ситуация гораздо более сложна, чем в иных разделах биологии, и, как теперь кажется, традиционными средствами

неразрешима. Эти науки, как и все прочие, ориентированы на достижение «истинной научности», признаками которой считаются однозначность описания, возможность математической формализации данных и близкое соответствие наблюдаемых явлений теоретическим схемам. Всякий же, кто начинает глубоко анализировать эти требования применительно к поведенческим наукам, вынужден бывает прийти к выводу об их невыполнимости даже в минимально достаточной степени.

Однозначному, жестко детерминированному описанию поддается только малая часть поведения системы, чаще всего индивидуальное поведение животных и человека. Большинство же видов взаимодействия, хотя и может быть типологизировано, подвержено влиянию множества случайных внешних факторов и зависит от потребностей, установок и «ценностей» системы (т. е. от ее «внутреннего мира»).

Надо отметить, что такое положение с поведенческими дисциплинами имеет историческое оправдание. Изучение поведения (прежде всего животных) издавна рассматривалось не как самостоятельное научное направление, а лишь как средство для получения знаний в сугубо утилитарных целях – для развития медицины и сельского хозяйства. Этот прагматический подход отразился в целях и методах поведенческих исследований и в системе принципов познания, которые во многом заимствовались из физики безусловно и неосознанно. Можно указать по крайней мере три наиболее крупных, которые связаны с появлением новых подходов к исследованию поведения и новых поведенческих дисциплин.

Первая такая попытка была предпринята Э. Махом. Вторая, осуществленная через несколько десятилетий после первой, явилась в образах бихевиоризма и этологии. Третья попытка относится к началу 1970-х гг. и связана с появлением социобиологии. Все три попытки с гносеологической точки зрения представляют собой весьма простые приемы сведения сложных систем (организмов и сообществ) к взаимодействию их структурных компонентов, физиологическим и биохимическим механизмам, взаимодействию генных комплексов или генов.

Новая нефизикалистская методология все больше проникает в поведенческие науки отчасти в силу объективных процессов – как следствие роста знания, отчасти же благодаря сращиванию, конвергенции или интеграции биологического и социогуманитарного знания. Теперь уже можно говорить о зачатках новой методологии в поведенческих науках и даже о новых принципах познания.

Можно выделить четыре базисных положения в науках о поведении сложных систем

(организмов и обществ): принцип историзма, самоорганизации, эмергентности и принцип аксиологичности.

Принцип историзма – самый традиционный в поведенческих науках и вообще в биологии и обществознании, хотя свое развитие он получил спустя два века после появления современной науки. Это развитие в XIX в. шло первоначально в русле философии истории, рассматривавшей общество как часть природы. Данный принцип развивался также в рамках эволюционной биологии.

Историзм – это есть представление о всяком процессе как о развитии с качественным результатом. Принцип эволюционизма – не что иное, как частный случай принципа историзма. Всякий эволюционный процесс конкретен и потому индивидуален, следовательно, он протекает в конкретных исторических условиях, т. е. имеет свою историю. Этот момент указывает на тесное сближение между главными принципами познания в современной биологии и в современных социогуманитарных науках.

Принцип самоорганизации – это подход к биологическим и социальным системам как к самоорганизующимся, т. е. способным к изменению внешних и внутренних условий своего существования. Самоорганизация – это функционирование сложных систем, которые имеют свойства совершенно иные, чем свойства классических физических систем. А главные черты сложности – необратимость и стохастичность. Ныне эти понятия начинают проникать на фундаментальный уровень описания природы. Кроме того, подобным сложным химическим и биологическим системам присущи и такие свойства, как «погруженность» в среду, невозможность существования вне среды (а значит, и внутренняя, спонтанная активность). Для них характерно также наличие множества устойчивых состояний в противоположность близким к равновесию ситуациям, где имеется всего одно устойчивое состояние. И это свойство мультиустойчивости сложной системы есть причина появления у нее истории: конкретные устойчивые состояния зависят от пути, по которому система развивается. Поэтому для такой системы «будущее остается открытым». Эмпирические исследования свидетельствуют о всеобщности процессов самоорганизации в природе: она оказалась свойством, в равной мере присущим и живой, и неживой природе.

Принцип эмергентности предполагает холистический подход к изучению всякого объекта, несводимость свойств объекта к свойствам его структурных элементов. Принцип эмергентности полно выражен в системном подходе. Сложная система в принципе не может быть описана

исчерпывающим образом – в смысле полноты описания физических объектов. Более того, она не может быть описана единственным образом, отсутствует единственный, привилегированный способ описания ее поведения. В обычных физикалистских нормативах описания объектов нет средств описывать знания о целостности объекта, включать в знание о нем саму познавательную деятельность, ценностные аспекты и поиск целеполагающих факторов. В отличие от физикалистского норматива описания, для которого характерна модальность долженствования, описание сложных систем должно вестись в модальности возможного. Это связано с неполнотой описания поведения сложной системы: знание поведения ее отдельных элементов или регулятивных структур не позволяет судить о работе всей системы [1]. Неполнота и неоднозначность описания сложной системы, выступающие как результат применения принципа эмергентности, обязаны своим «явлением» тому, что новое качество, возникающее в сложной системе и в ее поведении, по сравнению с составляющими ее элементами и их поведением, как правило, нематериального, нефизического порядка. Это новое качество есть некий «лишенный телесности» продукт взаимодействия элементов.

Целостность сложной системы, обладающей сложным поведением, порождена взаимодействием ее элементов. Устойчивость взаимодействий, необходимая для существования системы, приобретает значение регулятивных механизмов. Принцип действия регулятивных механизмов основан на «нормативности»: всякая регуляция предполагает «знание» системой «нормы» конкретного поведения, а наряду с ним и «знание» о границах «нормального» поведения. Это первый аспект.

Второй аспект заключается в том, что сложное поведение не только многофункционально и вариативно – оно должно быть иерархически организовано, «целесообразно», т. е. отдельные виды поведения должны реализовываться адекватно ситуации и не конкурировать друг с другом. Признание за сложной системой способности ее к оценке приоритетов поведения обуславливает введение еще одного принципа – принципа аксиологичности.

Принцип аксиологичности означает такой подход к исследованию поведения сложной системы, при котором предполагается, что ей свойственны целенаправленное поведение, выбор приоритетных целей из совокупности значимых в каждый конкретный момент времени и что система имеет особую регулятивную подсистему, иерархию ценностей, которая организует «нормативность» поведения системы.

Вообще говоря, всякое поведение есть выбор из нескольких вариантов. Системы со сложным поведением чаще имеют не альтернативу, а большой набор различных вариантов ответа на действие одного-единственного раздражителя. Эта вариативность обусловлена не природой раздражителя, а природой самой системы. Конкретный ответ зависит от контекста.

Наличие потребностей и иерархии потребностей предполагает и план поведения. В его простейшей форме это необходимость планирования непосредственного поведения, чтобы достичь поставленной цели.

Таким образом, необходимыми компонентами сложного поведения являются выбор из нескольких вариантов поведения, следовательно, наличие подсистемы ценностей в качестве регулятивного механизма. Тогда в понятие «ценность» следует вкладывать очень широкое содержание – то, что имеет жизненное значение для системы. Иерархия ценностей – ранжирование по значимости достаточно большого набора ценностей, которое не определяется раз и навсегда. Подход к описанию поведения системы на основе принципа аксиологичности предполагает недоопределенность самого описания, а потому и принципиальную неполноту описания системы. Поведение системы не может быть предсказано полностью, часто узловые моменты его для наблюдателя приобретают стохастичность.

Заключение. Итак, принципы историзма, самоорганизации, эмергентности и аксиологичности, возможно, составляют гносеологическую систему поведенческих наук. Она отлична как от физикалистской, так и от гуманитарной гносеологии. Возникающая на ее основе методология есть методология системного подхода. Поэтому принципы поведения сложных систем суть, по видимому, нормативы системного описания.

В практическом плане важнее следующий шаг: описание и анализ поведения сложных систем, основывающиеся максимально последовательно на изложенных принципах познания. Необходимо проанализировать и свести воедино все иные подходы к описанию сложных социальных систем, которые были предприняты в биологии и социологии. Надо рассмотреть историю вопроса, где в силу его специфики доминирующее положение занимают биологические подходы. Биосоциальная проблематика являлась и является главным связующим звеном между биологией и социогуманитарными дисциплинами.

Литература

1. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин. – М.: Наука, 1989.

Поступила 30.04.2012

УДК 577:1

О. А. Карканица, ассистент (БГТУ)**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ВКЛАД ЕВГЕНИКИ В ФОРМИРОВАНИЕ БИОЭТИКИ**

В данной статье осуществляется содержательный анализ основных задач, проблем и отдельных ценностных установок евгеники и биоэтики, позволяющий раскрыть их взаимосвязь. Подчеркивается, что обращение к основным идеям евгеники, историческому опыту реализации евгенических программ обладает определенной эвристической значимостью для формирования современных представлений о взаимоотношениях человека с собственной природой, осмысливаемых в рамках биоэтики. Евгеника представлена как направление, в рамках которого впервые возникло осознание необходимости превращения этики и морали в своего рода инструмент реинтегрирования человека в природный контекст.

This article performs profound analysis of the main tasks, key problems and particular value systems of eugenics and bioethics. The analysis gives an insight into their interrelation. It's emphasized that the reference to the central ideas of eugenics, to the historical skill of eugenic programs realization possesses definite heuristic importance for the formation of the contemporary ideas of the human being's realization with his own nature in the context of bioethics. Eugenics is presented as a course inside of which the perfection of necessity of turning ethics and morals into a sort of device of the man's reintegration into natural context arose for the first time.

Введение. В евгенической теории и практике получили обоснование наиболее спорные вопросы, связанные с исследованием актуальной в настоящее время проблемы будущего человеческой природы. Именно поэтому обращение к основным идеям евгеники обладает определенной эвристической значимостью для формирования современных представлений о взаимоотношениях человека с собственной природой, осмысливаемых в рамках биоэтики. Более того, можно утверждать, что евгеника внесла достаточно весомый теоретический вклад в развитие биоэтики, определив в значительной мере ее проблемное поле и содержание отдельных ценностных установок.

Основная часть. Известно, что вопрос о биологическом будущем человечества в теоретической форме впервые был поставлен Ф. Гальтоном, который обосновал научный подход к изучению наследственных признаков человека. Опираясь на основные положения эволюционной теории Ч. Дарвина, Гальтон и его последователи представили человека как продукт длительной эволюции живой природы, в формировании которого нашли отражение общебиологические закономерности, и впервые обратили внимание на необходимость учета влияния цивилизационного фактора на эволюцию человечества как вида, предположив, что законы его развития, создающие условия для снятия действия естественного отбора, не всегда адекватны законам развития органического мира. На этой концептуальной основе была обозначена необходимость гармонизации природного и социального развития, а человек, мотивированный подобной необходимостью, переставал рассматриваться как пассивный субстрат

в руках высших сил, божественных или природных, и оценивался как самодетерминированное существо, приобретающее способность контролировать фундаментальные процессы жизнеобеспечения.

Подобная установка была не просто новационной для своего времени, она противоречила основным принципам традиционного морального сознания, культивировавшего представления о том, что человек не обладает правом произвольного манипулирования своей биологической сущностью [1]. Более того, благодаря развитию евгенических представлений становятся очевидными границы традиционной морали, не позволяющей осмыслить имеющимися в ее распоряжении средствами те проблемные ситуации, которые выявляет евгеника.

Всю совокупность проблем, раскрывающих содержание нравственных коллизий евгеники, выявляемых, в конечном итоге, и на уровне биоэтической проблематики, можно редуцировать к двум основным. Во-первых, это вопрос о «главном селекционере», в качестве которого выступает компетентное и обеспеченное соответствующим объемом власти лицо или совокупность лиц, наделенных соответствующими полномочиями, на основании генетической информации принимающих общественно значимое решение об ограничении репродуктивной свободы индивидов. В целом полномочия «главного селекционера» отдаются евгениками специфическим совещательным органам, в структуру которых должны входить не только медики, но и юристы [2]. Рождение ребенка «непригодными» родителями должно оцениваться представителями такого рода структур и

общественностью не просто как евгеническое, но и как нравственное преступление.

В определенном смысле концептуально оформленная идея о необходимости учреждения совещательных органов, которые бы осуществляли специфическую экспертизу в вопросах генетического контроля, может рассматриваться в качестве одной из важных предпосылок институционализации морали и трансформации представлений о ее субъекте. Сегодня с учетом того, что глобальные процессы и проблемы требуют общепланетарных перемен в поведении больших масс людей, именно формирование коллективных субъектов морали, ответственных за включение нравственных ценностей в деятельность социальных институтов, по мнению некоторых авторов, таких, например, как Г. Ионас, способна обеспечить выживание человечества. Если императивы традиционной нравственности были обращены к индивиду, а последствия его моральных поступков затрагивали лишь его непосредственное окружение и не выходили за пределы сроков его жизни, то в новых условиях возникает потребность в этических принципах, обеспечивающих будущее человеческой природы в целом [3]. Примером институционализации морали может выступать формирование биоэтических комитетов, деятельность которых определяется международными требованиями. В соответствии с такого рода требованиями, каждый протокол научного исследования на человеке, должен пройти предварительную независимую этическую экспертизу. Помимо обеспечения защиты прав, безопасности, благополучия и достоинства людей, являющихся пациентами или участвующих в медико-биологических исследованиях в качестве испытуемых, подобные экспертизы включают в себя и такой критерий, как общественная значимость предлагаемых разработок.

Во-вторых, смысловую ось нравственных проблем евгеники обуславливает вопрос о судьбе выбракованных особей (т. е. неполноценной жизни), в значительной степени конфронтующий благо и свободу отдельного человека и заботу о будущем человечества. Несмотря на то, что однозначного ответа данный вопрос в рамках евгенического учения не получил, в целом характер его решения не предполагал применения жестких норм, ущемляющих права личности: ограничение прав индивидов с тяжелой наследственной патологией предусматривалось лишь в отношении их репродуктивной свободы и не затрагивало гражданский статус.

Многими последователями Гальтона, такими как Г. Дж. Меллер, Н. К. Кольцов, ценность

жизни (уже имеющейся в наличии) признавалась априори: «...сама жизнь есть высшее благо, развитие жизнеспособности есть главная задача расовой евгеники» [4]. Представления о более и менее ценной жизни возникают лишь как попытка определения генетического вклада той или иной категории граждан в будущее человеческой природы. Другими словами, характер решения поставленных нравственных вопросов в целом задавался на основе тезиса об ответственности перед будущими поколениями, эксплицировавшего этическое измерение первых евгенических программ. Данный тезис фиксирует в себе, пожалуй, первую попытку осмысления одной из важнейших глобальных проблем – проблемы генетического будущего человечества, которая также находит отражение в контексте биоэтики.

В целом, таким образом, евгенический идеал предполагал приоритетную значимость естественных ценностей (в частности, здоровья и силы человека, обусловленных хорошей наследственностью) как наиболее адекватных действительным интересам общества. В соответствии с этой установкой, просветительскому принципу равенства была противопоставлена идея генетической иерархии, представления о существующей между животным и человеком непроходимой пропасти – идея о том, что развитие человека также подчиняется законам биологической эволюции. Указав на то, что человек разрушает природную основу своего бытия и должен это определенным образом компенсировать (в частности, за счет искусственного отбора, выполняющего, по сути, те же функции, что и естественные механизмы, участвующие в борьбе за выживание), евгеники подготовили основу для переосмысления значимости категории биологического в понимании человека. Ценность человеческой жизни была переосмыслена в понятиях биологии, таких как «адаптационный потенциал», «здоровая наследственность», «жизнеспособность» и др.

В своем стремлении создать новую мораль, отвечающую человеческой природе, ассоциировать сущность человека с жизнью его тела, ученые-евгеники *de facto* осуществляли попытку натурализации этики практически в духе философии Ф. Ницше. Так, согласно Ницше, основным атрибутом человеческого бытия (как и любого живого существа) является воля к власти, проявления которой табуируются обществом с помощью норм традиционной морали, поэтому существует необходимость в гармонизации нравственных принципов с естественными биологическими проявлениями. В евгенических работах, по сути, выражается та же установка: чтобы история человечества как

биологического вида могла продолжаться, мы должны сформулировать новые нравственные нормы, обеспечивающие его реинтеграцию в природное окружение.

Открыв сферу нового опыта, не соответствующего христианской системе ценностей, евгеники фактически обосновали представление о том, что человечество находится на пороге открытий, способных обусловить пересмотр моральных норм и правил как системы регулятивов, которые должны будут зафиксировать изменения, привносимые в жизнь современного общества бурным развитием науки и техники. Данная система должна будет определить принципиально новые отношения как между самими индивидами в качестве субъектов нравственности, так и между человеком и природой. По этой причине ограничение репродуктивной свободы отдельных категорий граждан не только не рассматривалось как неизбежное зло, т. е. этически недопустимое действие, но, напротив, выступало как проявление свободы человеческого рода, которая оказывается гораздо шире, чем свобода животного, не способного, в отличие от человека, к видоизменению собственной природы [5].

В контексте идеи о необходимости модификации человеческой природы были аргументированно обозначены моральные вопросы, обусловившие пересмотр содержания таких понятий, как «человеческое достоинство», «ценность человеческой жизни», «свобода и ответственность», а также некоторые этические нормы, обладающие вместе с тем и юридической силой. В результате действия, оцениваемые в традиционном моральном сознании как убийство или самоубийство, в технологическом пространстве современной медицины приобретают гуманный статус на основе утверждения новых этических принципов, имеющих евгенический подтекст: «достойно жить – достойно умереть» или «достойная жизнь – это полноценная жизнь». Например, совершенствование реанимационных практик, превратив умирание в длительный механизированный процесс, актуализировало вопрос принятия решения о смерти, а возможности преимплантационной и дородовой диагностики практически обесценили неполноценную жизнь в эмбриональной форме. По сути, распространение подобных биомедицинских практик снимает противоречие, существующее, по мнению некоторых авторов, в частности, таких как Ю. В. Хен, между ценностными установками

биоэтики и евгеники: биоэтика рассматривает природное равенство людей как «эмпирический факт», в то время как евгеника опирается на постулат о биологической неравноценности индивидов. В действительности содержание биоэтических проблем позволяет выявить существование четко выраженной ценностной асимметрии между полноценной и ущербной жизнью: новые медицинские технологии ориентированы уже не столько на исправление, сколько на исключение самой возможности появления генетических дефектов.

Заключение. Во многом благодаря развитию евгенических представлений конкретизируются границы традиционной морали, исключаяющей из сферы своего влияния отношения человека с природой и не способной осмыслить имеющимися в ее распоряжении средствами те нравственные проблемы, которые выявляет евгеника, и тем более разрешить их с помощью этих средств. В этой связи речь идет о необходимости превращения морали (как в содержательных, так и организационных аспектах) в своего рода инструмент реинтеграции человека в природный контекст, каковая нашла отражение в контексте задач биоэтики. Организационные аспекты этой трансформации, в частности, предполагают институционализацию морали, в то время как содержательно в корпус этических представлений включается сформулированное евгениками теоретическое положение о том, что будущее человека, являющегося активным фактором собственной эволюции, находится в пространстве его влияния.

Литература

1. Силуянова, И. В. Биоэтика и мировоззренческие традиции / И. В. Силуянова // Человек. – 1995. – № 5. – С. 130.
2. Гэтс, Р. А. Наследственность и евгеника / Р. А. Гэтс. – Л.: Сеятель, 1926. – С. 174.
3. Чуешов, В. И. / Философия. Глобализация. Интеграция: монография / под общ. ред. В. И. Чуешова. – Минск, 2006. – С. 112, 113.
4. Кольцов, Н. К. Улучшение человеческой породы / Н. К. Кольцов // Русский евгенический журнал. – М., 1924. – Т. 1. – Вып. 3–4. – С. 15.
5. Гальтон, Ф. Наследственность таланта. Законы и последствия / Ф. Гальтон. – М.: Мысль, 1996. – С. 252.

Поступила 30.03.2012

УДК 111 + 152.27

С. Л. Шалаева, кандидат философских наук, доцент
(Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

ДЕТИ ИНДИГО И МИФОЛОГИЗАЦИЯ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

В статье с социально-философских позиций рассматривается феномен детей Индиго, появление которого констатирует реальную проблему современности. Обсуждаемый феномен хотя и имеет в основании своем объективные причины, обусловленные кардинальными изменениями в мире Детства и нарастающей кризисностью межпоколенных отношений, которые вызваны общественными изменениями в эпоху глобализации, однако во многом содержит значительное число надуманных, мифологизированных и конъюнктурных взглядов и установок.

In the article the Indigo Children phenomenon, which emergence states the real present problem, is considered. The discussed phenomenon though is based on the objective reasons, caused by cardinal changes in the world of Childhood and the growing crisis of intergenerational relations, these changes are caused by the social changes in the epoch of globalization. However the discussed phenomenon in many ways contains a considerable number of farfetched, myphologized and opportunistic views and guidelines.

Введение. В центре внимания проведенного исследования новый феномен современного философского и социально-гуманитарного знания современности, получивший наименование «дети Индиго». Наступающая городская, информационно-компьютерная, мультикультурная по своим ценностям и установкам цивилизация необычайным образом перевоспитывает детей и взрослых в их едином социокультурном пространстве, порождая соответствующие ей метаморфозы и гиперболические формы бытия человека. Эта цивилизация, чрезмерно фокусируясь на феномене личности и успеха, порой изобретает все новые мифологизированные образы действительности, продвигая их в массовое сознание современного общества, влияя на формирование искаженного восприятия и этой реальности, и места самого человека в ней.

Нередко эти «изобретения» в значительной степени противоречивы и порождены различными формами субъективности и объективации, разумеется, в тех условиях и под влиянием тех факторов, с которыми исследователям приходится сталкиваться в своей деятельности. На поверку немалое число из этих «горячих», вновь прививаемых в науке понятий оказываются всего лишь весьма искусно созданными, сконструированными, далекими от реальности симулякрами. И хотя это конструирование нередко осуществляется по действительно научным правилам, используемым устремленными к сенсации и успеху их создателями, но сути дела это не меняет. Понятие остается противоречивым и неоднозначным феноменом социально-гуманитарного знания.

Основная часть. В середине 70-х гг. прошлого века американский психолог и биоэнергетик Нэнси Энн Тейп в рамках собственных

медицинских исследований изучала цвета человеческой ауры и их возможное значение. В 1982 г. в своей книге «Осознание жизни через цвет» (*Understanding Your Life Through Color*) Нэнси классифицировала определенные виды человеческих свойств и моделей поведения, которые соотносятся с цветами электромагнитного поля, окружающего все сущее. Обычно для человека это поле золотистого цвета. В ходе многочисленных исследований трудных детей Нэнси впервые обнаружила темно-синий цвет, который наблюдала в ауре примерно восьмидесяти процентов детей, рожденных после 1980 г. Она назвала этот новый цвет «индиго», а таких детей – детьми Индиго.

Широкое распространение термин «дети Индиго» получил в 1999 г. после успеха книги Ли Кэрролла и его жены Джен Тоубер «*The Indigo Children: The New Kids Have Arrived*». Вывод, который делается в этой книге, заключается в том, что современные дети стали другими – они более беспокойны, более развиты интеллектуально, более конфликтны, более интуитивны, более духовны, а в некоторых случаях даже более жестоки (как в случае с убийствами, которые были совершены в ряде школ), чем все предыдущие поколения [1, с. 7]. Это заставляет взрослых искать новые методы домашнего и школьного обучения, которые бы резко отличались от прежних приемов и методов.

В конце 1990-х гг. термин получает еще большее распространение благодаря упоминанию в источниках, имеющих отношение к движению нью-эйдж. Нью-эйдж (англ. *New Age*, буквально, – «новая эра») – религии «нового века» – общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического

характера, также называемое движением «Новой эры», «Эрой Водолея» и «Новым веком». Движение зародилось и сформировалось в XX в. в процессе развития независимых теософских групп Великобритании и других стран. Название движения связано с его ориентацией на астрологическую эпоху – «Эру Водолея». Начало этой эпохи относят к современности или ближайшему будущему (XX–XXII столетиям). По мнению последователей нью-эйджа, оно ознаменуется грандиозным эпохальным скачком в духовном и ментальном развитии человечества [2].

Джен Тубер выделяет самые общие особенности поведения детей Индиго:

1) приходят в этот мир с ощущением собственного величия (и часто действуют соответствующим образом);

2) чувствуют, что «находятся здесь по праву», и удивляются, если другие не разделяют этого мнения;

3) не сомневаются в своей миссии. Нередко они объясняют родителям, «кто они есть»;

4) для них почти не существует абсолютных авторитетов (которым необходимо беспрекословно и безусловно повиноваться);

5) есть вещи, которые они просто не желают делать (например, стояние в очереди для них невыносимо);

6) теряются, сталкиваясь с системами, которые требуют соблюдения ритуалов и не допускают творческой мысли;

7) нередко видят наилучший (для себя) способ решения проблем как дома, так и в школе, из-за чего их воспринимают как «нарушителей порядка» (не умеющих приспособиться к какой-либо системе);

8) кажутся необщительными, если не находятся в компании себе подобных. Если рядом нет никого, кто обладал бы подобным менталитетом, они часто замыкаются в себе, чувствуя, что никто в мире их не понимает. Обучаясь в школе, иногда испытывают трудности в плане общения;

9) не реагируют на «воспитание наказанием»;

10) не стесняются сообщать о своих потребностях [1, с. 9–10].

Детям Индиго приписывают множество различных свойств: высокий уровень интеллекта, необычайная чувствительность, телепатические способности и многие другие. Утверждается также, что дети Индиго будто бы представляют собой «новую расу людей». В Англии таких детей называют «детьми тысячелетия», или киборгами, потому что в своих поступках они руководствуются больше головой, чем сердцем, во Франции – «тефлоновыми» (так как к ним не «прилипают» общепринятые правила

поведения). Российские ученые дают таким детям следующее определение – «дети нового сознания», или «дети света». Число таких детей нарастает. По мнению Ю. Земуна, уже сегодня от 40 до 90% новорожденных – Индиго, а очень скоро все население Земли будет Индиго [3, с. 11].

Специфика личностных и поведенческих характеристик детей Индиго обозначается как асоциальность, низкая коммуникабельность, склонность замыкаться в себе; самоуважение, индивидуализм, нежелание подчиняться другим, неприятие авторитетов; большой творческий потенциал в сочетании с высоким уровнем интеллекта; склонность приобретать знания эмпирическим путем; интерес к далеким друг от друга предметам; неусидчивость, энергичность, дефицит внимания; импульсивность, резкие перепады настроения и поведения, при неблагоприятном стечении обстоятельств склонность к депрессиям; чувство социальной несправедливости, повышенное чувство ответственности; невосприимчивость к традиционным приемам воспитания; развитая интуиция и чувство опасности; способность быстро осваивать цифровые технологии [4].

Ребенок Индиго – это такой ребенок, который демонстрирует новый необычный набор психологических характеристик, а особенности его поведения, как правило, предполагают, что взаимодействующие с такими детьми (в частности, родители), чтобы достичь оптимальных взаимоотношений, должны изменить свое отношение к ним и методы воспитания.

Явлению «детей Индиго» были посвящены несколько фильмов и большое количество книг, но многие авторы расходятся во мнениях и представлениях. Несмотря на широкую известность, не существует ни одного научным образом проведенного исследования этого феномена. Скептически настроенные педагоги, психологи и журналисты отмечают, что само явление «дети Индиго» носит характер мистификации. Так, детский психолог Елена Голубева отмечает: «Говорить о детях Индиго как о научном явлении я бы остереглась. Для меня это, скорее, комплекс очень многих факторов, в том числе меняющихся с развитием общества методов воспитания. На сегодняшний день у нас изменилось социально-психологическое отношение к детям, поэтому изменились и сами дети» [5]. Галина Пилягина, профессор кафедры детской судебной психиатрии Национальной медицинской академии последипломного образования им. П. Л. Шупика, доктор медицинских наук, называет теорию индиго одним из наиболее красочных современных мифов и одновременно полем для самых разных интерпретаций и считает, что вся шумиха вокруг таких детей

в большей степени связана с психологией и проблемами родителей, а не с детьми [5]. Лариса Гридковец, кандидат психологических наук, подчеркивает: «Если, например, возникает идея седьмой расы, значит это кому-то нужно, и чем дальше, тем больше история с детьми Индиго похожа на некий бизнес-проект, точнее – развитую идеологическую инфраструктуру. Сегодня формируются целые организации, которые работают на культивацию мифа индиго, в ход запускается реклама и публикации в СМИ. Такой идеологический спрос существует, вопервых, за счет заказчиков – собственно родителей, которые не могут полноценно исполнять свои родительские обязательства. На фоне родительского постепенно формируется и экономический заказ» [5]. Доктор психологических наук и доктор педагогических наук Александр Савенков предлагает данное явление квалифицировать как весьма серьезную социально-психологическую патологию, поразившую сознание современного российского обывателя [6].

Мы считаем, что термин «дети Индиго» в настоящее время нельзя назвать научно обоснованным. Скорее, введение этого термина в поле обсуждения проблем воспитания подрастающего поколения и межпоколенных отношений уместно было бы назвать попыткой создать и утвердить в сознании многих людей (прежде всего взрослых) миф, и этот миф попал «на благодатную почву». Можно выделить несколько причин востребованности этой идеи.

1. В процессе изучения многочисленной литературы об этих детях становится очевидным, что в данную категорию попадают дети, которые с точки зрения современных классификаций детского развития могут оказаться как одаренными, так и с проблемами в развитии. Из описаний и примеров зарубежных авторов нередко следует, что речь идет о так называемых «трудных» детях, о детях с признаками аутизма, синдрома дефицита внимания и гиперактивности, нарушений в развитии моторики, речи, общения и др. В то же время эти дети могут обладать способностями, характеризующими их как одаренных, но классифицировать данные виды одаренности с точки зрения привычных схем довольно сложно. Нередко это проявление каких-либо паранормальных, экстрасенсорных способностей либо повышенной чувствительности, чувствительности к природным или социальным явлениям. Действительно, есть дети, обладающие способностями и особенностями, которые трудно обозначить точно. Скажем, к какой категории можно отнести «девочку-рентген» Наташу Демкина из Саранска, которая «видит» внутренние органы людей, что подтверждено медицинскими исследованиями [7]?

2. Действительно, современные дети стали другими; об этом сегодня говорят российские педагоги, психологи, учителя школ, воспитатели детских садов. Независимо от зарубежных исследователей, в России двух последних десятилетий тоже появилась литература о таких детях, правда без использования термина «дети Индиго» (например, «Новые дети» И. Я. Медведевой и Т. Л. Шишовой) [8].

3. Однако дело не только в том, что в конце XX в. появились какие-то необычные дети, а в том, что общество (педагоги, родители, психологи) начало интересоваться феноменом детства, пристальнее всматриваться в детей, подмечать индивидуальность ребенка, его непохожесть на других. Для отечественного читателя этот интерес тем более оправдан, если вспомнить, что долгие десятилетия отечественные педагогика и психология говорили о некоем «усредненном» ребенке, о «возрастных нормах» развития, за пределами которых оказывалась яркая индивидуальность «нестандартных» детей, не вписывающихся в имеющиеся общепринятые рамки и схемы.

4. Стремительные общественные изменения приводят к резкому изменению характера межпоколенных отношений, которые характеризуются ростом конфликтности и во все большей степени принимают превращенные (искусственные) формы. К этим последствиям ведут деформация традиционной общественной системы ценностей, изменение численных диспропорций между взрослыми и молодыми поколениями в обществе, структурные и функциональные аспекты кризиса традиционной семьи, резкое падение рейтинга семьи как социального института [9].

5. На фоне роста числа детей, отличающихся от нормы развития и имеющих ярко выраженные личностные и поведенческие особенности, а также нарастания кризисности отношений признание феномена детей Индиго освобождает взрослых от решения множества проблем детского развития, а также возникающих, множась и усиливающихся межпоколенных проблем. В этом легком перекидывании и списывании проблем на феномен детей Индиго проявляются отсутствие сил и времени взрослых разбираться в проблемах ребенка, а подчас и нежелание возлагать на себя эти тяготы, что является подтверждением растущей дозированной родительских функций, родительского эгоизма и их порционной ответственности.

6. Не стоит забывать о высокой степени мифологизированности сознания русского человека как одной из самых характерных особенностей русской ментальности, о чем подробно писал

в начале XX в. Н. А. Бердяев. Многочисленные иллюстрации этой идеи широко представлены в русской художественной литературе.

Таким образом, с научной точки зрения феномен детей Индиго может быть признан реальной проблемой современности, появление и существование которой имеет как объективные причины, так и значительное число надуманных, мифологизированных современной ситуацией в системе культуры и воспитания ценностей и установок, порожденных западным образом жизни, западной системой ценностей и установок, а также субъективными, а нередко и конъюнктурными взглядами на современный институт детства и его место в современном обществе. Мы также не можем не констатировать, что появившийся на этой основе миф о детях Индиго является отражением общих представлений современных исследователей этой темы, которые в чувственно-конкретной форме констатируют нарождающееся осознание кризиса, наступившего в системе ценностей, целей и связей по вопросу воспитания и социализации подрастающих поколений в обществе префигуративных отношений.

В 1988 г. впервые была переведена и издана на русском языке работа «Культура и преемственность» Маргарет Мид – американского антрополога, ученицы Франца Боаса. Она была первым этнографом, для которого мир детства стал основным и главным предметом исследования. Проводя полевые исследования на островах Океании, она собрала огромный материал о социализации детей в примитивных культурах. Проанализировав особенности социализации подрастающего поколения в примитивных культурах и в цивилизованном обществе, она создала теорию о специфике межпоколенного взаимодействия и выделила в человеческой истории три типа культур с точки зрения характера трансляции опыта между поколениями:

1) постфигуративная культура – дети учатся у своих предков. Так, в патриархальном обществе, опирающемся на традицию и ее живых носителей, стариков, отношения возрастных групп жестко регламентированы, нововведения не одобряются, каждый знает свое место, господствуют чувства преемственности и верности традициям.

Постфигуративные культуры ориентированы на прошлое;

2) кофигуративная культура – дети и взрослые учатся у равных, т. е. у своих сверстников. Влияние старших падает, а сверстников растет. Расширенная семья заменяется нуклеарной, поколеблена незыблемость традиций. Повышается значение юношеских групп, возникает особая молодежная субкультура. Термин «кофигуративный» (приставка «ко» обозначает

вместе, сообща) отражает факт сотворчества учителя и учеников.

Кофигуративные культуры ориентированы на настоящее и умеренный темп прогресса;

3) префигуративная культура – взрослые учатся у своих детей. Такие культуры возникли с середины XX в. и объединились электронной коммуникативной сетью. Они определяют новый тип социальной связи между поколениями, когда образ жизни старшего поколения не тяготеет над младшим. Темп обновления знаний настолько высок, что молодежь оказывается более сведущей, чем старики. Обостряются межпоколенные конфликты, молодежная культура перерастает в контркультуру.

Префигуративные культуры ориентированы на будущее и ускоренное движение. Жизнь в условиях префигуративной культуры поощряется человек с развитой индивидуальностью; творчески активный; способный, ориентируясь на будущее, прогнозировать, фантазировать, гибко переходить на новые виды деятельности даже в ситуациях неопределенности.

В середине XX в. с трудом верилось в возможность прихода префигуративной культуры взаимоотношений взрослых и детей. Сейчас слова, написанные М. Мид еще в 60-х гг. XX в., поражают гениальностью предвидения: «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ.

Современные дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так и будет. Те, кто предвидел, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно» [10, с. 361].

Заключение. В современном нам обществе мы не только явно наблюдаем многочисленные проявления кофигуративной культуры передачи социокультурного опыта, но и констатируем стремительное распространение префигуративной культуры трансляции межпоколенного опыта. Все это позволяет ставить вопрос о феномене наступления *новой неклассической эпохи детства*, которой свойственны свои особенные черты. К числу позитивных изменений мира детства можно отнести: быстроту адаптации к динамичным изменениям общества, легкость освоения технических средств, расширение материального мира ребенка, сближение позиции взрослых – ребенок. Негативными изменениями можно считать:

нестабильность и повышенную восприимчивость сознания и поведения ребенка, повышенную конфликтность в отношениях ребенка с миром взрослых, угасание традиций сюжетно-ролевой игры, утрату значительной части наследия детского фольклора, чрезмерную погруженность в виртуальный мир.

В этой ситуации чрезвычайно важно использовать принцип верификации, а именно проверки обсуждаемой нами проблемы детей Индиго на объективность, доказательность с использованием научных методов, выяснением истоков, условий и причин ее появления в культуре и обществе. Вот здесь-то мы и сталкиваемся с главной проблемой – эта тема научным образом практически не описана и не понята как в силу ее молодости, новизны, так и в силу привнесенных и искажающих ее восприятие установок; а также значительным субъективизмом ее подачи и восприятия, подогреваемыми конъюнктурными причинами распространяющих эту тему в околонульном и бизнес-пространстве людей. Кроме того, нельзя не заметить связь этой темы с пространством мифологизации современной культуры как для западного либерального общества, так и для отечественного, в значительной степени ориентирующегося на западные идеи и ценности, что особенно заметно в переходные периоды развития его истории.

В целом сложившаяся в современном социально-гуманитарном знании ситуация по проблеме детей Индиго может быть охарактеризована как противоречивая и во многом мифологизированная – и в силу всего лишь начала пути по ее исследованию, со свойственной этому периоду «детской болезнью левизны», и вследствие онтологического и гносеологического конфликта по самой ее сути.

Литература

1. Верче, Д. Забота о детях индиго / Д. Верче. – М.: Изд. дом «София», 2005. – 272 с.
2. Нью-эйдж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%FE%FD%e9%E4%E6>. – Дата доступа: 24.02.2012.
3. Земун, Ю. Этерлинг. Мост в будущее. Дети Индиго в России / Ю. Земун. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. – 157 с.
4. Дети Индиго [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%FE%FD%e9%E4%E6>. – Дата доступа: 15.02.2012.
5. Дети цвета ультрамарин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gazeta.24.ua/news/show/id/48842.htm>. – Дата доступа: 16.02.2012.
6. Савенков, А. «Дети-Индиго»: осторожно – мистификация / А. Савенков // Школьный психолог. – 2007. – № 4–5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psy.1september.ru/2007/04/6.htm>. – Дата доступа: 22.02.2012.
7. Кузина, С. Девочка-«рентген» снова удивила ученых / С. Кузина // Комсомольская правда. – 2006. – 14 января. – С. 5.
8. Медведева, И. Я. «Новые» дети / И. Я. Медведева, Т. Л. Шишова. – М.: Народное образование, 2000. – 224 с.
9. Шалаева, С. Л. Трансформация межпоколенных отношений в условиях современной глобализации / С. Л. Шалаева // Конфликтология. – 2011. – № 1. – С. 129–137.
10. Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 420 с.

Поступила 15.03.2012

УДК 14:338.22

О. Ф. Оришева, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)**ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИННОВАЦИИ
В ФИЛОСОФИИ МЕНЕДЖМЕНТА П. Ф. ДРУКЕРА**

В центре внимания данной статьи находится понятие инновации в философии менеджмента П. Ф. Друкера. Инновация рассматривается в двух ракурсах: с одной стороны, как определенный вид человеческой практики, обладающий собственной логикой и закономерностями, с другой стороны, как базовый принцип организации общества будущего – «посткапиталистического», или «предпринимательского». В статье указываются особенности трактовки инновации у Друкера, излагаются ее основные принципы и источники. Анализируются основные особенности «предпринимательского общества» как общества, центральным принципом организации которого является инновация.

The article reviews the use of the concept of innovation in P. F. Drucker's philosophy of management. The phenomenon of innovation is considered in two aspects: on the one hand, as a species of human practice with its own logics and laws, on the other hand, as a basic organization principle of future society – «post-capitalist», or «entrepreneurial» society. In the article the peculiarities of Drucker's interpretation of innovation, main principles and sources of innovation are reflected on. The author of the article analyses principal features of «entrepreneurial society» as a society based on innovation.

Введение. Питера Друкера нередко называют «гуру» теории менеджмента. Имея за своими плечами немалый опыт консультирования больших компаний и даже правительств, он принадлежит к числу тех, кто превратил издревле существующее искусство управления в науку, которую можно преподавать, изучать и эффективно применять. Важнейшую роль в его построениях играет концепт инновации, который и станет основным предметом рассмотрения в рамках данной статьи.

Основная часть. Если брать концепцию П. Друкера в целом, в ней можно выделить два основных пласта: микро- и макроуровень. Во-первых, как мыслящий практик Друкер предлагает своеобразную «анатомию» деятельности управления. Эта часть его концепции носит прикладной, ориентированный на конкретные ситуации характер. Во-вторых, Друкер известен как один из теоретиков постиндустриализма и разрабатывает нечто вроде общей социальной теории, основными понятиями которой являются «общество знаний», «предпринимательское» общество. Это уровень глобальных построений, на котором ведутся рассуждения об основных направлениях трансформации современного общества, о том, на каких принципах должно строиться общество будущего.

И на том, и на другом уровне концепции Друкера понятие инновации играет центральную роль. Соответственно, этот феномен может рассматриваться в двух аспектах: как практика, обладающая собственными особенностями, нюансами, закономерностями, и – шире – как ценностный ориентир развития современных обществ. Мы рассмотрим оба аспекта, но прежде

необходимо обозначить общие особенности трактовки инновации П. Друкером.

Во-первых, по Друкеру, инновация отнюдь не является прерогативой ученых и изобретателей. По сути, новшества, основанные на научных открытиях и технических изобретениях, образуют лишь один – причем наиболее рискованный – тип инноваций. Основной сферой применения инновационных техник оказывается область организации и управления бизнесом, а также социальная сфера. Так, внедрение практики страхования, появление контейнерных перевозок, газет, «изобретение» учебника, создание университета гумбольтовского типа и т. д. играют не менее важную роль и в гораздо большей степени способствуют изменению облика общества в целом. Как указывает сам Друкер: «Инновация ... не должна быть технической, и вообще не обязательно должна иметь “вещественный” характер. Немногие технические инновации могут соперничать по своему воздействию с такими социальными инновациями, как газета или страхование. Практика покупки в кредит буквально преобразует экономику общества» [1, p. 31].

Во-вторых, инновации лишь в малой степени и лишь косвенным образом связаны с опытом гениальных озарений, инсайтами, «чудом». «Чудеса нельзя воспроизвести, из их рассмотрения нельзя извлечь практические выводы, их не получается преподавать, на их примерах нельзя учиться. <...> Существуют новаторы, отмеченные “искрой Божьей”, инновации которых стали, как правило, результатами “гениальных озарений”, а не упорной, организованной и целенаправленной работы. Но такие инновации не удастся воспроизвести, им нельзя обучать, на их примерах нельзя учиться» [2, с. 331–332].

Другими словами, инновация – это систематическая, организованная, опирающаяся на определенную методологию работа.

С этим моментом связан первый из пяти *принципов инновации*, которые формулирует Питер Друкер: «Целенаправленная, систематическая инновационная работа начинается с анализа возможностей» [2, с. 332]. Другими словами, инновационная деятельность связана с постоянным мониторингом источников инновации. Остальные принципы инновации формулируются следующим образом:

– «инновация носит как концептуальный, так и перцепционный характер». Это означает, что выработка стратегий действия, выдвижение гипотез, использование систематических знаний обязательно предполагают непосредственный контакт с реальностью, умение слушать и наблюдать, задавать вопросы;

– «инновация должна быть простой и узконаправленной». В инновационной деятельности должна присутствовать ориентация на конкретный результат, удовлетворение совершенно определенной потребности. Сложные, комплексные инновации трудноконтролируемы;

– малый масштаб инноваций. Эффективные инновации не грандиозны по своему характеру;

– успешная инновация должна быть направлена на захват лидирующих позиций: лидерство в бизнесе, повышение престижности учебного заведения и пр. В противном случае существующие возможности будут использованы конкурентами [2, с. 333–334].

Особого внимания заслуживает первый принцип, связанный с мониторингом возможностей инновации. Как подчеркивает Друкер, в подавляющем большинстве случаев новатор не создает нечто *ex nihilo*, но эксплуатирует уже свершившиеся в социуме изменения, а также изменения, которые уже происходят, но еще не осознаются, не зафиксировались в коллективном сознании. Таких источников инноваций в его концепции выделяется семь.

1. *Неожиданный*. Неожиданные успехи и провалы как собственные, так и конкурентов; непредвиденные внешние события.

2. *Несоответствия*. Например, несоответствие между ситуацией в отрасли и общей экономической ситуацией или несоответствие между ожиданиями по поводу поведения потребителей и их реальным поведением.

3. *Потребности процесса*. Например, когда тот или иной процесс является дорогостоящим или стопорится по иной причине. Тогда выявление «слабого звена» и его замена может стать источником инновации, оптимизации процесса.

4. *Перемены в структуре отрасли или рынка*.

5. *Демографические изменения*.

6. *Изменения в коллективном восприятии*.

7. *Новые знания* [1, р. 35].

Приведем два примера, характеризующих инновации, связанные с наибольшим и наименьшим риском.

Неожиданная удача. П. Друкер использует пример одного из крупнейших университетов США, который в начале 1950-х гг. решил открыть факультет вечернего «продолжающего образования» для взрослых. В эту программу с самого начала никто не верил, и факультет был создан только из тех соображений, что в данный период правительство США решило предоставить возможность закончить колледж тем ветеранам Второй мировой войны, которые ушли на фронт, не успев получить диплом. Однако результат превзошел все ожидания – количество желающих обучаться по программе оказалось очень большим. В результате перед администрацией университета возникла дилемма распределения ресурсов: либо обеспечить вечерний факультет лучшими преподавателями и другими ресурсами в ущерб традиционной программе обучения, либо поступить наоборот. В итоге возобладало желание поддержать привычный образ университета и обучение взрослых происходило по остаточному принципу, что привело к существенным потерям в престиже. С точки зрения Друкера, неожиданный успех является симптомом социальных трансформаций, и в данном случае успех сигнализировал о том, что в обществе изменился сам статус знания и структура потенциальной студенческой аудитории. Однако увидеть такого рода возможности и воспользоваться ими не всегда просто [1, р. 45].

Новые знания. Как уже отмечалось ранее, использование новых знаний в области науки и технологии является самым рискованным видом инновации. Во-первых, для того чтобы какое-то открытие нашло применение в социальной практике, оно должно сконвергировать со знаниями, открытиями и изобретениями из самых разных областей. Так, для того чтобы стал возможен компьютер, должны были «встретиться» бинарная теорема Лейбница, многовековой опыт разработки разного рода счетных машин, изобретение перфокарт, достижения в области математической логики и др. Кроме того, в случае инноваций, основанных на знаниях, мы имеем самый большой временной промежуток между замыслом и его широким практическим применением, который (независимо от эпохи) составляет порядка десяти – тридцати лет [1, р. 108–111].

Как уже говорилось в начале статьи, инновация в концепции Друкера рассматривается не просто как особый вид человеческой практики, но и как базовая ценность и основной принцип организации грядущего общества. Размышляя

о возможных путях развития современного социума, Друкер полемизирует с Томасом Джефферсоном, которому принадлежит высказывание «Каждому поколению нужна новая революция», и солидаризируется с Алексисом де Токвилем, который указывал, что революции не уничтожают, а плодят тюрьмы старого режима, порождая новые, более жесткие и изощренные формы закабаления. Таким образом, принципу революционизации общества Друкер противопоставляет то, что можно назвать принципом перманентной инновации. Если высказывание Джефферсона было обусловлено разочарованием в начинаниях Великой французской революции и проекте Просвещения, то современную ситуацию характеризует разочарование в институте государства. Более конкретно – в системе государства всеобщего благосостояния [1, р. 253–254]. Как подчеркивает Друкер, государство превратилось в «кормушку для бездельников», массивный государственный аппарат все хуже справляется с решением социальных задач и стал бременем для тех, кто производит национальные богатства [2, с. 383–384].

Поэтому важнейший принцип, с которым Друкер связывает существование и процветание общества будущего – это принцип децентрализации, ослабление роли государства. Государство по самой своей природе не может быть субъектом эффективных инноваций, потому что «инновации должны иметь децентрализованный характер, они должны быть “ситуативными”, автономными, конкретными и микроэкономическими. <...> Инновационные возможности обнаруживаются не в правилах, с которыми планировщику приходится иметь дело в силу необходимости, а в исключениях из правил...» [2, с. 386]. Планирующие инстанции находятся вне непосредственного контакта с реальностью, и пока чиновникам удастся осознать, что произошло некоторое значимое отклонение, пока это отклонение окажется статистически значимым, планировать инновацию будет слишком поздно. В данной связи Друкер пишет о необходимости периодической ликвидации бюрократических структур, образцом для которой являются так называемые «sunset laws» в США – законы, предписывающие периодическое закрытие «лишних» учреждений в связи с завершением той или иной программы [2, с. 387].

По мнению Друкера, функции решения социальных проблем должны быть взяты на себя автономный социальный сектор, опорой которого могут стать некоммерческие общественные организации наподобие миллионов организаций, уже существующих в странах Запада. Такого рода установка предполагает усиление гражданского общества и его первокирпичика –

личности, обладающей активной жизненной позицией, способной кооперироваться с другими людьми и образовывать совместно с ними добровольные объединения [2, с. 394–396].

Важнейшим условием становления посткапиталистического общества является также трансформация роли интеллектуалов, которая предполагает радикальные изменения в самом содержании таких понятий, как «знание», «образованный человек» и др. Друкер критикует позицию рафинированного интеллектуала как установку, в основе которой лежит стремление спрятаться от непривлекательной реальности за стенами «башни из слоновой кости». Напротив, образованный человек, находящийся на высоте своего времени, должен хорошо ориентироваться в социальной реальности, что предполагает два момента. Во-первых, необходимо найти баланс между специализированным характером знаний, получаемых в университетах, и требованием универсальности знаний, что примерно может быть выражено в максиме – знать обо всем понемногу и все о многом. Во-вторых, образованный человек должен чувствовать себя комфортно в обеих областях реальности: как в сфере интеллектуального поиска, так и в сфере управления. Поэтому Друкер, в частности, настаивает на необходимости своеобразной ротации кадров в рамках организаций. Речь идет о распространении практики, когда узкие специалисты периодически переключаются на административную работу, и, таким образом, в одном и том же человеке культура слов и идей уравнивается прагматичной культурой менеджера [2, с. 352–353].

Заключение. Таким образом, по П. Друкеру, эффективная, контролируемая и предсказуемая в своих последствиях инновация может быть исключительно локальной, малой по масштабу. Поэтому условием возможности посткапиталистического общества как общества инновации становится максимальная децентрализация власти и управления, высвобождающая преобразовательную энергию тысяч и тысяч субъектов инициативы. «Хорошее общество», в понимании Друкера, – это общество самоорганизующееся, свободное от диктата государственных и квазигосударственных структур. Вопрос о том, насколько этот образ является реалистичным, реализуемым на практике, следует, пожалуй, оставить открытым.

Литература

1. Drucker, P. F. *Innovation and entrepreneurship* / P. F. Drucker. – New York.: Harper & Row, Publishers, 1985. – 278 p.

2. Друкер, П. Ф. *Энциклопедия менеджмента* / П. Ф. Друкер. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2004. – 432 с.

Поступила 15.03.2012

УДК 1:281.9(476)

Н. М. Кожич, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)**ПРИОРИТЕТЫ ИДЕЙНЫХ УСТАНОВОК
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ**

В статье идет речь о специфике системы воззрений современного русского православия; акцентируется внимание на новом осмыслении социальных проблем православной церковью; отмечается стремление религиозных идеологов адаптировать систему христианских представлений к уровню развития современной культуры, сохраняя при этом неизменность основных догматических положений.

In article there is a speech about specificity of system of views of modern Russian Orthodoxy; the attention is focused on new views of social problems by orthodox church; it is marked to adapt aspiration of religious ideologists system of Christian representations to a level of development of modern culture, keeping thus an invariance of the basic dogmatic positions.

Введение. Современное православие не является монолитным образованием. Для всех православных церквей характерно наличие общего вероучения и культа, при этом они сохраняют каноническую самостоятельность и не вмешиваются в деятельность друг друга. Православие не имеет единого центра управления. Автокефальные (самостоятельные) церкви возглавляются патриархами, которые избираются поместными соборами пожизненно. Православные церкви с VIII в. не проводят Вселенских соборов, вместо этого каждая из них на поместных соборах утверждает канонические правила, определяет свое отношение к актуальным проблемам общественной жизни. Автокефальные церкви подразделяются на экзархаты, епархии, викариаты, благочиния и приходы. В частности, Русская православная церковь (РПЦ) имеет экзархаты в Беларуси, Украине, Западной и Средней Европе, а также Центральной и Южной Америке.

Основная часть. В основе православного вероучения находится символ веры, который был принят на первых двух Вселенских соборах в 325 и 381 гг. В параграфах символа веры сформулированы представления о триединстве бога, его отношении к миру, человеку, а также представления о боговоплощении, искуплении, воскресении, крещении, загробной жизни и т. д.

Православное богословие основывается на двух христианских источниках – Священном Писании (книги Ветхого и Нового Заветов) и Священном Предании – постановлениях первых семи Вселенских Соборов. Фактически эти постановления представляют собой официально одобренное церковью мнение богословов по различным вопросам веры, которое не изложено в библейских текстах. Католические догматы, установленные позже (филиокве, о непогрешимости Папы Римского, о чистилище, о непорочном зачатии девы Марии и ее вознесении), не признаются православием и объявля-

ются ошибочными. Богословы явным заблуждением считают отказ протестантских исповеданий от деления верующих на мирян и священнослужителей, отказ от большинства христианских таинств и от признания ведущей роли церкви в процессе личного спасения.

В современных условиях церковь, как и прежде, проповедует христианские ценности. Можно говорить о том, что церковь усилила проповедническую, миссионерскую и благотворительную деятельность, являющуюся отражением религиозной идеологии с богословием. Его структурными элементами являются теологические дисциплины, которые обосновывают основные положения христианства. Это нравственное богословие, догматическое богословие и церковное богословие, включающее в себя литургику, пастырское богословие, а также церковное и каноническое право. Особенностью православного богословия является ориентация на консерватизм, неизменность своего содержания. Православные идеологи подчеркивают, что богословие является следствием религиозного опыта, нравственного переживания. Любой догмат рассматривается как сверхъестественная истина, как некая тайна, которую можно постичь через внутренний опыт. Именно поэтому считается, что христианские догматы не подлежат рациональному толкованию, их надо воспринимать на веру. Вера истолковывается как более совершенная познавательная способность, чем разум. Кроме того, богословский консерватизм акцентирует внимание на независимости религиозных положений от быстро меняющейся жизни.

Важно отметить, что в русском православии нет богословской школы как таковой, тем не менее на протяжении XX столетия наблюдается тенденция к созданию национальной формы богословствования, которая соединяет в себе «достижения восточной патристики, западноевропейской мысли и национальных духовных

традиций» [1, с. 274]. В настоящее время православная церковь большое внимание уделяет доказательствам непогрешимости своего вероучения и пропаганде его среди верующих. Церковные идеологи разрабатывают способы защиты религии, которые стремятся адаптировать систему христианских представлений к уровню сознания современного человека. Большинство церковных иерархов и священнослужителей осознают необходимость нового осмысления социально-экономических и общественно-политических проблем, пересмотра нравственных установок и норм жизненной ориентации верующих, отношения к науке, светской культуре, гражданским обязанностям. Официально данная точка зрения стала преобладающей в ходе работы поместного собора Русской православной церкви еще в 1971 г. Однако нельзя утверждать, что все православные идеологи, которые признают необходимость обновления социальных и нравственных установок с учетом реалий сегодняшнего дня, согласны с решительной модернизацией вероучения и культа, поскольку любой пересмотр церковной догматики может существенно изменить православную систему взглядов. По их мнению, сохранению веры может способствовать только строгое соблюдение традиционных форм церковной жизни. Согласование религиозных истин с требованиями современности и ростом индивидуального сознания верующих признается возможным на основе новых интерпретаций догматических положений в контексте реалий сегодняшнего дня. В последнее время все чаще предпринимаются попытки наполнить догмат новым содержанием и сгладить его противоречивость. Данное обстоятельство объясняется тем, что в православном богословии нет учения о «догматическом развитии», и по этой причине религиозные идеологи все чаще отстаивают мысль о том, что выражения христианской веры могут формально подвергаться изменениям, не касаясь содержательной стороны богословских положений.

В целом, можно говорить о том, что православная церковь становится более современной. Религиозные идеологи обращаются к проблеме человека, предпринимают попытки переосмыслить учение о царстве божьем и др. Л. Е. Шапошников отмечает, что отечественное богословие «отличается рядом особенностей: во-первых, оно стремится соединить рациональные построения с религиозно-духовным опытом членов церкви; во-вторых, ставит перед собой цель “стать жизненным”, т. е. оно не должно оставлять свои выводы только в сфере мышления, ему необходимо реализовывать их в поведении верующих; в-третьих, восстанавливает “патристический

метод” в богословии, т. е. осмысливает при помощи философии актуальные проблемы современности, опираясь на неизменную сущность христианской веры; в-четвертых, включает богословское творчество в рамки традиции и тем самым делает предание “живым”, постоянно развивающимся; в-пятых, предъявляет повышенные требования к подготовке священнослужителей, требуя от них духовно-нравственного совершенства и одновременно высокоинтеллектуального развития» [1, с. 274]. Кроме того, необходимо отметить, что в последнее время отмечается стремление к совершенствованию социальной концепции, изменению взаимоотношений и форм взаимодействия с различными сферами общественной жизни, а также изменению культурной деятельности. Решительным шагом в данном направлении является появление официальной социальной доктрины Русской православной церкви в 2000 г. Важно отметить, что социальное учение в широком смысле существует столько же, сколько и само православие. Оно складывается из церковных установлений, а также из сочинений многочисленных церковных и околоцерковных авторов, которые не всегда были едины в своих воззрениях по вопросам решения актуальных социальных проблем. На протяжении всей истории православия наблюдается тенденция церкви сосредоточить свое внимание на проблемах человеческого духа. Религиозные идеологи всячески проповедовали аскетический образ жизни, спасение человеческой души рассматривали как отречение от всего мирского. Таким образом, православное христианство разрабатывало в первую очередь вопросы христианской мистики. Данная позиция во многом была связана с тем, что православная церковь находилась в зависимом положении от государства и всецело воспринимала политические, экономические и социальные вопросы в интерпретации светских властей. Именно поэтому долгое время церковью не предпринималось серьезных попыток создать собственное социальное учение. Первая попытка его создания была предпринята еще в конце XIX – начале XX в. религиозно-церковными деятелями протоиереем С. Соляртинским, протопресвитером И. Янышевым и др., а также представителями либеральной интеллигенции В. Соловьевым, Н. Бердяевым, Д. Мережковским, С. Булгаковым, С. Франком и др. Идеи этих мыслителей получили название «новое христианство», или «новое религиозное сознание».

После установления советской власти церковь вновь была лишена возможности создать собственное социальное учение, поскольку любая позиция, которая не совпадала с идеологической

линией советского государства, рассматривалась властями как враждебная. Начиная со второй половины 80-х гг. церковь постепенно высвобождалась от контроля государства и тем самым получила возможность самостоятельного выступления в общественной жизни. Социальная концепция Русской православной церкви была обсуждена и принята на Юбилейном Архиерейском соборе, состоявшемся в Москве в августе 2000 г. Этот официальный документ отражает взгляды церкви на достаточно широкий круг проблем, связанных со взаимоотношениями церкви и государства, а также церкви и светской культуры. При этом важно подчеркнуть, что, в отличие от социальной доктрины, доктрина католицизма (существует с 1891 г.), которая «носит универсальный характер, не имеет какого-либо регионального, а подчас и конфессионального адресата... социальная доктрина РПЦ, характеризующая различные стороны сложной российской действительности и предлагающая социально-религиозные рецепты по ее исправлению, предназначена прежде всего для «внутреннего пользования»» [2, с. 7]. Основные богословские положения социальной доктрины включают в себя представление о том, что церковь – это собрание всех людей, которые верят в Христа; ее цель заключается в призвании служить спасению всего человечества и мира. В документе также указывается, что «исполняя миссию спасения рода человеческого, Церковь делает это не только через прямую проповедь, но и через благие дела, направленные на улучшение духовно-нравственного и материального состояния окружающего мира. Для сего она вступает во взаимодействие с государством, даже если оно не носит христианского характера, а также с различными общественными ассоциациями и отдельными людьми, даже если они не идентифицируют себя с христианской верой» [3, с. 6]. Очевидно, что церковь выступает за диалог всех людей независимо от их мировоззренческой позиции. В то же время социальная концепция утверждает самобытную систему духовных ценностей, в которой являются приоритетными идеи справедливости, любви к ближнему, верховенства нравственных норм. Доктрина также предусматривает защиту общенациональных интересов, в ней содержится призыв к верующим любить свое отечество, трудиться во имя его процветания и т. д. В документе много говорится о необходимости активного и широкого участия церкви в социальной жизни. Одновременно церковь заявляет о своем отказе от вовлеченности в политику, она не берет на себя функции, принадлежащие государственной

власти. Священнослужителям запрещается исполнять административные властные полномочия, публично на выборах выступать с поддержкой политических партий и отдельных кандидатов. Авторы концепции подчеркивают принцип невмешательства церкви и государства в дела друг друга. Задача церкви – это вечное спасение людей, а цель государства – их земное благополучие. Церковь лояльна по отношению к государству, однако в концепции говорится о том, что, «если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении» [3, с. 13]. Свое предназначение православная церковь видит в партнерском взаимодействии с государством в различных областях общественной жизни, например, в решении экологических проблем; в области миротворчества на международном, межэтническом и гражданском уровнях; в поддержке института семьи; труде по профилактике правонарушений, охране и восстановлению культурного наследия; духовном, нравственном, патриотическом воспитании и образовании и т. д.

Заключение. Из вышесказанного следует, что церковь видит главную задачу в том, чтобы укрепить социальную позицию религии в изменяющихся общественных условиях. Религиозные идеологи стремятся включить в христианское мировоззрение светские социальные мотивы, сделать православие более современным, способным решать актуальные для общества проблемы. Тем не менее следует признать, что православие, являясь репродуктивным элементом духовной культуры, претендуя на абсолютную истину, утверждает неизменность своих догматов. Возникающая в этой связи тенденция к укреплению внутреннего консерватизма влечет за собой принципиальный отказ что-либо менять в устоявшейся системе православного мировоззрения.

Литература

1. Шапошников, Л. Е. Консерватизм, новаторство и модернизм в русской православной мысли XIX–XX вв. / Л. Е. Шапошников. – Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т, 1999. – 277 с.
2. Овсиенко, Ф. Г. Особенности формирования социальных доктрин православия и католицизма / Ф. Г. Овсиенко // Религиоведение. – 2001. – № 2. – С. 3–8.
3. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Святая Русь. – 2000. – № 2. – С. 5–19.

Поступила 15.03.2012

УДК 342.9:343.351

В. А. Зенькович, кандидат юридических наук, доцент (БГЭУ)**АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ,
УСТАНОВЛИВАЮЩЕГО АДМИНИСТРАТИВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ ОБЛАДАТЕЛЕЙ ОБЪЕКТОВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, И МЕРЫ ПО ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ**

В данной статье проанализировано действующее гражданско-правовое и административно-деликтное законодательство Республики Беларусь, регулирующее оборот объектов интеллектуальной собственности и устанавливающее административную ответственность за нарушение авторских, смежных и патентных прав. Высказаны суждения автора в части его несовершенства. Автор предлагает доработанный вариант редакции статьи 9.21 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

In this article current civil and administrative legislation of the Republic of Belarus is analyzed. This legislature regulates turnover of intellectual property items and establishes administrative responsibility for violation of author's copyrights, neighboring and patent rights. There is an author's opinion concerning amendments of this legislature. The author offers an improved version of the clause 9.21 of Administrative Offences Code of the Republic of Belarus.

Введение. Инновационный путь социально-экономического развития, включающий структурную модернизацию экономики, развитие высокотехнологичных производств, наращивание экспортного потенциала, является ключевым приоритетом для Республики Беларусь (РБ) на ближайшую перспективу. Такие задачи сформулированы в Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 гг. (далее – Стратегия).

На 2012–2013 гг. поставлена задача внести изменения и дополнения в действующее административно-деликтное законодательство, в том числе защищающее исключительные права обладателей авторских, смежных и патентных прав [1].

Основная часть. В Кодексе РБ об административных правонарушениях (далее – КоАП) охрана данных прав возложена на *статью 9.21. Нарушение авторских, смежных и патентных прав*. Ее диспозиция изложена в следующей редакции: «Незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, а также сорта растения или топологии интегральной микросхемы» [2].

Для уяснения круга охраняемых данной диспозицией общественных отношений необходимо обратиться к действующему гражданско-правовому и административному законодательству, регулиющему процесс создания и оборота объектов интеллектуальной собственности.

В новой редакции Закона РБ «Об авторском праве и смежных правах» в статье 16 содержится исчерпывающий перечень исключительных (имущественных) прав, принадлежащих автору или иному обладателю авторского права,

которые можно использовать самостоятельно, или с их разрешения другими лицами, в целях получения «вознаграждения за каждый вид использования произведения».

Перечислим только некоторые из них: воспроизведение произведения; распространение оригинала или экземпляров произведения посредством продажи или иной передачи права собственности; публичное исполнение произведения и т. д. [3].

В статьях 24–31 анализируемого закона содержится перечень исключительных прав субъектов смежных прав. Это, прежде всего, права осуществлять или разрешать осуществлять следующие действия: использование исполнения, распространение оригинала или экземпляров фонограммы посредством продажи или иной передачи права собственности. И права организаций эфирного или кабельного вещания – это разрешать или запрещать другим лицам использовать передачу [3].

Введенные в гражданский оборот незаконно, без разрешения автора или правообладателя вышеуказанные объекты авторского права и смежных прав законодатель называет контрафактными.

По действующему законодательству, регулиющему оборот объектов промышленной собственности, нарушениями исключительных прав патентообладателей считаются осуществленные без их согласия иными лицами следующие незаконные действия. Это: изготовление, применение, ввоз, вывоз, предложение к продаже, продажа, копирование топологии в целом или ее части путем включения данной топологии в интегральную микросхему [4, ст. 1001; 5, ст. 9; 6, ст. 6, 7; 7, ст. 5].

Проведенный анализ указанного законодательства свидетельствует о том, что диспозиция

статьи 9.21 КоАП призвана охранять огромный круг общественных отношений, складывающихся в сфере создания и оборота объектов интеллектуальной собственности от незаконного распространения или незаконного их использования.

При этом лицам, проявляющим интерес к данной проблеме, известно о существовании и уголовной ответственности, предусмотренной частью второй статьи 201 УК за совершение аналогичных противоправных действий.

После анализа содержания диспозиции части второй статьи 201 УК становятся понятны условия наступления уголовной ответственности, установленные законодателем. Во-первых, она содержит в своей структуре административную преюдицию, означающую наступление уголовной ответственности за повторное совершение аналогичного административного правонарушения в течение года после наложения административного взыскания. Следовательно, повторность есть первый критерий наступления уголовной ответственности, а вторым критерием является крупный размер дохода (ущерба), полученного (причиненного) от таких противоправных действий.

В Примечании к статье указано, что размером этого крупного дохода или причиненного ущерба признается сумма, в пятьсот и более раз превышающая размер базовой величины [8].

Однако в статье 9.21 КоАП нет подобной информации о существовании критерия, который разделял бы границы этих двух видов юридической ответственности, например, как это сделано в Уголовном Кодексе. Критерием в нашем случае, несомненно, должен быть также размер незаконного дохода или причиненного ущерба.

Правоприменитель, конечно, руководствуется в своей административно-юрисдикционной деятельности при квалификации выявленных нарушений в сфере интеллектуальной собственности размером незаконного дохода или причиненного ущерба, который устанавливает нижний предел границы уголовной ответственности и верхний предел административной ответственности за вышеуказанные противоправные действия, но делает это, опираясь на нормы уголовного права.

Соответственно, из этого следует, что административная ответственность по статье 9.21 КоАП наступает, если на день совершения противоправных действий полученный доход (причиненный ущерб) не превышает пятьсот размеров базовой величины.

К этому следует добавить, что решение по данному правонарушению не может быть принято без проверки правонарушителя на предмет

наличия у него состояния административной наказанности за совершенное такое же правонарушение в течение года после наложения административного взыскания.

Анализируя содержание диспозиции статьи 9.21 КоАП, необходимо признать наличие в ней излишней, на наш взгляд, персональной детализации двух объектов права промышленной собственности, а именно: сорта растения и топологии интегральных микросхем, хотя необходимости в этом нет, так как они (сорта растения и топологии интегральных микросхем) входят априори в словосочетание «объекты права промышленной собственности» [4, ст. 998].

Это позволяет усомниться в необходимости конкретизации данных двух объектов права промышленной собственности и их особой роли в диспозиции статьи 9.21 КоАП и предложить исключить их из нее.

Относительно содержания санкции этой статьи необходимо отметить, что ответственность предусмотрена для трех субъектов правонарушения: общего – лица, достигшего 16-ти лет, индивидуального предпринимателя и юридического лица. Санкция статьи состоит из двух взысканий: основного – штрафа и альтернативного дополнительного – с конфискацией или без конфискации для всех трех субъектов, совершивших противоправные деяния против имущественных прав авторов, правообладателей и патентообладателей объектов интеллектуальной собственности.

Законодатель дает право суду при принятии решений по делам данной категории применять конфискацию предметов административного правонарушения или не применять без исключения ко всем трем субъектам правонарушения. Различие, как мы видим, имеется только в разных размерах штрафных сумм основного взыскания, применяемого ко всем трем субъектам правонарушения.

Сравнение содержания пункта 4 статьи 57 Закона «Об авторском праве и смежных правах» с действующей редакцией санкции статьи 9.21 КоАП в части такого дополнительного административного взыскания, как конфискация предмета административного правонарушения, выявляются, на наш взгляд, некоторые противоречия.

Так, в пункте 4 статьи 57 содержится безальтернативное указание суду, рассматривающему дела данной категории, об обязательной конфискации контрафактных экземпляров. В этой же статье в пункте 6 конкретизировано, что конфискованные по решению суда контрафактные предметы административного правонарушения подлежат уничтожению за счет нарушителя [3].

В соответствии со статьей 3.2 Процессуально-исполнительного Кодекса Республики Беларусь

по делам об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) дела по статье 9.21 КоАП рассматривает также суд. И, соответственно, санкция этой статьи, как было отмечено нами выше, предоставляет тому же суду возможность применить конфискацию этих контрафактных предметов или не применять.

Безусловно, что такая редакция санкции статьи 9.21 КоАП, во-первых, изначально позволяет говорить о том, что в некоторых, надо полагать, исключительных случаях судом может не применяться такое дополнительное взыскание, как конфискация контрафактной продукции, и данное решение будет законно, так как осуществляется в рамках действующей административно-правовой санкции, но оно не способствует полному изъятию из незаконного оборота контрафактной продукции.

Можно сослаться на то, что в КоАП есть часть 2 статьи 6.10, в которой говорится о том, что «независимо от назначенного административного взыскания применяется специальная конфискация...», но, на наш взгляд, применение ее судом в данном случае будет не совсем понятным остальным участникам административного процесса. Ведь судья изначально имел возможность применить такое дополнительное взыскание, как «конфискация», в рамках санкции статьи 9.21 КоАП.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным из санкции статьи 9.21 КоАП исключить слова «или без конфискации», относящиеся ко всем трем субъектам административного правонарушения.

Заключение. В завершение дискуссии, на наш взгляд, можно представить окончательный вариант статьи 9.21. *Нарушение авторских, смежных и патентных прав в следующей редакции: «Незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, сопряженные с получением дохода либо повлекшие причинение ущерба в незначительном размере, – влекут наложение штрафа в размере от двадцати до пятидесяти базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, на индивидуального предпринимателя – до ста базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, а на юридическое лицо – до трехсот базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения».*

Примечание. Незначительным размером дохода (ущерба) в настоящей статье признается размер дохода (ущерба) на сумму до пятисот размеров базовой величины, установленной на день совершения правонарушения.

Принятие такой редакции статьи, на наш взгляд, позволит устранить разные подходы, возникшие при установлении санкций в нормах таких отраслей права, как гражданское и административное, это во-первых. Во-вторых, введение в диспозицию статьи 9.21 КоАП такого критерия, как «незначительный размер дохода (ущерба)», четко и понятно обозначит верхний предел границы административной ответственности для правонарушителя.

Литература

1. Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2011–2020 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 2 марта 2012 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 30. – 5/35360.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007. – 448 с.
3. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 370 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 60. – 2/1813.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. – Минск: Амалфея, 2012. – 752 с.
5. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 160 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 1. – 2/909.
6. О патентах на сорта растений: Закон Респ. Беларусь от 13 апр. 1995 г. № 3725 // Ведымастці Вярх. Савета Рэсп. Беларусь. – 1995. – № 19. – Ст. 235.
7. О правовой охране топологий интегральных микросхем: Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 214 // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – Ст. 3.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007. – 453 с.

Поступила 30.03.2012

УДК 347:347.23

Н. П. Бордоко, старший преподаватель (БГТУ)**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА
НА ФИРМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ**

Статья посвящена анализу правового регулирования исключительного права на фирменное наименование как объекта интеллектуальной собственности. В результате исследования международных правовых актов, Гражданского кодекса Республики Беларусь автором выявлен ряд недостатков и противоречий в национальном законодательстве о фирменных наименованиях. Для устранения пробелов предлагается внести в Гражданский кодекс соответствующие изменения.

This article analyzes the legal regulation of the exclusive right to brand name as an object of intellectual property. The study of international legal acts, the Civil Code of the Republic of Belarus. The author has identified a number of shortcomings and contradictions in national legislation on trade names. It is proposed to amend the identified gaps to the Civil Code.

Введение. Процесс развития и глобализации мировой экономики стал мощным катализатором совершенствования национальных законодательств в области интеллектуальной собственности. Рост действующих и появление новых мировых лидеров производства товаров и услуг неразрывно связаны не только с достижениями науки и разработкой новейших технологий, но и с созданием средств индивидуализации предпринимателей, их предприятий, производимых ими товаров, выполняемых работ и оказываемых услуг. Успешная реализация результатов своей деятельности в условиях конкуренции достигается при высоком качестве работ или услуг хорошо известного юридического лица, индивидуального предпринимателя. Одним из правовых средств индивидуализации юридического лица является его наименование.

Основная часть. Правовое регулирование исключительного права на фирменное наименование содержится в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК), Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. (далее – Конвенция), Декрете Президента Республики Беларусь от 16.01.2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» (далее – Декрет), Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 23.02.2009 г. «О Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Наша страна является участницей Конвенции. Согласно статье 6 ГК, нормы гражданского права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики Беларусь гражданского законодательства, подлежат непосредственному применению. Как и любой нормативно-правовой акт, ГК содержит в себе наряду с положительными

моментами ряд проблем и противоречий. С одной стороны, в ГК включены самые общие правила о фирменных наименованиях, которые не обеспечивают полноценного правового регулирования связанных с ними отношений. С другой стороны, отсутствует возможность их детализации в специальном законодательстве.

Рассматривая гражданское законодательство в целом, необходимо отметить, что ни в одной норме не дается точного определения фирменного наименования, и это, на наш взгляд, является пробелом ГК. Кроме этого, в ГК имеется еще ряд существенных проблем и противоречий.

В соответствии с пунктом 1 статьи 50 ГК юридическое лицо имеет свое наименование, содержащее указание на его организационно-правовую форму. Здесь же, в пункте 4, отмечено, что юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, должно иметь фирменное наименование, например «Республиканское унитарное предприятие «Национальный аэропорт Минск», Открытое акционерное общество «Белвторчермет» и т. п. ГК дает четкое разделение понятий «наименование» и «фирменное наименование». Часть 3 пункта 4 статьи 50 ГК установила, что порядок регистрации и использования фирменного наименования определяется законодательными актами. Государственная регистрация юридического лица включает в себя и регистрацию фирменного наименования, которое указывается в его учредительных документах. Юридическое лицо вправе выбрать любое фирменное наименование по своему усмотрению, требуется только, чтобы оно не использовалось до этого другим субъектом хозяйствования. Имеется одно исключение. Включение в наименование юридического лица указаний на официальное полное или сокращенное название Республики Беларусь, включение такого названия либо элементов

государственной символики в реквизиты документов или рекламные материалы юридического лица допускается в порядке, определяемом Президентом Республики Беларусь.

Юридическое лицо, фирменное наименование которого зарегистрировано в установленном порядке, имеет исключительное право его использования. Принимая во внимание тождественность основных функций фирменного наименования и товарного знака (знака обслуживания), практику их использования, представляется необходимым внести следующие дополнения. В Декрет представляется целесообразным включить право государственного органа, осуществляющего государственную регистрацию субъектов хозяйствования, отказывать в регистрации (как при создании юридического лица, так и при его реорганизации) в случаях, если будет установлено, что поданное на регистрацию фирменное наименование тождественно или сходно до степени смешения с ранее зарегистрированным товарным знаком, фирменным наименованием, наименованием места происхождения товара или используется правообладателем в составе коммерческого обозначения. Остановившись на данной проблеме, в первую очередь подчеркнем, что фирменное наименование состоит из двух частей: 1) корпус фирмы – это указание на организационно-правовую форму юридического лица; 2) произвольная часть фирмы – это собственное наименование фирмы.

В качестве дополнительной части фирменного наименования можно указывать на характер деятельности юридического лица, но это необходимо только в специально предусмотренных законом случаях. Примером может служить соответствующая кредитная организация, в фирменном наименовании которой должно содержаться слово «банк».

Как правило, в фирменном наименовании одновременно используются две составные части фирмы, но корпус фирмы не имеет цели идентификации, и нет смысла использовать его в качестве отличительной особенности. Рассматривая составляющие корпусов фирменных наименований, которые постоянно встречаются в гражданском обороте, мы видим, что они ограничивают одного субъекта прав от другого.

Следует четко определить критерии нарушения прав в случае спора между владельцем прав на товарный знак и владельцем прав на фирменное наименование в развитии общего подхода к вопросу о спорах между владельцами прав на средства индивидуализации. В ГК, в частности, установить, что оспаривание регистрации товарного знака владельцем прав на фирменное наименование возможно в случае

полного или частичного совпадения фактической деятельности правообладателя (деловой и территориальной), т. е. такое использование товарного знака, которое способно ввести в заблуждение потребителей и (или) контрагентов. Пункт 4 статьи 50 ГК изложить в следующей редакции: «Юридическому лицу принадлежит исключительное право использования своего фирменного наименования в качестве средства индивидуализации любым не противоречащим закону способом (исключительное право на фирменное наименование), в том числе путем его указания на вывесках, бланках, в счетах и иной документации, связанной с введением товаров в гражданский оборот, оказанием услуг, выполнением работ; при выполнении работ, оказании услуг; в объявлениях и рекламе, включая предложения о продаже товаров, выполнении работ, оказании услуг; на товарах, в том числе на этикетках, упаковках товаров, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Республики Беларусь, либо хранятся или перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Республики Беларусь; в сети Интернет».

Анализируя статью 50 ГК, можно выявить пробел, который состоит в том, что пункт 4 статьи 50 ГК четко и однозначно указывает, что исключительное право на фирменное наименование может принадлежать только коммерческой организации. Соответственно, некоммерческие юридические лица, как и индивидуальные предприниматели, лишены такого права (некоммерческие организации имеют только право на наименование).

Анализ данной статьи позволяет отметить следующий недостаток: нет точного определения субъектного состава, в связи с чем остаются неурегулированными вопросы относительно субъектов, имеющих право на фирменное наименование. В частности, остается неурегулированным вопрос, имеют ли право индивидуальные предприниматели выступать в роли правообладателя фирменного наименования. Хотя владельцем товарных знаков такой субъект может являться.

Рассматривая вопросы права на фирменное наименование и правовую охрану фирменного наименования, можно обнаружить противоречия статьи 50 ГК, а также статьи 8 Конвенции. Заметим, что положения Конвенции не содержат ограничений для субъектов прав промышленной собственности. Конвенция предлагает в качестве понятия промышленной собственности широкий круг правоотношений, участниками которых могут быть как коммерческие,

так и некоммерческие юридические лица. Все сказанное приводит к выводу, что право на фирменное наименование должно предоставляться всем юридическим лицам без ограничений. И это право должно прямо отражаться в законодательном акте. С одной стороны, фирменное наименование в соответствии с Конвенцией должно охраняться без обязательной подачи заявки либо регистрации, а с другой – в этом документе ничего не говорится об исключительных правах на фирменное наименование, их государственной регистрации.

Обратимся к зарубежному опыту. В законодательстве США, например, предусмотрено разделение названий юридических лиц. При регистрации юридического лица учредители определяют название своей организации (оно может состоять из имен учредителей либо быть представлено в виде сочетания букв и цифр). При этом исключительное право у юридического лица на такое название не возникает, хотя оно может использоваться в деловом обороте. Чтобы оформить исключительные права, юридическое лицо должно направить соответствующую заявку в государственное учреждение штата, заплатив регистрационные взносы. Такое название проверяется на идентичность, и если подобных прежде не было зарегистрировано, то в отношении этого названия оформляются исключительные права.

Такой опыт можно было бы использовать и в Беларуси. Ведь многим юридическим лицам не нужны исключительные права на их названия. Например, компания, работающая в рамках города, района, области, обычно идентифицируется по своей продукции или услугам. И даже если появится другое юридическое лицо с идентичным именем, то продукцию компаний будет нетрудно различать в пределах небольшой территории. Если же компания решила выйти за рамки своего местонахождения, например, торговать по всей стране либо заняться внешнеторговой деятельностью, то в этом случае смешение ее названия с идентичными приведет к путанице и может создать ситуацию, когда чужая репутация окажет отрицательное влияние на отношение к этой организации со стороны потребителей ее продукции, услуг либо предполагаемых партнеров по бизнесу.

Именно здесь появляется необходимость в исключительных правах на название. Таким образом, национальному законодателю следует исходить из того, что получение исключительных прав на название юридического лица должно носить только добровольный характер. Вместе с тем правильнее было бы определить, что фирменное наименование – это название юридического лица, в отношении которого оформлены исключительные права.

Так, в соответствии с Конвенцией «фирменное наименование охраняется во всех странах Союза без обязательной подачи заявки или регистрации и независимо от того, является ли оно частью товарного знака» [1, с. 39]. Но, исходя из нормы, содержащейся в статье 50 ГК, очевидным является то, что правовая охрана фирменного наименования предоставляется с момента государственной регистрации коммерческой организации и включения фирменного наименования в базу данных Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которая формируется регистрирующим органом в соответствии с его компетенцией и в автоматизированном режиме включается в Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Заключение. Противоречия существующего законодательства:

1) лаконичность норм, регулирующих правовой режим прав на фирменное наименование, многие вопросы в отношении исключительных прав на фирменное наименование остаются нерешенными;

2) исчерпывающий перечень объектов интеллектуальной собственности, подлежащих правовой охране в соответствии с ГК вступает в противоречие с Конвенцией, утверждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, участницей которой является Республика Беларусь, а также становится своего рода запретом на развитие законодательства в данной сфере.

Литература

1. Боденхаузен, Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности / Г. Боденхаузен. – М.: Прогресс, 2000. – 256 с.

Поступила 15.03.2012

УДК 347.214.2

Е. М. Сергеева, ассистент кафедры философии и права (БГТУ)**ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРОВ РЕНТЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА**

В настоящей статье рассматриваются такие виды гражданско-правовых договоров, как постоянная и пожизненная рента. Рента обременяет земельный участок, предприятие, здание, сооружение или другое недвижимое имущество, переданное под ее выплату. Получатель ренты в обеспечение обязательства плательщика ренты приобретает право залога на это имущество. Такие сделки занимают определенное место в формировании и развитии рынка недвижимого имущества. Недвижимость обеспечивает основу личного благосостояния граждан и служит базой для хозяйственной деятельности предприятий всех видов собственности.

The article provides analysis of such kind of civil contracts as a constant and lifetime annuities. Rent burdens the land, plant, building, structure or other real property transferred under its payment. The receiver of rent to secure the obligations of the payer of rent becomes entitled to lien on the property. These transactions take place in a certain formation and development of the real estate market. Real estate provides the basis of personal well-being of citizens and serves as the basis for economic activity of enterprises of all types of property.

Введение. Еще в конце прошлого века наше законодательство запрещало получения нетрудовых доходов и предусматривало уголовную ответственность за такие действия. Гражданское законодательство допускало применение рентных отношений только при отчуждении жилых домов (квартир) с условием пожизненного содержания их собственника. Изменение экономической и правовой систем после обретения независимости Республикой Беларусь (РБ) привело к исключению запретов и ограничений на получение доходов от имущества. Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК РБ) 1998 г. ввел главу 33 «Рента и пожизненное содержание с иждивением», согласно которой разрешается отчуждение имущества под выплату рентных платежей. Применение же пожизненной ренты не ограничивается использованием жилья. Для этих целей могут применяться любые объекты недвижимости, находящиеся в гражданском обороте. При этом получение ренты гражданами не ставится, как это предусматривалось ранее, в зависимость от состояния их здоровья, возраста, трудоспособности. Сегодня получателями ренты могут быть любые граждане, желающие передать свое имущество тому, кто в обмен на него согласится систематически выплачивать платежи (ренту).

Основная часть. Согласно ст. 554 ГК РБ, «Договор ренты – это соглашение, по которому одна сторона (получатель ренты) передает другой стороне (плательщику ренты) в собственность имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю в виде определенной денежной суммы либо предоставления средств на его содержание в иной форме ренту». Рента представляет собой периодические плате-

жи, которые обязано выплачивать лицо в обмен на полученное в собственность имущество его прежнему владельцу.

Значимость такого договора проявилась с переходом на рыночные отношения, когда в частной собственности оказался неограниченный круг объектов недвижимости. В частной собственности различных лиц (физических и юридических) стало возможным иметь земельные участки, предприятия, здания, сооружения и другие объекты недвижимости. Приобретенные в собственность граждан подобные объекты при наступлении определенных обстоятельств могут стать источниками дохода, когда граждане уже не могут самостоятельно их содержать.

Заключая договор, собственник отчуждает принадлежащее ему имущество за плату либо безвозмездно. В первом случае договор ренты имеет некоторые признаки договора купли-продажи. Во втором присутствуют признаки договоров дарения либо мены. Но такое подобие не лишает ренту самостоятельности.

Главная особенность ренты заключается в том, что существенно различаются сроки исполнения сторонами обязательств. Так, переход права собственности к плательщику ренты происходит при фактической передаче недвижимости. Плательщик же ренты остается обязанным перед ее получателем в течение неопределенного и длительного времени. Такая организация взаимоотношений требует установления соответствующего порядка, который регулируется правовыми нормами. В целях защиты интересов получателя ренты законом установлено: если плательщик ренты отчуждает ее (продает, дарит, меняет и т. п.), то его обязательства по уплате ренты переходят к новому приобретателю этого имущества. Это означает, что новый собствен-

ник недвижимости принимает на себя обязанности по уплате ренты на условиях ранее заключенного договора. В случае нарушения указанной обязанности ответственность наряду с новым собственником несет и прежний плательщик ренты.

При передаче под выплату ренты недвижимости получатель в целях ее получения приобретает не по соглашению, а по закону право залога на это имущество. Залог в данном случае выступает в качестве меры обеспечения исполнения плательщиком ренты своего обязательства по ее уплате (ст. 558 ГК РФ). Плательщик ренты, согласно требованиям, установленным законом собственнику, обязан принять все меры по сохранности переданной ему недвижимости, являющейся в силу закона предметом залога. Получив права залогодержателя, получатель ренты приобретает преимущественное перед другими кредиторами право на удовлетворение своих требований из стоимости ранее принадлежавшей ему недвижимости.

Сущность договора постоянной ренты – в бессрочной ее выплате. В договоре не может идти речь о сроках выплат, они бессрочны. Стороны согласовывают только их порядок и сроки. Если стороны не оговорили в договоре периодичность передачи получателю платежей, то закон обязывает плательщика производить выплату ренты по окончании каждого календарного квартала (ст. 562 ГК РФ). Постоянный характер ренты по этому договору обеспечивает переход ее от получателя к правопреемникам: наследникам или реорганизуемым юридическим лицам. Права получателя ренты (кредитору по договору) в общем порядке могут передаваться другим лицам путем уступки требования.

Получателями постоянной ренты могут быть только граждане и некоммерческие организации. Последние вправе стать получателями в том случае, если это не противоречит законодательству и целям их деятельности. Представляется, что такими организациями могут быть различные фонды и другие благотворительные, образовательные, воспитательные, социальные, культурные и тому подобные юридические лица. В отношении плательщиков ренты законодательство ограничений не устанавливает. Ими могут быть любые лица, как граждане, так и юридические лица.

Предметом договора постоянной ренты является наименование и количество передаваемого имущества, а также размер ренты.

По договору может передаваться любое имущество: деньги, вещи, в том числе недвижимое имущество. Следует отметить, если имущество передавалось за плату, то в договоре должна быть указана его стоимость. Случайная гибель

или случайное повреждение имущества не освобождает плательщика ренты от обязательства выплачивать ее на условиях заключенного договора.

Постоянная рента выражается в денежной форме, размер которой отражается в договоре. Представляется, что величина постоянной ренты зависит от стоимости передаваемого имущества. Как правило, рента выплачивается в денежной форме, но закон допускает выплату ренты путем предоставления вещей, выполнения работ или оказания услуг. Размер ренты увеличивается пропорционально увеличению установленной законодательством базовой величины, если стороны в договоре не предусмотрели иное.

Договор может прекращаться по общим основаниям: прощение долга, новация, соглашение сторон. Но такое общее основание, как исполнение договора, к настоящему соглашению неприменимо. Излагаемому договору присущи и специальные основания для его прекращения. Так, договор может быть прекращен при случайной гибели или случайном повреждении (порче) имущества, переданного под выплату ренты. Но такое основание по требованию плательщика ренты можно использовать, если имущество передавалось за плату. Кроме того, плательщик вправе отказаться от выплаты ренты путем ее выкупа, предупредив получателя ренты об этом за три месяца. Сумма выкупа определяется сторонами. Получатель ренты, в свою очередь, вправе требовать ее выкупа при нарушении плательщиком своих обязательств (ст. 564 ГК РФ).

Договор пожизненной ренты заключается на период жизни гражданина. Допускается установление пожизненной ренты нескольким гражданам (например, членам семьи, родственникам, друзьям и др.). В этом случае доли граждан в получении ренты считаются равными, но в договоре стороны могут их размер определить самостоятельно, т. е. увеличить или уменьшить размер ренты.

Получателями ренты по настоящему договору могут быть только граждане. Плательщиками ренты вправе выступать как граждане, так и юридические лица.

Пожизненная рента определяется в договоре в виде определенной денежной суммы, которая периодически выплачивается получателю в течение его жизни. Выплата ренты в натуральной форме не допускается. Размер ренты не может быть менее одной базовой величины. Она выплачивается по окончании каждого месяца, если стороны не предусмотрели в договоре иное.

По общему правилу договор прекращается смертью получателя ренты. Но он вправе тре-

бовать прекращения договора досрочно и возмещения убытков либо выкупа ренты, если плательщик ренты существенно нарушает свои обязательства. Если недвижимое имущество было отчуждено бесплатно, то получатель ренты в этом случае вправе потребовать его возврата с зачетом его стоимости в счет выкупаемой ренты.

Договор пожизненной ренты может быть заключен с пожизненным содержанием и иждивением. По этому договору гражданин передает принадлежащее ему на праве собственности недвижимое имущество плательщику ренты, который обязуется пожизненно содержать этого гражданина с иждивением (ст. 572 ГК).

Пожизненное содержание с иждивением может осуществляться в отношении гражданина. Им выступает, как правило, собственник недвижимости: предприятия, жилого дома, дачи, квартиры и других объектов. Но этот собственник вправе указать получателями содержания и других лиц, например членов семьи, родственников и др. Оказывать содержание с иждивением может как гражданин, так и юридическое лицо, которому в собственность передается недвижимость.

Предметом договора является объект недвижимого имущества, который передается плательщику ренты, а также совокупность материальных благ в натуре, предоставляемых для пожизненного содержания с иждивением бывшему собственнику имущества.

Материальные блага, предусматриваемые в договоре, могут касаться обеспечения жилищем, питанием, одеждой, лекарствами, посторонним уходом и другим, перечень и объем которых зависит от конкретных потребностей и условий жизни иждивенца. Например, потребности получателя ренты в жилище могут быть обеспечены как сохранением права пользования жильем, переданным под выплату ренты, так и предоставлением плательщиком ренты другого жилья. В договоре обязательно должна быть определена совокупность оказываемых услуг по содержанию с иждивением и их стоимость, которая может быть не менее двух базовых величин в месяц, что не исключает

возможности ее увеличения по соглашению сторон.

Особенность этого договора в том, что плательщик ренты вправе полученное недвижимое имущество отчуждать, сдавать в залог или иное обременение только с согласия получателя ренты. Но такое согласие не избавляет нового собственника недвижимости от уплаты ранее оговоренной ренты. Освободиться от подобной обязанности можно только при прекращении договора. Кроме того, плательщик ренты обязан принимать необходимые меры для того, чтобы в период предоставления пожизненного содержания использование этого имущества не привело к снижению его стоимости. Договор прекращается, как правило, смертью получателя ренты.

Договор ренты составляется в письменной форме в виде одного документа и подлежит нотариальному удостоверению. При передаче по договору недвижимого имущества он и переход права собственности на недвижимость подлежат государственной регистрации. При государственной регистрации договора ренты в регистрационную книгу заносятся размер ренты или данные о порядке и условиях ее определения, в том числе и оба обременения – рента и залог.

Заключение. Законодательство определяет порядок и особенности регистрации сделок с недвижимым имуществом. Соблюдение этих требований – необходимость, поскольку любая недвижимость имеет значительную стоимость на рынке.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 7 дек. 1998 г. – Минск: Амалфея. – 263 с.

2. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним: Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З: с изм. и доп. // Национальный реестр правовых актов РБ. – 2007. – № 118. – 2\1309.

Поступила 15.03.2012

УДК 167:159.923.2

Н. С. Ильюшенко, аспирант (Институт философии НАН Беларуси)**САМОСОЗНАНИЕ КАК ПРОЦЕСС САМОКОНСТРУИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ**

В статье рассмотрен феномен самосознания как процесс самоконструирования. Проанализированы истоки трактовки самосознания как деятельности конструирования в философии Дж. Вико, Дж. Беркли, И. Канта. Рассмотрено понимание самосознания в свете основных методологических принципов конструктивизма как современного междисциплинарного направления. Сделан вывод об эвристическом и методологическом потенциале такого рассмотрения.

Self-consciousness is considered as a process of self-construction. The G. Vico's, G. Berkeley's and I. Kant's ideas as the basis of this approach are analysed. The interpretation of self-consciousness in accordance with the key principles of constructivism paradigm is given. The self-consciousness is realized as its self-constitution in the network of interpersonal and social relations.

Введение. На современном этапе развития цивилизации человечество пришло к пониманию того, что бездумная, стихийная деятельность способна привести к кризисным явлениям как локального, так и глобального характера. Сегодня остро осознается необходимость предотвращения экологической катастрофы, преодоления экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами. Перед обществом стоит задача предупреждения отрицательных последствий научно-технического прогресса, поиска выхода из духовно-нравственного кризиса, в котором человечество оказалось на рубеже XX–XXI вв. Все более очевидным становится и то, что причины указанных проблем не только связаны с особенностями технологического развития западной цивилизации, но и коренятся в самом человеке, выступают логическим следствием глубокой внутренней разобщенности его субъективности. Для понимания того, как и в каком направлении следует развиваться современному обществу, какими приоритетами и ориентирами при этом руководствоваться, необходима радикальная трансформация самого способа бытия человечества, которая во многом определяется тем, как видит себя каждый отдельный индивид, с чем он себя идентифицирует. В данном контексте взгляд на самосознание как на процесс самоконструирования личности может оказаться продуктивным, поскольку при таком рассмотрении оно предстает как нечто подвластное активным трансформациям и изменениям.

Основная часть. У истоков рассмотрения самосознания как конструируемой реальности стоят такие выдающиеся мыслители, как Дж. Вико, Дж. Беркли, И. Кант. Кратко рассмотрим их основные философские идеи.

Итальянский философ Дж. Вико (1668–1744) в своей работе «De Antiquissima Italorum Sapientia» сформулировал исходные положения, позволяющие сделать вывод о том, что все человеческое знание, в том числе и знание

о себе самом, конструируется субъектом самостоятельно. Дж. Вико полагал, что человеческому сознанию доступно лишь то, что создано им самим. Поэтому и изучать следует не истинную природу вещи (такая природа ведома только Богу, человек же не в состоянии постичь божественного замысла), но способ, которым она человеку дается в его опыте и деятельности [1].

Дж. Беркли (1685–1753) – ирландский философ, в 1710 г. опубликовавший «Трактат о началах человеческого знания», независимо от Дж. Вико развил схожую идею о том, что только Богу дана реальность, как она есть сама по себе и которая является высшей истиной. Человек же не в состоянии познать эту абсолютную, превосходящую его истину. Все, на что может опираться человек в познании, представлено содержанием его собственного сознания. Эту мысль Дж. Беркли отразил в знаменитой формуле «esse est percipi» («существовать – значит быть воспринимаемым»), которая в концентрированном виде выражает основное содержание солипсизма [2].

И. Кант (1724–1804) – немецкий философ, в «Критике чистого разума» развил идею априорности наших знаний. Мыслитель настаивал на том, что всякий объект дан нам прежде всего как объект опыта. Опыт же мыслитель понимал как «организацию субъектом материала чувственности (ощущений) с помощью априорных форм чувственного созерцания и априорных категорий рассудка» [3, с. 13]. К априорным формам чувственности И. Кант относил пространство и время, а к априорным формам рассудка – категории качества, количества, отношения и модальности. Все наше знание, включая также представления о самих себе, является не более чем результатом особого рода структурирующей активности содержащихся в субъекте априорных форм. Реальность как таковая, будь то реальность внешних по отношению к нам объектов или же внутренняя реальность нашего сознания, таким образом,

никогда не дается нам в «чистом» виде, но всегда выступает в качестве некоторой «вещи-в-себе», не доступной для ее непосредственного восприятия и познания.

Идеи Дж. Вико, Дж. Беркли и И. Канта заложили основу рассмотрения самосознания как процесса активного созидания себя субъектом в современном междисциплинарном направлении – конструктивизме. Данное направление может быть определено как совокупность разнообразных научных и философских концепций, сложившихся во второй половине XX в. и объединенных общими методологическими установками. К конструктивистским теориям относятся: социальный, коммуникативный, радикальный, кибернетический конструктивизм, дискурс-анализ, рефлексивную этнографию, социокультурную психологию, нарративную психологию и др. [4, с. 168]. Среди непосредственных представителей следует отметить таких исследователей, как П. Бергер, П. Вацлавик, Э. фон Глазерсфельд, К. Джерджен, Дж. Келли, Б. Латур, Т. Лукман, Н. Луман, У. Матурана, Ж. Пиаже, Г. Рот, З. Шмидт, Х. фон Фёрстер, П. Яних и др.

Несмотря на то, что конструктивизм не является однородным философским подходом, а представляет собой конгломерат достаточно разобщенных теорий, сложившихся в рамках естественных наук, социологии, психологии, философии, все же представляется возможным выделить его основополагающие, базовые принципы.

Первой и наиболее значимой установкой конструктивизма выступает его антисубстанциалистская направленность. В конструктивизме, особенно в его радикальном варианте, отрицается необходимость введения любых онтологических схем, предшествующих описанию исследуемого объекта. Согласно высказыванию Э. фон Глазерсфельда, «поскольку ничего достоверного в традиционном смысле мы сказать (помыслить) о реальности не можем, то ее объективное существование в такого рода недоступности равнозначно ее несуществованию» [5, с. 70].

Конструктивизм также решительным образом порывает с традиционной эпистемологией и развивает свою теорию познания, в которой знание больше не является чем-то отражающим «объективную» онтологическую реальность. Выражаясь словами К. Джерджена, представители конструктивизма в целом «отказываются от представления о том, что наш язык описания мира (или себя) функционирует наподобие зеркала или карты или что он имеет прозрачную и обязательную связь с порядком существующих вовне экзистентов» [6, с. 154]. По этой причине Э. фон Глазерсфельд предлагает вместо понятия

соответствия знаний действительности в эпистемологии и понятия адаптации организмов к действительности в биологии использовать понятие пригодности, которое может быть понято как успешность или полезность [5]. Таким образом, конструктивисты, отвечая на вопрос о природе знания, отмечают, что всякое знание активно строится самим познающим субъектом в результате его жизнедеятельности и представляет собой не столько отражение, сколько конструирование реальности.

Третьим базисным положением конструктивизма выступает признание роли социально-культурных взаимодействий в процессе формирования знания. К. Джерджен отмечает, что «любое описание мира или себя имеет своим истоком отношение» [6, с. 77]. Это значит, что понятия и формы, посредством которых мы достигаем понимания мира и формируем представления о себе, являются социальными артефактами, продуктами исторически и культурно определяемых взаимодействий между людьми.

В качестве четвертого положения можно выделить признание роли коммуникативных практик в процессе конструирования знания. Коммуникация и язык рассматриваются как центральный организующий принцип данного процесса. Согласно замечанию К. Джерджена, «язык функционирует в первую очередь как форма социального действия, составляющего часть единой или нескольких традиций» [6, с. 78]. Назначение коммуникации заключается в том, чтобы содействовать целям адаптации, т. е. обеспечивать наилучшее приспособление индивида к миру и поддерживать его жизнеспособность.

В свете данных принципов феномен самосознания может быть рассмотрен следующим образом.

Прежде всего, самосознание предстает как конструируемая индивидом в процессе самопознания реальность. Главная характеристика этой реальности заключается в том, что она является «вторичной», т. е. не выступает прямым отражением некоторой объективной, существующей независимо от человека «природы». Она также не мыслится как некая неизменная внутренняя сущность или набор статичных когнитивных структур, изначально содержащихся в человеке. Самосознание трактуется как то, что индивид сам активно создает в процессе своей жизни, деятельности, познания, интеракций, а также в результате участия в разнообразных коммуникативных практиках.

Формирование самосознания как процесса конструирования акцентирует внимание на конкретных способах человеческого бытия, посредством которых индивид включается в раз-

личные исторические, культурные и языковые контексты. К. Джерджен утверждает, что «когда мы вступаем в координацию, мир становится для нас осмысленным», именно благодаря социальным взаимодействиям и процессу коммуникации «мы обретаем идентичность в качестве отдельных личностей в сочетании с интересами, целями, идеалами, увлечениями» [6, с. 78]. Наши ценности и наши представления о себе, таким образом, являются производными от наших отношений. Значение коммуникации в процессе самоконструирования заключается в том, что вне процесса общения с другими людьми индивид в принципе не способен выработать какой бы то ни было образ себя.

Следует отметить, что на процесс конструирования самосознания оказывают воздействия не только интерсубъективные взаимодействия людей, но и интеробъективные отношения, под которыми французский социолог и философ Б. Латур понимает взаимодействия с окружающими человека предметами и объектами. Такие внешние по отношению к человеку объекты по своей сути тоже являются конструктами. Б. Латур для их определения использует понятие «квази-объекты». Использование данного термина призвано подчеркнуть их пограничный статус: предметы окружающей нас действительности никогда не являются полностью независимыми от нас вещами. Они всегда нагружены нашим отношением к ним. Их существование обусловлено способами, которыми люди используют предметы, что означает, что окружающие человека вещи всегда уже оказываются связанными с его субъективностью. Однако при этом вещи сами способны оказывать воздействие на людей. Овладевая определенными способами обращения с вещами, человек с их помощью формирует себя. Переплетение всех существующих отношений, взаимодействий и взаимовлияний «объектов» и «субъектов» друг на друга образует сеть, где каждому элементу отведено определенное место в ряду установленных связей и где только и оказывается возможной выработка представленный человек о себе [7].

Примером конструирования самосознания как пересечения отношений индивидов и вещей в сети культурных и коммуникационных взаимодействий может служить процесс формирования личности преподавателя. Всестороннее описание данного процесса было осуществлено австрийским социологом, специалистом в области антропологии знания и социального конструктивизма К. Кнорр-Цетина. Исследователь отмечает, что на становление личности педагога оказывает влияние не только прохождение им сертификации, контакт и взаимодействие с

большим количеством учеников и коллег, но также и взаимодействие и непосредственное обращение с целым рядом вещей, которые требуют не меньшего внимания, чем люди [8].

Таким образом, в конструктивистском подходе самосознание мыслится как модель, которая строится индивидом из символических ресурсов конкретной исторической и культурной среды. Она вырабатывается во взаимодействии с различными артефактами, среди которых обнаруживает себя человек и через соотнесение с которыми происходит его самоопределение. Представители конструктивизма единодушны в признании того, что создаваемые людьми описания самих себя зависят не столько от объективной истинности этих описаний, сколько от динамики социальных процессов, в которых они живут и действуют.

Следует отметить, что хотя конструктивизм и рассматривает человека как активного и деятельного агента жизни, способного осознанно преобразовывать окружающую его действительность и самого себя, в то же время сторонники данного направления не склонны отрицать значения способности человека к спонтанным проявлениям и поступкам, нерелексивным действиям, простому реагированию.

Ошибочным будет также предположение, что конструктивизм развивает взгляд на человека как на пассивного реципиента социокультурных практик, полностью детерминированного ими. Напротив, конструктивизм настаивает на признании творческого начала в человеке. Феномен самосознания в данном теоретическом подходе понимается как активный процесс самоформирования, в котором индивид способен выбирать из множества предлагаемых культурой сценариев самореализации те, что наилучшим образом отвечают его личностным запросам. Тот факт, что самосознание имеет социокультурную размерность, не ограничивает свободы человека в построении образа себя. Однако данное обстоятельство не позволяет превращать такое конструирование в чистый произвол ничем не ограниченного действия. Оно осуществляется всегда как личностный выбор, пределы которого заданы конкретным социально-историческим контекстом даже тогда, когда личность определяет себя в противостоянии всему, что предлагает ей данная культура.

Заключение. В данной статье были рассмотрены основные характеристики самосознания, понимаемого как процесс самоконструирования. Вопрос, который может возникнуть при таком понимании данного феномена, — это вопрос о преимуществах конструктивистского подхода в трактовке самосознания. Серьезное

преимущество представленной концепции связано с тем, что она позволяет развить взгляд на самосознание не как на некую сущность, изначально содержащуюся в человеке и независимую от окружающего его внешнего мира, но как на то, что имеет связь с социальными и культурными условиями человеческого бытия. Анализ контекстов, в которых происходит становление и развитие представлений личности о себе, позволяет выявить способы, которыми индивид организует эти представления, что дает возможность их изменить (переконструировать). Необходимость такого изменения вызвана тем, что очень часто имеющиеся у людей идеи, установки и представления о себе выступают препятствиями в межличностных отношениях, реализации общественно значимых целей.

Рассмотрение самосознания как процесса самоконструирования открывает большие возможности для поиска более гармоничных стратегий существования человечества в эпоху глобальных трансформаций. Ведь, как известно, человек в процессе своей жизнедеятельности имеет дело с самим собой и вряд ли следует надеяться на некую высшую силу, которая сможет решить все имеющиеся у него трудности и проблемы.

Литература

1. Вико, Дж. Основания «Новой науки» об общей природе наций / Дж. Вико. – М.; Киев: REFLbook; ИСА, 1994. – 617 с.

2. Беркли, Дж. Трактат о принципах человеческого знания / Дж. Беркли // Сочинения / сост., общ. ред. и вступ. статья И. С. Нарского. – М.: Мысль, 1978. – С. 149–247.

3. Лекторский, В. А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2005. – № 8. – С. 11–21.

4. Труфанова, Е. О. Единство и множественность Я. Научная монография / Е. О. Труфанова. – М.: Канон, 2010. – 256 с.

5. Глазерсфельд, Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм / Э. фон Глазерсфельд // Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. – Мюнхен, 2000. – С. 74–97.

6. Джерджен, К. Дж. Социальная теория в контексте: относительный гуманизм / К. Дж. Джерджен // Социальный конструкционизм: знание и практика: сб. статей / под общ. ред. А. А. Полонникова; пер. с англ. А. М. Корбута. – Минск: БГУ, 2003. – 232 с.

7. Латур, Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Латур Б. – М.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. – 240 с.

8. Кнорр-Цетина, К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания / К. Кнорр-Цетина; пер. с англ. В. И. Дудиной // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. 5. – № 1. – С. 101–124.

Поступила 30.03.2012

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 655.28.021(031.021.4)

М. В. Трус, кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры (БДТУ)

ЭНЦЫКЛАПЕДЫЯ «МАКСІМ БАГДАНОВІЧ»: ТРАДЫЦЫЙНЫЯ І НАВАТАРСКІЯ ПАДЫХОДЫ ПРЫ ПАДРЫХТОЎЦЫ ВЫДАННЯ

У публікацыі разглядаюцца гісторыя, канцэптуальныя падыходы пры стварэнні персанальнай літаратурнай энцыклапедыі «Максім Багдановіч» (2011). У поле ўвагі даследчыка прыцягваецца вопыт беларускай і замежнай энцыклапедыстыкі, захаванне стваральнікамі энцыклапедыі зместавага канона выданняў падобнага роду. Робіцца акцэнт на ажыццёўленых наватарскіх ідэях, адпаведнасці праекта актуальным пытанням сучаснай інфармацыйна-культурнай прасторы.

The article dwells upon the history and conceptual approaches to the creation of the personal literature encyclopedia «Maxim Bagdanovich» (2011). The research domain involves the experience of Belarusian and foreign encyclopaedistics and preserving of the informative cannon of such editions. The author highlights the personified innovative ideas, correspondence of the project to actual questions of the up to date informative and cultural space.

Уводзіны. Персанальныя літаратурныя энцыклапедыі – гэта выданні энцыклапедычнага жанру, цалкам прысвечаныя аднаму пісьменніку, у якіх дэталёва пададзены біяграфія, творчасць, а таксама гісторыя іх даследавання і шматбаковага асэнсавання.

Выданне «Максім Багдановіч» (2011) стала 3-й беларускай персанальнай энцыклапедыяй. Аўтар гэтых радкоў з’яўляўся навуковым рэдактарам, адным са складальнікаў (разам з І. У. Саламевічам) і аўтараў, членам рэдкалегіі энцыклапедыі, таму прапанаваная публікацыя – плён уласнага аналітычнага асэнсавання, адна з першых спроб акрэсліць месца выдання ў айчынай і замежнай энцыклапедыстыцы.

Беларускія і замежныя (рускія, украінскія) вучоныя спарадычна звярталіся да праблемы выдання персанальных літаратурных энцыклапедыяў. Наяўны вопыт крытычных падыходаў прадэманстраваны ў паасобных артыкулах; гэта, як правіла, рэцэнзіі і водгукі, апублікаваныя ў перыёдыцы [5; 8–10]. Па нашых звестках, на сённяшні дзень абаронена толькі адна кандыдацкая дысертацыя па гэтай праблематыцы ў Маскве (аўтар – Наталля Малафеева).

Асноўная частка. На Захадзе персанальныя энцыклапедыі ўпершыню ўбачылі свет у канцы XIX ст., найбольшае іх распаўсюджанне прыйшлося на XX ст. Вынікам працы літаратуразнаўцаў, мастацтвазнаўцаў, гісторыкаў сталі энцыклапедыі, энцыклапедычныя даведнікі, прысвечаныя Р. Бёрнсу, Ч. Дзікенсу, У. Блэйку, Ф. Кафку, У. Тэкерэю, Ф. Шылеру і іншым пісьменнікам. Паказальны прыклад: калі ў 1952 г. выйшла Шэкспіраўскай энцыклапедыя, гэта была падзея і сапраўднае свята не толькі

для Вялікабрытаніі, але і для ўсяго цывілізаванага свету.

Праца над першай персанальнай літаратурнай энцыклапедыяй на тэрыторыі былога СССР – Пушкінскай – была распачата ў 1930-я гг., але на сённяшні дзень мы маем магчымасць азнаёміцца толькі з этапнымі вынікамі гэтага маштабнага праекта.

У савецкі час першым даведачным выданнем падобнага кшталту быў Шаўчэнкаўскі слоўнік у 2 тамах (1976–1977), падрыхтаваны Інстытутам літаратуры імя Т. Р. Шаўчэнкі.

Адной з лепшых у гісторыі еўрапейскай энцыклапедыстыкі лічыцца Лермантаўская энцыклапедыя (1981), праца над якой вялася ў Інстытуце рускай літаратуры (Пушкінскім доме) з 1958 г. Выданне абагульніла напрацоўкі лермантазнаўства, стала ўзорам для даведачнай літаратуры ў савецкай і постсавецкай інфармацыйна-культурнай прасторы. Тэматычныя блокі энцыклапедыі складаюць своеасаблівы зместавы канон персанальных літаратурных энцыклапедыяў: агульныя звесткі пра жыццё і творчасць, радавод, літаратурнае і побытавае акружэнне, паслядоўнікі, даследчыкі, асэнсаванне сюжэтаў і вобразаў у розных відах мастацтва, асаблівасці паэтыкі, сувязі М. Ю. Лермантава з замежнымі літаратурамі, лермантаўскія мясціны і інш. Кожнаму твору адведзены асобны артыкул.

Значнымі падзеямі не толькі рэспубліканскага, але і агульнасаюзнага ўзроўняў стала выданне беларускіх даведнікаў: персанальнага літаратурнага «Янка Купала» (1986) і персанальнага культуралагічнага, мастацтвазнаўчага «Францыск Скарына і яго час» (1988). Адзначым парадаксальнасць афіцыйнага жанравага вызначэння гэ-

тых фундаментальных прац: «энцыклапедычны даведнік» на вокладцы і «энцыклапедыя» ў анатацыі ці ва ўступным артыкуле.

Так, у анатацыі да выдання, прысвечанага класіку беларускай літаратуры, чытаем: «Янка Купала» – першая на Беларусі персанальная энцыклапедыя. Асвятляе асноўныя моманты жыцця і творчасці народнага паэта Беларусі. У ёй змешчана 3095 артыкулаў. Гэта артыкулы, прысвечаныя творам паэта, праблемныя артыкулы пра творчасць Я. Купалы, лірыку, драматургію, публіцыстыку, паасобныя жанры, вобразы, пра сувязі паэта з рускай літаратурай, літаратурамі народаў СССР і замежных краін, пра ўвасабленне купалаўскай тэмы ў выяўленчым мастацтве, музыцы, тэатры, кіно. Кніга багата ілюстравана».

Ва ўступным артыкуле да энцыклапедычнага даведніка «Францыск Скарына і яго час» адзначаецца, што гэта «...другая на Беларусі персанальная энцыклапедыя (пасля Купалаўскай). <...> Даведнік фактычна з'яўляецца падраўнакам развіцця скарыназнаўства ў краіне. У кнізе 728 артыкулаў. Змешчаны артыкулы пра ўсе выданні Ф. Скарыны, у якіх даецца аналіз структуры выдання і паліграфічны асаблівасцей выканання, гісторыі знаходкі і вывучэння, інфармацыя аб наяўнасці выдання ў кнігазборках краіны і за мяжой; артыкулы пра мастацкае аздабленне выданняў, іх графічную арнаментыку, а таксама пра кожную з кніжных гравюр. Шэраг артыкулаў прысвечаны гістарычным дзеячам і геаграфічным месцам, якія неаднаразова сустракаюцца ў тэкстах скарынінскіх прадмоў і пасляслоўяў. Частку матэрыялаў даведніка складаюць абагульняльныя артыкулы пра кнігавыдавецкую, асветніцкую, літаратурную дзейнасць Ф. Скарыны, у якіх разглядаецца яго філасофска-этычныя, дзяржаўна-прававыя, эстэтычныя погляды, патрыятызм» [18, с. 5].

Новае жыццё расійская практыка падрыхтоўкі і выпуску персанальных літаратурных энцыклапедыяў атрымала ў пачатку 1990-х гг. На гэты працэс накладвалі адбітак шэраг акалічнасцей найноўшай гісторыі: камерцыялізацыя кніжнай справы, неабходнасць мабільна рэагаваць на патрэбы і запыты чытача, канкурэнцыя на рынку кніжнай прадукцыі і інш.

Адзін з прыкладаў квазівыданняў новага пакалення – «Пушкінская энцыклапедыя. 1799–1999» (1999), якая выйшла да 200-гадовага юбілею паэта і ўяўляе сабой падарункавы багата ілюстраваны варыянт даведчнай літаратуры. Выданне змяшчае біяграфію А. С. Пушкіна, храналагічны агляд яго творчасці, успаміны сучаснікаў, звесткі пра акружэнне паэта, прамовы і артыкулы пісьменнікаў, прысвечаныя класіку рускай літаратуры.

Расійскую серыю аўтарскіх персанальных энцыклапедыяў распачала «Краткая ахматовская

энцыклапедыя: от А до Я» (1991) С. Умнікава [19]. Эстафету падхапілі аўтары выданняў, прысвечаных жыццю і творчасці М. Булгакава [14], М. Гогаля [15], Ф. Дастаеўскага [1], В. Шукшына [16] і інш.

У другой палове 1990-х гг. расійская энцыклапедыстыка прадставіла новы жанр універсальнай даведчнай літаратуры – персанальна-рэгіянальныя літаратурныя энцыклапедыі. Так, у Арэнбургу ў 1997 годзе ўбачылі свет адразу тры выданні Арэнбургскай трылогіі: Пушкінская [4], Талстоўская [2] і Шаўчэнкаўская [3] энцыклапедыі, падрыхтаваныя Л. Бальшаковым. Традыцыі краязнаўства падмацаваны выданнямі – плёнам калектыўнай працы даследчыкаў «Пушкінская энцыклапедыя «Михайловское» (Масква, 2003), «Замятинская энцыклапедыя. Лебедянский контекст» (Тамбоў, Ялец; 2004), Шукшынская энцыклапедыя (т. 1–2, Барнаул, 2005). Сёння вядзецца праца па стварэнні Прышвінскай, Розанаўскай, Хлебнікаўскай, Чэхаўскай, Ясенінскай энцыклапедыяў.

Энцыклапедыя «Максім Багдановіч» (2011), падрыхтаваная да 120-годдзя класіка літаратуры выдавецтвам «Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі», стала 3-й беларускай персанальнай энцыклапедыяй пасля выданняў «Янка Купала» і «Францыск Скарына».

Выданне «Максім Багдановіч» стала прадэўжальнікам зместавага канона персанальных літаратурных энцыклапедыяў: тут прадстаўлены агульныя звесткі пра жыццё і творчасць паэта, радавод, літаратурнае акружэнне, паслядоўнікі, даследчыкі, асэнсаванне сюжэтаў і вобразаў у розных відах мастацтва і інш. Кожнаму твору прысвечаны асобны артыкул. Энцыклапедыя ўтрымлівае багаты візуальны матэрыял: фотаздымкі, рэпрадукцыі партрэтаў М. Багдановіча і ілюстрацыяў да яго твораў і інш.

Традыцыйнае цэласнае, міфалагізаванае ўспрыманне асобы і творчасці М. Багдановіча для шырокай чытацкай аўдыторыі, як правіла, трымаецца сілавога поля вядомых метафарычных вызначэнняў: «пясняр чыстай красы» (А. Луцкевіч), «госць з высокага неба» (А. Смоліч), «Страцім-лебедзь беларускай літаратуры» (А. Лойка), «беларускі Ікар» (Р. Лубкіўскі), «загадка Максіма Багдановіча» (М. Стральцоў) і інш. Энцыклапедыя як універсальны збор матэрыялаў пра жыццё і творчасць пісьменніка, акружэнне, эпоху, шматбаковае асэнсаванне пакінутага ў мастацтве слова, іншамоўнае перастварэнне заклікана трымацца яго вялікасці факта, выверанай і дакладнай інфармацыі, аб'ектыўнасці. Разам з тым, многія тэмы, прадстаўленыя ў дадзеным выданні, распрацаваны ўпершыню, а таму часта носяць адкрыты, часам дыскусійны характар.

У гісторыі стварэнне энцыклапедыі былі свае вехавыя моманты. Так, у 1987 г. па ініцыятыве загадчыка рэдакцыі БелСЭ імя П. Броўкі І. У. Саламевіча пачалася праца над выданнем. Даследчыкам быў складзены слоўнік, запрошаны да супрацоўніцтва вядучыя багдановічазнаўцы.

Ініцыятыва І. У. Саламевіча насіла прыватны характар, не была аформлена арганізацыйна, падмацавана фінансава; да гэтага дадаваўся яшчэ шэраг неспрыяльных абставін аб'ектыўнага характару, таму ў пачатку 1990-х гг. праца над энцыклапедыяй была спынена, а падрыхтаваныя артыкулы леглі ў архіў выдавецтва.

Толькі ў 2008 г. па ініцыятыве навукоўцаў НАН Беларусі, супрацоўнікаў Літаратурнага музея М. Багдановіча, Нацыянальнага архіва, выкладчыкаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта справу ўдалося рэанімаваць. Былі накіраваны лісты ў Міністэрства інфармацыі і Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь з просьбай аб садзейнічанні ў справе падрыхтоўкі і выдання энцыклапедыі.

Нарада ініцыятыўнай групы прайшла 9 красавіка 2008 г. у музеі паэта. На грамадскіх пачатках навуковым рэдактарам, каардынатарам будучага выдання быў абраны былы дырэктар Літаратурнага музея М. Багдановіча, кандыдат філалагічных навук, дацэнт БДУ М. В. Трус.

З запрашэннем вядучых навукова-даследчых арганізацый Рэспублікі Беларусь быў удакладнены слоўнік, падрыхтаваны І. У. Саламевічам, – з улікам новых рэалій часу, стану гуманітарнай навукі, дасягненняў у галіне багдановічазнаўства. Вызначыўся бліжэйшы план дзеянняў, канстатавалася неабходнасць перагляду і дапрацоўкі раней сабраных матэрыялаў у сувязі са зменай ідэалагічнай каштоўнаснай парадзгімы ў грамадстве.

Для рэдакцыйнай калегіі, аўтарскага, рэдактарскага калектываў стала відавочна, наколькі перапынак у працы над выданнем аб'ектыўна паспрыяў назапашванню фактаграфічнай базы. За кароткі па гістарычных маштабах перыяд у нацыянальную культуру былі вернуты выбітныя асобы, якія былі знаёмыя з М. Багдановічам, спрыялі папулярызаванню і навуковаму асэнсаванню яго творчасці.

У 1991 г. у Мінску да 100-годдзя з дня нараджэння паэта былі адчынены Літаратурны музей Максіма і яго філіял «Беларуская хатка», якія не толькі сталі важнымі цэнтрамі экспанавання матэрыялаў, звязаных з жыццём і творчай дзейнасцю песняра чыстай красы, яго акружэння, але і ўзялі на сябе ролю лакаматываў навуковай думкі: тут праводзяцца міжнародныя навукова-практычныя канферэнцыі, выдаюцца зборнікі архіўных матэрыялаў. У пачатку XXI ст. набыў свае завершаныя абрысы філіял музея

«Фальварак Ракуцёўшчына», што знаходзіцца ў Маладзечанскім раёне Мінскай вобласці.

Асноўныя кірункі ў галіне багдановічазнаўства ў апошнім дзесяцігоддзі XX ст. – першым дзесяцігоддзі XXI ст. былі непасрэдным чынам звязаныя з грамадска-палітычнай сітуацыяй у Беларусі, набыццём і ўмацаваннем дзяржаўнага суверэнітэту. Адкрытасць архіваў, вяртанне раней забытых імёнаў нацыянальнай гісторыі, актыўны міжкультурны дыялог, далучэнне да сілавога культурнага поля краіны беларускай дыяспары адкрылі новыя далягяды для гэтай галіны айчыннага літаратуразнаўства.

Вехавай падзеяй стала выданне Інстытутам літаратуры імя Янкі Купалы АН Беларусі Поўнага збору твораў Максіма Багдановіча ў 3 тамах (1992, 1993, 1995), у якім сабрана ўся вядомая спадчына паэта, зняты купюры з яго твораў. Даследаванні прысвечаны праўдзіваму і поўнаму асвятленню ўзаемадчынненняў М. Багдановіча з дзеячамі беларускага адраджэння, украінскімі пісьменнікамі пачатку XX ст., стварэнню дэталёвага радаводу паэта, увядзенню ў навуковы ўжытак невядомых архіўных матэрыялаў, асэнсаванню месца класіка беларускай літаратуры ў беларускай, славянскай, заходнееўрапейскай, сусветнай культурнай прасторы.

У працы над энцыклапедыяй сышлі розныя пакаленні даследчыкаў. Для навукоўцаў, аматараў творчасці М. Багдановіча засталіся артыкулы вядучых вучоных, якіх ужо з намі няма: Н. Б. Ватацы, М. М. Грынчыка, У. А. Калесніка, Г. А. Кахановіча, Г. В. Кісялёва, Л. К. Тарасюк, У. М. Конана, В. У. Скалабана і інш.

Вялі рэй працы, засталіся нязменнымі стырнавымі прадстаўнікі старэйшага пакалення даследчыкаў: В. П. Рагойша, Т. В. Кабржыцкая, М. І. Мушынскі, Я. А. Гарадніцкі, М. І. Мішчанчук і інш.

Прадстаўнікі малодшага пакалення даследчыкаў (супрацоўнікі НАН Беларусі, выкладчыкі ВНУ) прапанавалі шэраг матэрыялаў, якія адпавядаюць актуальным пытанням сучаснай гуманітарнай навукі.

Былі задзейнічаны супрацоўнікі, а таксама прадстаўлены фонды Літаратурнага музея М. Багдановіча, Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, Дзяржаўнага музея імя Я. Купалы, Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, шэрагу іншых устаноў.

Можна сцвярджаць, што энцыклапедыя «Максім Багдановіч», плён працы некалькіх пакаленняў навукоўцаў, адлюстроўвае стан сучаснага багдановічазнаўства і літаратуразнаўства наогул.

Пры падрыхтоўцы выдання апрабавана новая форма супрацоўніцтва: масмедыйная падтрымка на ўсіх этапах працы з боку навуковага

і метадычнага часопіса «Роднае слова», у якім некалькі гадоў вялася рубрыка «У энцыклапедыю «Максім Багдановіч». Часопісныя публікацыі стымулявалі актыўнасць даследчыкаў, дазвалялі падаваць сціслы даведачны матэрыял у пашыраным варыянце, падказвалі новыя тэмы: успрыманне творчасці паэта вачыма нашаніўскіх сучаснікаў, М. Багдановіч і параўнальнае літаратуразнаўства, жыццё і творчасць паэта ў інтэрнэт-прасторы і г. д.

Заклучэнне. Энцыклапедыя «Максім Багдановіч» – вежавая падзея ў гісторыі нацыянальнай культуры, дзякуючы якой падсумавана фактаграфічная база жыцця і творчасці паэта, прадэманстравана ступень навуковай спеласці багдановічазнаўства як галіны беларускага літаратуразнаўства, сістэмнасць і цэласнасць асэнсавання спадчыны класіка беларускай літаратуры.

Можна з упэўненасцю сцвярджаць, што выданне, якое стала плёнам працы некалькіх пакаленняў навукоўцаў, адпавядае стану сучаснага багдановічазнаўства і літаратуразнаўства ўвогуле. Гэта першае выданне. Час, новыя гарызонты айчыннай гуманітарыстыкі прыўнясуць свае карэктывы. Але і ажыццёўленае выданне, адрасаванае шырокай чытацкай аўдыторыі, ужо гісторыя сама па сабе.

Адным з першых афіцыйных прызнанняў стала перамога ў 51-м нацыянальным конкурсе «Мастацтва кнігі – 2012»: выдавецтва «Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі» было прызнана лепшым у намінацыі «Залатыя скрыжалі» (лепшае даведачна-энцыклапедычнае выданне) – за энцыклапедыю «Максім Багдановіч».

Літаратура

1. Белов, С. В. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь / С. В. Белов. – СПб., 2001.
2. Большаков, Л. Н. Оренбургская толстовская энциклопедия: Материалы. Поиски. Исследования. Хроника / Л. Н. Большаков. – Оренбург, 1997.
3. Большаков, Л. Н. Оренбургская шевченковская энциклопедия: Тюрма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет, 1847–1858 / Л. Н. Большаков. – Оренбург, 1997.
4. Большаков, Л. Н. Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие – 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капи-

танской дочери». Исследователи и интерпретаторы / Л. Н. Большаков. – Оренбург, 1997.

5. Вацуру, В. Э. Лермонтовская энциклопедия. К истории создания / В. Э. Вацуру // Русская литература. – 1978. – № 4. – С. 157–160.

6. Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст / ред. Л. В. Полякова. – Тамбов; Елец, 2004.

7. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. – М., 1981. – 784 с. – (2-е изд. – 1999).

8. Лотман, Ю. М. «Лермонтовская энциклопедия» и проблема построения персональных литературных энциклопедий / Ю. М. Лотман, М. Ю. Лотман // Лотмановский сборник. – 1995. – Т. 1. – С. 89–95.

9. Малофеева, Н. Н. Отечественные персональные литературные энциклопедии / Н. Н. Малофеева // Научная книга. – 2000. – № 3.

10. Мейлах, Б. С. О задачах и принципах создания Пушкинской энциклопедии / Б. С. Мейлах // Русская литература. – 1974. – № 2.

11. Наседкин, Н. Н. Достоевский: энциклопедия / Н. Н. Наседкин. – М., 2003.

12. Николаев, В. Шекспир: энциклопедия / В. Николаев. – М., 2007.

13. Пушкин и мировая литература: материалы к Пушкинской энциклопедии. – СПб., 2004.

14. Соколов, Б. Булгаков: энциклопедия / Б. Соколов. – М., 1996.

15. Соколов, Б. Гоголь: энциклопедия / Б. Соколов. – М., 2007.

16. Творчество В. М. Шукшина: энциклопед. словарь-справочник: в 3 т. – Барнаул, 2005. – Т. 1–2.

17. Шевченківський словник: в 2 т. / Інститут літератури імені Т. Г. Шевченка АН Української РСР; головна редакція Української Радянської Енциклопедії; редакційна колегія: Є. П. Кирилюк (відповідальний редактор) [та інш.]. – Київ, 1976–1977.

18. Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / БелСЭ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1988.

19. Умников, С. Д. Краткая ахматовская энциклопедия: от А до Я. Тысяча слов – кратких справок / С. Д. Умников. – Л., 1991.

20. Янка Купала: энцыклапед. даведнік / БелСЭ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1986.

Паступіла 15.06.2012

УДК 82-31; 81'36

В. У. Русак, кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык (БДТУ)

РОЛЯ СІНТАКСІЧНЫХ ПРЫЁМАЎ ЭКСПРЭСІВІЗАЦЫІ МАЎЛЕННЯ Ў «КАЗКАХ ЖЫЦЦЯ» ЯКУБА КОЛАСА

Публікацыя прысвечана аналізу сінтаксічных прыёмаў экспрэсівізацыі маўлення ў цыкле філасофска-алегарычных твораў Якуба Коласа «Казкі жыцця». Адзначаецца, што ў згаданых творах аўтарам паслядоўна выкарыстоўваюцца такія прыёмы, як экспрэсіўна-стылістычны падзел на абзацы і сінтаксічны паралелізм. Асаблівая ўвага надаецца апісанню семантыка-стылістычных функцый, якія выконваюць міні-абзацы і паралельныя канструкцыі ў кантэксце «Казак жыцця».

This paper presents a study of expressive syntax means in the cycle of philosophical and allegorical works of Yakub Kolas «Fairy tales of life». The article demonstrates that the author successively use such constructions of expressive syntax as stylistic division of paragraphs and syntactic parallelism. The description of semantico-stylistic function of paragraphs amplification and syntactic parallelism, which are typical for «Fairy tales of life» by Yakub Kolas, is paid much attention.

Уводзіны. У гісторыю беларускай літаратуры Якуб Колас увайшоў як паэт і празаік, крытык і публіцыст, перакладчык і мовазнаўца, таленавіты педагог і настаўнік не аднаго пакалення маладых пісьменнікаў. Коласа справядліва называюць і адным з заснавальнікаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Як адзначае Алесь Каўрус, «на працягу дзесяцігоддзяў воляю лёсу яму [Коласу – В. Р.] было наканавана ісці ў першым шэрагу працаўнікоў і рупліўцаў роднай культуры. <...> Народны пісьменнік плённа распрацоўваў і памнажаў выяўленчыя магчымасці роднага слова, павышаў яго мастацка-эстэтычную годнасць і грамадскі прэстыж» [1, с. 264]. Сваю канцэпцыю літаратурнай мовы сам Якуб Колас сфармуляваў наступным чынам: «Мы павінны мець мову прыгожую, гучную, простую, але гнуткую і выразную» [1, с. 265].

Плённая праца Коласа не магла застацца без увагі вучоных, і таму нядзіўна, што моватворчасць народнага пісьменніка неаднаразова становілася аб'ектам лінгвістычнага аналізу. На сённяшні дзень распрацаваны пытанні лексічнага ладу мовы паэтычных і празаічных твораў беларускага песняра, функцыянальна-стылістычнага выкарыстання лексічных вобразных сродкаў, індывідуальна-аўтарскага слова- і фразеаўжывання. Сінтаксічны ж лад твораў Якуба Коласа даследаваўся спарадычна. У прыватнасці, пакуль адсутнічае комплексны аналіз месца і ролі экспрэсіўных сінтаксічных канструкцый у прозе гэтага аўтара. Між тым такое даследаванне дазволіць пашырыць веды пра фарміраванне сістэмы сродкаў экспрэсіўнага сінтаксісу сучаснай беларускай літаратурнай мовы, а таксама ацаніць ролю творчасці Коласа ў гэтым працэсе.

З усведамленнем важнасці акрэсленай праблемы мы вырашылі распачаць яе даследаванне, і першапачатковым аб'ектам аналізу быў абраны цыкл твораў «Казкі жыцця». Згаданыя творы адносяцца да філасофска-алегарычнай про-

зы. У іх выразна адчуваецца ўстаноўка на сціслае, сканцэнтраванае выяўленне думкі, на перадачу эмацыянальнага ўспрыняцця і асэнсавання рэчаіснасці аўтарам ці персанажам, а менавіта ў творах падобнай стылістыкі (як паказваюць вынікі папярэдніх даследаванняў) павышаецца роля канструкцый экспрэсіўнага сінтаксісу як сродкаў перадачы суб'ектыўна-аўтарскіх адносін і ўздзеяння на духоўную сферу рэцыпіента.

Асноўная частка. Пры скразным аналізе сінтаксічнага ладу «Казак жыцця» было выяўлена, што ў іх мастацкім кантэксце адсутнічаюць многія фігуратыўныя сродкі, распаўсюджаныя ў мове беларускіх празаічных твораў другой паловы XX ст. (напр., парцэляцыя, сегментацыя, парантэза і інш.). Адметную ролю ў «Казках жыцця» адыгрываюць толькі такія сінтаксічныя прыёмы, як *экспрэсіўна-стылістычны падзел на абзацы і сінтаксічны паралелізм* (у спалучэнні з лексічным паўтарам). Яны і заслугоўваюць падрабязнага навуковага разгляду.

Як адзначаецца ў лінгвістычнай літаратуры, абзац – гэта адзін з найбольш важных кампанентаў кампазіцыі і архітэктонікі тэксту. Чляненне мастацкага твора на абзацы індывідуальнае, яно адлюстроўвае аўтарскія інтэнцыі, ставіць акцэнт на той ці іншай інфармацыі. «Сапраўдную меру ў дзяленні на абзацы нельга зацвердзіць пэўнымі правіламі, – заўважае В. Матэзіус. – Гэта павінен рабіць у кожным канкрэтным выпадку сам аўтар, бо ён лепш за астатніх разумее сэнсавы рытм свайго твора» [2, с. 520].

У «Казках жыцця» прыцягвае ўвагу вылучэнне ў самастойныя міні-абзацы асобных сказаў з'яўляюцца выпадкі вынясення ў асобны абзац самага апошняга сказа ў творы (з'ява зафіксавана ў 11 з 31 «казкі»). Такі прыём дазваляе пісьменніку вылучыць найбольш важную думку, акцэнтаваць на ёй увагу, падштурхнуць чытача да роздуму над пастаўленай праблемай.

У «казках» «Дудар», «На чужым грунце», «Камень», «Балотны агонь», «Што лепей?», «Крыніца», «Купальскія светлякі», «На ўсё ёсць прычына», «Цвіркун» гучыць роздум над складанымі праблемамі анталогічнага характару: як пазнаць сэнс жыцця, у чым мэта чалавечага існавання, што такое шчасце, ісціна, праўда, справядлівасць. Аднак, як адзначае М. Мушыньскі, «пісьменнік не зводзіць сэнс сваіх алегарычных твораў да банальных павучанняў, спрошчаных маралізатарскіх сентэнцый. Ён выступае ў ролі мудрага, разважлівага суразмоўцы, які верыць у свайго чытача, у яго высокія інтэлектуальныя здольнасці, спадзяецца на ўзаемнае паразуменне» [3, с. 96]. Фінальныя сказы-абзацы даюць Якубу Коласу магчымасць выдзеліць выказванні, засяродзіць увагу на тых праблемных пытаннях, якія чытач павінен самастойна асэнсаваць.

Прывядзём некалькі прыкладаў. У «казцы» «Балотны агонь» бярозка, заціснутая з усіх бакоў старымі дзеравякамі, мела адзіную ўцеху ў сваім гаротным жыцці – любавання далёкім агнём, такім нераздадзеным і прыемным. Але мудры вяз пазбавіў бярозку радасці, адкрыў ёй вочы, сказаўшы, што гэта не агонь гарыць, а свецяцца балотныя гнілякі. Пісьменнік выносіць на суд чытача наступнае пытанне: ці добра зрабіў вяз, развеўшы гэты прыгожы туман зменнага шчасця беднай бярэзінкі. Аўтар не раскрывае сваю пазіцыю, не дае свайго адказу, не навіязвае сваю думку, а прымушае чытача самастойна паразважваць, выносячы ў фінальны міні-абзац сказ *І да гэтага часу вядуць дрэвы спрэчку*.

У «казцы» «Што лепей?» прыгожая і гонкая Хвоя, якая расла на зялёным грудку сярод зграбных дубкоў, заўсёды нудзілася, не ўсведамляючы свайго шчасця. Характэрна жыцця яна зразумела толькі тады, калі пажар спаліў усё навокал і смерць кінула цень на яе галінкі. Аўтар ставіць пытанне: «што лепей: пражыць свой век ціха, спакойна, не пазнаўшы, як міла жыццё, ці пазнаць яго характэрна і вартасць цаной вялікага няшчасця?» Адказу на пастаўленае праблемнае пытанне зноў пісьменнік не дае, а падштурхоўвае чытача да разважання шляхам вынясення ў асобны абзац сказа *Маўчала Хвоя, яшчэ ніжэй навеслі яе пышныя галіны*.

У некаторых выпадках фінальным сказам-абзацам пісьменнік афармляе галоўную думку, асноўную ідэю твора. Паказальна, што аўтар зноў пазбягае навіязвання чытачу ўласнага меркавання, таму галоўную думку ён падае не ад свайго імя, а ад імя галоўнага героя. Так, «казка» «Чыя праўда» заканчваецца рэплікай старога дуба, аформленай як монакампанентны абзац: *«Лепш быць няшчасным, але відушчым, чымся шчаслівым, але сляпым»*. У «казцы» «Што яны страцілі» галоўная думка таксама гу-

чыць з вуснаў дуба і таксама вынесена ў апошні сказ-абзац: *«Вы, сябры мае, перасталі жыць у згодзе і дружбе паміж сабою, а таму і страцілі сваю радасць»*. Аналагічны прыём Колас выкарыстоўвае і ў «казцы» «Як птушкі дуб ратавалі». Выказванне, аформленае самастойным сказам-абзацам і змешчанае ў абсалютным канцы твора, набывае дадатковую сэнсавую нагрукку і афарыстычнае гучанне: *«Усюды і ва ўсім трэба мець розум і ведаць меру»*.

У некаторых выпадках асобнымі сказамі-абзацамі пісьменнік афармляе пытанні, адказы на якія разгортвае ў наступных абзацах:

А дзе ж дзелася Жывая Вада?

Яна была пад гарою, яна паціху размывала гару, прабівала сабе дарогу на Божы свет <...> («Жывая вада»);

Адвечны рух, бясконцае блуканне на свеце выпала на долю гэтым бязродным хмаркам.

Хто яны такія? Скуль яны ўзяліся?

Якое прызначэнне іх на свеце?

Такія запытанні напэўна паўсталі б у кожнага, хто першы раз убачыў бы гэтых несупынных вандроўніц <...> («Над прасторами зямлі»).

Вынясенне пыталых сказаў у самастойныя абзацы дазваляе засяродзіць на іх увагу чытача, прымушае спыніцца, задумацца, а таксама дапамагае ўнесці паўзу ў паведамленне, што садзейнічае стварэнню эфекта прысутнасці апаздальніка.

Сярод стылістычных сродкаў, накіраваных на эфектыўнае выражэнне зместу, у «Казках жыцця» немалаважную ролю адыгрывае сінтаксічны паўтор – лінгвістычная з'ява, на якой заснаваны прыём паралелізму.

Даследчыкамі ўстаноўлена, што аднатыпныя канструкцыі ў мове мастацкай літаратуры становяцца сродкам актывізацыі перажыванняў, з іх дапамогай магчымы «актуалізацыя, акцэнтаванне, лагічнае выдзяленне падкрэсленых аўтарам элементаў сказа» [4, с. 213]. Гэта знайшло пацвярджэнне і пры аналізе «Казак жыцця». У кантэксце гэтых твораў паралелізм ужываецца як сродак выражэння эмацыянальнага зместу паведамлення: *Вясна – такая пара, у якую адны толькі няўдачнікі, адны бяздольнікі, сапраўды нешчаслівыя, не знаюць радасці. Вясна – такая пара, якую ўсе спяшаюцца скарыстаць сапраўды для шырокай весялосці і глыбокага жыцця сэрца* («На чужым грунце»); *Колькі людскіх калёс і восей пабіта і паламана аб камень? Колькі накалечана рук і ног? А гузоў колькі набілі тут людскія галовы?* («Чортаў камень»); *Ці справядліва, што на квольнякіх былінкі нападае тля і высмоктвае іх мядовы сок? Ці справядліва, што на горачку, дзе так слаўна грэе сонца, не дапускаюцца брусніцы, чорныя ягады, ну хоць бы сабе дзераза?* («Залаты пра-

мень»). Частковы паралелізм прыведзеных сказаў, дапоўнены лексічнымі паўтарамі, стварае выразную сінтаксічную сіметрыю і адметнае рытміка-інтанацыйнае гучанне праяўленага радка, што дазваляе перадаць эмацыянальную ўзрушанасць аўтара.

Паралелізм, ужыты ў маўленні герояў, здольны падкрэсліваць іх хваляванне: *Дзе наша сіла? Дзе краса наша? («Стары лес»); Дзе нашы сябры, разложыстыя, тоўстыя дубы? Дзе той дуб-веліч, што заглядаўся на прыгожую рэчку <...>? («Чыя праўда?»); Дык дайце ж нам нашы парадкі, нашы школы, нашу мову, бо ваша мова такая ж, як і наша, толькі вы яе папсавалі («Ноч, калі папараць цвіце»).*

Паралельны канструкцыі характарызуюцца логіка-сэнсавай агульнасцю, што дазволіла Коласу выкарыстаць іх для аб'яднання асобных частак выказвання ў кантэкстах з разгорнутымі характарыстыкамі прадметаў, з'яў: *Далёка на рэчцы быў зялёны прыемны астравок: туды хацелі дайці гусі, туды ляцела іх душа, там былі іх думкі, жаданні («Гусі»); Яе [крыніцы – В. Р.] вада – найчысцейшыя слёзы веснавых хмараў, што ад узнікнення свету ходзяць над зямлёю такімі прыгожымі чародкамі. Яе беражкі – аксамітныя межы, з-пад гэтых аксамітаў ззяе золата жоўтых пясчоў («Крыніца»); Як спружыны, ходзяць чырвоныя іх лапы, як вастрагруды човен, рэжа іх цела ваду («Гусі»).*

Праяўленне той ці іншай якасці паралелізму ў значнай ступені залежыць ад лексічнага афармлення паралельных канструкцый. Даследчыца Т. Р. Вінакур адзначала: «Адзінства лексікі і сінтаксісу ў арганізацыі прыёму паралелізму відавочнае, а самастойная роля лексікі заключаецца ў абвастрэнні экспрэсіі, павелічэнні прымет стылістычнага значэння» [5, с. 36]. У «Казках жыцця» лексіка-сінтаксічнае адзінства паралельных фраз праяўляецца яскрава: дадатковыя значэнні паралельных канструкцый аўтар раскрывае ўжываннем лексічнага паўтара на пачатку (анафара) ці ў сярэдзіне выказванняў (сімплака): *Ніхто іх [людзей – В. Р.] не гнаў,*

ніхто не крыўдзіў, нікому яны не належалі («Жывая вада»); Слухалі травы, слухалі краскі, слухалі ракетнік і лазняк, нават салавейка прыпыніў сваю песню <...> («Крыніца»); Размышы берагі, яна [рэчка – В. Р.] пакоціцца спакайнай, а дождж прамые глыбокі жолаб у гарах: тады і можна будзе дайці да рэчкі, тады можна будзе плысці і супраць вады («Гусі»); І была ў гэтага лесу нейкая мара, поўная хараства, нейкая патайна думка, поўная чараў <...> («Гусі»). Арганічнае спалучэнне ў выказванні сінтаксічнага і лексічнага паўтара надае маўленню асаблівую экспрэсію, узвышае тон, запавольвае тэмп, узмацняючы тым самым сілу ўздзеяння на чытача.

Заклучэнне. Такім чынам, праведзены аналіз паказаў, што «Казкі жыцця» Якуба Коласа вызначаюцца стылістычна матываваным выкарыстаннем сказаў-абзацаў і сінтаксічнага паралелізму. Гэтыя экспрэсіўныя сродкі дазваляюць вылучаць істотныя дэталі паведамлення і становяцца інструментам уздзеяння на інтэлектуальную і эмацыянальную сферы рэцыпіента.

Літаратура

1. Каўрус, А. А. Колас Якуб / А. А. Каўрус // Беларуская мова: энцыклапедыя / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – С. 264–268.
2. Матезиус, В. Язык и стиль / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок: сб. статей / сост., ред. Н. А. Кондрашова. – М.: Прогресс, 1967. – С. 444–523.
3. Мушынскі, М. Шэдэўр беларускага прыгожага пісьменства / М. Мушынскі // Песні жалбы; Казкі жыцця // Я. Колас. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2008. – С. 95–103.
4. Формановская, Н. И. Стилистика сложного предложения / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 1978. – 239 с.
5. Винокур, Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1980. – 237 с.

Паступіла 30.03.2012

УДК 37.017.4:001.895

Р. В. Міксюк, старшы выкладчык (БГТУ)

ПАЛЛОГ КУЛЬТУР У СТУДЭНЦКІМ АСЯРОДДЗІ

У публікацыі разглядаюцца пытанні полікультурнага выхавання ў студэнцкім асяроддзі, іх актуальнасць, указваюцца важнейшыя накірункі і разнастайныя формы выхаваўчай работы. Закрануты пытанні з гісторыі развіцця полікультурнага выхавання.

Асабліва ўвага нададзена праблеме фарміравання полікультурнай асобы, здольнай спалучаць у сабе сістэмныя веды ў галіне нацыянальнай і сусветнай культур, умённе і гатоўнасць жыць у шматкультурным поліэтнічным асяроддзі.

The article is devoted to some issues in student's polycultural education, actuality of the concerns, major directions and the diversity of forms in educational work. The article also shows the history of polycultural education development.

Moreover, great attention is paid to the problems connected with formation of polycultural personality able to combine system knowledge in national and world culture with skills and readiness to live in polyethnic polycultural surrounding.

Уводзіны. Сённяшнія рэаліі айчыннага грамадства ўключаны ў складаны працэс глабалізацыі, у стварэнне адзінай сістэмы сацыяльных, культурных, эканамічных, палітычных і іншых узаемаадносін. Асабліва складанасць глабалізацыі праяўляецца ў сацыякультурнай сферы. Добра вядома, што адным з паказчыкаў прагрэсіўнага грамадскага жыцця з'яўляецца разнастайнасць культур, а сутыкненне розных каштоўнасцей прыярытэтаў стварае ўмовы для іх узаемаўзбагачэння. Аднак не заўсёды культурна-каштоўнасці ўстаноўкі супадаюць. Гэта прыводзіць да інталерантнасці ў адносінах да іншага і з'яўляецца часам нават крокам да канфлікту.

Асноўная частка. Сучасная трактоўка культуры падаецца так: «Культура – гэта спецыфічна чалавечы спосаб дзейнасці, накіраваны на стварэнне духоўных і матэрыяльных каштоўнасцей, вынікам якога з'яўляецца сістэма ідэалаў, каштоўнасцей, нормаў паводзін, што ўвабляецца ў сацыяльным развіцці чалавека, у яго духоўным свеце» [1].

У любым грамадстве існуюць свае каштоўнасці, якім аддаецца перавага, пры гэтым у кожнай асобы фарміруецца свая ўласная іерархія каштоўнасцей.

Да прыярытэтных духоўных каштоўнасцей беларусаў адносяць беларускую дзяржаўнасць, культуру, мову; веданне ўласнай гісторыі, нацыянальных традыцый, звычаяў; агульначалавечыя ідэалы добра, праўды, справядлівасці.

На працягу свайго развіцця тэрмін культура спарадзіў шмат адгалінаванняў, сярод якіх паняцце «культура асобы». Узровень культуры асобы – гэта «...вынік засваення мовы, далучэння да культурных каштоўнасцей, звычаяў, традыцый, што існуюць у грамадстве, авалоданне ўласцівымі для пэўнай культуры прыёмамі і навыкамі паводзін і дзейнасці» [2]. Як бачым, адным з прыярытэтных месц з'яўляецца веданне мовы. Таму і ў канцэпцыі камунікатыў-

най прыроды культуры асноўным прадметам даследавання з'яўляецца мова.

Існуе нацыянальная спецыфіка светабачання і светаразумеання, абумоўленая наяўнасцю моўнай карціны свету. У носьбітаў розных моў існуюць розныя канцэпцыі будовы навакольнага свету. Паняцці, асноўныя для мадэлі свету аднаго народа, могуць быць неістотнымі або адсутнічаць у іншых мовах. Так, напрыклад, у сучаснай беларускай мове ўжыванне ў зваротках суфікса -к- з'яўляецца нарматыўным (дзядзька, цётка), а ў рускай ужыванне падобных формаў у якасці звароткаў сведчыць не толькі пра парушэнне нормы, але і пра няветлівасць суразмоўцы.

Сістэма нацыянальных каштоўнасцей, грамадская мараль знаходзяць адбітак у ідыяматыцы, значную частку якой складаюць фразеалагізмы, сінанімічныя і антанімічныя рады, пераносныя значэнні слоў і іншае.

Пытанні выхавання полікультурнасці асобы займаюцца не толькі педагогі, але і псіхологі, філосафы, этнографы розных краін.

Паняцце «полікультурнае выхаванне» атрымала распаўсюджанне ў сусветнай педагогіцы з 1960-х гг. Вучонымі разглядаюцца сутнасць, мэты, задачы, асноўныя катэгорыі полікультурнага выхавання; тыпы этнічнай ідэнтычнасці, сутнасць этнічнага самаразумеання, прычыны міжнацыянальных напружанняў, умовы фарміравання талерантнасці ў сферы міжэтнічных адносін. Вывучаны гісторыя развіцця і ідэі полікультурнага выхавання ў сусветнай і айчычнай педагогіцы.

Станаўленне айчыннага полікультурнага выхавання прыйшлося на другую палову ХХ ст. Гэта выклікана ростам глабалізацыі, узмацненнем працэсаў узаемапраціканення, сутыкненнем культур і каштоўнасцей прыярытэтаў, тэндэнцый да збліжэння і стварэння адзіных прастораў.

Варта падкрэсліць, што змест полікультурнага выхавання мае наступныя арыенціры: сацыякультурная ідэнтыфікацыя асобы; засваен-

не сістэмы паняццяў і ўяўленняў пра полікультурнае асяроддзе; выхаванне станоўчых адносін да культурнага акружэння; развіццё навыкаў сацыяльных зносін.

Важнай і істотнай становіцца праблема арганізацыі полікультурнага выхавання. Адным з галоўных спосабаў такой арганізацыі з'яўляецца адаптывае вывучэнне тых ці іншых вучэбных дысцыплін. Наяўнасць полікультурнага кампанента ў вучэбных дысцыплінах дазваляе вырашаць дваяную задачу: стымуляваць цікаўнасць студэнтаў да новых ведаў і адначасова прапаноўваць розныя пункты гледжання на навакольны свет.

З улікам новых сацыякультурных рэалій вучоныя распрацоўваюць напрамкі далейшага развіцця адукацыі. Важна, каб выхаванне і навучанне садзейнічалі адзінай задачы: асэнсаванню асобай сваіх каранёў і прывіццю ёй павагі да іншых культур.

Полікультурнае выхаванне як адно з інавацыйных напрамкаў выхавання ставіць сваёй мэтай далучэнне моладзі да нацыянальных і сусветных культур. З улікам інтэрнацыяналізацыі ўсіх сфер дзейнасці актуальнасць полікультурнага выхавання моладзі значна ўзрастае.

На вялікі жаль, сучасны малады чалавек часта праяўляе нястрыманасць, ён не падрыхтаваны да дыялогу з іншай культурай. Часам узнікае недавер да людзей з іншай культурай. Вырасшыць сітуацыю можна толькі тады, калі суб'ект разумее культурныя адрозненні як альтэрнатыву і ў сваім асабістым стаўленні дасягае полікультурнасці.

Сёння як ніколі запатрабавана полікультурная асоба, таму ўзрастае сацыяльная роля не толькі агульнаадукацыйнай школы, але і ВНУ. Сучасная ВНУ павінна ствараць усе ўмовы для полікультурнага выхавання не толькі сваіх студэнтаў, але і замежных. Выкладчык абавязаны дапамагчы студэнтам усвядоміць, што ў свеце існуе мноства каштоўнасцей, што некаторыя з іх адрозніваюцца ад іх уласных, што любы каштоўнасці захоўваюцца ў традыцыях таго ці іншага народа і з'яўляюцца заканамерным плодам яго вопыту і гістарычнага развіцця.

Узнікае пытанне: як навучыць пераадолюваць цяжкасці полікультурных зносін, пазбягаць канфліктаў на гэтай глебе, выходзіць з праблемнай сітуацыі, захоўваючы сваё і не зніжаючы годнасць іншага? Таму ўзнікае неабходнасць у стварэнні метадычных прынцыпаў полікультурнага выхавання.

Полікультурны прынцып азначае прызнанне ўнікальнасці кожнай культуры і адлюстроўвае патрабаванні забеспячэння мэтанакіраванай сацыялізацыі студэнтаў на кагнітыўным каштоўнасна-матывацыйным і дзейнасна-паводзінным узроўнях.

У адукацыйным працэсе палілог культур спрыяе знаходжанню гарманічнага спалучэння нацыянальнай і сусветнай культур.

Палілог культур можна разглядаць як педагагічны нарматыў далучэння моладзі да этнічнай, агульнанацыянальнай і сусветнай культуры з мэтай фарміравання гатоўнасці і ўмення жыць у шматкультурным поліэтнічным асяроддзі.

Прынцып полікультурнасці абгрунтоўвае шматграннасць узаемасувязі адукацыі і выхавання. У вучэбным матэрыяле павінны адлюстроўвацца гуманістычныя ідэі свабоды і ненасілля, характарыстыка ўнікальных этнічных, нацыянальных самабытных рысаў у культурах народаў свету, раскрыццё ў іх культурах агульных традыцый, якія дазваляюць жыць у міры, згодзе, гармоніі.

Важнейшымі напрамкамі выхаваўчай работы будуць:

– арганізацыя пазнавальнай дзейнасці, накіраваная на ўзбагачэнне іх ведамі пра культуру міжнацыянальных зносін, пра паняцці «інтэрнацыяналізм», «патрыятызм», «нацыянальная самасвядомасць», «салідарнасць», «полікультурны свет», «дыялог культур» і інш.;

– выхаванне эмацыянальна-каштоўнасных адносін да людзей іншай нацыянальнасці і іх культур;

– назапашванне практычнага вопыту зносін у шматнацыянальным калектыве.

Эфектыўнымі будуць у гэтым плане дыялогі, дыскусіі, мадэляванне, тэсты, якія тычацца культуры нацыянальнай самабытнасці, духоўнага жыцця і інш.

Вучэбны матэрыял, міжпрадметныя сувязі, педагагічныя метады, спецкурсы, даследчая дзейнасць па тэмах пытанняў полікультурнасці даюць добрыя вынікі.

У БДТУ накоплены вялікі вопыт полікультурнага выхавання. На занятках беларускай мовы студэнты працуюць над тэмамі «Этнаграфія Беларусі», «Нацыянальная тапаніміка», «Беларускі фальклор», «Менталітэт і нацыянальны характар беларусаў», «Нацыянальны супольнасці ў Беларусі» і інш. Рэфератыўныя паведамленні пра сваю культуру даюць рэальнае ўяўленне пра гісторыю і культурную разнастайнасць свету, пра самабытнасць яго народаў.

Замежныя студэнты таксама прымаюць удзел у культурных мерапрыемствах, у розных акцыях, у тым ліку і валанцёрскіх; пашыраюцца магчымасці для ўдзелу студэнтаў-замежнікаў у культурных праектах, студэнцкіх канферэнцыях.

Пашырэнню і паглыбленню ведаў пра культуру міжнацыянальных зносін садзейнічаюць гутаркі пра традыцыі розных нацыянальнасцей, пра асаблівасці нацыянальных сем'яў (беларускай, рускай, татарскай, туркменскай, іранскай і інш.) Найперш разглядаюцца традыцыі тых студэнтаў, якія вучацца ў групе. Напрыклад, у БДТУ на канферэнцыі «Зямля – наш адзіны дом» туркменскія студэнты расказвалі пра сваю краіну,

пра сваіх паэтаў і пісьменнікаў, паказвалі слайды, фільмы, з гонарам дэманстравалі стужкі пра свайго лепшага ў свеце туркменскага каня і цудоўную сабаку, расказвалі пра найпрыгажэйшыя дываны. Адчувалася, што беларускія студэнты пагледзелі на туркменаў па-новаму, з павагай.

Шмат навуковых і творчых студэнцкіх прац было напісана напярэдадні 80-годдзя з Дня Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне і з дня пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Моладзду быў сабраны багаты матэрыял пра сваіх родных і блізкіх людзей, пра землякоў – удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, пра іх баявыя подзвігі, пра гора і пакуты роднага краю. Адною з цікавых была праца туркменскіх студэнтаў «Туркменістан у гады Вялікай Айчыннай вайны», у якой можна даведацца пра туркменскіх салдат і камандзіраў, герояў, якія змагаліся на франтах вайны, пра пісьмы-трохвугольнікі, якія захоўваюцца ў туркменскіх сем'ях, а таксама пра тых, хто загінуў і пахаваны на нашай беларускай зямлі.

Судакрананне з жывой гісторыяй дазволіць папоўніць веды новым зместам, дасць ім магчымасць адчуць адказнасць за працяг справы тых герояў-вызваліцеляў, прадстаўнікоў розных нацыянальнасцей, якія аддалі жыццё ў імя міру на зямлі.

Можна праводзіць дыскусіі, прэс-канферэнцыі, вечарыны пытанняў і адказаў, завочныя падарожжы, круглыя сталы. На такіх мерапрыемствах разглядаюцца, як правіла, пытанні: З чаго пачынаецца дружба між людзьмі розных нацыянальнасцей? У чым праяўляецца культура міжнацыянальных зносін? Як вітаюцца людзі розных краін? Якія адносіны паміж бацькамі і дзецьмі ў людзей розных нацыянальнасцей? і інш.

Умелае выкарыстанне розных форм выхаваўчай работы спрыяе развіццю інтэрнацыянальных пачуццяў.

Вельмі эфектыўнымі будуць у гэтым плане трэнінгі міжэтнічных зносін, стварэнне клубаў інтэрнацыянальнай дружбы. Немалую карысць прыносяць фестывалі, алімпіяды, выставы, прывечаныя этнічнай культуры, спаборніцтвы па нацыянальных відах спорту, гульнях, фальклорных канцэртаў, вечарыны; конкурсы на лепшае прыгатаванне нацыянальных страў; сустрэчы з этнографамі, прадстаўнікамі розных культур; экскурсіі этнакультурнага зместу.

Важнейшым кампанентам полікультурнага выхавання з'яўляецца фарміраванне ў моладзі культуры міру, бо цэнтральнай праблемай, якая стаіць перад чалавецтвам, з'яўляецца праблема ўдасканалення ўзаемаадносін людзей. Задача скасавання войн з жыцця грамадства застаецца прыярытэтай для чалавецтва ў цэлым. ЮНЕСКА вызначыла неабходнасць прадуманага, сістэмнага, хутчэйшага пераходу ад культуры вайны да культуры міру. Культура міру з'яўляецца комп-

лексам каштоўнасцей, поглядаў, традыцый, узораў паводзін, якія ўключаюць павагу да людзей і іх правоў, адказ ад любых формаў насілля, прызнанне роўных правоў і магчымасцей мужчын і жанчын, прызнанне права кожнага на свабоду думкі і атрыманне інфармацыі, прыхільнасць прынцыпам дэмакратыі, свабоды, справядлівасці, згоды, салідарнасці і плюралізму ў адносінах паміж этнічнымі, рэлігійнымі, культурнымі і іншымі групамі, а таксама паміж асобнымі людзьмі. У 1994 г. ЮНЕСКА распрацавала праграму «Культура міру» – дынамічную ініцыятыву, накіраваную на барацьбу супраць насілля, якое ахапіла за апошнія дзесяцігоддзі многія краіны. Праграма мяркуе ўдзел моладзі ў разнастайных мерапрыемствах, накіраваных на ўмацаванне міру. Асноўнымі напрамкамі дзейнасці праграмы з'яўляюцца вывучэнне і ахова навакольнага асяроддзя; даследаванне правоў чалавека, правоў дзіцяці, праблем дэмакратыі і талерантнасці; вывучэнне сусветнай культурнай спадчыны і яе захаванне; устанаўленне культуры міру як арыентацыі грамадства на пашырэнне і паглыбленне ведаў пра сябе і мір, адмаўленне культу вайны і насілля, мірнае суіснаванне народаў, дзяржаў, культур, рэлігій.

З улікам новых сацыякультурных рэалій вучоныя распрацоўваюць накірункі далейшага развіцця адукацыі.

Заклучэнне. Полікультурнасць як інтэграцыйная якасць асобы мяркуе каштоўнасці ўваход у свет іншай культуры і развіццё асобнай культуры.

Мэта полікультурнага выхавання дасягальная толькі ў тым выпадку, калі адначасова ўдасканалюцца тры бакі дзейнасці: пазнавальная, эмацыянальна-каштоўная і паводзінная.

Сучасная адукацыйная ўстанова павінна знаёміць моладзь з агульначалавечымі каштоўнасцямі, далучаць да культуры іншых краін, захоўваючы шматвяковыя традыцыі, уменне не толькі цаніць родную культуру, але і прымаць разнастайнасць іншых культур.

Полікультурнае выхаванне ў Беларусі на сучасным этапе прынята лічыць важнейшым напрамкам выхавання, які садзейнічае вырашэнню міжнацыянальных і міжканфесійных канфліктаў.

Літаратура

1. Бабосов, Е. М. Социология: учеб.-метод. комплекс / Е. М. Бабосов, Е. П. Сапелкин. – Минск: УП «Технопринт», 2001. – 408 с.
2. Зубра, А. С. Культура личности как духовная ценность: пособие для педагогов, воспитателей, студентов / А. С. Зубра. – Минск: Университетское, 2001. – 184 с.
3. Сазонова, С. М. Поликультурное воспитание учащихся: метод. аспекты / С. М. Сазонова // Адукацыя і выхаванне, 2009. – № 2. – С. 32–38.

Паступіла 15.06.2012

УДК 811.161.1'06:371.64/69(075.4–054.6)

Т. В. Жуковская, преподаватель (БГТУ)

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАГЛЯДНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается назначение наглядности при обучении русскому языку как иностранному на начальном этапе. Важность использования наглядности заключается в оптимизации процесса усвоения учебной информации, повышении эффективности обучения языку. Раскрываются факторы использования средств наглядности, которые содействуют формированию коммуникации, помогают осуществлять контроль за усвоением материала, направлять речевые действия иностранных слушателей. Автор предлагает комплекс различных видов наглядности, который был апробирован в группах на начальном этапе и эффективно применяется.

In this article we contemplate the purpose of use of visual methods when teaching Russian as a foreign language at the initial stage. The importance of use of visual aids consists in the optimization of the process of acquisition of educational information and the growth of language learning effectiveness. In the article we also disclose the factors of use of visual aids, that facilitate the communication, help to monitor the acquisition of the material and to direct foreign listeners' speech. The author suggests the package of different types of visual aids that was tested in several groups at the initial stage and that is effectively used.

Введение. Основные методические характеристики начального этапа, его специфика по сравнению с другими этапами обучения русскому языку как иностранному обусловлены двумя факторами. Во-первых, это абсолютное начало изучения языка («от нуля»): у слушателей отсутствуют какой-либо языковой запас, а также навыки и умения пользования русским языком в общении. Все это необходимо создать в самые короткие сроки, причем и языковой материал, и речевые умения и навыки начального этапа должны быть «базисными», составляющими фундамент владения русским языком в объеме, определяемом конечными целями.

Второй фактор, определяющий специфику начального этапа по сравнению с другими этапами обучения, связан с его выделением в самостоятельный цикл по отношению к обучению в целом и носит подготовительный характер, что требует известной открытости содержания начального этапа, тесной связанности с содержанием всего обучения.

Основная часть. Поскольку начальный этап является самостоятельным циклом, он должен иметь относительную завершенность. При коммуникативной направленности всего процесса обучения завершенность мы понимаем как коммуникативную.

Реализация на практике коммуникативного принципа в обучении иностранному языку представляется невозможной без комплексного, системного подхода к использованию такого важного общедидактического принципа, как **наглядность**.

По справедливому утверждению русского филолога-исследователя М. В. Ляховицкого, основное назначение наглядности заключается в оптимизации процесса усвоения учебной ин-

формации, создании «более или менее ярко выраженной иллюзии приобщения к естественной языковой среде, к условиям, в которых функционирует иноязычная речь» [1, с. 22]. Несомненно, что основа знаний закладывается на начальном этапе, поэтому оптимизация учебного процесса приобретает особое значение в условиях краткосрочного обучения. Именно в этих условиях необходимо системное, целенаправленное использование средств наглядности. Используя наглядность для управления процессами формирования коммуникативных умений и навыков, мы еще организуем и познавательную деятельность иностранных слушателей.

Известный педагог-психолог А. Н. Леонтьев определял наглядность как «чувственное содержание». Поскольку «чувственное содержание – ощущение, чувствование, образы восприятия, представление – образуют основу нашего сознания» [2, с. 227]. Итак, наглядность может оказывать психологическое воздействие на слушателей в процессе обучения и решать следующие учебные задачи: активизировать произвольное внимание и запоминание, снижая усилия, затрачиваемые слушателями на произвольное внимание и запоминание; повышать речемыслительный процесс, творческую активность студента; стимулировать интерес к предъявляемой и закрепляемой иноязычной информации; обеспечивать разнообразие способов деятельности; давать возможность мотивировать речевые действия, повышая коммуникативную значимость упражнений; создавать ощущение реальности языковой среды; отвлекать от языковых трудностей и т. д.

Необходимо отметить, что реальный эффект от использования средств наглядности возможен при соблюдении следующих требований: системная направленность применения на про-

тяжении всего курса обучения; целесообразное и целенаправленное использование на каждом этапе обучения и в каждой конкретной ситуации [1, с. 32]; мотивировка применения; доступность для понимания всеми слушателями; высокий уровень исполнения; нацеленность содержания и формы на создание положительных эмоций у обучаемых. Все эти факторы будут содействовать созданию атмосферы коммуникации, помогут осуществлять постоянный контроль за процессом усвоения материала, направлять речевые действия иностранных слушателей в нужное для преподавателя русло.

Использование различных видов наглядности зависит от целей и задач соответствующего типа учебной деятельности: презентация нового учебного материала или его закрепление. Обычно на этапе введения нового учебного материала используется **системно-аналитическая наглядность** – наглядность с аналитической функцией на уровне системы языка (представление фактов языка посредством схем, таблиц, изображающих языковые модели) или семантизация с помощью картинки, предмета, движения. Для тренировки фактов языка на уровне мотивированного высказывания используется **коммуникативно-аналитическая наглядность**, которая подается через игровые ситуации: кроссворды, картинки, карточки и т. д. Например, для тренировки вопроса и ответа: – *Где работает ваш отец?* – *Мой отец работает на/в...*, каждый слушатель получает картинку с изображением банка, магазина, поликлиники, завода и т. д. Преподаватель (а потом один из слушателей) задает каждому по очереди вопрос и получает мотивированный ответ соответственно картинке. При необходимости ситуации по одной и той же картинке могут варьироваться, расширяться, увеличивая объем языкового материала.

Предлагается комплекс различных видов наглядности, который был апробирован в группах на начальном этапе и эффективно применяется. Речь идет о **моторной (кинетической) и моторно-звуковой наглядности; зрительной наглядности; звуковой наглядности.**

Моторная (кинетическая) наглядность передается через жесты, мимику и движения; моторно-звуковая наглядность – через экспрессивную интонацию. Данная наглядность многофункциональна, на нее падает наибольшая нагрузка в устном коммуникативном курсе, так как устанавливается «прочная связь между вербальным и наглядно-чувствительным образом действия» [3, с. 25]. Этот вид наглядности служит для семантизации, передачи смысла с помощью строго фиксированных для определенного языкового материала жестов, движений,

мимики, интонации, которые легко воспринимаются слушателями и могут быть применены на уровне слова, например, *идти – ехать, ходить – ездить или приходить – уходить – выходить – заходить* и других глаголов движения, семантического ряда слов *слева, справа, вверху, внизу, впереди, сзади* и т. п., а также на уровне фразы, например, *Закройте дверь, Снимите куртку, шапку* и т. п.

Моторная наглядность может быть использована для раскрытия смысла некоторых грамматических категорий, например, времен глагола: *настоящее – руки на уровне груди («сегодня»), прошедшее – жестом показываем назад («вчера»), будущее – жестом показываем вперед («завтра»).*

Моторная и моторно-двигательная наглядность может использоваться и для воспроизведения языковой информации. Однако надо учитывать, что успешность воспроизведения будет полностью зависеть от того, насколько четко и выразительно передавались жесты, движения, мимика при презентации языковой информации, чтобы сформировать однозначную ассоциацию звукового образа.

Моторную наглядность можно использовать в целях контроля понимания иноязычного высказывания, а также тренировки лексико-грамматических форм. Используя прием от высказывания к моторной наглядности, можно закрепить повелительное наклонение, например, преподаватель или слушатель дает команды типа *Иди к двери, Открой ее, Выйди из аудитории*, а другой слушатель выполняет их. Для тренировки времен глаголов используется прием от моторной наглядности к высказыванию, например, задается ситуация: «Вы в театре пантомимы». Слушатель-«артист» демонстрирует соответствующие жесты, а другие слушатели комментируют движения.

Итак, моторная, моторно-звуковая наглядность создает психологическое настроение, стимулирует двигательную и коммуникативную активность слушателей, делает учебную ситуацию более естественной, заставляет эмоционально реагировать на речь собеседника, снимает боязнь говорения.

Зрительная наглядность широко и разнообразно используется на всех этапах обучения русскому языку как иностранному. Средства зрительной наглядности включают так называемый печатный материал (таблицы, демонстрационные карточки, репродукции картин, раздаточный материал) и экранный материал (диафильмы, диапозитивы и слайды, транспаранты).

Наиболее распространенным и традиционным средством зрительной наглядности на уроках русского языка как иностранного являются

таблицы. Основная дидактическая функция таблиц – обеспечение слушателей ориентиром применения правила, раскрытие закономерности, лежащей в основе правила или понятия, облегчение запоминания конкретного языкового материала. В связи с этим они делятся на языковые и речевые.

В языковых таблицах отражена закономерность, сущность какого-либо правила или понятия. Речевые таблицы содержат конкретный речевой материал (слова, словосочетания), который требуется запомнить. Примером подобных таблиц являются таблицы с подбором глаголов совершенного и несовершенного видов или с употреблением предлогов в/на со словами в предложном падеже и т. д. Другими словами, с помощью речевых таблиц организуется работа по обогащению словарного запаса слушателей и повышению их орфографической грамотности. Одним из способов предъявления подобного речевого материала служат специально разработанные демонстрационные карточки. Это динамичные, подвижные пособия, из которых формируются таблицы. Таблицы могут быть использованы на этапе осознания, осмысления правил, определений, понятий, на этапе закрепления изученного, при повторении и систематизации материала. Слушателям могут быть предложены следующие виды заданий: ответы на вопросы преподавателя, с помощью которых слушатели осознают сущность понятия или правила; составление алгоритма применения правила; грамматическое конструирование по заданной модели; самостоятельное составление таблиц; составление связного высказывания на лингвистическую тему и др.

Картина (репродукция, иллюстрация) служит источником высказываний слушателей при описании внешности человека, описании животного, описании местности. Необходимо придерживаться принципов отбора картин (репродукций) для работы на уроке: высокое художественное мастерство, несложность композиции, четкость авторского замысла, соответствие задачам развития речи слушателей, учет темы, цели урока. Картина (репродукция) может использоваться и в процессе обучения слушателей составлению предложений (на заданную тему, по опорным словам и т. п.).

Во всех случаях работа с картиной направлена на то, чтобы помочь слушателям в подборе необходимых речевых компонентов при оформлении высказывания. Правильно подобранная и методически верно примененная картина (репродукция, иллюстрация) помогает преподавателю решить целый комплекс учебных задач: ввести и актуализировать определенную лексику; активизировать грамматиче-

ские формы и конструкции, изучаемые в данное время; научить оформлять специфическое речевое высказывание, в основе которого лежит анализ и описание произведения живописи.

Как средство обучения применяется на уроках русского языка как иностранного и раздаточный изобразительный материал, основу которого составляют рисунки (в том числе и сюжетные), помещенные на специальные карточки. Рисунки помогают наглядно комментировать значения слов, стимулируют слушателей к употреблению изученной лексики, дают материал для отработки норм русского языка. Все это позволяет сформировать правописные и речевые навыки слушателей.

Достоинством заданий по карточкам является наличие в раздаточном материале упражнений различной степени трудности, что способствует реализации принципа дифференцированного обучения. Раздаточный материал предусматривает:

– задания на обогащение словарного запаса слушателей (объяснить значение слова, установить разницу в значении слов, подобрать синонимы, антонимы, родственные слова и т. п.);

– задания, связанные с обучением слушателей точно, правильно употреблять изученной лексики (выбрать из ряда возможных тот вариант, который соответствует в большей степени задаче высказывания);

– задания, направленные на предупреждение грамматических ошибок (нарушение норм русского литературного языка): образовать те или иные формы, составить словосочетания и предложения, исправить ошибки; составление небольших связных высказываний (сделать подписи к рисункам, выбрать заголовок из ряда возможных, устно описать рисунок и т. п.).

Сказанное позволяет определить основные правила применения этого вида наглядности:

1) использовать раздаточный материал следует на этапе закрепления изученного материала, когда основные умения и навыки, связанные с освоением материала, у слушателей уже сформированы;

2) при использовании раздаточного материала необходимо, прежде всего, активизировать творческую деятельность слушателей;

3) использовать раздаточный материал для организации индивидуальной работы со слушателями.

Звуковой наглядности отводится доминирующая роль в коммуникативном курсе. Она используется на всех этапах учебного процесса: представлении, закреплении и контроле языковой информации. Основным способом реализации слуховой наглядности является аудиозапись. Звукозапись в данном случае выполняет

особую дидактическую функцию. Она представляет собой образцы звучащей речи и служит средством формирования культуры устной речи слушателей. Звучащий образец помогает сформировать навыки правильного литературного произношения, ударения, интонации, а также навыки построения устного связного высказывания. Следовательно, звучащие образцы – это записанная эталонная речь, демонстрирующая нормы русского литературного языка, и устные высказывания различного характера (рассказ, доклад, описание, диалог, телефонный разговор и т. п.).

Во время прослушивания важно не нарушить звучание текста замечаниями, комментариями и другими действиями, выраженными словесно. Слушатель должен слушать, не отвлекаясь, сверяя звучащий текст с письменным, если работа соотносится с материалами учебника. На заключительном этапе, после прослушивания, слушатели отвечают на все вопросы, упражняются в выразительном чтении прослушанного текста, дают свои варианты прочтения тех или иных его частей.

Заключение. Наглядность как один из важнейших дидактических принципов разрабатывается и реализуется в теории и практике преподавания русского языка как иностранного на всех этапах обучения русскому языку как иностранному, но наиболее активное использование средств наглядности в учебном процессе происходит на начальном этапе. Наглядные материалы могут принести пользу только в том случае, если они органически связаны с содержанием урока в целом, со всеми его компонентами и заданиями. Приступая к использованию средств наглядности, преподаватель должен осознавать, с какой целью он это делает, определять, на каком этапе урока провести с ними работу, как связать данный этап с другими частями урока.

Средства наглядности помогают решить такие задачи, как мобилизация психической активности учащихся; введение новизны в учебный процесс; повышение интереса к уроку; увеличение возможности произвольного запоминания материала; расширение объема усваиваемого материала; выделение главного в материале и его систематизация.

Средства наглядности используются практически на всех стадиях начального обучения русскому языку как иностранному: на этапе объяснения нового материала (представление информации), на этапе закрепления и формирования навыков (обучение слушателей тем или иным действиям), на этапе контроля за усвоением знаний и формированием умений (оценка результатов работы слушателей), на этапе систематизации, повторения, обобщения материала (выделение главного, наиболее важного в изучаемом материале).

Представляется, что комплексный подход к использованию наглядности в коммуникативном обучении является настолько актуальным, что без системного подхода к его реализации задача обучения русскому языку как иностранному, особенно в краткосрочных формах обучения, стала бы практически невыполнимой.

Литература

1. Ляховицкий, М. В. Теория и практика применения технических средств в обучении иностранным языкам / М. В. Ляховицкий. – М., 1979.
2. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М., 1979.
3. Зимняя, И. А. Внешняя и внутренняя наглядность в обучении говорению / И. А. Зимняя // Аудиовизуальные и технические средства обучения. – М., 1975.

Поступила 15.06.2012

УДК 37.016:316.774

В. А. Кузьміч, дацэнт (БДТУ)

**РЭГІЯНАЛЬНЫ ПАТРЫЯТЫЗМ
ЯК КАМПАНЕНТ ГРАМАДЗЯНСКАГА Выхавання**

Публікацыя прысвечана рэгіянальнаму патрыятызму як кампаненту грамадзянскага выхавання ў вышэйшай школе. На практычным вопыце кафедры беларускай філалогіі БДТУ разглядаюцца спосабы развіцця рэгіянальнага патрыятызму ў студэнцкай моладзі, раскрываецца яго роля ў фарміраванні грамадзянскай свядомасці і адказнасці за сваю Радзіму.

The article deals with local patriotism as a part of patriotic upbringing in high school. The paper analyzes experience of Belarusian philology department of BSTU in this field. The ways of broadening local patriotism among the students are represented. Its significance in building up civil community and responsibility is shown.

Уводзіны. Кіраўніцтвам краіны неаднаразова падкрэслівалася, што ідэалогія беларускай дзяржавы грунтуецца на любові да сваёй зямлі, павазе да людзей і гонары за сваю дзяржаву. Гэта і ёсць ідэалогія патрыятызму. А вытокі яе – ў гістарычнай памяці народа, якая захоўвае нашу мараль, наш лад жыцця, традыцыі, светабачанне.

Акрамя таго, мясцовы патрыятызм – гэта важны фактар развіцця рэгіянальнага турызму ў краіне. Зразумела, што для паспяховага дасягнення гэтых мэтаў ініцыятыва павінна зыходзіць таксама непасрэдна ад саміх жыхароў беларускіх рэгіёнаў, якія найперш зацікаўлены ў развіцці сваёй малой радзімы. Умелае прадастаўленне краязнаўчай адметнасці рэгіёнаў, папулярызацыя лакальнай культуры можа істотна павысіць іх прыцягальнасць у вачах патэнцыяльных турыстаў з Беларусі і замежжа.

Кожны рэгіён Беларусі мае сваю краязнаўчую адметнасць, абумоўленую яго прыродай, гісторыяй і культурай. Менавіта праз пазнанне малой радзімы студэнцкая моладзь вучыцца любіць радзіму і цаніць яе культурна-этнаграфічную разнастайнасць. Праз мясцовы патрыятызм выходзіць бачанне тых сувязяў, якія аб'ядноўваюць беларускі народ у дружную і працавітую сям'ю.

Асноўная частка. З 2011 г. стартаваў трэці этап рэспубліканскай акцыі навучэнскай моладзі «Жыву ў Беларусі – і тым ганаруся», задачай якога з'яўляецца выхаванне ў моладзі любові і павагі да тых мясцін, дзе яны нарадзіліся, развіццё і паглыбленне ведаў аб гісторыі і культуры роднага краю.

Перш за ўсё трэба даведацца, чым багата родная вёска, мястэчка ці горад, якія людзі жылі і жывуць на гэтай зямлі, чым адметная турыстычная прывабнасць рэгіёна, яго самабытнасць. Веданне мінулага і сённяшняга малой радзімы неабходна і для пераўтварэння рэгіёнаў, надання ім непаўторнай прыгажосці, пачуцця прыналежнасці да сусветнай этнакультурнай прасторы.

Дзякуючы паслядоўнай дзяржаўнай палітыцы па адраджэнні рэгіёнаў не толькі змяняецца знешняе аблічча населеных пунктаў, але і аднаўляецца духоўна-маральны клімат. Правядзенне такіх святаў, як Дзень пісьменнасці, Дажынкі, Купалле, разнастайныя музычныя фестывалі, рэстаўрацыя гістарычных помнікаў – усё гэта напаўняе жыхароў рэгіёнаў гонарам за прыналежнасць да адзінай зямлі – Беларусі, выходзіць у іх пачуццё нацыянальнай еднасці і самасвядомасці.

Студэнцкая моладзь БДТУ, якая ў асноўным паходзіць з розных мясцін Беларусі, мае вялізны патэнцыял мясцовага патрыятызму, закладзены яшчэ падчас школьнай адукацыі. Задача ВНУ – не растраціць той бяспечны вопыт, а ўзбагаціць яго сучаснымі тэхналогіямі і ведамі. Родная мова, якая выступае сродкам яднання нацыі, змяшчае духоўны і культурны вопыт народа, раскрыццю якога спрыяе дзейнасць студэнцкіх аб'яднанняў, разнастайных гурткоў.

Студэнцкае аб'яднанне «Пошук», у склад якога ўваходзяць гурткі «Памяць», «Спадчына», «Мая Радзіма – Беларусь», «Пазнай свой край», «Патрыёт», «Крыніца», «Выток. Дыялог культур», якраз і скіравана на асэнсаванне мінулага нашага народа, той крыніцы, якая мацуе духоўныя сілы нацыі. Пазнанне роднага краю адбываецца як праз навучальную, так і праз выхаваўчую дзейнасць на аснове лінгвакультуразнаўчага падыходу. Згодна з ім істотна ўдасканальваецца вучэбна-метадычнае забеспячэнне навучання і яго змястоўнае напаўненне. Тэкставы матэрыял, на аснове якога рэалізуюцца навучальныя мэты, раскрывае светапогляд народа, яго гісторыю, філасофію і мараль, пашырае веды будучых спецыялістаў пра наш край, яго адметнасць, лад жыцця, характар і менталітэт.

Асноўным кампанентам выхавання з'яўляецца таксама арганізацыя творчай працы студэнтаў па раскрыцці патэнцыялу рэгіянальнай культуры. На аснове шматлікіх творчых і навуковых студэнцкіх работ створаны шэраг праектаў па па-

вышэнні турыстычнай прывабнасці паасобных рэгіёнаў. Практычная каштоўнасць творчай актыўнасці студэнтаў справядліва ацэнена на рэспубліканскім і ўніверсітэцкім узроўнях. За 2006–2011 гг. студэнцкім аб'яднаннем «Пошук» падрыхтавана 239 навуковых прац, з ліку якіх 102 адзначаны катэгорыямі, дыпламамі, спецыяльнымі прызамі. Пашырылася жанравая разнастайнасць творчых прац, пабудаваных на арыгінальным матэрыяле: дакументальная хроніка, праекты, відэапрэзентацыі, нарысы, эсэ, інтэрв'ю. Шэраг прац мае высокую практычную карысць, паколькі ў іх распрацоўваюцца сапраўдныя турыстычна-краязнаўчыя маршруты.

Так, напрыклад, навуковая праца студэнткі Бруй Т. (2 курс, спец. «Выдавецкая справа») «Мова зямлі, або тапонімы вёскі Пагарэльцы» (адзначана трэцяй катэгорыяй на рэспубліканскім конкурсе навуковых прац студэнтаў) сцвярджае, што ўсведамленне адказнасці за лёс усёй дзяржавы пачынаецца з любові да сваёй малой радзімы, глыбокага ведання яе гісторыі і культуры. Менавіта на глебе мясцовага патрыятызму ўзрастае грамадзянскасць і агульнадзяржаўны патрыятызм. Менавіта любові да сваёй малой радзімы вучыць нас гэта даследаванне, напоўненае непадробным замілаваннем сваімі роднымі мясцінамі, іх паданнямі і легендамі. Мясцовая тапаніміка ў гэтай працы ператвараецца з аб'екта навуковага даследавання ў цікавы і прывабны краязнаўчы матэрыял, які аздабляе любы рэгіён нашай краіны.

Мясцовыя назвы, як люстэрка гісторыка-культурнага аблічча рэгіёна, становяцца сведкамі значных падзей населеных пунктаў, даюць ім трапную геаграфічную характарыстыку, напўняюць непаўторным краязнаўчым каларытам. Такія даследаванні пры належным выкарыстанні несумненна паспрыяюць павышэнню турыстычнай прыцягальнасці рэгіёна, дапамогуць глыбей асэнсаваць непаўторнасць кожнага месца на карце нашай Радзімы.

У навуковай працы «Вёска Лучын: мінулае і сучаснае» студэнткі 2 курса факультэта тэхналогіі арганічных рэчываў Тамашковай А. (адзначана другой катэгорыяй) належнае месца адводзіцца выхаванню лакальнага патрыятызму, звязанага з такімі паняццямі, як рэгіянальная палітыка, малая радзіма, краязнаўчая адметнасць. Гонар маладога пакалення за сваю малую радзіму, прывязанасць да яе і веданне гісторыі – гэта тыя фактары, якія забяспечваюць устойлівае развіццё краіны, спрыяюць кансалідацыі беларускай нацыі дзеля культурнага і матэрыяльнага росту. У дадзенай навуковай працы паказваецца краязнаўчая адметнасць канкрэтнага беларускага рэгіёна, яго роля ў тых працэсах, якія праходзілі на тэрыторыі нашай краіны ў розныя часы.

Беларусь як незалежная дзяржава імкнецца пашырыць свой аўтарытэт у свеце. Гэтаму спрыяе, у першую чаргу, вяртанне тых імёнаў, якія складаюць скарбніцу нацыянальнай культуры. Сярод іх ёсць і сусветна вядомыя. На жаль, пра іх у Беларусі стала даведаліся толькі нядаўна. Таму асабліва актуальным з'яўляецца азнаямленне беларусаў з тымі постацямі, якія па праву складаюць гонар нашай краіны. Адной з такіх асоб прысвечана праца «Ад Смілавіч да Парыжа: вытокі творчасці Хаіма Суціна» студэнткі 2 курса факультэта выдавецкай справы і паліграфіі Хілько Н. Мэтай даследавання з'яўляецца жыццё і творчасць нашага слыннага земляка. Аўтар даследавання паказвае жыццёвы і творчы шлях выхадца з Беларусі, увесь трагізм і велічнасць яго лёсу, глыбіню мастацкай думкі. Зразумела, што творцы такой велічыні заслугоўваюць не аднаго даследавання ў сябе на радзіме, таму гэта студэнцкая праца набывае асаблівую каштоўнасць для вяртання забытых імён.

Такое разуменне ідэалагічнай і выхаваўчай працы ў вышэйшай школе дапамагае студэнцкай моладзі спазнаць сябе праз культуру, сфарміраваць уласнае культурнае аблічча. Уменне папулярываць сваю радзіму за мяжой і годна прадстаўляць яе на сусветнай арэне закладаецца менавіта на роднай зямлі праз грунтоўнае ўсведамленне гісторыка-краязнаўчай адметнасці сваёй малой радзімы.

Найважнейшай часткай патрыятычнага выхавання моладзі з'яўляецца ўшанаванне памяці абаронцаў Айчыны і ахвяр вайны. Тэма вайны для нашага народа і балючая, і свяшчэнная. Далучэнне юнакоў і дзяўчат да гераічнага мінулага – адна з асноўных задач ідэалагічнай і выхаваўчай работы ва ўстановах адукацыі. Штогод на выставы розных узроўняў прадстаўляецца шэраг арыгінальных прац па ўвекавечанні гераічнага подзвігу нашага народа ў Вялікай Айчыннай вайне («Вайна ў лёсе маёй сям'і», «Дзяцінства, апаленае вайной», «Імёны памяць зберагла», «І людзі зведаюць аб прадзедах сваіх», «Жанчына і перамога» і інш.).

Асабліва запатрабаванай і актуальнай на сённяшні дзень з'яўляецца распрацоўка турыстычных маршрутаў па мясцінах баявой і партызанскай славы рэгіёнаў, падрыхтоўка адпаведных праектаў. З мэтай папулярывацыі Беларусі як цікавай турыстычнай краіны з адметнай гісторыяй, традыцыямі і культурай неабходна старанна распрацоўваць маршруты па памятных мясцінах краіны, найперш на рэгіянальным узроўні. Маладаследавання куткі Беларусі якраз і ствараюць карціну ўсеагульнага змагання беларускага народа на розных этапах гістарычнага існавання. Выхаванне гістарычнай памяці як асновы патрыятызму – ідэалагічная аснова нацыі. Таму такія

даследаванні рэгіёнаў Беларусі не толькі дапамагаюць глыбей пазнаць свой край, але і спрыяюць выхаванню ў моладзі гонару за гераічнае мінулае стойкай і непакіскай беларускай зямлі.

Паказальнай у гэтым плане з'яўляецца праца студэнткі 3 курса факультэта выдавецкай справы і паліграфіі Протчанкі Т. «Рагачоў гераічны: турыстычна-краязнаўчы маршрут» (праца адзначана трэцяй катэгорыяй на рэспубліканскім конкурсе навуковых прац студэнтаў). Рагачоўшчына – адзін з такіх куткоў, багатых на слаўтыя падзеі і помнікі. Аўтар працы прыклала шмат намаганняў для сістэматызацыі звестак аб гісторыі Рагачоўшчыны, выбрала тыя маршруты, якія найбольш ярка адлюстроўваюць гераічнае змаганне супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў на тэрыторыі Рагачоўшчыны. Праца носіць арыгінальны характар, пацверджана фатаграфіямі і цікавымі гістарычнымі звесткамі.

У навуковай працы студэнткі 4 курса факультэта выдавецкай справы і паліграфіі Рухавай С. «Партызанскі рух на Клімаўшчыне» зроблена спроба па-новаму паглядзець на гістарычныя старонкі нашай мінуўшчыны, раскрыць яе патэнцыял для сучаснага чалавека. Так, партызанскі рух у рэгіёнах Беларусі і звязаны з ім памятна мясціны павінны быць адным з ключавых фактараў для развіцця краязнаўчага турызму ў краіне. Гераічная гісторыя, нанесеная на карту краіны, не толькі дазваляе падкрэсліць адметнасць кожнай мясціны, але і развівае мясцовы патрыятызм. У сваю чаргу, адданасць маладаго пакалення да сваёй малой радзімы адыгрывае найважнейшую ролю ва ўмацаванні адзінства нацыі, усведамленні сябе як аднаго цэлага, а таксама значнасці кожнага чалавека і рэгіёна ў агульнанароднай гісторыі.

У дадзенай працы робіцца спроба паказаць гісторыка-гераічную адметнасць Клімаўшчыны на фоне супольнага змагання беларускага народа з фашысцкай навалай. Сістэмнасць і сцісласць выкладу, спалучэнне архіўных звестак з асабістымі ўспамінамі ўдзельнікаў падзей ро-

бяць даследаванне карысным культуралагічна-краязнаўчым матэрыялам, які несумненна знойдзе сваё прымяненне ў выхаваўчым і навучальным працэсах.

Навуковая праца студэнткі 3 курса факультэта выдавецкай справы і паліграфіі Курган А. «Ушаччына: гісторыя, змаганне, подзвіг» (праца адзначана другой катэгорыяй) асвятляе малавядомыя старонкі рэгіянальнай гісторыі Беларусі. Аб'ектам даследавання з'яўляецца Ушацкі раён Віцебскай вобласці. Разглядаецца мінулае гэтага багатага на падзеі і знакамітыя постаці рэгіёна. Асобную частку працы складае апавяданне аўтара пра мінулае сваёй сям'і, якая паходзіць з Ушаччыны. Паказ жыцця сваіх продкаў на фоне гісторыі краіны і рэгіёна надае апавяданню глыбока асабісты характар, падкрэслівае важнасць індывідуальнай людскай асобы як творцы нацыянальнай і рэгіянальнай гісторыі.

Асабліва эфектыўным сродкам патрыятычнага выхавання з'яўляецца правядзенне экскурсій па родным краі. За апошнія пяць гадоў праведзена звыш сарака экскурсій па рэгіёнах Беларусі. Кожная з іх – крыніца пазнання роднага краю і яго непаўторнай гісторыі.

Заклучэнне. Актывізацыя творчай дзейнасці студэнтаў у гэтым напрамку не толькі стварае аптымальныя ўмовы для самарэалізацыі таленавітай моладзі, але і спрыяе іх грамадзянска-патрыятычнаму і духоўна-маральнаму выхаванню, дапамагае захоўваць і перадаваць гісторыка-культурную спадчыну. Усведамленне самакаштоўнасці і ўнікальнасці рэгіёнаў Беларусі, разуменне грамадскага значэння мясцовай культуры дазваляюць выхоўваць нацыянальна свядомага і адказнага грамадзяніна. Такі тып асобы здольны захоўваць і перадаваць духоўна-маральныя каштоўнасці нацыі. Таму эфектыўна наладжаная праца са студэнцкай моладдзю па выхаванні рэгіянальнага патрыятызму дае несумненную карысць для духоўнага багацця нацыі і яе дабрабыту ў доўгатэрміновай перспектыве.

Паступіла 15.06.2012

УДК 882.6-8 + 82(061.231)

Н. Я. Савіцкая, старшы выкладчык (БДТУ)**АРГАНІЗАЦЫЯ ПРАЦЫ З ТВОРЧЫМІ СТУДЭНТАМІ
Ў ЛІТАРАТУРНЫМ КЛУБЕ «ВЕТЛІЦА»**

У публікацыі гаворыцца пра сістэму арганізацыі працы з творчай студэнцкай моладдзю ў літаратурным клубе БДТУ «Ветліца». Адзначаецца, што адораная асоба – гэта патэнцыял для росквіту нацыі ў новых умовах развіцця краіны. Прыводзіцца нарматыўна-прававая база, на падставе якой будзе арганізавана праца ў клубе. Паказаны чатыры ступені працы з творчай моладдзю. Гэта пошук таленавітых студэнтаў, развіццё іх творчых здольнасцей, грамадска-карысная дзейнасць і прапаганда творчых дасягненняў. Надаецца ўвага прафарыентацыйнай працы і выдавецкай дзейнасці клуба, у выніку якой убачылі свет 7 літаратурна-мастацкіх альманахаў «АВЕ», дзе надрукаваны творы звыш 500 аўтараў.

The article considers work organizing system with the creative youth in the literary society «Vet-litsa». The author proves the talented person to be the potential for the flourishing of nation in the new conditions of country development. The article shows the normative legal base being the principal component of work organizing society. The author reveals four levels of work with the creative youth. These are: searching of talented students, the development of their creative skills, socially useful activity and the promotion of creative achievements. Much attention is paid to the vocational guidance and publishing activities of the society.

Уводзіны. Адораная асоба – гэта той патэнцыял, які будзе садзейнічаць росквіту нацыі ў новых умовах развіцця краіны. Чалавецтва жыло б аднастайным, шэрым жыццём, калі б не з’яўляліся ў ім творчыя асобы, якія нясуць свае новыя ідэі, што змяняюць і ўпрыгожваюць свет. Таму важна ўбачыць, знайсці адораных студэнтаў і пастарацца наладзіць з імі кантакт, каб развіваць талент, прыцягваючы да навуковай і творчай працы не толькі падчас працэсу навучання, але і ў пазааўдыторны час у клубах па інтарэсах.

Асноўная частка. У БДТУ ужо 15 год працуе літаратурны клуб «Ветліца», які арганізаваны пры кафедры беларускай філалогіі. Мэтай клуба з’яўляецца развіццё творчай актыўнасці студэнтаў, фарміраванне высокамаральнай, усебакова развітай асобы.

Нарматыўна-прававой базай арганізацыі работы з адоранымі студэнтамі з’яўляюцца Законы «Аб адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь», «Аб агульных пачатках дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі ў Рэспубліцы Беларусь», канцэпцыі адукацыі і выхавання ў Беларусі, указы Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, нарматыўныя акты Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Місія БДТУ, комплексны план выхаваўчай працы кафедры беларускай філалогіі.

Праца ў клубе скіравана на ўзбагачэнне духоўнага, інтэлектуальнага, творчага патэнцыялу асобы, найбольш поўнае развіццё яе талентаў, фарміраванне творчай самарэгуляцыі.

У сувязі з фарміраваннем новага падыходу да адукацыйнай сістэмы і выхавання студэнцкай моладзі асабліва ўвага надаецца ажыццяўленню выканання Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб адукацыі (зацверджаны 13 студзеня 2011 г.). Таму ў адпаведнасці з палажэннямі Кодэкса аб

адукацыі неабходна фарміраваць сістэму ідэалагічнай і выхаваўчай працы, якая ахоплівае адукацыйны працэс у цэлым разам з пазааўдыторнай дзейнасцю.

Задачы выхавання арыентаваны на фарміраванне грамадзянскасці, патрыятызму і нацыянальнай свядомасці на аснове дзяржаўнай ідэалогіі, падрыхтоўку да самастойнага жыцця і працы; фарміраванне маральнай, эстэтычнай і экалагічнай культуры; авалоданне каштоўнасцямі і навыкамі здаровага ладу жыцця; фарміраванне культуры сямейных адносін; стварэнне ўмоў да сацыялізацыі і самаразвіцця асобы студэнта.

Асноўныя патрабаванні да выхавання – стварэнне ўмоў для развіцця творчых здольнасцяў студэнтаў, уключэння іх у разнастайныя віды сацыяльна значнай дзейнасці.

На падставе нарматыўна-прававых дакументаў створана «Палажэнне аб літаратурным клубе «Ветліца», штогод складаецца план работы клуба на навучальны год, у якім вызначаюцца асноўныя накірункі працы, плануецца найбольш значныя мерапрыемствы і г. д.

Сістэма работы з адоранай моладдзю мае чатыры ступені:

I ступень – выяўленне, пошук, адбор студэнтаў, якія могуць і жадаюць супрацоўнічаць з клубам. Пошук ажыццяўляецца падчас вучэбнай і пазаўрачнай працы праз дапамогу калег па працы і членаў клуба;

II ступень – гэта развіццё іх творчых здольнасцяў, якое рэалізуецца часткова ў вучэбнай дзейнасці на практычных і нетрадыцыйных занятках і ў пазааўдыторны час. Гэта ўдзел у днях, тыднях, акцыях, дыскусіях, праца ў клубе, выкананне творчых заданняў, літаратурная вучоба, абмеркаванне цікавых твораў сучасных лі-

таратараў і твораў саміх аўтараў і інш. У асноўным уся гэта праца праводзіцца праз індывідуальныя гутаркі, індывідуальныя планы развіцця творчых здольнасцяў членаў клуба ў залежнасці ад іх схільнасцяў, магчымасцяў і жаданняў. Асноўнымі відамі творчасці з'яўляюцца напісанне і ўдасканалванне не толькі літаратурных (вершы, паэмы, эсэ, апавяданні, раманы, нарысы, інтэрв'ю, разважанні, замалёўкі), але і навуковых прац (падрахтоўка дакладаў на канферэнцыі, тэзісаў, артыкулаў, навуковых прац на ўніверсітэцкія, рэспубліканскія і міжнародныя конкурсы), таксама падрыхтоўка ўласных або калектыўных камп'ютарных зборнікаў твораў, праектаў, прэзентацый;

III – прыцягненне студэнтаў да грамадска-карыснай дзейнасці. Гэта, перш за ўсё, удзел у мерапрыемствах, якія праводзяцца кафедрай, літаратурным клубам, факультэтам, універсітэтам. Часта – гэта таксама творчасць, але з выхадом на аўдыторыю, дэманстрацыя сваіх дасягненняў на пасяджэннях літаратурнага клуба, у конкурсах чытальнікаў вершаў, у фестывалях мастацкай самадзейнасці, удзел у навуковых канферэнцыях БДТУ, у сустрэчах з пісьменнікамі, аўтарскія прэзентацыі твораў, выпуск насценных газет, удзел у выставах, конкурсах малюнкаў, фатаграфій, плакатаў, падрыхтоўка інфармацыйных матэрыялаў на старонку літаратурнага клуба «Ветліца» на сайце БДТУ, прафарыентацыя і валанцёрская дзейнасць;

IV ступень – прапаганда дасягненняў ва ўніверсітэце, у горадзе Мінску, у рэспубліцы. Удзел у гарадскіх і рэспубліканскіх мерапрыемствах, конкурсах, канцэртах, выставах, канферэнцыях, фестывалях, выступленні ў СМІ, публікацыі твораў у часопісах («Малодосць», «Нёман», «Крыніца»), газетах, рэспубліканскіх зборніках паэзіі і інш.

Клуб стараецца адкрываць як мага больш новых імёнаў, падтурхоўваючы маладых творцаў да напісання новых вершаў і публікацыі твораў у альманаху і ў сродках масавай інфармацыі.

Сённяшняя моладзь – гэта вельмі разнастайны сегмент грамадства. Не будзе адкрыццём сказаць, што сярод маладых людзей шмат вернікаў. Моладзь вельмі розная па сацыяльным зрэзе. А гэта значыць, што яна розная і па творчым складзе, і ў сваім жаданні шматгранна выразіць сябе.

Таму тэматыка твораў такая разнастайная, як і само жыццё. Асабліва моладзь хвалююць тэмы духоўнасці, пытанні добра і зла, пошук свайго жыццёвага шляху. Тым, каго цікавяць пытанні духоўнасці, аказваецца інфармацыйна-навуковая і арганізацыйная падтрымка пры падрыхтоўцы дакладаў на канферэнцыі, навуковых прац на конкурсы і г. д. Члены клуба –

пастаянныя ўдзельнікі студэнцкіх рэспубліканскіх семінараў у Жыровіцкай духоўнай семінарыі, Свята-Панцеляймонаўскіх чытаннях і інш.

Прафарыентацыйная работа таксама мае месца ў літаратурным клубе. «Прафесійная арыентацыя – гэта складаная шматгранная праблема, дзяржаўная па маштабах, эканамічная па выніках, сацыяльная па змесце, педагогічная па метадах» [1]. У рэалізацыі плана прафарыентацыйных мерапрыемстваў асаблівае месца займае соцыум, гэта значыць інфраструктура горада і рэспублікі (агульнаадукацыйныя школы, пазашкольныя ўстановы, прафесійныя вучэбныя ўстановы, установы аховы здароўя, культуры, установы па рабоце з моладдзю, прадпрыемствы горада, сродкі масавай інфармацыі, грамадскія аб'яднанні і арганізацыі і інш.). Прафесійная работа ў нашых умовах мае сваю спецыфіку, якая заключаецца ў тым, каб даць інфармацыю пра ўніверсітэт шырокай аўдыторыі і стварыць устойлівы стануўчы імідж БДТУ. З гэтай мэтай праводзяцца розныя мерапрыемствы: гутаркі для абітурыентаў у школах горада Мінска, рэспублікі, прафарыентацыйныя выступленні падчас сумесных канцэртаў вакальнага ансамбля выкладчыкаў «Акавіта» і літаратурнага клуба «Ветліца» ў школах, універсітэтах, грамадскіх арганізацыях і аб'яднаннях, ветэранскіх арганізацыях, шпіталях, валанцёрскія выступленні сумесна з гуртком «Патрыёт» у садках і інш. Можна ўзнікнуць пытанне, чаму даецца інфармацыя пра БДТУ у іншых ВНУ, ветэранскіх арганізацыях і садках. Ды таму, што ўсюды ёсць дарослыя людзі, у якіх могуць быць патэнцыяльныя абітурыенты, якім можа быць карыснай інфармацыя пра спектр спецыяльнасцяў універсітэта, яго высокі статус, пра развіццё творчых здольнасцяў у мастацкіх калектывах і клубах па інтарэсах. Вядома, што «сям'я іграе важную ролю ў самавызначэнні дзіцяці. Таму адна з задач прафарыентацыйнай работы – фарміраванне ў бацькоў уяўленняў аб ... прафесіянальным самавызначэнні дзяцей...» [2]. Важна сустрэкацца не толькі са школьнікамі, іх бацькамі, але і з педагогамі, паколькі іх кампетэнтнасць у галіне прафарыентацыйнага досведу робіць значны ўплыў на выбар абітурыента.

Выступленням перад любой аўдыторыяй заўсёды папярэднічае падрыхтоўча-арганізацыйная праца: знаходзіцца месца (установа) для выступлення, узгадняецца час правядзення, аўдыторыя, працягласць мерапрыемства. Пасля гэтага або паралельна ідзе пошук членаў клуба, якія могуць годна прадставіць БДТУ і жадаюць гэта зрабіць. Для іх падбіраецца прафарыентацыйны матэрыял (буклеты, ролікі) з інфармацыяй пра факультэты, спецыяльнасці, даюцца

шырокія звесткі пра дзейнасць клуба, суправаджальныя матэрыялы, падбіраюцца ўласныя вершы, з якімі аўтар будзе выступаць перад аўдыторыяй. Асноўная мэта гэтых выступленняў – даць інфармацыю, зацікавіць, выклікаць станоўчыя эмоцыі, дасягнуць момантаў эмпатыі (суперажывання аўдыторыі і выступоўцы з аднолькавым эмацыянальным знакам), пакінуць па сабе добрае ўражанне. Гэта ўсё разам узятае і будзе ствараць інфармацыйную прастору і станоўчы імідж БДТУ у розумах і сэрцах шырокай аўдыторыі і працаваць на сённяшні дзень універсітэта і яго будучыню. Надзвычай важна пераканаць навучэнцаў суадносіць уласныя прырытэты з грамадскімі, ствараючы пры гэтым умовы для адчування паспяховасці ад самасцвярджэння ў працэсе працоўнай дзейнасці, ад развіцця сваіх індывідуальных творчых здольнасцяў.

Такім чынам, арганізуючы прафарыентацыйную работу сіламі літаратурнага клуба, мы імкнёмся стварыць умовы для паспяховай сацыялізацыі навучэнцаў, падвесці іх да ўсвядомленага выбару свайго далейшага шляху, схіліць да паступлення ў БДТУ, пераканаўшы ў запатрабаванасці на рынку працы спецыялістаў БДТУ.

Кожны з нас не толькі чалавек, але і грамадзянін. Усведамленне кожным не толькі асабістай, але і сацыяльнай значнасці, сацыяльнай каштоўнасці і сацыяльнай адказнасці сваёй працы – гэта і ёсць мэта прафарыентацыйнай працы.

Ацэньваючы эфектыўнасць прафарыентацыйнай працы, яе колькасць і якасныя паказчыкі, варта адзначыць, што ў школьнікаў і абітурыентаў, педагогаў і членаў сям’і фарміруецца інфармацыйная прастора са станоўчым іміджам БДТУ; аказваецца дапамога моладзі ў выбары прафесіі; ажыццяўляюцца міжведамасныя сувязі: універсітэт – літаратурны клуб – соцыум горада і рэспублікі.

Апошнім часам многія члены клуба маюць сваю электронную пошту, дзе змяшчаюць уласныя творы, а таксама выходзяць на самавыдатаўскія сайты, дзе выстаўляюць творы на абмеркаванні і ўжо маюць свайго чытача. Варта адзначыць, што некаторыя аўтары выдалі ўласныя зборнікі твораў у выдавецтве БДТУ і прыватных выдавецтвах. Асабліва трэба адзначыць выдавецкую дзейнасць клуба.

Роля друкаванага слова была і застаецца значнай. Гэта вельмі сур’ёзны фактар, які ўплывае на фарміраванне каштоўнасцяў.

Па выніках дзейнасці клуба выпускаецца літаратурна-мастацкі альманах «AVE» (Адраджэнне. Вера. Еднасць). Выйшла з друку 7 нумароў, у якіх змешчаны творы звыш 500 аўтараў, розныя па жанравым увасабленні і тэматыцы.

Літаратурна-мастацкі альманах «AVE» выдаецца з 2003 г. У прадмове да першага нумара рэдактар выдавецтва «Мастацкая літаратура», лаўрэат прэміі Федэрацыі прафсаюзаў Рэспублікі Беларусь Кастусь Жук напісаў:

«Ідэя выдання альманаха вельмі ўхвальная і нават гістарычна-эпахальная, якая, магчыма, перажыве й вякі, бо ўсё напісанае застаецца, а выдадзенае тым больш. Асабліва – напісанае рукой таленавітага аўтара, чый духоўна-эмацыянальны патэнцыял служыць на карысць не адзін раз і не аднаму чалавеку...

...Аўтараў аб’ядноўвае прага тварыць, узвышанасць і высакароднасць пачуццяў і дум, любоў да сваіх сяброў, да Бацькаўшчыны. Лепшая адзнака дзейнасці клуба – выхад літаратурнага альманаха «AVE», дзе ўсім дадзена магчымасць абмяняцца паміж сабой на яго старонках ёмкім удумлівым словам» [4].

Заклучэнне. Шматгранная 15-гадовая дзейнасць літаратурнага клуба «Ветліца» з’яўляецца паспяховай, дзякуючы таленавітым студэнтам, супрацоўніцтву з выкладчыкамі, куратарамі, творчымі калектывамі БДТУ і, безумоўна, добра наладжанай арганізацыйнай працы. Выніковая дзейнасць – гэта выданне альманахаў, публікацыі ў рэспубліканскім друку, атрыманне шматлікіх граматаў, дыпламаў, вымпелаў па выніках розных конкурсаў у розных намінацыях.

Літаратура

1. Борисова, Н. А. Осознанный выбор профессионального пути / Н. А. Борисова // Народная асвета. – 2010. – № 9. – С. 29.
2. Батуру, Т. В. Психолого-педагогическое сопровождение профориентационной работы / Т. В. Батуру // Народная асвета. – 2010. – № 9. – С. 28.
3. Праграма па рабоце з адоранай моладдзю (1998–2000 гг.) // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 4. – С. 40.
4. Жук, К. Каб песня не ведала межаў / К. Жук // «AVE» (Адраджэнне. Вера. Еднасць). Літаратурна-мастацкі альманах. – Мінск: БДТУ, 2003. – Вып. I. – С. 9.

Паступіла 15.06.2012

УДК 81'374.26:54

Е. И. Скоробогатая, преподаватель (БГТУ)**ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАУЧНОГО ЯЗЫКА ХИМИИ**

Статья рассматривает лексические особенности научного стиля речи. Приведен анализ лексического состава научного языка химии. Материалы текстов пособия «Научный стиль речи (говорение, аудирование, письмо) на материале текстов по химии» содержат задания, которые связаны с работой над лексикой научного языка химии.

The article highlights the lexical peculiarities of scientific style of speech. The author analyzes the lexical composition of the scientific language in chemistry. The materials of the texts in the manual «The scientific style of speech (talking, listening, writing)» comprise with the lexical work of scientific language.

Введение. При обучении научной речи слушателей подготовительного отделения (ПО) естественно-научного и технического профилей лингвистическое описание особенностей употребления слова в учебно-научных текстах крайне важно. Система работы над текстом на основе программного лексико-грамматического материала определяется задачей достижения у студентов необходимого уровня речевых навыков и умений [1]. Эта задача определяет организацию и характер работы над каждым текстом.

Задания по лексике ставят своей целью развитие догадки в определении значения слов и устойчивых словосочетаний. Изученные единицы лексики закрепляются при построении и восприятии высказываний и текстов в рецептивных и продуктивных видах речевой деятельности студентов.

В структуре учебно-научного текста выделяются и изучаются слова, словосочетания, которые определяют главную номинацию, связанную с основной темой текста, и синтаксические конструкции.

Основная часть. При обучении слушателей ПО русскому языку как иностранному необходимо особое внимание уделять отбору и усвоению лексического материала [2]. Химия, как и любая другая наука, имеет свои понятия и категории.

Так, в пособии «Научный стиль речи (говорение, аудирование, письмо) на материале текстов по химии» лексика состоит как из общелитературных слов, так и из слов-терминов. Химическая терминология объединяется в 1) слова и словосочетания, обозначающие химические объекты и явления (газ, молекула, кальций) и 2) характеристику действий (соединение, разложение, замещение, обмен, окисление и др.)

Одним из ведущих признаков лексики является ее номинативность. В пособии по химии, т. е. в текстах, почти все термины – имена существительные или словосочетания с ними. Например, атом, масса, реакция, осадок, вещество, химическая реакция, фазовый состав, регулирующая система, обратимые реакции, экзотермические реакции.

В текстах пособия выделяются следующие типы терминов.

1. Термины-слова:

а) непроизводные: азот, молекула, фаза, газ, окислитель;

б) производные: азотный, молекулярный, газовый, фазовый, окислительный;

в) сложные: самоокисление, самовосстановление, диспропорционирование, электропроводность, самолетостроение, внутримолекулярный, электрохимическое производство, однофазные реакции, малорастворимый газообразный раствор.

2. Словосочетания двухкомпонентного характера:

а) существительное + существительное: изменение цвета, выпадение осадка, выделение газа, оксид железа, степень окисления;

б) прилагательное + существительное: гетерогенная реакция, эндотермическая реакция, углекислый газ, тепловой эффект, химическое равновесие;

в) причастие + существительное: растворенное вещество, содержащее алюминий.

При объяснении терминологической лексики особое внимание обращается на отработку слухопроизносительных навыков и написание [3]. Нами предложены следующие приемы объяснения терминов.

1. Запись слов и словосочетаний. Этот вид заданий проводится перед каждым текстом для активизации употребления в речи студентов терминов и терминологических словосочетаний.

2. Составление словосочетаний с вводимыми терминами. Термины, представленные словосочетаниями, являются мотивированными названиями единых нерасчлененных и научных понятий и обладают всеми признаками отдельной лексемы: воспроизводимостью, целостностью значения, выполнением функций одного члена предложения в общности их компонентов [4]. Они могут быть атрибутивными (водный раствор, сильный электролит), именными (электропроводность растворов, степень диссоциации, расплав электролита), отлагательными

(образование связей, поглощение энергии, растворение веществ).

3. Подбор к словам определений.

Например: активность (какая?), восстановитель (какой?), ряд (какой?), подгруппа (какая?), металлы (какие?).

4. Определите род существительных и составьте с ними словосочетания.

Условие (стандартный), соединение (органический), состояние (жидкий), подгруппа (главный), система (периодический), вид (свободный).

Эти задания закрепляют трудную для туркменских студентов тему, так как в туркменском языке отсутствует категория рода.

5. Укажите, от какого прилагательного (наречия) образована сравнительная степень.

Активный	Мягче
Легко	Слабее
Сильный	Активнее
Большой	Выше
Слабо	Сильнее
Твердый	Тверже
Высоко	Больше
Длинный	Длиннее
Мягкий	Легче

6. Определите состав слов по образцу. Из каких морфем они состоят?

Образец: положение – по- – приставка; -лож- – корень; -ен-, -и- – суффиксы; -е – окончание.

Восстановительный, напряжение, последующий, вытеснение, расположенный, расположить, вытесняет.

7. Образуйте от данных прилагательных существительные с суффиксом -ость.

Образец: периодический – периодичность.

Закономерный, неразрывный, последовательный, валентный, зависимый.

8. Скажите, от каких слов образованы сложные слова.

Серебристо-белый, легкоплавкий.

Задания на преобразование глаголов также являются важными, поскольку в учебно-научном тексте большой объем составляют слова с отвлеченными значениями [5]. Эти слова представлены в основном отглагольными существительными в следующих заданиях.

1. Укажите, от каких глаголов образованы существительные.

Изменение, выпадение, взаимодействие, классификация, разложение, замещение, окисление.

2. Подберите видовую пару к следующим глаголам.

Образец: красить (НСВ) – окрасить (СВ).

Проявлять, выделять, соединять, ограничивать, проветривать, располагать, сдавливать, плавить, получать.

3. Определите, от каких глаголов образованы отглагольные существительные в словосочета-

ниях, измените их по образцу: изменение степени окисления – изменить степень окисления.

Классификация по ряду признаков, образование слабого электролита, установление химического равновесия, растворение твердого вещества, образование перенасыщенного раствора.

4. Даны также задания на преобразование глагольно-именных сочетаний в именные.

Образец: растворять вещество – раствор вещества.

Разбавлять раствор, достигнуть равновесия, охладить раствор, предотвратить разбрызгивание.

5. В работе приведены и задания, закрепляющие знания о сочетании слов друг с другом и вырабатывающие умения строить правильные словосочетания:

а) к данным прилагательным подберите существительные из текста:

физико-химический, универсальный, агрегатный, газообразный, благородный;

б) обратите внимание на сочетание слов в предложении:

чистый алюминий – серебристо-белый легкий металл с температурой плавления 660°C. Подберите к слову алюминий слова, с которыми оно сочетается;

в) укажите в тексте «Алюминий» глаголы, которые могут употребляться со словами: окисление, алюминий, проволока, провод, сплав.

Образец: вытягивать (что?) проволоку.

6. Обратите внимание на управление однокоренных глаголов и существительных.

Растворять – растворить (что?). Растворение (чего?).

Распределять – распределить (что?). Распределение (чего?).

Увеличивать – увеличить (что?). Увеличение (чего?).

7. Вставьте пропущенные глаголы: проводить, относиться, объясняться, определить, диссоциировать.

Неэлектролиты – вещества, водные растворы и расплавы которых не ... электрический ток.

К электролитам ... кислоты, основания, соли и другие.

К неэлектролитам ... оксиды, многие органические соединения и другие.

Электропроводность растворов и расплавов электролитов ... их электролитической диссоциацией.

С точки зрения теории электролитической диссоциации кислоты, основания и соли можно ... следующим образом.

Кислоты – это электролиты, которые ... с образованием катионов одного типа – ионов водорода H⁺.

В пособии приведены также задания, вырабатывающие умения понимать и употреблять

слова в составе предложения, группы предложений, законченных высказываний [6].

Задание 1. Составьте из данных словосочетаний предложение.

Химическая активность, молекулярный водород, при обычный, условие, невелика.

Задание 2. Составьте предложение, употребляя данные слова в скобках в нужном падеже.

В природе встречаются два (стабильный изотоп) водорода.

Задание 3. Перефразируйте (трансформируйте) данное предложение (скажите по-другому).

Водород является самым распространенным элементом в космосе.

Задание 4.

а) Прочитайте текст «Растворимость веществ. Растворы».

Растворимость веществ – это сложный физико-химический процесс, при котором происходит взаимодействие растворяемого вещества и растворителя. Универсальным растворителем является вода. Под действием молекул воды от поверхности растворяемого вещества отрываются частицы вещества (молекулы, ионы). Частицы вещества, связанные с молекулами воды, распределяются в объеме растворителя (воды). Так образуется раствор. *Раствор* – это однородная (гомогенная) система переменного состава, состоящая из двух или более компонентов.

Компонентами раствора являются растворитель (вода) и растворенные вещества. *Растворитель* является преобладающим компонентом. Агрегатное состояние растворителя в процессе растворения остается неизменным. Остальные компоненты – *растворенные вещества*. Растворяемые вещества могут находиться в твердом, жидком или газообразном состоянии. Количество растворенных веществ может быть разным.

Растворимость характеризует способность вещества растворяться в том или ином растворителе. В зависимости от способности растворяться в воде вещества делятся на легкорастворимые, малорастворимые и практически нерастворимые.

Примерами практически нерастворимых веществ являются благородные газы, золото Au; примерами малорастворимых – оксид азота (II) NO, азот N₂, кислород O₂, гидроксид кальция Ca(OH)₂; примерами хорошо раствори-

мых – нитрат кальция Ca(NO₃)₂, нитрат серебра AgNO₃, аммиак NH₃.

Растворимость веществ зависит от их природы, от температуры, давления, присутствия в растворах посторонних веществ. Как правило, растворимость твердых веществ в воде увеличивается с ростом температуры. Растворимость газов увеличивается при понижении температуры и повышении давления.

б) Ответьте на вопросы.

1. Что такое растворимость веществ?

2. Каким растворителем является вода?

3. Как образуется раствор?

4. Что такое раствор?

5. Чем является растворитель?

в) Перескажите текст «Растворимость веществ. Растворы».

Заключение. Таким образом, работа по обогащению словарного запаса слушателей ПО терминами научного языка должна проводиться на каждом занятии. Научная лексика языка химии требует особого подхода вследствие того, что имеет иное значение, чем общеупотребительные слова. Учебный текст демонстрирует языковой материал и служит для развития навыков аудирования, говорения и письма.

Литература

1. Лебединский, С. И. Теория и практика преподавания русского языка как иностранного / С. И. Лебединский. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 351 с.

2. Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе / Г. И. Дергачева [и др.]. – М.: Рус. яз., 1986. – 239 с.

3. Даниленко, В. П. Русская терминология / В. П. Даниленко. – М.: Рус. яз., 1977. – 215 с.

4. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – М.: Рус. яз., 1989. – 276 с.

5. Лексика научной речи (для студентов-иностранцев гуманитарного профиля) / А. В. Величко [и др.]. – М.: Рус. яз., 1985. – 157 с.

6. Русский язык как иностранный. Русский язык будущему инженеру: Учебник по научному стилю речи для иностранных граждан (двуязычный этап). Книга для преподавателя / Е. В. Дубинская [и др.]. – 3-изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 168 с.

Поступила 15.06.2012

УДК 81'36:58

Г. Ф. Швед, старшы выкладчык (БДТУ)

СЛОВАЎТВАРЭННЕ БАТАНІЧНЫХ ТЭРМІНАЎ

Дадзеная публікацыя прысвечана словаўтваральным асаблівасцям батанічнай тэрміналогіі ў беларускай мове. Дэрывацыйныя характарыстыкі гэтага пласта спецыяльнай лексікі разглядаюцца на багатым фактычным матэрыяле. Падрабязна аналізуецца тэрміналогія спецыяльных дысцыплін тэхналагічнага цыкла, што надае даследаванню вялікую практычную карысць.

The article deals with word formation of botanical terminology in Belarusian language. Derivational features of this word group are illustrated by large number of examples. Special terminology of technological subjects is being carefully analyzed which makes the research especially valuable in terms of practical needs.

Уводзіны. Дысцыпліна «Батаніка» адносіцца да цыкла «Агульнапрафесійныя і спецыяльныя дысцыпліны». Абавязковы кампанент вучэбнага плана пры падрыхтоўцы студэнтаў па спецыяльнасцях «Лясная гаспадарка», «Садова-паркавае будаўніцтва». На кафедры беларускай філалогіі БДТУ выкладаецца дысцыпліна «Беларуская мова. Прафесійная лексіка», у тым ліку для студэнтаў вышэйназваных спецыяльнасцей. У рэчышчы міжпрадметных сувязей узнікла думка разгледзець словаўтварэнне батанічных тэрмінаў. Батанічная лексіка ў беларускім мовазнаўстве даследавана недастаткова, бо адсутнічаюць спецыяльныя лексікаграфічныя працы па сістэмным разглядзе гэтага даволі значнага пласта.

Асноўная частка. Сярод разнастайных дэрывацыйных сродкаў, якія прымаюць удзел у словатворчасці, вызначаецца афіксацыя, а ў яе межах – суфіксацыя.

Паводле гэтага спосабу ўтвараюцца словы са значэннем:

– зборнасці: *алешнік (альхоўнік, альшанік, альшэўнік), арахоўнік (арэшнік, ляшчыннік), асінік, бярэзнік (беразак, беразняк), вярбняк (вербнік), грабняк (грабнік), дубняк, ельнік і іншыя;*

– сінгулятыўнасці: *алешына (альшына, альховіна), арэшына, асініна, бярэзіна, клянiна, ліпіна, ракіціна, яліна і іншыя;*

– ацэнчанасці: *асінка, бярозка (бярэзінка), рабінка, вярбінка, клянок (клёнік), ліпка, сасонка, хвойка, яблынька і іншыя.*

Суфіксальны спосаб утварэння батанічных тэрмінаў дастаткова аб'ёмны і шырокі. У народна-гутарковай мове выкарыстоўваюцца словаўтваральныя суфіксы:

– **-ав(-ов-):** *альховы, арэхавы, асінавы (асовы), баравы, букавы, бярозавы, векавы, вярбовы, грабавы (грабовы), дрэзавы, ліпавы і іншыя;*

– **-н-:** *дрэўны, лядны, лясны, прыродны, хвойны і іншыя;*

– **-к-:** *асінка, бярозка, дзічка, елка, калінка, лапка, ліпка, рабінка, сасонка і іншыя;*

– **-нік(-няк-):** *алешнік, арэшнік, асіннік, бярэзнік (беразняк), вербнік (вярбняк), грабняк (грабнік), дубняк, ельнік, клённік, ліпняк, рабін-*

нік, ракітнік, сасоннік, тапольнік, ясакарнік і іншыя;

– **-ін(-ын-):** *алешына (альшына), арэшына (ляшчына), асініна, бярэзіна, вярбіна, клянiна, ліпіна, ракіціна, хвайна, яліна і іншыя;*

– **-іст(-ыст-):** *дуплісты, іглісты, кароністы, лапісты, лясісты, смалісты, ствалісты і іншыя;*

– **-ават-:** *вілаваты, гузаваты, дулаваты, каржакаваты, смалаваты і іншыя;*

– **-аст(-яст-):** *дуласты, іглясты і іншыя;*

– **-ан(-ян-):** *дрывяны, лісцяны і іншыя;*

– **-іц(-ыц-):** *ігліца, ігрушыца, рабініца і іншыя;*

– **-ак(-як-):** *арэшак, беразак, сасняк і іншыя;*

– **-ок(-ёк-):** *барок, дубок, камялёк, клянок, лісток і іншыя;*

– **-ев(-ёв-):** *гаёвы, каранёвы, лісцевы, хвайвы і іншыя;*

– **-ік(-ык-):** *клёнік, яблык і іншыя;*

– **-ейк-:** *вецейка, голлейка, лісцейка і іншыя;*

– **-ар-:** *гушчар;*

– **-ат-:** *карабаты, кудлаты і іншыя;*

– **-ішч-:** *дуплішча, карэнішча, пнішча і іншыя.*

Суфіксы **-ав(-ов-), -н-, -к-, -нік(-няк-), -ін(-ын-), -іст(-ыст-), -ават-, -аст(-яст-), -ан(-ян-)** – прадуктыўныя, бо шырока выкарыстоўваюцца для ўтварэння новых слоў і граматычных формаў. Дэрываты **-іц(-ыц-), -ок(-ёк-), -ак(-як-), -ік(-ык-), -ейк-, -ар-, -ев(-ёв-), -ат-, -ішч-** належаць да непрадуктыўных, таму што іх арэал абмежаваны.

Пры дапамозе фармантаў **-ав(-ов-), -н-, -іст(-ыст-), -ават-, -аст(-яст-), -ан(-ян-), -ат-** утвараюцца толькі прыметнікі, фармантаў **-нік(-няк-), -ін(-ын-), -іц(-ыц-), -ак(-як-), -ок(-ёк-), -ік-, -ейк-, -ар-** – назоўнікі, суфікса **-к-** – прыметнікі і назоўнікі. Прычым фарманты **-ав(-ов-)** служаць для ўтварэння прыметнікаў, якія маюць значэнне прыналежнасці; **-ават-** – непаўнаты якасці; з дапамогай суфіксаў **-к-, -ачк(-ачн-), -ок(-ёк-), -ік-, -ейк-** утвараюцца назоўнікі са значэннем ацэнчанасці, **-ін(-ын-)** – адзінкавасці, **-нік(-няк-)** – зборнасці і інш.

Значнай прадуктыўнасцю характарызуецца канфікавы спосаб (прыстаўка + суфікс), бо паводле яго ўтвараюцца намінацыі:

– якія, абазначаюць сукупнасць дрэў: *зараснік, пералесак*;

– называюць часткі дрэва: *адводак (ад-ростак, атуростак, параснік, парастак, прыростак), акорына, асмолак (засмолак, асмылок), асяродак, атожылкі, насевак, развіліна (разгаліна, разгалінаванне), расколіна*;

– арыентуюць на месцазнаходжанне дрэў: *падлесак (падлесны, паўзлесны), пералесак, прыбярэжны (узбярэжны), прылесак (прылесны), прыморскі*;

– інфармуюць пра спосабы нарыхтоўкі і апрацоўкі драўніны: *абсяленне, абсадак, астружка, вываратня (выварацень, вывараціна), высечка, пасадак*;

– называюць лясныя ўчасткі: *абсадак, выжарына (выгарышча, выжарышча), парубка, узлесак, ускраек (ускраіна)*.

Апрача аднакампанентавых у складзе батанічных намінацый вылучаюць двухкампанентавыя назвы. Найбольш пашыраныя:

– «прыметнік + назоўнік»: *асноўны карань, безвяршынная дрэва, бессучковы лес, паддрэўны хмызняк, падкорны слой, прыземістая хвоя, прыстваловы (прыствольны) круг* і іншыя;

– «дзеепрыметнік + назоўнік»: *адборныя жалуды, апаленая галінка, пагусцелы лес, пажайцелы бярэзнік, парадзелы алешнік, пашкоджаны жалуд, перастойнае насаджэнне, разгалінаваная яблыня* і інш.

Як у першай, так і ў другой мікрагрупах ёсць словазлучэнні, дзе прыметнік ці дзеепрыметнік указвае на адметную якасць лесу, дрэва, яго часткі. Для ўтварэння вытворнага кампанента назвы выкарыстоўваюцца найчасцей прыстаўкі **без-, за-, па-, пад-, раз-, са-**, што далучаюцца да ўтваральнай асновы на **-ав-, -ан-, -е-, -ін-, -іст-, -ыст-, -л-, -н-, -ну-, -т-**.

Менш пашыраныя ў сістэме словаўтваральных сродкаў батанічных намінацый дэрывацыйныя прыстаўкі **а-, ад-, да-, пера-**, якія ўтвараюць значную частку слоў, пры далучэнні да асновы на **-л-, -н-**.

Тэматычную групу «назвы частак дрэў» складаюць намінацыі, утвораныя пры дапамозе прыставак **раз-(рас-), па-, а-, за-**, ад асноў на **-а-, -ав-, -ак-, -ін-, -ын-, -к-, -нік-, -ніч-** (*акорына, засмолак, парастак, развіліна*).

Даволі рэдка ўжываюцца прэфіксы **ад-, ато-, ату-, на-, о-, по-, пры-**, якія ўтвараюць новыя словы ад утваральных асноў на **-ак-, -л-, -ок-**.

Найбольш актыўна выкарыстоўваюцца прыстаўкі **а-, ад-, ато-, ату-, за-, на-, па-, пры-** з суфіксам **-ак-**. Такіх прыставачна-суфіксальных утварэнняў у батанічнай лексіцы багата (*пад-*

лесак, парастак, пералесак, прылесак і інш.). Словы *адростак, парастак, прыростак* з агульным значэннем «маладая галіна дрэва, якая вырасла ад больш старога сцябла або ствала» маюць менавіта такую будову [1]. Падобным спосабам утварылася і слова асмолак «хваёвы корч, які выкопваюць на апал» [2]. Гэтае найменне сустракаецца часцей у гаворках Гомельшчыны, Магілёўшчыны, радзей Міншчыны.

Менш пашыраны лексемы, утвораныя па мадэлі **а- + -ык-**. У гаворках Віцебшчыны побач з прыстаўкай **а-** ўжываецца суфікс **-ык-**, які не набыў асаблівага пашырэння — *асмолык*, цікавую форму атрымала гэтае слова ў гаворках Брэстчыны — *осмылок*, што ўспрымаецца як вынік набліжэння яго да гукавога складу польскай мовы — *осмалэк* [2].

Прыстаўкі **а-, ад-** разам з суфіксамі **-ак-, -ін-, -ын-, -к-** удзельнічаюць ва ўтварэнні шматлікіх слоў гэтай групы: *адводак, адводка* — «галінка або частка караня з вочкамі, пасаджаная ў зямлю асобна ад мацярынскай расліны»; *асяродак* — «сярэдня частка сцябла ці ствала расліны, якая адрозніваецца сваёй большай ці меншай цвёрдасцю»; *акорына* — «кавалак кары» [1].

Яшчэ адна асаблівасць словаўтварэння вытворных батанічных намінацый — наяўнасць спецыфічных для дэрывацыйнай сістэмы народнай мовы прыставак **ато-, ату-**, што разам з суфіксам **-ак-** утвараюць мадэлі **ато- + -ак-, -ату + -ак-**: *атожылак* «малады парастак расліны» (найбольш пашыраны ў гаворках Гродзеншчыны) [1].

Гэтыя словаўтваральныя элементы знайшлі адлюстраванне ў гаворках Віцебшчыны: *атуростак, атуросціна* [2]. У якасці сіноніма да слова *адростак* — «тонкая галінка» — у народных гаворках Хойніцкага раёна зафіксавана намінацыя *похвістак*.

Група «лексіка, звязаная з месцазнаходжаннем дрэў» уключае ў сябе прыметнікі і назоўнікі. Абедзве часціны мовы характарызуюць якасці лесу, яго размяшчэнне. У параўнанні з папярэднімі гэтая група слоў не вельмі шматлікая. Пры ўтварэнні такіх лексем шырока ўжываюцца прыстаўкі **пры-, пад-**, якія ўтвараюць новыя словы разам з суфіксамі **-н-, -ак-, -ск-** (*прыбярэжны, прылесак, прыморская, падлесны, падлесак* і інш.). Менш пашыраны прэфіксы **паўз-, уз-, пера-**. Самы актыўны суфікс гэтай намінацыі — **-н-**. Ён далучаецца да ўтваральных асноў, якія маюць прыстаўкі **пад-, паўз-, пры-, уз-** (*падлесны, паўзлесны, прыбярэжны, узбярэжны*).

У склад групы «лексіка, звязаная з нарыхтоўкай і апрацоўкай драўніны» ўваходзяць назоўнікі і адзін дзеепрыметнік. Усе яны маюць значэнне апрадмечанага дзеяння. Шырока ўжы-

ваюцца ўтварэнні з прадуктыўнай прыстаўкай **вы-** і суфіксамі **-ень-, -ін-, -ын-, -н-, -к-**.

Так, слова *выварацень* – «вывернутае дрэва», зарэгістраванае ў гаворках усёй Беларусі, утварылася пры дапамозе **вы-** + **-ень-** [2]. Слова *вывырыцінь*, распаўсюджанае на тэрыторыі Віцебшчыны і Магілёўшчыны, утворана з дапамогай непрадуктыўнага ў літаратурнай мове суфікса **-інь-** [2]. У гаворках Міншчыны, Гродзеншчыны і Магілёўшчыны пры ўтварэнні гэтага слова ўдзельнічае іншы суфікс: *вываратк* [2]. Будова гэтага слова ў гаворках Гомельшчыны таксама асаблівая: у Мазырскім раёне вывернутае дрэва называюць *вываратня*, *вываратак* [2].

У народна-гутарковай мове існуе вялікая колькасць варыянтаў слова са значэннем «высечаны ўчастак лесу»: *вырубка*, *высечка*, *высічка*, *порубка* і інш. Найбольш пашыранае ўтварэнне **вы-** + **-к-**. Гэты варыянт адлюстраваны ў гаворках Міншчыны, Гродзеншчыны і Магілёўшчыны.

Пры прыставачна-суфіксальным утварэнні слоў гэтай групы заўважаюцца значныя адрозненні ў выкарыстанні словаўтваральных сродкаў літаратурнай і народна-гутарковай мовы. Да апошніх належаць прыстаўкі **ву-**, **вэ-** ў спалучэнні з суфіксамі **-ень-, -ін-, -к-** (*вывараціна*, *вэвуретка*), што з'яўляюцца варыянтам прадуктыўнай прыстаўкі **вы-**. У гаворках вёскі Малыя Аўцюкі Калінкавіцкага раёна вывернутае дрэва жыхары называюць *вувараціна* [2]. А на тэрыторыі Брэстчыны зарэгістраваны варыянт гэтага слова *вэвуретка* [2].

Наступная па колькасці слоў група «назвы лясных участкаў», якая ўключае назоўнікі са значэннем апрадмечанага дзеяння (*выжарына*, *выжарышча*, *парубка*, *абсадка*, *высечка*) і мес-

цазнаходжання (*прылесак*). Тут шырока ўжываецца прыстаўка **вы-**, што ўтварае новыя словы разам з суфіксамі **-ын-, -ыш-, -к-**. Радзей ужываюцца прэфіксы **па-, аб-, пры-**.

Найбольш актыўна ў гэтай тэматычнай групе слоў выкарыстоўваецца суфікс **-к-**, які спалучаецца практычна з усімі прыстаўкамі (**вы-, па-, аб-**).

Неабходна адзначыць таксама, што некаторыя словы, якія ўваходзяць у склад названай мікрагрупы, могуць у залежнасці ад значэння пераасэнсоўвацца. Так, словы *парубка*, *абсадка*, *вырубка*, *высечка* адначасова абазначаюць участак, дзе адбылося дзеянне, і само дзеянне. І апошняе, самая нешматлікая група – «намінацыі лексікі паводле сукупнасці дрэў». У яе склад уваходзяць толькі назоўнікі са значэннем зборнасці, сукупнасці. Часта ўжываецца прыстаўка **за-** і суфіксы **-л-, -нік-**. Радзей функцыянуюць прыстаўкі **на-, пера-, з-, паў-** з адпаведнымі суфіксамі.

Заклучэнне. Такім чынам, можна адзначыць, што суфіксальны і прыставачна-суфіксальны спосабы выконваюць значную ролю ў словаўтварэнні батанічных намінацый. Пры гэтым выкарыстоўваюцца афіксы, прадуктыўныя і ў сучаснай беларускай літаратурнай мове.

Народная дэрывацыйная сістэма батанічнай лексікі – неад'емная частка словаўтварэння, якое з'яўляецца жывой крыніцай узбагачэння слоўніка сучаснай беларускай мовы.

Літаратура

1. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск, 1977. – Т. 1. – С. 206–293.
2. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: у 5 т. – Мінск, 1993–1995. – Т. 1. – С. 82–88.

Паступіла 15.06.2012

УДК 378.016(075.4–054.6)

Т. А. Козлякова, старший преподаватель (БДТУ)

О РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена актуальному вопросу о межпредметной координации при обучении русскому языку как средству профессионального общения. Говорится об особенностях учебного процесса на подготовительном факультете для иностранных учащихся. Акцентируется внимание на необходимости тесного контакта между преподавателями русского языка и профилирующих кафедр. Отмечается, что преподаватели общеобразовательных дисциплин должны не только излагать материал по предмету, но и определять лексический минимум, общий для всех дисциплин, а также лексический и терминологический минимум по каждому предмету. Задача преподавателя-русиста – научить учащихся использовать слова-термины в речи.

The article dwells on the actual problem of interdisciplinary coordination in the teaching process of the Russian language as a means of professional communication. The author highlights the peculiarities of the teaching process at the pre-university department for foreign students. The necessity of a close contact between the teachers of the Russian language and major departments is emphasized. It has been noted that the teachers of general subjects should not only present the material of the subject but also define the lexical minimum which is common for all subjects. Besides, they also should fix the minimum of vocabulary and terminology to a particular subject. The objective of the teacher of Russian is to teach students to use terms in their speech.

Введение. В настоящее время в условиях интенсивного развития общества поиски оптимальных путей качественного совершенствования обучения иностранных учащихся языку специальности являются одной из центральных проблем современной теории и практики преподавания русского языка как иностранного в вузах нефилологического профиля. Умение общаться методически грамотно, сохраняя методику профессиональной речевой деятельности, приобретает особую важность, когда прямой контакт с другими людьми является непременным условием квалифицированного выполнения своих профессиональных действий. Это обусловило необходимость методических разработок, обеспечивающих учебный процесс иностранных студентов нефилологического профиля.

Основная часть. Особенность учебного процесса на подготовительном факультете состоит в том, что русский язык изучается как специальный предмет на занятиях по русскому языку, на занятиях же по общеобразовательным дисциплинам он является средством обучения дисциплинам и одновременно остается объектом постоянного внимания.

Поэтому для осуществления межпредметной преемственности необходим более тесный контакт между преподавателями русского языка и профилирующих кафедр с целью учета языковых возможностей студентов, снятия некоторых языковых трудностей. Речь студента на практических занятиях, семинарах, зачетах и экзаменах по специальности должна быть постоянно в поле зрения преподавателей общеобразовательных дисциплин.

В связи с этим преподаватели общеобразовательных предметов должны определить лексический минимум, общий для всех дисциплин, а также лексический и терминологический минимум по каждому предмету. Так как термины отражают понятийную сторону предмета, обучение терминологии является задачей преподавателей общеобразовательных дисциплин. Следовательно, написание новых слов на доске должно быть нормативным, четким, разборчивым. При записи новых слов преподаватель ставит ударение и четко произносит слово.

Существуют следующие способы семантизации лексики: объяснение слов с помощью наглядности, путем подбора синонимов, с помощью перевода, контекста, словообразовательного анализа, путем толкования слов средствами русского языка. В зависимости от этапа обучения и характера лексики преподаватель выбирает способ ее семантизации, объяснение новых слов может осуществляться как в процессе предъявления материала, так и до него.

Преподаватели общеобразовательных дисциплин должны не только излагать материал по предмету и организовывать его усвоение, но и систематически исправлять ошибки, не допуская неправильных ответов.

Задача преподавателя-русиста – научить учащихся использовать слова-термины в речи. Связь занятий по русскому языку со специальными предметами может осуществляться одновременно по нескольким параметрам.

1. Учет уровня знаний по русскому языку иностранных студентов на каждом этапе обучения.

2. Учет будущей профессии студентов при отборе учебного материала (работа со спецтерминами, спецтекстами, использование материалов из «Пособия по научному стилю речи»).

3. Использование только тех форм организации занятия, тех приемов введения, закрепления и контроля учебного материала, которые соответствуют уровню сформированности у иностранных студентов навыков и умений в определенном виде речевой деятельности.

4. Соблюдение поэтапной дозировки объема предъявляемой информации, текстового материала и домашнего задания.

В объем грамматического материала на данном этапе должны входить модели, составляющие базу для продвинутого этапа.

Следует отметить, что к началу занятий по общеобразовательным дисциплинам на подготовительном отделении у иностранных студентов техника чтения находится в стадии становления. На данном этапе студенты подготовлены к чтению текста объемом 0,5 страницы, построенном на полностью знакомом лексико-грамматическом материале. И только к концу второго семестра студентам можно предлагать специально отобранные неадаптированные тексты по общеобразовательным дисциплинам объемом до 2-х страниц, содержащие до 5% незнакомых слов.

При обучении языку специальности должны учитываться две основные особенности учебно-научных текстов. Во-первых, это то, что для текстов научного стиля характерны особые синтаксические конструкции, логическая соотнесенность расположенных высказываний, правила построения суждений, доказательств, рассуждений, композиционная организация текста. Во-вторых, учебно-научные тексты имеют и собственную специфику, которая связана с их коммуникативной задачей. Они содержат основы знаний в определенной области данной науки. И задача состоит в том, чтобы передать их обучаемым. А для этого последние должны обладать набором умений, которые позволят им проникать в замысел автора, понимать содержание текста (особенно неадаптированного), извлекать и использовать содержащуюся в тексте информацию в учебно-профессиональной сфере.

Эта задача решается как на начальном и среднем, так и на продвинутом этапах обучения русскому языку. Каждый из них имеет свою специфику, что накладывает определенный отпечаток на весь учебный процесс (его задачи, содержание и методы обучения).

Обучение языку специальности идет параллельно с процессом формирования языковой и коммуникативной компетенции. Осуществляется это на базе нейтрального стиля речи в со-

циально-бытовой и учебной сфере общения и связано с развитием профессиональной компетенции, которая осуществляется преподавателями общеобразовательных дисциплин. Эта работа начинается после вводно-грамматического курса. Именно здесь возможна постановка совершенно разных задач обучения научному стилю. Во-первых, это представление на русском языке тех знаний по общеобразовательным дисциплинам, которыми уже владеет слушатель. В данной ситуации не возникает трудностей, связанных с предметным содержанием текста, и все внимание сосредоточено на его языковой форме. Во-вторых, обучение научному стилю проводится на совершенно незнакомом материале, знаний о котором у слушателя почти нет или имеются в ограниченном объеме.

Максимально адаптированные тексты, которые используются на начальном этапе, обеспечивают соответствующую целям и задачам обучения информативность по курсу специальности и дают общее представление о специальности как науке в целом. Текст определяет основную проблематику урока, дает исходный материал для коммуникации, и основной задачей на этом этапе является развитие навыков и умений смыслового анализа текста, построение связного высказывания, оперирование содержанием текста в процессе формирования навыков и умений свободного общения на предложенную тему. Поэтому преподаватель должен ответственно подходить к отбору учебного материала для формирования речевых умений в научно-профессиональной сфере общения, предусматривать повторяемость изучаемого материала, так как одни и те же языковые средства, используемые в вопросах и ответах на них, употребленные для выражения каждый раз нового содержания, запоминаются произвольно. Текстовый материал способствует формированию активного словаря студента, состоящего из наиболее употребительных единиц научно-профессиональной сферы.

Обучение иностранных учащихся языку профессионального общения на подготовительном отделении БГТУ начинается через 4 месяца.

Для этого используется учебное пособие по научному стилю речи, состоящее из текстов по химии, физике, математике, биологии с предтекстовыми и послетекстовыми заданиями, с выделенными грамматическими конструкциями, свойственными научному стилю.

Основой для создания рабочих программ, учебных пособий при отборе грамматического материала является Типовая учебная программа для иностранных слушателей подготовительных факультетов и отделений высших учебных заведений, утвержденная Министерством образова-

ния Республики Беларусь (27 апреля 2006 г.). Программой предусмотрены определенные требования к уровню владения навыками и умениями в различных видах речевой деятельности.

Реализация межпредметных связей на подготовительном отделении четко прослеживается при использовании учебного пособия по химии, в котором имеются схемы, таблицы, направленные на развитие монологического высказывания. Например, введены конструкции: *что входит в состав чего, что состоит из чего, что составляет что.*

Текстовый материал пособия способствует формированию активного словаря студента, состоящего из наиболее употребительных единиц научно-профессиональной сферы. Предтекстовые задания снимают определенные лексические трудности, развивают механизм вероятностного прогнозирования и настраивают учащихся на восприятие текста. Послетекстовые упражнения формируют навыки логического построения высказывания, развивают умение составлять план, конспект, выделять основную информацию, формируют навыки говорения. На первом курсе технических специальностей используется пособие по неорганической химии, в основу которого положен материал «Практикум по неорганической химии». Данный курс представляет значительные трудности для иностранных учащихся первых курсов нехимических специальностей.

Основным видом занятий в вузе является учебная лекция, поэтому обучение иностранных студентов конспектированию – одна из важнейших задач в преподавании как русского языка, так и общеобразовательных дисциплин на ПО. В связи с тем, что на данном этапе навыки и умения конспектирования у иностранных студентов сформированы еще недостаточно, к языковому оформлению учебной лекции должны предъявляться высокие требования.

Вместе с тем, чтобы студент смог осмыслить увиденное, услышанное, прочитанное, он должен владеть навыками и умениями использования информации. Для этого необходимо развивать навыки конспектирования, обучать правилам сокращений и условных обозначений, принятых в русском языке.

Преподаватели общеобразовательных дисциплин при чтении лекций иностранным студентам должны: 1) оформить текст лекции с учетом устной формы предъявления материала (использовать повторы, вводные слова и предложения, пояснения, обобщения и т. д.); 2) соблюдать темп речи; 3) формулировать тему лекции и записывать ее; 4) записывать план лекции; 5) давать под диктовку определения, правила, формулировки законов; 6) обобщать изложенный материал в конце лекции в виде выводов; 7) использовать наглядный материал и технические средства обучения.

Заключение. Таким образом, можно отметить, что тексты научного стиля речи, активно используемые в учебном процессе, развивают познавательный и личностный потенциал слушателей, а тесные межпредметные связи создают условия для успешного изучения русского языка и специальных дисциплин.

Литература

1. Вятютнев, М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного / М. Н. Вятютнев. – М.: Рус. яз., 1984. – 144 с.
2. Тексты по неорганической химии / Т. Г. Ковалева [и др.]. – Минск: БГТУ, 1990. – 36 с.
3. Мотина, Е. И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов / Е. И. Мотина. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1988. – 176 с.
4. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования / Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлева. – М.: Рус. яз., 2010. – 568 с.
5. Скоробогатая, Е. И. Научный стиль речи (говорение, аудирование, письмо) на материале текстов по химии / Е. И. Скоробогатая, И. Е. Малашонок, И. И. Курило. – Минск: БГТУ, 2011. – 179 с.
6. Санникова, А. В. Реализация межпредметных связей при обучении русскому языку студентов-медиков / А. В. Санникова // Вестник БООПРЯИ. – 2005. – № 1. – С. 40.
7. Фоломкина, С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе / С. К. Фоломкина. – М.: Высшая школа, 1987. – 205 с.

Поступила 15.06.2012

УДК 801.931

Т. М. Федарцова, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (БДТУ)**АСВАЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ ВЕРСІФІКАЦЫЙ
ЦВЁРДЫХ ВЕРШАВАНЫХ ФОРМАЎ: ГАЗЕЛЬ, ХОКУ**

У публікацыі разгледжаны шляхі развіцця цвёрдых вершаваных формаў у другой палове XX ст., іх імкненне да сінтэзу са сталымі жанрамі: элегіяй, одай, байкай і г. д. Абгрунтавана і пацверджана аналізам канкрэтных твораў развіццё газелі ў беларускай версіфікацыі, а таксама актыўнае засваенне беларускай версіфікацыяй малых (мініяцюрных) полі- і монастрафічных вершаформаў, такіх як хоку, стварэнне на іх аснове разнавіднасцяў інтэлектуальнага верша (пункціры Разанава, «ясачкі» Барадуліна, квантэмы Дэбіша). Прааналізаваны ўплыў на цвёрдыя вершаваныя формы новага ўніверсальнага стылю, што спрыяе з'яўленню іх варыянтнасці і вядзе да пэўных змястоўных і фармальных зменаў.

The article considers the ways of strong poetic forms in the second half of the XXth century and their tendency to the synthesis with stable genres: elegy, ode, fable and others.

The Examination of definite works of art proves and confirms the development of the gazel in Belarusian poetry as well as an active assimilation of small (miniature) poly-stanza verses such as the hoku (dotted lines of Rasanov, «yasachki» of Baradulin, quantems of Debish). It analyzes the influence of a new universal style on hard poetic forms; this contributes to their aspiration for variations and definite contextual and formal changes.

Уводзіны. Да ліку слаба вывучаных гісторыка-тэарэтычных праблем беларускага літаратуразнаўства адносіцца і праблема станаўлення і развіцця цвёрдых (сталых) вершаваных формаў у слоўным мастацтве Беларусі. Больш дадледаваны ў гэтым плане санет (артыкул М. Багдановіча, дасканалая праца Я. Барычэўскага, кандыдацкая дысертацыя У. Сенькаўца). Па-за ўвагай знаўцаў паэзіі, аднак, застаюцца трыялет, актава, рубаі, танка, хоку, газель і іншыя формы верша, якія культываваліся замежнымі літаратурамі раней, а з XX ст. культывуюцца і нашай досыць паспяхова. Напрыклад, толькі ў зборніку вершаў Э. Акуліна «Крыло анёла» (1995 г.) змешчаны такія творы, як рандо, актава, трыялет, тэрцына, акварэль, туюга, віланэль, рытурнэль, канцона, газель (газэля), раманс, малітва і акрапаэма, напісаная санетнай страфой.

Сёння беларускае літаратуразнаўства вывучае гісторыю айчынай літаратуры ў шырокім міжнацыянальным кантэксце, што паспрыяла магчымасці адкрыць новыя заканамернасці яе развіцця ў XX ст. Таму дасканала разглядаюцца з'явы, якія раней наўмысна абыходзіліся ці тлумачыліся спрошчана. Мэта дадзенага артыкула – сцісла і даступна выкласці набыткі беларускай літаратуры па засваенні цвёрдых жанравых формаў.

Асноўная частка. Калі такія цвёрдыя вершаваныя формы, як санет, вянок санетаў, вянок вяноў санетаў, трыялет, рандо, рандэль, танка, нават рубаі ў беларускай літаратуры даволі распаўсюджаныя, то ўжыванне газелі ў айчынным вершаскладанні мае значна меншы вопыт. Тым не менш калі ў заходнееўрапейскай літаратуры менавіта газель выціснула з «паэтычнага поля» рубаі, то ў беларускай версіфікацыі аб-

дзве цвёрдыя вершаваныя формы не толькі паралельна суіснуюць, але і мірна суседнічаюць.

Напомнім, што рубаі першым у беларускую версіфікацыю ўвёў Максім Багдановіч у 1911 г. Гэта вершаваная форма была добра распрацаваная ў паэзіі Блізкага і Сярэдняга Усходу, бярэ свой пачатак з X–XI стст. Цудоўныя ўзоры рубаі пакінулі свету персідска-таджыцкі паэт Амар Хаям, таджыцкі паэт Рудакі, азербайджанец Насімі і інш. З таго часу катрэны з рыфмоўкамі **ааба**, **аааа**, радзей **абаб** (А. П. Квяткоўскі), **ааба**, **аааа** (В. П. Рагойша), таксама як і газель, нязменна служаць выражэнню лірычнай тэмы, якая грунтуецца на разгортванні філасофскага роздуму пра вечныя маральныя каштоўнасці, сэнс жыцця, каханне. Прааналізаваўшы рубаі ўсходніх класікаў, мы прапануем лічыць рыфмоўку **ааба** класічнай.

Рубаічнай страфой напісаны вершы Максіма Танка «На радзіме Абая» і Максіма Лужаніна «Пад цымбалы». Я. Міклашэўскі (аўтар рамана-даследавання «Каханне і смерць, або Лёс Максіма Багдановіча») апублікаваў у часопісе «Маладосць» сатырычнае рубаі, накіраванае супраць зафармалізаванасці жыцця, якая вядзе да абсурду. Захапленне стварэннем розных камісій, штабоў, таварыстваў засталася нам у спадчыну ад мінулых часоў. Але і сёння, як і ў мінулым, дзейнасць іх застаецца толькі на паперы. Рубаі-пароды мяжуюцца ў аўтара з вершамі-роздумамі пра такія філасофскія катэгорыі, як Дабро і Зло:

Калі на зло ты мне адкажаш злом –

Мы будзем звязаны з табой адным вузлом.

Ды божы дух, наведаўшы мой дом,

На зло маё мне адказаў добром [1, с. 206].

Актыўна ва ўсе часы выкарыстоўваюць у інтымнай лірыцы дадзеную цвёрдую вершаваную форму жанчыны-паэтка.

Газель як цвёрдая вершаваная форма нарадзілася ў лірычнай паэзіі народаў Блізкага і Сярэдняга Усходу, Індыі і Пакістана. Выдатным аўтарам лірычных вершаў у форме газелі быў узбекска-таджыцкі паэт Х ст. Рудакі. Класічныя ўзоры газелі стварылі выбітныя персідска-таджыцкія паэты Саадзі, Хафіз, Камаль, Джамі, азербайджанец Нізамі і інш. У еўрапейскую літаратуру дадзеную цвёрдую вершаваную форму ўвёў І. В. Гётэ. У расійскай версіфікацыі яна з'явілася дзякуючы В. Я. Брусаву, ва ўкраінскай – І. Франко і Д. Паўлычку, а ў беларускай – дзякуючы знакамёту паэту беларускага замежжа Рыгору Крушыне.

Газель – від монастрафічнага лірычнага верша, пабудаванага на 3–12 двухрадкоўях (бейтах) з рыфмоўкай **аа, ба, ва** і г. д. У апошнім бейце (макта) павінен успамінацца тахалус (імя, прозвішча ці псеўданім аўтара). Асаблівасць газелі заключаецца ў тым, што кожны бейт утрымлівае завершаную думку і мае адносна самастойнае значэнне. Як жанравая форма газель узнікла з народнай лірычнай песні прыкладна ў VII ст., а як цвёрдая вершаваная форма бярэ свой пачатак з X ст. Канчаткова ж яна сфарміравалася ў XIII–XIV стст.

Слова «газель» у класічнай мове фарсі мела два значэнні: лексічнае (родавае) і тэрміналагічнае (відавае). Згодна з думкай таджыцкага доктара філалагічных навук, акадэміка А. М. Мірзоева, пытанне вызначэння газелі было закранута яшчэ ў сярэднявечных сачыненнях па літаратуразнаўстве «Муджамі» Шамсі Кайса, які сцвярджаў, што «Газель у асноўным значэнні слова – гэта аповед пра жанчыну, апісанне кахання і млюсці па іх. Сачыненне газелі – гэта праслаўленне кахання... Мэта газелі – супакаенне душы і стварэнне прыемнага настрою. Таму газель павінна сачыняцца плаўным метрам, яснымі і прыгожымі словамі і павінна ўтрымліваць высакародныя думкі» [2, с. 23].

Тэрміналагічнае вызначэнне газелі даў Кабул Мухамад у працы «Хафт Кулзум» (А. М. Мірзоеў). Ён увёў патрабаванне, каб у апошнім бейце прысутнічаў тахалус паэта і згадаў, што пасля рыфмы можа стаяць рэдыф (слова, радзей словазлучэнне, якое паўтараецца ў нязменным выглядзе ў вершаваных радках услед за канцавымі рыфмамі). Але тэматыка па-ранейшаму заставалася лірычна-інтымнай. Тым не менш у час росквіту газелі ў XIII–XV стст. яе стваральнікі даволі ўмела выкарыстоўвалі асаблівасці дадзенага верша (дзе кожны бейт мае самастойную думку) для ўвядзення сацыяльных матываў ці намёкаў на палітычную незадаволенасць.

Сёння тэматыка газелі ў еўрапейскай літаратуры ахоплівае не толькі інтымныя перажы-

ванні асобы, але і іншыя аспекты жыцця. Асабліва здольнай аказалася гэта цвёрдая вершаваная форма для ўвасаблення сакральных пачуццяў. Сакралізацыя Радзімы – галоўная тэма першай беларускай газелі, створанай Рыгорам Крушынам. Паэт спявае гімн роднаму краю радасна і шчыра, умела хавае за гімнічным пафасам затоены сум ростані з ім. Верш прасякнуты сонечным святлом хараства і прыгажосці роднай зямлі з яе прасветленымі сонцам дубравамі і аksamітавымі бярозавымі гаямі, сагрэты сардэчнай цеплынёй і шчырасцю прызнання ў вечнай любові.

Падрабязна, грунтоўна малое паэт любы сэрцу вобраз Беларусі. Ролю асноўнага грунту гэтай фарбы выконвае разгорнутая метафара, якая прасочваецца на працягу ўсяго верша («куды я ні зірну – крыніцай б'е мой край», «мяне пачнеш ты вабіць да сябе, мой край» і г. д.). Любоў паэта да Радзімы пацвярджаецца і тым, што менавіта ў рэдыф ён заключае словы «мой край». Рэдыф узмацняе адычнае гучанне верша. Аднак аўтар парушае адзін з канонаў газелі, бо ўводзіць тахалус не ў апошні (макта), а ў перадапошні бейт, дзе хавае за двухсэнсоўнасцю наймення «**крушына**» свой псеўданім:

І кожнай цвет – галінкай і лістком

Крушына мне прыгадвае ў жальбе мой край [3, с. 42].

Фармальнае эксперыментатарства паэта відавочнае. Яно, на нашу думку, як і ў Багдановіча, было самамэтай. Гэта пацвярджаецца і вызначаннем самога аўтара, які прызнае першыноўства Багдановіча ў прапагандзе такіх класічных вершаваных формаў, як санет, трылет, рандо, актава, тэрцына, танка, і адначасова сцвярджае, што: «дагэтуль у беларускай літаратуры не выяўляліся формы і ўсходняй паэзіі: газелі, туюгі, японскія танкі і хай-кай (хоку). Я пастараўся ў кнізе «Сны і мары», паводле сваіх магчымасцяў, даць прыклады не толькі вышэйзгаданых, але і розных іншых формаў» [3, с. 5].

Крушына меў рацыю, бо ў 1930–40-я гг. асабліва сканцэнтраванасць увагі савецкага літаратуразнаўства на праблемах развіцця рэалістычнага метаду і стылю прывяла да страты цікавасці да пазнання жанраў і пытанняў тыпалогіі нацыянальных літаратур. Пошукі ж самімі творцамі прыгожага ў Расіі, напрыклад, узнавіліся ў другой палове 50-х гг. XX ст. У беларускай нацыянальнай літаратуры такой вялікай часовай разбежкі не было дзякуючы паспяховай працы па ўдасканаленні форматворчасці паэтаў беларускага замежжа Міхася Кавыля, Алеся Салаўя, Масае Сяднёва, Рыгора Крушыны, Янкі Золака і інш. Іх заслуга ў тым і заключаецца, што яны ўпарта імкнуліся ўвесці

ў беларускую нацыянальную версіфікацыю жанры і цвёрдыя вершаваныя формы, уласцівыя светавай паэзіі, узбагачалі нашу літаратуру санетами, вянкамі санетаў, трыялетами, віланэлю, газеллю, канцонай, рандо, секстынай, туюгам, танкай, развівалі культуру творчасці выкарыстаннем скарбаў і набыткаў светавага слоўнага мастацтва.

Але Крушына і памыляўся адносна ўкаранення японскай танкі на беларускай паэтычнай глебе, бо як цвёрдая вершаваная форма яна была засвоена М. Багдановічам яшчэ ў 1915 г. Тым не менш руплівасць Рыгора Крушыны пра гэтую форму словатворчасці пацвярджаецца яго пільным клопам пра захаванне пастаяннага памеру, рыфмоўкі, колькасці і размяшчэння вершаваных радкоў у сваіх творах – першасных прыкмет цвёрдых вершаваных формаў, якія ён так апантана ствараў і пра што праграмна заявіў у лірычнай кантаце:

Паэзія – дзіўная музыка слоў,
Там моцна завязана сетка вузлоў.
Рандо, трыялеты, актывы, санеты,
Газелі, туюгі складайце, паэты!
Прыгожыя формы бярыце,
Багатыя і дасканалыя [3, с. 99].

Сама «Лірычная кантата» – гэта даволі нечаканае, але цікавае спалучэнне некалькіх цвёрдых вершаваных формаў: актавы, туюга, санета, трыялета і паліндрома. Уключаныя ў кантату цвёрдыя вершаваныя формы «жывуць» па сваіх унутраных законах, але менавіта ключавая думка пра боскае наканаванне паэзіі ўдала аб'ядноўвае іх у адзінае адычна-гімнічнае цэлае.

У «Лірычнай кантаце» месца для газелі не знайшлося. Аднак Крушына клапаціўся пра тое, каб яна заняла годнае месца ў беларускай версіфікацыі, таму і распрацаваў дадзеную вершаваную форму даволі дасканала.

Сцяпан Ліхадзіеўскі таксама звяртаўся да газелі як цвёрдай вершаванай формы. Яго «Кактэбельская газель» выломваецца са звычайнай тэматыкі і нечакана набывае гумарыстычнае гучанне. Распавядаючы пра адпачынак у Доме творчасці, аўтар жартам палохае сыноў: «Кожны тут пісаць павінен, з дзесяці гадзін да двух, / Вершы, п'есы ці раманы – дысцыпліна проста страх!» [4, с. 104].

А з другога боку, ён празрыста намякае на непатрэбную рэгламентацыю дзейнасці творчага работніка, які, атрымаўшы пучэўку ад Літфонда, паводле патрабаванняў чыноўнікаў, павінен «адпрацаваць» яе творчымі набыткамі.

Але газель Сцяпана Ліхадзіеўскага мае некаторыя парушэнні канона, бо яна не ўтрымлівае рэдыфу, пазбаўлена гімнічнага і адычнага гучання. Хоць аўтар быццам і ўхваляе супра-

цоўнікаў Літфонда, якія «літасць маюць» – «і пучэўка на руках», але іронія паэта перакрывае астатнія праявы яго пачуцця. На першы погляд, газель Ліхадзіеўскага – гэта самы звычайны верш, пабудаваны на паўторы рыфмы першага і другога радкоў першага двухрадкоўя і апошняга радка ўсіх дзевяці астатніх двухрадкоўяў. Але гэта – першы прынцып газелі. Захоўвае Ліхадзіеўскі і тахалус у апошнім бейце:

Так сямейнага разладу
быў прытушаны касцёр,
Тут і ўсё апавяданне
аб Сцяпане і сынах [4, с. 104].

Але ў першай частцы верша некаторыя бейты настолькі аўтаномныя па змесце, што пасабляецца іх сэнсавая і лагічная сувязь. І нават калі адкінуць чацвёрты бейт, то цэласнасць зместу твора не парушыцца. Другая частка знітавана больш трывала, дзякуючы нечакана жартаўліваму развіццю тэмы.

У форме газелі аўтар стварае «Лірычны жарт» з пяці бейтаў, дзе рэдыфам гучыць слова «мора». Паэт працягвае развіваць тэму адпачынку і творчай працы:

Пазыч каляровасці, гукаў, прастору,
У неба, у Крыма, у Чорнага мора.
Ды зноўку працуй, як сягоння і ўчора,
Як хвалі працуюць,

як Чорнае мора [4, с. 105].

Так беларуская газель набыла зусім іншае тэматычнае гучанне, чым на сваёй спрадвечнай радзіме. Праўда, лірычную газель на шэсць бейтаў з рэдыфам «ружа» паспрабаваў стварыць Янка Золак – яшчэ адзін таленавіты паэт беларускага замежжа. Але ён, таксама як і Ліхадзіеўскі, хоць крыху ды разнявольвае цвёрдую вершаваную форму. Напрыклад, не дае тахалусу ў апошні бейт, як і ў першы, уводзіць аднолькавыя рыфмы ў двух радках:

Я і сам маладзею, мой дружа,
Як пад сонцам і дожджыкам ружа [5, с. 247].

Таму можна лічыць, што сапраўдную класічную газель ствараў Рыгор Крушына, які больш дакладна вытрымаў каноны гэтай цвёрдай вершаванай формы.

Да газелі ў сваёй творчасці зрэдку звяртаюцца актыўны стваральнікі трыялетаў Ю. Голуб, няўрымслівы стваральнікі цвёрдых вершаваных формаў Э. Акулін і інш.

Вядомай вершаванай формай у беларускай літаратуры XX ст. сталася хоку.

Хоку (або хайку, хай-кай) – монастрафічныя трохрадковыя вершы, якія вылучыліся з танкі і, па сутнасці, з'яўляюцца яе скарочанай формай. У хоку адсутнічае рыфма, але строга захоўваецца дакладная колькасць складоў у вершарадах: у першым і трэцім – па пяць, у другім – сем. Гэта своеасаблівае цвёрдае вершаваная

форма трапіла да нас з японскай паэзіі, дзе актыўна ўжывалася яшчэ ў сярэднявеччы. Асабліва роля ў яе развіцці належала паэту-класіку Мацуа Басэ, а ў XX ст. – Сікі, Кёсі, Дакоцу і інш. Папулярнасць хоку выйшла за межы Японіі: у Францыі і Эстоніі нават выдаваліся зборнікі, а ў Іспаніі гэтай мініяцюрнай формай захапляўся аргенцінец Хорхе Луіс Борхес. У беларускую паэзію дадзеную форму верша ўвёў Рыгор Крушына, які ўмела маніпулюе лаканічнасцю. Каб раскрыць тэму «Паэт і паэзія», яму, напрыклад, дастаткова трох радкоў для дасягнення філіграннай дакладнасці паэтычнага выказвання:

Муза, не ўцякай!

Маё сэрца да цябе!

У крыві – агонь [3, с. 37].

Паэт удала адлюстравіў пераход ад думкі пра творчасць да таго стану душы, калі немагчыма не ствараць, бо «у крыві – агонь». Кульмінацыйны момант нараджэння твора перададзены праз вобразную лаканічнасць і дакладнасць паэтычнага выказвання без дапамогі дзеясловаў, што яшчэ больш спрасоўвае аўтарскае светаадчуванне, робіць яго «штрыхавым», імпульсіўным. У той жа час хоку паэта застаюцца рытмізаванымі, традыцыйнымі формай:

Месяц, чуеш ты,

Чый прыходзіць цвёрды крок?

Чалавек – твой гошч [3, с. 37].

Хоку Крушыны быццам напрошваюцца на паскладовае дэкламаванне – скандзіроўку, бо маюць пэўную мелодыку, асаблівы, адметны рытмічны малюнак, праз які і перадае паэт свой настрой, мяняе «калейдаскоп» пачуццяў.

Як мы ўжо адзначалі, адной з адзінкаў эстэтычнага мыслення з'яўляецца парадаксальнасць. У хоку Максіма Танка, таксама як і ў хоку Рыгора Крушыны, яна праяўляецца ў наяўнасці шмат'яруснай, часам палярнай змястоўнасці:

Рэкі, як людзі,

Спяшаюцца да акіяна –

Сваёй нірваны [6, с. 99].

У гэксце верша тонка «зашыфравана» медытацыя такіх філасофскіх катэгорыяў, як Жыццё і Смерць, бо слова «нірвана» ў перакладзе з санскрыту значыць знікненне, згасанне – той стан спакою і шчасця, які чалавек набудзе, калі адмовіцца ад жыццёвых клопатаў і імкненняў. Але ж адсутнасць імкненняў – гэта маральная ці фізічная смерць асобы, індывідуума. З другога боку, імкнучыся да мэты, чалавек, як і тая рака, што хутка растворяецца ў акіяне, «перажывае» адпаведны яму Час, спадзяваецца на будучае шчасце. Даволі вызначальна момант адчування аднаіміннасці жыцця перадаў і А. Разанаў у адным са сваіх пункціраў:

Паміж усім на зямлі

дзе адлегласці:

паменшыцца адна –

павялічыцца другая...

Дадзены пункцір, акрамя працягу медытацыі развіцця тэмы, мае і нечаканы паварот, але ўжо ад медытацыі да інтымнага сповяду:

Калі мы далёка – блізка,

калі мы блізка – далёка [7, с. 71].

Сапраўды, штодзённая звычайнасць чалавечых узаемаадносінаў заўсёды знаходзіцца ў апазіцыі да пачуццяў, якія выкрышталізоўвае ростань: апошняя схільна да ідэалізацыі, нават да стварэння культуры блізкага чалавека.

Развіццё новай тэмы аўтар абазначыў і графічна – праз шматкроп'е пасля першай часткі твора. Тым не менш і ў другой частцы выразна адчувальны намёк на працяг філасофскага разважання пра вечныя катэгорыі: блізкага чалавека зусім па-іншаму пачынаеш цаніць, калі яго няма і ўжо ніколі не будзе. І тут адбываецца ідэалізацыя і стварэнне культуры памёрлай асобы. Цікава, што «шмат'яруснасць» тэмаў мініяцюрных вершаваных твораў не парушае лагічнасці тэксту, што і відаць на прыкладзе монастрафічных вершаў, дзе першы ярус аўтарскіх разваг – іх абгрунтаванне – афарыстычнае, зразумелае, крыху зашыфраванае, як і ў біблейскім тэксце, універсальнай мудрасцю пазнання, хоць і не такога поўнага, шматграннага і аб'ёмнага, як у Кнізе Кніг. Менавіта гэта дае магчымасць чытачу беспамылкова зразумець тэкст і правільна вытлумачыць яго. Адзначым падобную накіраванасць паэзіі Крушыны, Танка, Барадзіліна, Разанава, у якой побач з самапазнаннем развіваецца ідэя развіцця свядомасці чытача, яго высокай эстэтычнай культуры, інтэлекту. Энергія думкі ў монастрафічных цвёрдых вершаваных формах звычайна ствараецца пры дапамозе дакладных рытмічных імпульсаў. Напрыклад, многія пункціры А. Разанава блізкія да хоку. Але большасць з іх мае пэўнае паслабленне прынцыпу захавання колькасці складоў у вершарадах. Максім Танк больш прытрымліваецца кананічнай формы: яго хоку – гэта класічны ўзор дадзенай вершаванай формы. Тым не менш у паэта ёсць 16-ці і 18-ці складовыя хоку. Часцей за іншых аўтараў Максім Танк уводзіць у гэты верш ролевага героя:

Неразлучнымі

Толькі пакінуў нам Буда

Жыццё і Смерць [6, с. 99].

Бывае, што ён сам выконвае ролю такога героя:

Бічую, бы Ксеркс,

Мора за разбітыя

Мае караблі [6, с. 99].

Сімвалічна, што Максім Танк, які раней не прызнаваў нарматыўнасці ў вершаскладанні і пасля «Санета» і «Антысанета» не карыстаўся цвёрдымі формамі верша, у апошнія гады жыцця раптам звярнуўся да хоку. Сваім учынкам майстар беларускай паэзіі прызнаў права на жыццё гэтай вершаванай формы ў нашым слоўным мастацтве, сцвердзіў і сваё права на эксперымент.

Сёння да хоку як цвёрдай вершаванай формы звяртаюцца У. Арлоў, А. Глобус, А. Дзбіш, У. Сіўчыкаў, У. Сцяпан, М. Шайбак, В. Шніп і іншыя аўтары.

Мы разгледзелі далёка не ўсе цвёрдыя вершаваныя формы. Па-за нашай увагай засталіся актава (актыўна карыстаўся ёю Ніл Гілевіч, які нават выдаў кнігу пад такой назвай), туюг (першую спробу апісання якога ў беларускім літаратурна-знаўстве зрабіў М. І. Мішчанчук у вучэбным дапаможніку «Літаратура беларускага замежжа»).

Некаторыя літаратурнаўцы спробы аднаўлення забытых традыцыйных вершаваных формаў залічваюць у актыўны прыхільнікаў постмадэрнізму. Але беларускі постмадэрнізм мы не можам назваць дэструктыўным, бо ён не грунтуецца на ідэі немагчымасці знайсці апору ў свеце і людзях, толькі на момант як бы прыпыняе шпаркую хаду часу, каб падвесці чытача да роздуму пра вечныя ісціны. І калі ў творах рускай літаратуры лірычны герой постмадэрністаў – чалавек-адзіночка, які супрацьстаіць усяму і ўсім, то ў беларускай гэты герой – хутчэй няўмольны Час, перад якім мы ўсе і павінны даць справаздачу, з чым прыйдзем да апошняга жыццёвага рубяжа. І калі свядомасць герояў постмадэрнісцкіх твораў рускай літаратуры сумяшчае ў сабе часам палярныя з’явы: прыгожае і пачварнае, веру і атэізм, цнатлівасць і цыннізм, – то свядомасць героя беларускага постмадэрнізму скіравана на вывучэнне такіх вечных ісцін, як сувязь чалавека з прыродай, парадоксы і метафарфозы гарманічнага, але хуткаплыннага чалавечага жыцця. У сусветнай літаратуры постмадэрністы звычайна нячаста карысталіся прыёмам карнавалізацыі. Нашы ж (А. Разанаў, В. Дранчук, А. Глобус, Р. Барадулін, А. Мінкін і іншыя аўтары) актыўна валодаюць ім, асабліва калі пішуць пра дысгарманічныя з’явы рэчаіснасці, бо лічаць, што ўсё адмоўнае ў Сусвеце выклікана няўменнем Чалавека адчуваць боль прыроды, хоць ён сам – яе часцінка.

Заклучэнне. У дадзенай публікацыі мы прыйшлі да наступных высноў:

– цвёрдыя вершаваныя формы, як полі-, так і монастрафічныя, актыўна засвойваюцца сучаснай беларускай паэзіяй;

– больш ужывальныя ў нашым слоўным мастацтве цвёрдыя вершаваныя формы перасатвараюцца, разнявольваюцца ў межах магчымага (танкі і «ясачкі» Р. Барадуліна, хоку і пункціры А. Разанава);

– у беларускіх танках і хоку відавочна пераважае «шмат’ярусная» змястоўнасць з прычыны лапідарнасці стылю, спрасаванасці думкі і сцісласці формы, а таксама не прамога філасофскага выказвання аўтара, а выказвання з дапамогай падтэкставасці, зашыфраванага сэнсу, часта сімвалічнага, іншасказальнага;

– адсутнасць маніпуляцыяў колерам у монастрафічных вершах прымушае паэтаў больш поўна «раскрываць» унутраную прыроду слова, таму рытмізацыя і гукапіс становяцца «першааглінамі» танкі, хоку, пункціраў, «ясачак»;

– адсутнасць (ці рэдкая прысутнасць) ролевага героя – таксама адна з асноўных асаблівасцяў беларускіх цвёрдых вершаваных формаў;

– беларуская газель набыла ў нашай нацыянальнай літаратуры іншае тэматычнае гучанне, чым у сябе на радзіме;

– удасканаліўся і пашырыўся, дзякуючы намаганням беларускіх паэтаў, змест рубай, страціўшы сваю ранейшую зададзенасць і кананічнасць;

– традыцыйныя вершаваныя формы, адроджаныя ў беларускай літаратуры XX ст., сведчаць пра высокую культуру слоўнага мастацтва Беларусі, яго імкненне да паскоранага развіцця і засваення традыцый светавай культуры.

Літаратура

1. Міклашэўскі, Я. Рубай / Я. Міклашэўскі // Маладосць. – 2000. – № 2. – С. 203–206.
2. Мирзоев, А. М. Рудаки и развитие газели в X–XV ст. / А. М. Мирзоев. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1958. – С. 23.
3. Крушына, Р. Сны і мары: Вершы / Р. Крушына. – Нью-Ёрк: Мюнхэн, 1975. – С. 5–99.
4. Ліхадзіеўскі, С. Чырвоныя макі: Вершы / С. Ліхадзіеўскі. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1981. – С. 104–105.
5. Золак, Я. Вятрыска з радзімай краіны: збор выбраных твораў / Я. Золак. – Мінск: БелАДІ, 1996. – С. 3–247.
6. Танк, М. Еггата: Вершы. Пераклады / М. Танк. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1996. – С. 99.
7. Разанаў, А. Танец з вужакамі: Выбранае / А. Разанаў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1999. – С. 71.

Паступіла 15.06.2012

УДК 37.091.3:378

О. С. Антонова, преподаватель (БГТУ)

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
ДЛЯ УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ
К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Рассматривая обучение иностранному языку в школе и в техническом вузе как единое комплексное целое, в статье предлагаются некоторые технологические решения, обусловленные преемственностью целей, установок, методов и приемов обучения. Специфика данной технологии состоит в обучении студентов иностранному языку по профилю технического вуза. В соответствии с этим выделяются: постановка разноуровневых целей и их максимальное уточнение; строгая ориентация всего хода обучения на учебные цели и на гарантированное достижение результатов; оценка текущих результатов; коррекция обучения, направленная на достижение поставленных целей; заключительная оценка результатов.

The article focuses on some technological solutions resulting from succession of goals, methods, approaches and techniques of teaching professional-oriented foreign language at a non-linguistic higher educational institution. Great attention is paid to the structure of this technology which is determined as a sum total of methodical steps. It contains a number of important elements: drawing up of professional-oriented objectives, their strict understanding and following, ensuring of having prospective lasting effect, controlling and evaluating of current results, correcting of the pedagogical process in order to achieve goals and assessing final outcomes. The paper considers the matter of full mastering of a required minimum of knowledge and abilities with the framework of technical university.

Введение. Актуальность темы обусловлена существующим противоречием между уровнем знаний иностранного языка выпускниками общеобразовательных школ и требованиями к нему в техническом вузе. В результате возникают проблемы адаптации выпускника школы к изучению иностранного языка. *Чтобы их преодолеть, необходимо стимулировать процесс развития студентов путем осмысливания и взаимодействия старых и новых знаний, прежде и нового опыта.*

Основным требованием для решения данной проблемы является обеспечение преемственности в формировании языковых умений и навыков от занятия к занятию. Она достигается за счет состояния внутренней и внешней преемственности.

Внешняя преемственность предполагает, что для развития определенного умения или навыка на каждом или почти каждом занятии необходимо предусмотреть соответствующий компонент урока. Внутренняя преемственность предполагает в рамках каждого компонента максимально возможный комплексный охват различных умений и навыков, направленных на решение основной задачи компонента.

Основная часть. Рассматривая обучение иностранному языку в школе и в техническом вузе как единое комплексное целое, мы предлагаем технологические решения, обусловленные преемственностью целей, установок, методов и приемов обучения.

Специфика данной технологии состоит в обучении студентов иностранному языку по профилю технического вуза. В соответствии с

этим выделяются: постановка разноуровневых целей и их максимальное уточнение; строгая ориентация всего хода обучения иностранному языку по профилю технического вуза на учебные цели и на гарантированное достижение результатов; оценка текущих результатов, коррекция обучения, направленная на достижение поставленных целей; заключительная оценка результатов [1].

Исходным моментом методики является общая установка, которой должен проникнуться преподаватель, работающий по этой системе: все ее студенты способны полностью усвоить необходимый учебный материал. Его задача – правильно организовать учебный процесс, чтобы дать им такую возможность. Далее предстоит определить, в чем состоит полное усвоение, какие результаты должны быть достигнуты всеми.

Важнейшим моментом в работе по данной системе является точное определение эталона (критерия) полного усвоения для всего курса. На этой основе составляются тесты для проверки достижения запланированных целей. Текущие тесты носят диагностический характер и не должны служить основой для выставления отметок. Основное назначение текущих тестов – выявить необходимость коррекционной работы, вспомогательных учебных процедур. Это касается каждой выделенной учебной единицы [2].

Следующий шаг – подготовка альтернативных коррекционных учебных материалов по каждому из тестовых вопросов. Они рассчитаны на такую дополнительную проработку неусвоенного материала, которая отличается от

первоначальной и дает возможность студенту подобрать подходящий для него способ работы.

Практическая реализация методики включает в себя следующую последовательность шагов:

- вводная часть – ориентация студентов в работе по методике обучения на основе полного усвоения информации на иностранном языке;
- обучение иностранному языку в каждой из учебных единиц в направлении полного усвоения;
- оценка полноты усвоения материала при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку;
- разъяснение значения оценки (парциальной отметки) каждому студенту.

Первостепенное значение придается ориентации студентов, которая состоит в следующем:

- обучение будет производиться по новому методу, который позволяет обучаемым достичь хороших результатов;
- каждый студент получает отметку только после заключительной проверки по итогам всего курса;
- отметка каждого студента определяется заранее установленным эталоном (здесь нужно показать эталон высшей отметки);
- взаимопомощь не уменьшает возможности каждого получить положительную отметку;
- каждый студент получит любую необходимую помощь. Если он не может усвоить материал одним способом, то ему будут предоставлены другие возможности;
- на протяжении всего курса обучения иностранному языку по профилю технического вуза каждый студент получает серию диагностических проверочных работ, предназначенных для руководства его продвижением. Сведения по результатам проверок служат только для коррекции ошибок;
- в случае затруднений при выполнении текущих проверочных работ каждому студенту сразу же будет дана возможность выбрать альтернативные учебные процедуры, чтобы помочь преодолеть недопонимание или ошибки, связанные с освоением технических терминов на иностранном языке и технических текстов в целом.

Как видно, уже на начальном этапе работы отчетливо прослеживается основная технологическая черта всей системы – направленность учебного процесса на запланированный конечный результат. Учебный процесс разбивается на блоки, соответствующие предварительно выделенным учебным единицам (их последовательность обычно соответствует изложению материала в учебно-методических пособиях).

В рамках каждой учебной единицы работа преподавателя строится в такой последовательности:

- ознакомление с учебными целями при установке не обучить, а научиться;

- ознакомление с общим планом обучения по данному разделу (учебной единице);

- проведение обучения (преимущественно в виде изложения материала преподавателем);

- проведение текущей проверки (диагностического теста);

- оценка результатов проверки и выявление студентов, которые полностью усвоили содержание раздела;

- проведение коррективных обучающих процедур со студентами, не достигшими полного усвоения.

После выполнения проверочной работы студенты разделяются на две группы: достигшие и не достигшие полного усвоения знаний и умений. Достигшие полного усвоения на требуемом уровне могут изучать дополнительный материал, помогать отстающим однокурсникам или быть свободными до начала изучения следующей учебной единицы.

Основное же внимание преподаватель уделяет тем студентам, которые не смогли продемонстрировать полное усвоение. С ними организуется вспомогательная (коррективная) учебная работа. Изложение повторяется заново, но способ его изменяется, например, материал предъявляется с помощью таких наглядных пособий, которые не применялись при первом изложении, нередко используется индивидуальная работа преподавателя со студентами. Основной формой в этом случае является работа в малых подгруппах (по два-три человека), их взаимообучение.

Применение данной методики в академическом процессе технического вуза требует:

- полного усвоения; применяется не ко всему материалу, а к выделенному необходимому минимуму знаний и умений на иностранном языке по профилю вуза;

- специально организованной учебной деятельности по дополнительному и развивающему материалу на иностранном языке по профилю вуза;

- полного усвоения; вводится неабсолютно (прохождение диагностического контроля в случае неудачи не происходит многократно, а ограничивается двумя попытками, после чего студенты, не достигшие части основных целей, допускаются к изучению последующего материала).

Используются следующие педагогические приемы:

- отбор и систематизация форм, методов и средств развития компонентов процесса преемственности школьного и вузовского обучения иностранному языку по профилю технического вуза;

- акцентирование внимания на умении проверять полученную информацию на изучаемом иностранном языке в различных учебных ситуациях;

– изучение технических текстов, обеспечивающих свободную ориентацию студентов в технической терминологии.

Кроме этого студенты выполняют упражнения:

– закрепляющие навыки владения профессионально направленной технической терминологией и развивающие умение свободного оперирования этой терминологией в предлагаемых обстоятельствах;

– на воспроизведение прочитанного, закрепляющие профессионально направленный терминологический материал по темам, соответствующим будущей профессии и вырабатывающим навык составления монологического высказывания;

– тренирующие навык формулировать мысль на профессиональном языке;

– условно-речевые – специально организованные упражнения для формирования навыка выражения в речи отношения к различным видам производственных операций в зависимости от учебной информации по профилю технического вуза;

– речевые, вырабатывающие у студентов иноязычный профессионально направленный стереотип выражения отношений в ситуации [3].

В процессе работы выделяются *констатирующей, прогностической, формирующей и обобщающей этапы*. Реализация четырех этапов имеет место на каждом занятии, в дополнительной работе со студентами и сопровождается анализом их итоговых результатов, коррекцией содержательных и методических сторон.

Первый этап – мотивационный. Его целью является стимулирование познавательных, творческих мотивов осуществления деятельности и мотивов самоактуализации.

Второй этап – обогащение чувственной сферы личности. Он представляет собой актуализацию поисковой доминанты, обеспечивающей направленность познания.

Третий этап – принятие и решение проблемы в процессе обучения иностранному языку (по профилю технического вуза). Его целью является постановка перед студентами проблемы, связанной с изучением иностранного языка в соответствии с будущей профессией, обеспечение ее принятия ими и решения во внутреннем плане.

Рефлексивный этап. Направлен на реализацию цели развития у студентов самооценки и оценки деятельности другого, а также формирование представлений о собственных знаниях и собственных пробелах [4].

Заключение. Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

– преемственность обучения иностранному языку в школе и вузе устраняет или значительно смягчает противоречия адаптивного периода первокурсников технического вуза;

– преподавание иностранного языка с учетом фактора преемственности происходит в обстановке доверия и партнерского взаимодействия;

– технологическая модель преемственности обучения иностранному языку в средней и высшей школе существенно повышает успеваемость первокурсников;

– наблюдается повышение интереса у обучаемых как к иностранному языку, так и к будущей профессии.

Технология обучения иностранному языку в соответствии с будущей профессией дает возможность широкого ее применения в практике высшего технического образования.

Литература

1. Афанасьев, В. В. Педагогические технологии управления учебно-познавательной деятельностью студентов в высшей профессиональной школе: автореф. на соиск. учен. степ. докт. пед. наук / В. В. Афанасьев. – М., 2003. – 48 с.

2. Леушина, И. В. Совершенствование иноязычной подготовки будущих специалистов технического профиля в условиях многоуровневой системы высшего профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук / И. В. Леушина; ННГТУ. – Н. Новгород, 2003. – 221 с.

3. Грабой, Т. А. Формирование профессиональной коммуникативной компетенции на материале языка специальности в неязыковом вузе: дис. ... канд. пед. наук / Т. А. Грабой. – М., 2002. – 172 с.

4. Алексеева, О. Ф. Индивидуально-психологический фактор адаптации субъекта учебной деятельности (в контексте гуманизации образования): автореф. дис. ... канд. псих. наук / О. Ф. Алексеева. – М., 1995. – 22 с.

Поступила 30.03.2012

УДК 378.1.801.318

А. М. Романова, кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
исполняющая обязанности заведующей кафедрой иностранных языков (БГТУ)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье поднимается проблема обеспечения эффективности учебного процесса по иностранному языку посредством формирования профессионально-творческой направленности студентов: приводится анализ требований к навыкам и умениям студентов неязыковых вузов согласно Образовательным стандартам Республики Беларусь (РБ), описание педагогических средств и условий формирования данной направленности.

This article is dedicated to the problems of choosing appropriate interaction, methods and technologies of teaching students of non-linguistic universities English for special purposes. We consider developing creative personality of modern students by means of this academic subject to be the most actual for making them professionals and prominent figures.

Введение. Изменение социальных, политических, рыночных условий, модернизация производственного сектора, развитие новых отраслей промышленности, разработка и внедрение новых технологий и техники отображаются на квалификационных требованиях, предъявляемых выпускникам вузов. В свете этого современная система высшего технического образования претерпевает ряд изменений: меняются образовательные стандарты; вводятся новые учебные дисциплины; осуществляется подготовка по новым специальностям и специализациям; производится многоуровневая подготовка специалистов: студент → магистр; учебная деятельность студентов профессионально и творчески направлена: репродуктивная деятельность → репродуктивно-творческая деятельность → рефлексивно-творческая деятельность → творческая деятельность; происходит интеграция дисциплины «Иностранный язык» с профилирующими предметами.

Основная часть. В соответствии с Образовательным стандартом Республики Беларусь для высших технических учебных заведений (ОС РБ 1-48 01 01–2007) предъявляются следующие требования к умениям специалистов квалификации «*инженер-химик-технолог*» [1] и специалистов квалификации «*экономист*» (РД РБ 02100.5.122–98) [2]: на научной основе организовать свой труд, владеть методами сбора, хранения и обработки информации в сфере профессиональной деятельности; самостоятельно принимать решения, разрабатывать и вести техническую документацию, организовать дело-производство; рассчитывать эффективность проектных и технологических решений с учетом конъюнктуры рынка; проводить научные исследования по разработке и совершенствованию технологических процессов [1, с. 13], [2, с. 14].

Производственно-прикладное значение указанных специальностей, тесная связь теоретико-практического курса обучения с научно-исследовательской деятельностью обучаемых,

технологическая оснащенность и заданность учебного процесса технического вуза задают уровень профессионально-ориентированной подготовки будущих специалистов не только по профилирующим, но и социально-гуманитарным дисциплинам.

Так, в соответствии с Образовательным стандартом Республики Беларусь по преподаванию цикла социально-гуманитарных дисциплин в высших технических учебных заведениях страны (РД РБ 02100.5.227–2006) предъявляются следующие требования к знаниям и умениям выпускника вуза по дисциплине «Иностранный язык» [3]: знать основные фонетические, грамматические, лексические правила, позволяющие использовать иностранный язык как средство профессионального общения; уметь анализировать оригинальные научные, социально-политические тексты; приобрести навыки ведения общения профессионального характера на иностранном языке, чтения и перевода литературы по специальности без словаря с целью извлечения информации, реферирования деловой документации [3, с. 14].

Как видно из приводимых руководящих документов, современного специалиста должны отличать положительная мотивация деятельности, рефлексивная деятельность (анализ и обработка профессиональной документации и информации), ведение самостоятельной исследовательской и научной деятельности по специальности, творческая активность в профессиональной сфере. Соответственно, профессионально-ориентированное, интегрированное с профилирующими дисциплинами обучение будущих специалистов иностранному языку в техническом вузе сегодня отличают:

1) активное привлечение студентов к ведению учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельности по специальности на изучаемом языке;

2) эффективное влияние на сознание будущих специалистов посредством развития про-

фессиональной направленности студентов в процессе изучения иностранного языка на разных уровнях их коммуникативной компетентности;

3) формирование положительной мотивации ведения профессионально-ориентированной учебно-исследовательской деятельности в процессе изучения иностранного языка;

4) комплексное применение технологий проблемного и игрового обучения, активных методов профессионально-ориентированного обучения, способствующих проявлению творческого потенциала студентов и развитию у них творческой направленности;

5) подготовка студентов к ведению самостоятельной профессиональной деятельности в динамично меняющихся социально-экономических условиях в сотрудничестве с зарубежными коллегами [4].

Обеспечению эффективности учебного процесса по иностранному языку способствует формирование профессиональной направленности студентов. Данной проблеме посвящены труды ряда отечественных и зарубежных исследователей (П. Вайнцвайг [5], В. А. Слостен [6], др.). Профессиональная направленность личности определяется ими как проявление целевых ориентаций личности [5, с. 14], ее свойство, о котором можно судить по успешному овладению профессией и степени удовлетворения человека своим трудом [6, с. 21]. Однако, на наш взгляд, высшим уровнем развития профессиональной направленности будущего специалиста является целенаправленное ведение им самостоятельной исследовательской, профессиональной деятельности, потребность в профессиональном самосовершенствовании.

Так, мы разделяем позицию авторов (В. И. Андреев [7], И. П. Калошина [8], П. К. Энгельмейер [9], др.), рассматривающих профессиональную направленность студентов в контексте творчества. Как отмечает И. П. Калошина [8], большую роль в процессе формирования будущего специалиста играет его стремление к профессиональной самореализации, важной составляющей которой является творческая направленность и активность личности [8, с. 56]. П. К. Энгельмейер видит сущность профессионального творчества в сочетании умения действовать самостоятельно и адекватно, осмысливая свою деятельность в свете научно-теоретических знаний: осознание специалистом степени своего мастерства, являющегося синтезом науки и практики, преломленных через собственную индивидуальность, служит ориентиром для формирования самостоятельной профессиональной позиции творческого, новаторского характера [9, с. 36].

Из вышеизложенного становится очевидной важность синтеза профессиональной и творческой

направленности личности при формировании сознания будущего специалиста в процессе обучения иностранному языку в техническом вузе.

Мы определяем профессионально-творческую направленность студента (ПТНС) как совокупность *ведущих мотивов* профессионально-творческой деятельности (стремление к профессионально-творческому самовыражению в активной инновационной и исследовательской, творческой деятельности в профессии), *творческих проявлений* личности в профессиональной сфере (продуктивное мышление, рефлексивные механизмы и эвристический потенциал, творческая активность, активно преобразующая профессиональную деятельность), *мотивационно-творческой активности* (органическое единство профессиональных навыков с высоким уровнем творческих способностей).

Развитие ПТНС в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку мы видим в контексте следующих педагогических технологий:

1) антропоцентрические, гуманно-личностные технологии;

2) совокупное применение проблемной технологии обучения (отбор актуальных задач для проектной работы на занятиях по иностранному языку; создание проблемных ситуаций, требующих активной рефлексивной, познавательной деятельности студентов по специальности; пр.) и технологии игровых имитаций (имитация профессиональной проблемной ситуации, решение которой требует синтеза профессиональной и творческой активности, проявления продуктивного мышления на изучаемом языке);

3) привлечение студентов к ведению самостоятельной профессиональной деятельности на иностранном языке.

Рассмотрим примеры комплексного применения указанных технологий обучения иностранному языку в процессе развития ПТН студентов технического вуза.

1. Основой профессионально-ориентированной иноязычной монологической и диалогической речи служат, помимо прочих, умения дать четкое определение обсуждаемой темы и понятийного аппарата по ней, высказать собственное мнение по обсуждаемой проблеме. Научиться этому можно только при достаточно обширной практике ведения бесед, диспутов в ходе обучения иностранному языку. Овладение подобными навыками предполагает развитие рефлексивного и продуктивного мышления студентов.

2. Ведение самостоятельной учебно-исследовательской работы с оригинальной литературой по специальности, анализ данных по заданной проблеме – неотъемлемая часть развития ПТН студентов технического вуза, так как дан-

ный процесс способствует творческой самореализации будущего специалиста. Развитие ПТН студента происходит через сотворчество с талантливой творческой личностью.

Заключение. Чтобы студенты стремились к профессионально-творческой самореализации в результате развития у них ПТН, преподавателю иностранного языка в ходе педагогического взаимодействия с обучаемыми необходимо соблюдать ряд педагогических условий: 1) постоянно поддерживать у студентов желание приобщаться к профессиональной деятельности, поощрять их творческую активность в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку; 2) стимулировать приобретение нового опыта ведения самостоятельной деятельности исследовательского, научного характера; 3) стимулировать правильные взаимоотношения в различных системах профессионального иноязычного общения.

Литература

1. Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-48 01 01 Химическая технология неорганических веществ, материалов и изделий: ОСРБ 1-48 01 01–2007. – Введ. 01.09.2008. – Минск, 1999.
2. Образовательный стандарт Республики Беларусь РД РБ 02100.5.122–98 для высших учебных заведений. Специальность Э.01.07.00 Бухгалтерский учет, анализ и аудит. – Введ. 01.09.1999. – Минск: Мин-во образования Респ. Беларусь, 1999.
3. Высшее образование. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин: РД РБ 02100.5.227–2006. – Введ. 01.09.2006. – Минск: ГУО «Республиканский институт высшей школы»: Национальный институт образования, 2006.
4. Пионова, Р. С. Педагогика высшей школы / Р. С. Пионова. – Минск: Вышэйшая школа, 2005. – 303 с.
5. Вайнцвайг, П. Десять заповедей творческой личности / П. Вайнцвайг. – М.: Прогресс, 1990. – 187 с.
6. Сластенин, В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Сластенин. – М.: Магистр, 1997. – 222 с.
7. Андреев, В. И. Педагогика творческого саморазвития: Инновационный курс: в 2 кн. / В. И. Андреев. – Казань: Изд-во КГУ, 1996. – Кн. 1. – 568 с.
8. Калошина, И. П. Структура и механизмы творческой деятельности: Нормативный подход / И. П. Калошина. – М.: Изд-во ИГУ, 1983. – 168 с.
9. Энгельмейер, П. К. Теория творчества / П. К. Энгельмейер. – СПб., 1910.

Поступила 15.03.2012

УДК 257.500

Т. А. Ячная, преподаватель (БГТУ)

**СТРУКТУРА АССОЦИАТИВНОГО БИНОМА
КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТАПА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ**

В данной статье автором рассматривается возможность изучения семантической структуры слова через его исследование как члена определенной лексико-семантической парадигмы, образованной в результате объединения слов на основе конкретного семантического признака. В работе анализируются данные, полученные в ходе проведенного автором ассоциативного эксперимента, на материале белорусского и английского языков. Автор классифицирует полученные ассоциативные биномы, основываясь на типе отношений, связывающих субъект и предикат. В статье анализируются закономерности изменения соотношения грамматически связанных и грамматически не связанных ассоциативных биномов в зависимости от этапа концептуализации абстрактного понятия.

The article is devoted to the possibility of studying the semantic structure of words through the study of speech as a member of a particular lexical-semantic paradigm, formed as a result of association of words based on a particular semantic feature. The paper analyzes the materials of the author's associative experiment on the materials of the Belarusian and English languages. The author classifies all received binomials on the base of relations between the subject and predicate. The article analyzes the principles of changing of correlation of syntagmatic and paradigmatic binomials depending on the stage of conceptualization of abstract concepts.

Введение. Исследование семантической структуры слова неразрывно связано с изучением слова как члена определенной лексико-семантической парадигмы (или ряда парадигм) в которую слова объединяются на основе какого-то семантического признака с одной стороны, и члена той или иной синтагмы, построенной по синтаксическим правилам исследуемого языка, с другой [1, с. 188].

Все многообразие ассоциативных пар, образующихся в ходе эксперимента, основывается на традиционных типах отношений, существующих в лексической системе: парадигматических и синтагматических. В результате парадигматических отношений возникают «грамматически не связанные ассоциативные биномы». Синтагматические отношения лежат в основе «грамматически связанных ассоциативных биномов».

Основная часть. В процессе анализа материалов, полученных в ходе эксперимента, выделено несколько групп ассоциаций, основывающихся на синтагматических либо парадигматических отношениях:

- группа 1 – грамматически не связанные ассоциативные биномы;
- группа 2 – грамматически связанные ассоциативные биномы;
- группа 3 – реакции, которые могут быть отнесены как к группе 1, так и к группе 2 в зависимости от вкладываемого смысла (результат действия типичной для английского языка конверсии между частями речи и, как следствие, возникающие трудности с отделением существительного от глагола или существительного от прилагательного);

– группа 4 – развернутое словосочетание либо даже предложение (попытка выразить некую законченную, грамматически оформленную мысль).

В основе реакций, объединенных в группу 3, лежат либо синтагматические, либо парадигматические отношения в зависимости от их отнесенности к тому или иному грамматическому классу. Реакции, вошедшие в группу 4, в большинстве случаев представляющие собой фразы, иногда высказывания, были также выделены в отдельную группу.

Ниже приводятся материалы проведенного эксперимента.

На примере двух языков приводятся данные по общему количеству реакций в каждой из рассматриваемых групп и их процент в составе каждой возрастной группы.

Английский язык:

Группа 1. Подростки 42/37%; молодежь 96/63,5%; взрослые 372/63%.

Группа 2. Подростки 56/49%; молодежь 13/11%; взрослые 3/32%.

Группа 3. Подростки 34/22,5%; молодежь 20/13,2%; взрослые 1/0,66%.

Группа 4. Подростки 97/16%; молодежь 104/17%; взрослые 19/1,7%.

Белорусский язык:

Группа 1. Подростки 982/92%; молодежь 1261/98%; взрослые 424/97%.

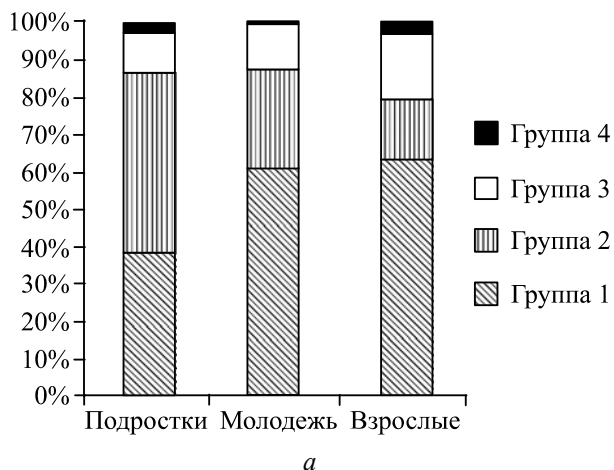
Группа 2. Подростки 53/4,9%; молодежь 11/0,8%; взрослые 6/1,4%.

Группа 3. Подростки 2/0,18%; молодежь 3/0,2%; взрослые 0/0%.

Группа 4. Подростки 26/2,4%; молодежь 7/0,5%; взрослые 7/1,6%.

Для более наглядного представления материалов, полученных в ходе эксперимента, ниже приведены диаграммы (рисунок, а, б), иллюстрирующие изменения, происходящие в структуре анализируемых ассоциативных полей (отдельно по каждому из языков).

Общее число реакций, полученных в каждой возрастной группе, было принято нами за 100%.

Изменения в структуре ассоциативных полей:
а – английский язык; б – белорусский язык

Как уже отмечалось ранее, считается, что одним из основных отличий ассоциативных реакций детей от реакций взрослых носителей языка исследователи признают преобладание синтагматических реакций над парадигматическими в ответах детей и увеличение парадигматических реакций по мере взросления. Ту же тенденцию (основываясь на данных, полученных на материале английского языка) отмечают и при изучении развития значения. Преобладание реакций на основе синтагматических связей характерно для несформированного семантического поля (и при общей несформированности лексической системности). По мере овладения значением происходит важный этап лексического развития: увеличивается количе-

ство парадигматических ассоциаций. Некоторые исследователи связывают это с изменением характера ассоциирования, заключающемся в совершенствовании узнавания сходства синтаксических конструкций, включающих элементы одного класса [2].

Хотя эксперименты, проведенные на материале других языков, продемонстрировали не универсальный характер увеличения парадигматических реакций с возрастом, утверждать, что для русского, белорусского или украинского языков по мере взросления характерно обязательное преобладание синтагматических реакций, не вполне правомерно.

Так, исследования на материале русского языка Т. Ю. Касаткиной, Е. А. Гришук, Н. В. Уфимцевой и др., а также данные, полученные на материале белорусского языка в ходе исследования, показывают, что соотношения синтагматически связанных и не связанных ассоциативных биномов в ответах русских, белорусов, украинцев носят более сложный характер.

В процессе анализа материалов, полученных в результате эксперимента с носителями английского языка, получена классическая картина развития психологического значения, предложенная Дж. Дизом [3].

Так, по результатам проведенного нами эксперимента, в ассоциативном поле «подростки (англ.)» группа 2 (ассоциативно связанные ситуативные биномы) составляет практически половину от всех реакций (49%). В ассоциативном поле «молодежь (англ.)» данная группа дает уже 22,5%, а в ассоциативном поле «взрослые (англ.)» – только 16%. Она уменьшается за счет увеличения количества реакций, составляющих группу 1, в которую входят парадигматические реакции, увеличивающиеся по мере освоения значения.

В группе 2 ассоциативного поля «подростки (англ.)» выделяется несколько стратегий ассоциирования: реагирование определительными реакциями (*trustworthy, brought up to believe* – «молодежь (англ.)»; *approved, humane, polite* – «молодежь (англ.)»; *civil, closed minded, difficult, sacrificial* – «взрослые (англ.)»); реагирование глагольными формами (*doing the right thing, respecting people* – «подростки (англ.)»; *definig feature of your personality, looking after family* – «молодежь (англ.)»; *being true to yourself and others, self-sacrificing* – «взрослые (англ.)»); реагирование глагольными формами – императивами (*be friendly, don't lie, don't steal, look after your family* – «подростки (англ.)»; *be honest, don't be racist, help other people* – «молодежь (англ.)»; *do good, set yourself a goal in life* – «взрослые (англ.)»). Причем с общим уменьшением количества ассоциатов в данной группе

меняется и изначально преобладающая стратегия реагирования императивами. В группе 2 ассоциативного поля «подростки (англ.)» реакции-императивы составляют 90% всех реакций (10% приходится на определительные и глагольные), в поле «молодежь (англ.)» – уже только 46% (на определительные приходится 15%, а на глагольные – 39%), в поле «взрослые (англ.)» на императивы уже приходится лишь 5%, а на первое место выходят определительные реакции (выраженные прилагательными и причастиями) – 79%.

Относительно императивов хотелось бы отметить, что набор глаголов, составляющих эти реакции, достаточно ограничен.

В ассоциативном поле «подростки (англ.)» это:

- a) be – *be honest*;
- b) help – *help others*;
- c) look – *look out for one another*;
- d) obey (выражающий моральный долг) – *obey laws*;
- e) respect – *respect everyone*;
- f) treat – *treat people the way you would like to be treated*;
- g) и императивы-запреты, выраженные формами *don't*; *do not*; *not (no) -ing – don't cheat*; *do not kill*; *not to steal*; *no stealing*.

В ассоциативном поле «молодежь (англ.)» встречаются императивы с глаголами:

- a) be – *be kind*;
- b) do – *do as you wish to be done by*;
- c) help – *help other people*;
- d) treat – *treat people the way you want be treated*;
- e) и запреты *don't*; *not (no) -ing – don't lie*; *not to steal*; *no stealing*.

В ассоциативном поле «взрослые (англ.)» остаются только императивы с глаголом *be* (одна реакция – *be on time*) и появляется новый глагол *try* (*try to be honest ...*; *try to do right things*). Запретов на данном этапе не встречается вообще.

На материале белорусского языка в группе 2 также выделяются несколько типов реагирования: глагольные и определительные ассоциаты. Глагольные реакции на этапе формирования псевдопонятия также являются достаточно многочисленными (49%), хотя императивов, а уже тем более запретов на материале белорусского языка не встречается. Количество глагольных реакций по мере усвоения понятия несколько уменьшается, а по мере его развития снова увеличивается («молодежь (бел.)» – 36%, «взрослые (бел.)» – 45%), таким образом, данный тип реагирования (среди ассоциаций на основе синтагматической связи) можно отнести к частотному.

Интересна для рассмотрения группа 3, состоящая из слов, которые могут быть отнесены к различным частям речи. Поскольку такие

слова в английском языке достаточно многочисленны, то на эту группу реакций во всех ассоциативных полях приходится от 11% («подростки (англ.)») до 17% («взрослые (англ.)») от количества всех ассоциаций. Причем по мере взросления, овладения лексической системой и освоения значения процент таких реакций также увеличивается.

Группа 4, в которую входят развернутые словосочетания и даже предложения, интересна как изменением своего количественного состава, так и своим качественным наполнением. В процентном отношении данная группа чрезвычайно мала (3% – «подростки (англ.)», 0,66% – «молодежь (англ.)» и 1,7% – «взрослые (англ.)»). Условия проведения эксперимента не ограничивали свободу ассоциирования респондентов: они могли реагировать словом, словосочетанием либо предложением. С учетом этого интересным представляется тот факт, что на уровне образования псевдопонятия (термин Л. С. Выготского) эта группа самая многочисленная, а по мере образования понятия и по ходу дальнейшего развития его значения количественный состав сначала уменьшается, а затем снова, хоть и незначительно, увеличивается. При количественном анализе периферийных реакций можно увидеть, что большая часть реакций, составляющих группу 4, приходится на возрастную группу «взрослые+ (англ.)» (старше 50 лет). Этот показатель косвенно подтверждается в исследованиях Т. Ю. Касаткиной, которая, исследуя соотношение синтагматических и парадигматических реакций в геронтогенезе, приходит к выводу, что у пожилых людей проявляется склонность к многословным ответам.

Относительно качественного наполнения стоит отметить, что реакции группы 4 ассоциативного поля «усложнение (англ.)» отличаются своей смысловой стороной, это своего рода определение понятия «моральные ценности» (*moral values create the backbone of a society*; *types of human society depend on moral values*; *all civilization collapsed when moral values collapsed, etc.*), а не попытка описания состояния, образа или ситуации, встречающиеся в ассоциативном поле «подростки (англ.)» (*life is good*; *my friends and family are amazing*).

Данные, полученные на материале белорусского языка, представляют собой несколько иную картину. Хотя, как отмечалось ранее, большинство исследователей придерживаются мнения, что в славянских языках количество синтагматических реакций с возрастом увеличивается, в ходе эксперимента изначально большой процент парадигматических реакций (92% – ассоциативное поле «подростки (бел.)») по мере овладения значением еще несколько увеличивается (98% – ассоциатив-

ное поле «молодежь (бел.)») и по ходу его дальнейшего усложнения совсем незначительно уменьшается (97% – ассоциативное поле «взрослые (бел.)»). Такое, на первый взгляд, необычное изменение ассоциативного поля кажется нам вполне объяснимым.

Разделяя точку зрения А. П. Клименко, мы считаем, что соотношение в материалах эксперимента ассоциативно связанных и не связанных ассоциативных биномов зависит не столько от синтаксической структуры языка испытуемых [4], сколько от частеречной принадлежности слова-стимула и формулировки условий задания эксперимента [5]. Практически все приводимые экспериментальные исследования являются описаниями материалов, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента, который предписывает респондентам реагировать любым пришедшим в голову словом. В данном же эксперименте его условиями как бы негласно оговаривалось создание своего рода гипонимического ряда, входящего в гипероним «моральные ценности». Таким образом, старшая возрастная группа, 95% которой составили люди с высшим образованием, уловила этот нюанс и, как следствие этого, 97% реакций составили грамматически не связанные ассоциативные биномы.

Также, проанализировав данные «Русского ассоциативного словаря», «Славянского ассоциативного словаря», «Словаря ассоциативных норм испанского языка» (словарные статьи *СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, СВОБОДА* и др.), мы обнаружили, что количество грамматически не связанных ассоциативных биномов в несколько раз превышает количество грамматически связанных ассоциативных биномов.

Заключение. Такое большое количество парадигматических реакций во всех изучаемых языках свидетельствует о том, что восприятие слова – это, прежде всего, восприятие определенного образа, который чаще всего обозначает предмет и выражается при помощи имени существительного. Существительные составляют ядро лексикона человека и наилучшим образом соответствуют роли единиц идентификаторов.

Выбор стратегии реагирования определяется множеством факторов, одним из которых является принадлежность стимула к конкретной или абстрактной лексике. Мы также считаем, что это объяснение не является единственным, доказывающим тот факт, что ассоциативные биномы, основывающиеся на гиперо-гипонимических отношениях, следует изучать более подробно.

Литература

1. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М.: URSS, 2008. – 280 с
2. Горелов, И. Н. Избранные труды по психолингвистике / И. Н. Горелов. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.
3. Deese, J. The structure of associations in language and thought / J. Deese. – Baltimore: The John Hopkins Press, 1965. – 216 p.
4. Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М.: URSS, 2010. – 240 с.
5. Клименко, А. П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Минск, 1980. – 406 с.

Поступила 20.03.2012

РЕФЕРАТЫ

УДК 327 + 061.1

Полуян И. В. **Международная безопасность и НАТО** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 3–5.

В декабре 2011 г. в Минске состоялся международный семинар, посвященный определению места и роли НАТО в системе международной безопасности. Его организатором стала общественная организация «Центр изучения внешней политики и безопасности» при содействии и поддержке Департамента общественной дипломатии НАТО. Большинство выступавших на семинаре пытались представить НАТО как оборонительную организацию, играющую позитивную роль в системе международной безопасности. Однако подобная оценка противоречит действительности.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 94(476)«14»

Казаков А. В. **Взаимоотношения Великого княжества Литовского с Новосильско-Одоевским княжеством в XV в.** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 4–8.

Представленная статья посвящена отношениям Великого княжества Литовского с Новосильско-Одоевским княжеством в XV в. Автор дает общую характеристику положения верховских княжеств в период их зависимости от литовских князей. Основной акцент сделан на информации из нового источника, недавно введенного в научный оборот, – dokonчания между великим князем литовским Казимиром и Новосильским и Одоевским князем Михаилом Ивановичем 1481 г. Этот документ, который представляет собой оригинальную пергаментную рукопись из Главного архива древних актов в Варшаве, существенно обогащает наши знания по истории верховских княжеств второй половины XV в.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 930.2(470):94(476)«13/17»

Стренковский С. П. **Современная украинская историография городского самоуправления в Великом княжестве Литовском в XIV – XVIII вв.** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 9–14.

В статье рассматриваются монографии и научные статьи современных украинских историков, в которых затрагиваются вопросы городского самоуправления в Великом княжестве Литовском в XIV–XVIII вв. Актуальность приобретают исторические исследования, посвященные формам, структуре и деятельности институтов городского самоуправления в феодальную эпоху. Спорной является мысль о существовании украинского городского права. Наблюдается расхождение взглядов на влияние магдебургского права на правовое положение украинского населения и масштабы немецкой колонизации.

Библиогр. – 24 назв.

УДК 739.2.033(476)

Наркевич Н. И. **Особенности развития стиля барокко в декоративно-прикладном искусстве Беларуси (на материалах ювелирного дела)** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 15–18.

В статье уделяется особое внимание развитию декоративно-прикладного искусства Беларуси в эпоху барокко. Подчеркивается самобытность ювелирного дела XVI–XVIII вв. как одного из видов декоративно-прикладного искусства, уникальность нового стиля, который всегда существует в определенных национальных вариантах, проявляет себя как динамичная система, способная к развитию, использованию и активному усвоению инновационных особенностей. Рассматривается роль ремесленных объединений (ювелирных цехов) в процессе формирования локального варианта барочного искусства.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 947.2:323.311

Доморад А. А. **Правительственные мероприятия по сокращению количества шляхты в Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX ст.** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 19–22.

Представленная статья посвящена попыткам российских властей решить проблему несоответствия статуса дворянина Российской империи и представителя шляхты разделенной в конце XVIII в. Речи Посполитой. Автор указывает на непоследовательный характер процесса пересмотра дворянских званий в Беларуси, доста-

точно лояльное отношение власти к традиционным символам шляхетства. В качестве основного мотива стремления к сокращению количества шляхты, по мнению автора, выступало слабое соответствие шляхты социально-политическому строю Российской империи.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 94(476):930

Мосейчук Л. И. **Состояние и развитие семинарского духовного образования униатского клира в XVIII в. на белорусских землях** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 23–26.

Статья посвящена изучению состояния и развития семинарского духовного униатского образования. На протяжении всего XVIII в. на белорусских землях работало два образовательных учреждения, в которых представители белого униатского духовенства могли получить специальное образование: Виленский папский Алумнат и Новосверженская семинария. Действовавшие учебные заведения из-за отсутствия строгой субординации сочетали в себе низшую, среднюю и даже высшую ступени образования.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 947.6«XIX–XX»

Крючек П. С. **Проблема Великого княжества Литовского в историографии второй половины XIX – начала XX в.** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 27–30.

В настоящее время актуальной является проблема государственности на белорусских землях в эпоху Средневековья. Значительное место эта проблема занимала в историографии второй половины XIX – начала XX в. Историки различных направлений по-разному оценивали место и роль Великого княжества Литовского в белорусской истории. Представители официально-клерикального лагеря рассматривали ВКЛ исключительно как государство литовских феодалов, которое возникло в результате завоевания восточнославянских земель. Историки либерального направления считали ВКЛ литовско-русским государством, в котором славянский элемент играл очень важную роль. И, наконец, представители национально-демократического направления видели в Великом княжестве Литовском элементы белорусского государства, в границах которого сложился самостоятельный белорусский этнос.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 37.011.31.051«185/19»

Острога В. М. **Общественно-политическое движение учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 31–34.

В статье рассматриваются основные направления общественно-политического движения учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Обращается внимание на то, что правительство активно пыталось учесть степень и характер своего участия в деле народного образования, ограничивая и контролируя широкую общественную инициативу, особенно после восстания 1863–64 гг. Отражено участие педагогов в народническом движении, в пропагандистской работе среди крестьян, рассматриваются попытки проведения нелегальных съездов и создания учительских обществ взаимопомощи.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 327.33(46)

Райченко А. А. **Общественно-политическая жизнь в Беларуси накануне и во время Первой российской революции** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 35–37.

В статье рассматриваются особенности общественно-политической жизни в Беларуси накануне и во время Первой российской революции. Определяются основные силы политической жизни того времени, анализируется их социальный и национальный состав. Основное внимание уделяется рассмотрению развития белорусского национального движения и возникших на его почве белорусских общественно-политических организаций. Выделяются основные идеологические течения, существовавшие в Беларуси в тот период, дается их краткая характеристика. Рассматривается место и роль Первой российской революции в процессе развития белорусского национального и общественно-политического движения.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 947.6.01

Рыженков И. М. **Положение белорусского крестьянства накануне Февральской революции** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 38–40.

В статье освещается проблема положения крестьянства неоккупированной Беларуси накануне Февральской революции. Отмечается, что крестьянство Беларуси, как и во всей империи, несло всю тяжесть войны и не высказывало острого недовольства своим положением. В условиях войны конъюнктура местного рынка складывалась таким образом, что у крестьян была возможность заработать продажей сельхозпродукции, также можно было наняться в помещичьи хозяйства. В последние месяцы самодержавия со стороны кре-

стьян не было зафиксировано ни одного правонарушения политического характера, а редкие случаи аграрного движения приобрели устойчивую тенденцию к уменьшению. В этой связи указывается, что в числе причин, которые обусловили свержение самодержавия, следует назвать многие, но только не революционную или какую-либо иную активность крестьянства.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 94(476)«1917»

Семенчик Н. Е. **Реформационные и революционные изменения в Беларуси (март – октябрь 1917 г.)** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 41–44.

В статье освещаются изменения в государственном управлении Российской империи, вызванные победой вооруженного восстания в Петрограде 27 февраля 1917 г. Особое внимание уделяется обстоятельствам формирования и содержанию деятельности Временного правительства и его органов на местах, в том числе в Беларуси. Показываются экономические и политические изменения, которые произошли в Беларуси в результате политики Временного правительства и «революционной демократии» с марта по октябрь 1917 г.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 930.1:001.8

Козляков В. Е. **Национально-персональный автономизм: историография исследования** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 45–48.

В статье рассматриваются различные точки зрения на программы национально-персонального автономизма, включавшие в себя национально-персональную (политическую) и культурно-национальную автономию. Автор анализирует позиции большевистских деятелей и представителей других политических партий России по данному вопросу. Обращено внимание на тот факт, что большевики, поначалу резко отрицательно относившиеся к идее национально-персонального автономизма в дореволюционный период, активно ее использовали в национально-государственном строительстве. Тем не менее критика этой программы пронизывала все официальные работы советского периода. В постсоветское время элементы национально-персонального автономизма используются в правовых нормах Республики Беларусь и Российской Федерации.

Библиогр. – 21 назв.

УДК 008:323.15(476)«1920»

Коледа И. В. **Развитие культуры национальных меньшинств в БССР в 1920-е гг.** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 49–52.

Одной из проблем проводимой в 1920-е гг. политики белорусизации стало развитие культуры национальных меньшинств, чему и посвящена данная статья. Решение этого вопроса включало самые различные аспекты, в том числе создание особой системы территориальной автономии, развитие национального театрального искусства, издание газет и журналов на языках нацменьшинств. Особое внимание уделялось становлению системы образования: открывались школы с родным для этих национальностей языком обучения, решалась проблема подготовки соответствующих преподавательских кадров.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 908:06.7(476)323.329«1920»

Денисов А. В. **Интеллигенция Советской Беларуси в 20-е гг. XX в. как объект государственной политики (на примере добровольных краеведческих товариществ)** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 53–56.

В статье затрагиваются отдельные аспекты политики органов советской власти в отношении представителей национальной белорусской интеллигенции в 20-е гг. XX в. в БССР. Примером такой политики служит комплекс мер, который предпринимался ЦК КП(б)Б и органами государственной безопасности в отношении добровольных краеведческих обществ, поскольку последние состояли в основном из представителей как новой, так и старой интеллигенции.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 323.1(476)«1930/1940»

Жарина Л. В. **К проблеме формирования интернационального и национального сознания населения Беларуси в предвоенный период** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 57–59.

Сохранение межнационального мира и стабильности является своеобразным экзаменом государственной зрелости на всех этапах исторического развития. В статье найдено отражение национальной политики, проводимая в БССР в предвоенный период, а также сочетание ее с интернационализмом. Обращается внимание на изменение содержания, методов и средств реализации национальной политики и влияние этих процессов на сознание населения республики.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 355.4

Зайцев А. А., Зайцева Н. В. **Ведение борьбы в тылу противника по опыту Великой Отечественной войны** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 60–62.

Ведение борьбы на оккупированной противником территории не спонтанное мероприятие. Его планирование следует проводить заблаговременно, при этом определяя задачи, формы, силы и средства на их выполнение, мероприятия всестороннего обеспечения, особенно организацию связи и др. Исследование опыта организации и ведения борьбы в тылу противника во время Великой Отечественной войны является важнейшей необходимостью и направлением в развитии современной теории военного искусства Республики Беларусь.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 001(476):9

Острога В. А. **Белорусские советские ученые во внутрисоюзных научных связях в области Новой и Новейшей истории** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 63–66.

В статье рассматривается проблема установления и развития научных связей белорусских историков с различными исследовательскими центрами СССР в области Новой и Новейшей истории. Научно-исследовательская работа предполагает постоянные контакты с коллегами, обмен мнениями и апробацию полученных результатов, прохождение научных стажировок и повышение квалификации, поэтому ученые достаточно активно посещали научные конференции, симпозиумы, семинары, круглые столы, организованные в Москве, Ленинграде, Киеве и других крупных городах.

Библиогр. – 19 назв.

УДК 930(476)(477)

Коваль О. В. **Историографический обзор исследований межвоенной белорусской и украинской диаспор** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 67–70.

Данная статья посвящена анализу современных отечественных и зарубежных исследований по истории белорусской и украинской диаспор в межвоенный период. В работе характеризуются малоизвестные в белорусской историографии публикации украинских, российских, польских и английских специалистов. Автором создана классификация научных публикаций по белорусско-украинскому межвоенному сотрудничеству диаспор.

Библиогр. – 18 назв.

УДК 338.436-057.2«1970/1980»

Якуш Н. М. **Агропромышленная интеграция и качественные изменения в характере и формах организации производственного труда колхозников и рабочих совхозов Белорусской ССР (70–80-е гг. XX в.)** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 71–73.

В данной статье рассмотрены вопросы индустриальной модернизации сельскохозяйственного производства в Белорусской ССР в 1970–80-е гг. Отражены процессы агропромышленной интеграции, усиления межхозяйственной кооперации, повышения энерговооруженности аграрного труда, частичной и полной механизации и автоматизации ручных работ. Выявлены те новые формы организации труда рабочих совхозов и колхозников, которые обеспечивали его максимальную рационализацию и наиболее благоприятный режим работы и отдыха.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 9:331.105(476)

Дубовик А. А. **Историография становления социального партнерства в Беларуси** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 74–76.

Эффективным средством совершенствования общественных отношений выступает социальное партнерство между профсоюзами, нанимателями и государством. Формирование системы социального партнерства в Республике Беларусь имеет свои исторические предпосылки. В статье осуществлен обзор изучения исторического опыта становления и развития социального партнерства в трудовой сфере Беларуси в ее развитии и связи с иными факторами социально-экономической и политической жизни.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 159.942.53.316.62

Александрович П. И. **Педагогическая культура преподавателя вуза** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 77–79.

В статье отражается проблема формирования педагогической культуры преподавателя вуза. Понятие «педагогическая культура» в специальной педагогической литературе впервые упоминается в работах известного педагога В. А. Сухомлинского. Особый вклад в исследование данной проблемы на вузовском уровне внесли работы А. В. Барабанщикова и С. С. Мицинова. Содержание профессионально-педагогической культуры раскрывается как система индивидуально-профессиональных качеств ведущих компонентов и функций. Педаго-

гическая культура представлена как интегративное качество личности педагога-профессионала. Модель профессионально-педагогической культуры представляет собой, как правило, совокупность следующих компонентов: аксеологического, технологического и личностно-творческого.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 159.9:614.8

Сергеев В. Н. **Влияние условий обучения на показатели личностной тревожности студентов** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 80–82.

Статья посвящена изучению личностной тревожности. Этот феномен приобретает важное значение в жизни молодого человека. С подросткового возраста тревожность все более опосредуется самооценкой, приобретая черты собственно личностного образования. Тревожность, возникнув первоначально на базе одной потребности (потребности в межличностной надежности), затем как бы «укореняется» в личности и начинает обслуживать одну из ее центральных потребностей – потребность в удовлетворяющей, привычной самооценке, которая приобретает ненасыщаемый характер. Способы снижения тревожности являются важной частью работы университета.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 378.014.15.0056

Водопьянов П. А. **Приоритеты образования в становлении неоиндустриализма** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 83–85.

В статье дан критический анализ постиндустриальной стадии развития современного общества, показана необходимость ее трансформации, обоснована перспективность становления неоиндустриализма. Особое внимание уделено необходимости формирования новой системы образования как одного из важнейших факторов обоснования стратегии выживания человечества.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 37.01

Шалаев В. П. **Социальные институты, медиа, коммуникации: на путях метаморфоз к манипулятивному обществу (опыт философско-синергетического анализа)** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 86–91.

В работе исследуется сущность, место, роль, взаимосвязь социальных институтов, медиа, коммуникаций в истории и процессах современности. Анализируются гиперсложность современного общества и роль в ней коммуникаторов и медиа; метаморфозы социальных институтов, медиа, коммуникаций в условиях глобализирующегося общества массового производства и массового потребления. Исследуется устремленность медиа к смене своего социально-онтологического статуса в жизненном мире современного человека. В призме диалектического понимания процессов объективации и отчуждения, осуществляемых современными медиа, рассматривается угроза наступления манипулятивного общества и противостояния ему как сущностного процесса современной истории человека. Методологической основой исследования послужил философско-синергетический подход.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 140.8-044.372

Бурак П. М. **Мировоззренческий кризис и коэволюционный нигилизм современного общества** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 92–95.

В статье обозначаются основные тенденции нестабильного развития потребительской цивилизации, обуславливающие содержание кризиса мировоззрения, его негативную роль в обществе. Выявлены и проинтерпретированы формы цивилизационного конформизма, который рассматривается в качестве важнейшего механизма и мировоззренческого постулата адаптации социальных институтов и личности в достижении целей потребительского образа жизни. Раскрывается значение противоположных процессов коэволюционного нигилизма в формировании ценностных ориентаций субъектов истории.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 37.01:15

Пунченко О. П. **Образование как интеллектуальный сетевой мегатренд глобализирующегося мира** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 96–99.

В статье дано концептуальное обоснование образования как мегатренда глобализирующегося мира. В этом контексте выделены эпистемологические, праксеологические и аксиологические составляющие образования, а также раскрыта его значимость в современной цивилизационной динамике. Объяснено понятие сетевой образовательной реальности в двух векторах: мировом и внутрисоциальном.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 316.728:330.58 + 316.485

Лазаревич Н. А. **Качество жизни в условиях антропологического кризиса** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 100–102.

В статье рассматриваются факторы и последствия современных проявлений антропологического кризиса. Обращается внимание на конструктивное методологическое значение понятия «качество жизни», позволяющего охарактеризовать объективные состояния жизнедеятельности человека и субъективные оценки этих состояний на уровне индивидуального и общественного сознания.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 101.1; 316.3

Сидоренко И. Н. **Конструктивистский подход к определению фрагментарной реальности** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 103–106.

В статье рассматриваются основные эпистемологические установки социального конструктивизма на примере анализа концепции общества как коммуникативной системы и фрагментарной реальности. Исследуются особенности развития сетевой коммуникации, рассматриваются изменения в общественной практике, произошедшие под воздействием сети. Для определения социальной реальности как фрагментарной и сетевой автор статьи использует конструктивистский подход Н. Лумана. В основе системной теории социальных систем Лумана лежит отрицание самодостаточности бытия и самооценности смысла. В результате реальность уже не существует независимо от наблюдателя, а является его изобретением. Таким образом, наблюдатель и наблюдаемое совместно конструируют друг друга, что в итоге приводит к увеличению ответственности и этической проблеме выбора человека.

Библиограф. – 1 назв.

УДК 316.74:81 + 930.1(045)

Матусевич О. А. **Теория социальной памяти в западноевропейской гуманитарной науке** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 107–109.

Статья посвящена анализу современной теории памяти в социально-гуманитарных науках, основных подходов и достижений в изучении социальной памяти в западноевропейской гуманитаристике. Автор приходит к выводу, что на современном этапе в зарубежной гуманитарной науке феномен социальной памяти теоретически недостаточно разработан, что в сочетании с междисциплинарным характером исследований часто приводит к полисемантической терминологии и серьезным противоречиям в научном дискурсе.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 0.88

Криворотько В. В. **Парадигма универсального эволюционизма и географическая картина мира** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 110–112.

Статья посвящена теоретическому анализу слабо разработанной методологической проблемы трансформации географической картины мира в постнеклассической науке. Главное внимание уделено парадигме глобального эволюционизма и ее методологической роли в синтезе пространственно-территориальных представлений о динамике геверсума. Указано на необходимость углубления и совершенствования современной географической картины мира как конкретной модели теоретического синтеза знаний о природе и социуме.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 101:1:316

Подручный М. В. **Методологические аспекты социобиологии в контексте глобального эволюционизма** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 113–115.

В статье рассмотрено взаимодействие понятий и принципов биологического эволюционизма с общекультурными идеями биосферы, ноосферы, коэволюции; раскрыты мировоззренческие аспекты методологических трансформаций современного биологического эволюционизма; выявлен эвристический потенциал синергетического подхода к решению проблем глобального эволюционизма. Обоснован синтетический характер социобиологического знания, обозначены основные принципы традиционной социобиологии.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 577:1

Карканица О. А. **Теоретический вклад евгеники в формирование биоэтики** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 116–118.

В данной статье осуществляется содержательный анализ основных задач, проблем и отдельных ценностных установок евгеники и биоэтики, позволяющий раскрыть их взаимосвязь. Подчеркивается, что обращение к основным идеям евгеники, историческому опыту реализации евгенических программ обладает определенной эвристической значимостью для формирования современных представлений о взаимоотношениях чело-

века с собственной природой, осмысливаемых в рамках биоэтики. Евгеника представлена как направление, в рамках которого впервые возникло осознание необходимости превращения этики и морали в своего рода инструмент реинтегрирования человека в природный контекст.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 111 + 152.27

Шалаева С. Л. **Дети Индиго и мифологизация межпоколенных отношений: опыт социально-философского анализа** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 119–123.

В статье с социально-философских позиций рассматривается феномен детей Индиго, появление которого констатирует реальную проблему современности. Обсуждаемый феномен хотя и имеет в основании своем объективные причины, обусловленные кардинальными изменениями в мире детства и нарастающей кризисностью межпоколенных отношений, которые вызваны общественными изменениями в эпоху глобализации, однако во многом содержит значительное число надуманных, мифологизированных и конъюнктурных взглядов и установок.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 14:338.22

Оришева О. Ф. **Основные принципы инновации в философии менеджмента П. Ф. Друкера** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 124–126.

В центре внимания данной статьи находится понятие инновации в философии менеджмента П. Ф. Друкера. Инновация рассматривается в двух ракурсах: с одной стороны, как определенный вид человеческой практики, обладающий собственной логикой и закономерностями, с другой стороны, как базовый принцип организации общества будущего – «посткапиталистического», или «предпринимательского». В статье указываются особенности трактовки инновации у Друкера, излагаются ее основные принципы и источники. Анализируются основные особенности «предпринимательского общества» как общества, центральным принципом организации которого является инновация.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 1:281.9(476)

Кожич Н. М. **Приоритеты идейных установок современного русского православия** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 127–129.

В статье идет речь о специфике системы воззрений современного русского православия; акцентируется внимание на новом осмыслении социальных проблем православной церковью; отмечается стремление религиозных идеологов адаптировать систему христианских представлений к уровню развития современной культуры, сохраняя при этом неизменность основных догматических положений.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 342.9:343.351

Зенькович В. А. **Анализ законодательства Республики Беларусь, устанавливающего административную ответственность за нарушение исключительных прав обладателей объектов интеллектуальной собственности, и меры по его совершенствованию** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 130–132.

В данной статье проанализировано действующее гражданско-правовое и административно-деликтное законодательство Республики Беларусь, регулирующее оборот объектов интеллектуальной собственности и устанавливающее административную ответственность за нарушение авторских, смежных и патентных прав. Высказаны суждения автора в части его несовершенства. Автор предлагает усовершенствованный вариант редакции статьи 9.21 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 347:347.23

Бородко Н. П. **Правовое регулирование института исключительного права на фирменное наименование** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 133–135.

Статья посвящена анализу правового регулирования исключительного права на фирменное наименование как объекта интеллектуальной собственности. В результате исследования международных правовых актов, Гражданского кодекса Республики Беларусь автором выявлен ряд недостатков и противоречий в национальном законодательстве о фирменных наименованиях. Для устранения пробелов предлагается в Гражданский кодекс внести соответствующие изменения.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 347.214.2

Сергеева Е. М. **Особенности договоров ренты недвижимого имущества** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 136–138.

В настоящей статье рассматриваются такие виды гражданско-правовых договоров, как постоянная и пожизненная рента. Рента обременяет земельный участок, предприятие, здание, сооружение или другое недвижимое имущество, переданное под ее выплату. Получатель ренты в обеспечение обязательства плательщика ренты приобретает право залога на это имущество. Такие сделки занимают определенное место в формировании и развитии рынка недвижимого имущества. Недвижимость обеспечивает основу личного благосостояния граждан и служит основой для хозяйственной деятельности предприятий всех видов собственности.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 167:159.923.2

Ильюшенко Н. С. **Самосознание как процесс самоконструирования личности** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 139–142.

В статье рассмотрен феномен самосознания как процесс самоконструирования. Проанализированы истоки трактовки самосознания как деятельности конструирования в философии Дж. Вико, Дж. Беркли, И. Канта. Рассмотрено понимание самосознания в свете основных методологических принципов конструктивизма как современного междисциплинарного направления. Сделан вывод об эвристическом и методологическом потенциале такого рассмотрения.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 655.28.021(031.021.4)

Трус Н. В. **Энциклопедия «Максим Богданович»: традиционные и новаторские подходы при подготовке издания** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 143–146.

В статье рассматриваются история, концептуальные подходы при создании персональной литературной энциклопедии «Максим Богданович» (2011). В поле внимания исследователя вовлекается опыт белорусской и зарубежной энциклопедистики, сохранение создателями энциклопедии содержательного канона изданий подобного рода. Делается акцент на воплощенных новаторских идеях, соответствии проекта актуальным вопросам современного информационно-культурного пространства.

Библиогр. – 20 назв.

УДК 82-31; 81'36

Русак О. В. **Роль синтаксических приемов экспрессивизации речи в «Сказках жизни» Якуба Коласа** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 147–149.

Статья посвящена анализу синтаксических приемов экспрессивизации речи в цикле философско-аллегорических произведений Якуба Коласа «Сказки жизни». Отмечается, что в названных произведениях автором последовательно используются такие приемы, как экспрессивно-стилистическое деление на абзацы и синтаксический параллелизм. Особое внимание уделяется описанию семантико-стилистических функций, которые выполняют мини-абзацы и параллельные конструкции в контексте «Сказок жизни».

Библиогр. – 5 назв.

УДК 37.017.4:001.895

Миксюк Р. В. **Полилог культур в студенческой среде** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 150–152.

В статье рассматриваются вопросы поликультурного воспитания в студенческой среде, их актуальность, указываются важнейшие направления и разнообразные формы воспитательной работы. Затронуты вопросы истории развития поликультурного воспитания.

Большое внимание уделено проблеме формирования поликультурной личности, способной сочетать в себе системные знания в области национальной и мировой культур, умение и готовность жить в полиэтнической поликультурной среде.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 811.161.1'06:371.64/69(075.4–054.6)

Жуковская Т. В. **К вопросу об использовании наглядности при обучении русскому языку как иностранному на начальном этапе** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 153–156.

В статье рассматривается назначение наглядности при обучении русскому языку как иностранному на начальном этапе. Важность использования наглядности заключается в оптимизации процесса усвоения учебной информации, повышении эффективности обучения языку. Раскрываются факторы использования средств наглядности, которые содействуют формированию коммуникации, помогают осуществлять контроль за усвоением материала, направлять речевые действия иностранных слушателей. Автор предлагает комплекс различных видов наглядности, который был апробирован в группах на начальном этапе и эффективно применяется.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 37.016:316.774

Кузьмич О. А. **Региональный патриотизм как компонент гражданского воспитания** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 157–159.

Статья посвящена региональному патриотизму как компоненту гражданского воспитания в высшей школе. На практическом опыте кафедры белорусской филологии БГТУ рассматриваются способы развития регионального патриотизма у студенческой молодежи, раскрывается его роль в формировании гражданского сознания и ответственности за свою Родину.

УДК 882.6-8 + 82(061.231)

Савицкая Н. Е. **Организация работы с творческими студентами в литературном клубе «Ветлиця»** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 160–162.

В статье рассказывается о системе организации работы с творческой студенческой молодежью в литературном клубе БГТУ «Ветлиця». Отмечается, что одаренная личность – это потенциал для расцвета нации в новых условиях развития страны. Приводится нормативно-правовая база, на основании которой строится организация работы в клубе. Показаны четыре ступени работы с творческой молодежью. Это поиск талантливых студентов, развитие их творческих способностей, общественно-полезная деятельность и пропаганда творческих достижений. Уделяется внимание профориентационной работе и издательской деятельности клуба.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 81'374.26:54

Скоробогатая Е. И. **Лексический состав научного языка химии** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 163–165.

Статья рассматривает лексические особенности научного стиля речи. Приведен анализ лексического состава научного языка химии. Материалы текстов пособия «Научный стиль речи (говорение, аудирование, письмо) на материале текстов по химии» содержат задания, которые связаны с работой над лексикой научного языка химии.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 81'36:58

Швед Г. Ф. **Словообразование ботанических терминов** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 166–168.

Данная статья посвящена словообразовательным особенностям ботанической терминологии в белорусском языке. Деривационные характеристики этого пласта специальной лексики рассматриваются на богатом фактическом материале. Подробно анализируется терминология специальных дисциплин технологического цикла, что придает исследованию большое прикладное значение.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 378.016(075.4–054.6)

Козлякова Т. А. **О реализации межпредметных связей в процессе обучения иностранных учащихся на начальном этапе обучения** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 169–171.

Статья посвящена актуальному вопросу о межпредметной координации при обучении русскому языку как средству профессионального общения. Говорится об особенностях учебного процесса на подготовительном факультете для иностранных учащихся. Акцентируется внимание на необходимости тесного контакта между преподавателями русского языка и профилирующих кафедр. Отмечается, что преподаватели общеобразовательных дисциплин должны не только излагать материал по предмету, но и определять лексический минимум, общий для всех дисциплин, а также лексический и терминологический минимум по каждому предмету. Задача преподавателя-русиста – научить учащихся использовать слова-термины в речи.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 801.931

Федорцова Т. Н. **Освоение белорусской версификацией твердых стихотворных форм: газель, хоку** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 172–176.

В статье рассмотрены пути развития твердых стихотворных форм во второй половине XX в., их стремление к синтезу со стабильными жанрами. Обосновано и подтверждено анализом конкретных произведений развитие газели в белорусской версификации, а также активное освоение белорусской версификацией малых (миниатюрных) поли- и монострофических стихотворных форм, таких как хоку, создание на их основе разновидностей интеллектуального стиха (пунктиры Рязанова, «ясочки» Бородулина, квантемы Дебиша). Проанализировано воздействие на твердые стихотворные формы нового универсального стиля, что способствует появлению их вариантности и ведет к содержательным и формальным изменениям.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 37.091.3:378

Антонова О. С. **Организационно-педагогические условия для успешной адаптации студентов младших курсов к изучению иностранного языка в техническом вузе** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 177–179.

Рассматривая обучение иностранному языку в школе и в техническом вузе как единое комплексное целое, в статье предлагаются некоторые технологические решения, обусловленные преемственностью целей, установок, методов и приемов обучения. Специфика данной технологии состоит в обучении студентов иностранному языку по профилю технического вуза. В соответствии с этим выделяются: постановка разноуровневых целей и их максимальное уточнение; строгая ориентация всего хода обучения на учебные цели и на гарантированное достижение результатов; оценка текущих результатов; коррекция обучения, направленная на достижение поставленных целей; заключительная оценка результатов.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 378.1.801.318

Романова А. М. **Формирование профессионально-творческой направленности студентов технического вуза** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 180–182.

В статье поднимается проблема обеспечения эффективности учебного процесса по иностранному языку посредством формирования профессионально-творческой направленности студентов: приводится анализ требований к навыкам и умениям студентов неязыковых вузов согласно Образовательным стандартам Республики Беларусь (РБ), описание педагогических средств и условий формирования данной направленности.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 257.500

Ячная Т. А. **Структура ассоциативного бинома как отражение этапа концептуализации понятия** // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 183–186.

В данной статье автором рассматривается возможность изучения семантической структуры слова через его исследование как члена определенной лексико-семантической парадигмы, образованной в результате объединения слов на основе конкретного семантического признака. В работе анализируются данные, полученные в ходе проведенного автором ассоциативного эксперимента, на материале белорусского и английского языков. Автор классифицирует полученные ассоциативные биномы, основываясь на типе отношений, связывающих субъект и предикат. В статье анализируются закономерности изменения соотношения грамматически связанных и грамматически не связанных ассоциативных биномов в зависимости от этапа концептуализации абстрактного понятия.

Библиогр. – 5 назв.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	3
Полуян И. В. Международная безопасность и НАТО	3
Казакoў А. У. Узаемаадносіны Вялікага Княства Літоўскага з Навасільска-Адоеўскім княствам у XV ст.	6
Стрэнкоўскі С. П. Сучасная ўкраінская гістарыяграфія гарадскога самакіравання ў Вялікім Княстве Літоўскім у XIV–XVIII стст.	9
Наркевіч Н. І. Асаблівасці развіцця стылю барока ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве Беларусі (па матэрыялах ювелірнай справы)	15
Дамарад А. А. Урадавыя мерапрыемствы па скарачэнні колькасці шляхты ў Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.	19
Мосейчук Л. И. Состояние и развитие семинарского духовного образования униатского клира в XVIII в. на белорусских землях	23
Кручак П. С. Праблема Вялікага Княства Літоўскага ў гістарыяграфіі другой паловы XIX – пачатку XX ст.	27
Острога В. М. Общественно-политическое движение учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	31
Райчонок А. А. Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі напярэдадні і ў час Першай расійскай рэвалюцыі	35
Рыжанкоў І. М. Становішча беларускага сялянства напярэдадні Лютаўскай рэвалюцыі	38
Сяменчык М. Я. Рэфармацыйныя і рэвалюцыйныя змены на Беларусі (сакавік – кастрычнік 1917 г.)	41
Козляков В. Е. Национально-персональный автономизм: историография исследования	45
Каляда І. У. Развіццё культуры нацыянальных меншасцяў у БССР у 1920-х гг.	49
Дзянісаў А. У. Інтэлігенцыя Савецкай Беларусі ў 20-х гг. XX ст. як аб’ект дзяржаўнай палітыкі (на прыкладзе добраахвотных крэзнаўчых таварыстваў)	53
Жарина Л. В. К проблеме формирования интернационального и национального сознания населения Беларуси в предвоенный период	57
Зайцев А. А., Зайцева Н. В. Ведение борьбы в тылу противника по опыту Великой Отечественной войны	60
Острога В. А. Белорусские советские ученые во внутрисоюзных научных связях в области Новой и Новейшей истории	63
Коваль В. У. Гістарыяграфічны агляд даследаванняў міжваеннай беларускай і ўкраінскай дыяспары	67
Якуш Н. М. Аграпрамысловая інтэграцыя і якасныя зрухі ў характары і формах арганізацыі вытворчай працы калгаснікаў і рабочых саўгасаў Беларускай ССР (70–80-я гг. XX ст.)	71
Дубовік А. А. Гістарыяграфія станаўлення сацыяльнага партнёрства ў Беларусі	74
Александрович П. И. Педагогическая культура преподавателя вуза	77
Сергеев В. Н. Влияние условий обучения на показатели личностной тревожности студентов	80
ФИЛОСОФИЯ	83
Водопьянов П. А. Приоритеты образования в становлении неоиндустриализма	83
Шалаев В. П. Социальные институты, медиа, коммуникации: на путях метаморфоз к манипулятивному обществу (опыт философско-синергетического анализа)	86
Бурак П. М. Мировоззренческий кризис и коэволюционный нигилизм современного общества	92
Пунченко О. П. Образование как интеллектуальный сетевой мегатренд глобализирующегося мира	96

Лазаревич Н. А. Качество жизни в условиях антропологического кризиса	100
Сидоренко И. Н. Конструктивистский подход к определению фрагментарной реальности	103
Матусевич О. А. Теория социальной памяти в западноевропейской гуманитарной науке	107
Криворотько В. В. Парадигма универсального эволюционизма и географическая картина мира	110
Подручный М. В. Методологические аспекты социобиологии в контексте глобального эволюционизма	113
Карканица О. А. Теоретический вклад евгеники в формирование биоэтики	116
Шалаева С. Л. Дети Индиго и мифологизация межпоколенных отношений: опыт социально-философского анализа	119
Оришева О. Ф. Основные принципы инновации в философии менеджмента П. Ф. Друкера	124
Кожич Н. М. Приоритеты идейных установок современного русского православия	127
Зенькович В. А. Анализ законодательства Республики Беларусь, устанавливающего административную ответственность за нарушение исключительных прав обладателей объектов интеллектуальной собственности, и меры по его совершенствованию	130
Бородко Н. П. Правовое регулирование института исключительного права на фирменное наименование	133
Сергеева Е. М. Особенности договоров аренды недвижимого имущества	136
Ильющенко Н. С. Самосознание как процесс самоконструирования личности	139
ФИЛОЛОГИЯ	143
Трус М. В. Энцыклапедыя «Максім Багдановіч»: традыцыйныя і наватарскія падыходы пры падрыхтоўцы выдання	143
Русак В. У. Роля сінтаксічных прыёмаў экспрэсівацыі маўлення ў «Казках жыцця» Якуба Коласа	147
Міксюк Р. В. Палілог культур у студэнцкім асяроддзі	150
Жуковская Т. В. К вопросу об использовании наглядности при обучении русскому языку как иностранному на начальном этапе	153
Кузьміч В. А. Рэгіянальны патрыятызм як кампанент грамадзянскага выхавання	157
Савіцкая Н. Я. Арганізацыя працы з творчымі студэнтамі ў літаратурным клубе «Ветліца»	160
Скоробогатая Е. И. Лексический состав научного языка химии	163
Швед Г. Ф. Словаўтварэнне батанічных тэрмінаў	166
Козлякова Т. А. О реализации межпредметных связей в процессе обучения иностранных учащихся на начальном этапе обучения	169
Федарцова Т. М. Асваенне беларускай версіфікацыяй цвёрдых вершаваных формаў: газель, хоку	172
Антонова О. С. Организационно-педагогические условия для успешной адаптации студентов младших курсов к изучению иностранного языка в техническом вузе	177
Романова А. М. Формирование профессионально-творческой направленности студентов технического вуза	180
Ячная Т. А. Структура ассоциативного бинорма как отражение этапа концептуализации понятия	183
РЕФЕРАТЫ	187